

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

В. А. ЗВЕРЕВ

ДЕТИ – ОТЦАМ ЗАМЕНА
ВОСПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
(1861–1917 гг.)

НОВОСИБИРСК 1993

Печатается по решению
редакционно-издательского совета

Зверев В. А.

Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). — Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. — 244 с.

Монография посвящена вопросам физического и социокультурного возобновления поколений русского крестьянства и казачества в Сибири. Анализируется народный опыт организации брачного и репродуктивного, жизнесохранительного и педагогического поведения личности, семьи, сельского общества. Показаны сильные стороны и историческая ограниченность традиционной системы физического воспроизводства, воспитания и образования детей.

Издание предназначено студентам, аспирантам и преподавателям исторических факультетов. Оно заинтересует также специалистов по истории крестьянства, истории педагогики и медицины, этнологов и демографов, работников школ и внешкольных воспитательных учреждений.

Рецензенты: кафедра истории Новосибирского электротехнического института; кафедра отечественной истории Новосибирского педагогического института.

© Издательство Новосибирского ордена Трудового
Красного Знамени государственного педагогического
института, 1993

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРИ 1861—1917 гг.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Глава II. ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗОБНОВЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

БРАЧНОЕ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ

ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Глава III. ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИИ И СОЗНАНИЯ: СОЦИАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ КРЕСТЬЯН

ЭТАПЫ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

ВКЛАД СЕМЬИ И ОБЩИНЫ В ДЕЛО ВОСПИТАНИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

ПРОБЛЕМА ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АНТИСОЦИАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Исходными и ключевыми понятиями настоящего исследования являются «народонаселение (население)» и «воспроизводство населения». Под *населением* в общей теории народонаселения понимается обычно «воспроизводящаяся саморазвивающаяся совокупность людей, субъект социальных связей»¹. *Воспроизводство населения* определяется специалистами-демографами иногда в самом общем виде как «один из главных процессов воспроизводства общества, постоянное возобновление поколений людей»². Во многих случаях отечественные и зарубежные ученые согласны в том, что воспроизводство населения включает в себя неразрывно связанные процессы как физического, так и социального (социокультурного) возобновления поколений³.

Здесь требуется некоторое пояснение. Замечательный писатель Ф. А. Абрамов высказал в свое время такую мысль: «Народ умирает, когда становится населением. А населением он становится тогда, когда забывает свою историю»⁴. Эти слова часто цитируют в последние годы, однако обычно уясняется лишь один смысл высказывания, очень важный, но все же лежащий на поверхности: нельзя забывать, о чем думали и как жили наши предки, какие знания, нормы поведения, культурные и нравственные ценности они оставили нам, что завещали передать нашим детям. Однако слова о населении и народе имеют и более глубокий смысл. Когда ученые рассматривают процесс физического возобновления поколений, они изучают именно воспроизводство народонаселения — совокупности жителей определенной территории. Исследуя же социальное воспроизводство, удается перейти к изучению складывания чего-то качественно иного, что точнее было бы назвать не народом, как у Абрамова (это слово слишком многозначно), а человеческим сообществом во всем богатстве его структуры, функций и истории. Это сообщество мы в дальнейшем именуем «населением» условно, отдавая дань терминологической традиции в демографии.

Актуальность темы. Тема воспроизводства населения России и ее крупнейших регионов в историческом прошлом представляется нам чрезвычайно актуальной для изучения.

Всеми осознается тот факт, что в социальных катаклизмах нашего века в значительной степени прервалась нормальная «связь времен» — распались не только преемственность

---

¹ Система знаний о народонаселении / Валентей Д. И., Зверева Н. В., Медков В. М. и др. М., 1991. С. 26.

² Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. И. Валентей. М., 1985. С. 68.

³ Обзор определений см.: *Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР* / Борисов В. А., Киселева Г. П., Лукашук Ю. М., Сидельников А. Б. М., 1987. С. 3—43.

⁴ Абрамов Ф. А. Энергия человеческого духа // Правда. 1988. 19 февр.

общественных институтов, но также демографическая и социокультурная преемственность поколений многих россиян. Идут поиски новой слаженности семейных, межвозрастных, педагогических отношений, которая пришла бы на смену частью канувшему в прошлое естественным путем, частью насильственно разрушенному «ладу» традиционной системы отношений между «отцами и детьми». Намечается воссоздание крестьянства как социального слоя самостоятельно хозяйствующих земледельцев, казачества как своеобразного типа населения. Значит, предстоит восстанавливать или формировать заново механизмы межпоколенной передачи через семью, сельское сообщество, на региональном и государственном уровне тех культурных и поведенческих традиций, без которых не могут полноценно существовать большие социальные группы.

Глубокие структурные реформы, осуществляемые в стране на современном этапе, даже в случае их успешной реализации далеко не сразу принесут свои полезные плоды. Пока же распространяются тревожные явления. Среди них — резкое сокращение рождаемости и повышение детской смертности, отрицательные показатели естественного прироста населения России, прекращение роста продолжительности жизни при существенном ее отставании от уровня многих развитых стран. Снижается качество работы сети здравоохранения, народного образования, дезорганизована система внешкольного воспитания детей, распространяется аморальное и криминальное поведение молодежи. Иначе говоря, в кризисном положении находится воспроизводство населения — основы и субъекта всего общественного воспроизводства и развития.

В этой обстановке практики — государственные деятели, местные руководители, медики, педагоги — ищут выход и обращаются, в частности, к вековому народному опыту организации трудовой семейной и общественной жизни, охраны здоровья, образования и воспитания детей, борьбы с антиобщественным поведением. Значителен поэтому взрыв интереса к «нетрадиционным» (на самом-то деле — именно традиционным народным) методам охраны психологического и телесного здоровья, к «альтернативным» образовательным и воспитательным институтам (семейные детские дома, частное домашнее обучение, воскресные церковные школы и др.).

Столетиями накапливавшийся опыт организации жизни обеспечивал более или менее успешное возобновление поколений людей в самых тяжелых условиях многолетних неурожаев, стихийных бедствий и эпидемий, кровопролитных войн. Много в нем остается жизнеспособным и в современных условиях. Но рациональные и прогрессивные элементы «воспроизводственного» поведения нуждаются в предварительном выявлении и конкретно-историческом описании, отделении от устаревших и потому заведомо нежизнеспособных элементов. Общество вправе ожидать соответствующей работы, прежде всего, от демографов,

этнологов, культурологов и историков. Специалисты по истории России и ее крупнейших исторических провинций второй половины XIX — начала XX вв. должны быть особенно заинтересованы в изучении темы: это был период, когда по существу достигла пика своего развития и стала клониться к завершению история традиционной системы воспроизводства населения в нашей стране, зарождалась современная система.

Весьма значительны региональные аспекты тематики воспроизводства народонаселения. Целевая комплексная программа «Исторический опыт освоения Сибири» предусматривает дальнейшее выявление предпосылок и условий, определение движущих сил, направлений и этапов, механизмов формирования, развития и использования как демографического, так и духовного потенциала Сибири. В соответствии с наиболее крупным социально-поселенческим делением общества на город и деревню в структуре объекта изучения авторы программы выделяют сельское и городское население. Специально оговорено принципиальное методологическое положение: в расчет берутся как тесная зависимость развития населения от окружающей среды, уровня экономического и культурного развития общества, так и активная роль самого населения¹.

Тема данного исследования избрана в соответствии с задачами, поставленными в указанной целевой программе. Что же касается научной проблемы, которая нас больше всего занимала, то это отношение, с одной стороны, объективной обусловленности воспроизводственного процесса, а с другой — его принципиальной зависимости от человеческой субъективности, сознательности, творческой активности.

Объект изучения. В качестве основного объекта и одновременно субъекта воспроизводства в монографии рассматривается русское крестьянское население сельской местности Сибири, издавна составлявшее основную часть всего сибирского народонаселения.

В изучаемую эпоху экономика Сибири имела по преимуществу аграрный характер. К середине XIX в. (1863 г.) сельская местность насчитывала около 3054 тыс. жителей. Их количество в абсолютном выражении быстро увеличивалось: уже на рубеже веков, в 1897 г., оно составило 5341, а накануне Февральской революции (1916 г.) – 9974 тыс. человек. В начале 1860-х гг. на деревенское население приходилось в разных губерниях и областях региона 91–96 % общей численности населения. В результате роста городов к концу эпохи капитализма (1916 г.) доля сельчан несколько сократилась, но содержала в среднем по Сибири все же 90,3 %, при колебании в отдельных губерниях и областях от 83 до 93 %².

---

¹ См.: *Целевая научно-исследовательская программа «Исторический опыт освоения Сибири»: Проект / Алексеев В. В., Артемов Е. Т., Васильевский Р. С. и др.* Новосибирск, 1986. С. 17—24, 47—56.

² Подсчитано по: *Пронин В. И.* Городское и сельское население Сибири в конце XIX — начале XX вв. // *Город и деревня Сибири в досоветский период.* Новосибирск, 1984. Вклейка (табл. 1); *Он же.* Демографические и профессиональные изменения в сельском населении Сибири пореформенного периода // *Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период.* Новосибирск, 1987. С. 93 (табл. 2). Включенные в источники данные по Якутской обл. нами не учитывались.

По данным Всероссийской переписи 1897 г. о сословном составе населения, на каждую тысячу сельских жителей Сибири приходилось 725,7 русских крестьян и 51,9 казаков, почти целиком входивших в крестьянство по классовым признакам и близких ему по словному положению, культуре и образу жизни. В указанном источнике крестьянство и казачество объединяются термином «лица сельского состояния». Поскольку сейчас этот термин вышел из употребления, далее в тексте мы будем зачастую условно объединять их под названиями «крестьянство», «крестьянское население». В совокупности последнее составляло, как мы видим, почти 4/5 всего сельского населения Сибири. Еще 180,4 % принадлежало «инородцам» — сословию, включавшему в основном аборигенов, значительная часть которых переняла многие присущие русским крестьянам черты жизненного уклада. Очень малочисленными в селениях Сибири были представители остальных сословий. Они имели вместе с членами семей такие показатели: мещане — 21,9 %; духовенство — 2,4; дворяне и чиновники — 2,2; почетные граждане и купцы — 1,1; прочие российские и иностранные подданные, а также лица, не указавшие во время переписи своего сословия, — 14,4 %¹.

С учетом уже приведенных данных совершенно очевидно, что демографическая ситуация в русском «деревенском крестьянстве» определяла основные характеристики сибирского народонаселения в целом, а демографическое и социализирующее поведение крестьян было важнейшим фактором, через посредство которого условия жизни в регионе влияли на динамику всего населения Сибири. Обоснованность такого вывода еще усилится, если вспомнить, что от 1/3 до половины населения сибирских городов также составляли «лица сельского состояния», близкие по менталитету, культуре и образу жизни своим собратьям, оставшимся в селениях². Кроме того, известно, что некоторая часть мещан, духовенства, купечества и разночинцев по происхождению, месту жительства и даже роду деятельности была связана с крестьянством и испытывала сильное влияние последнего (существовало, конечно, и обратное воздействие, как и в случае с «инородцами»).

Русское крестьянство Сибири было неоднородным по своей структуре. В нем явственно выделялись, кроме сословия казаков, субсословные категории государственных и кабинетских крестьян, крестьян-старожилов, переселенцев (староселов и новоселов), а также ссыльных и прочие. Исторически сложилась конфессиональная пестрота населения: наряду с абсолютно преобладавшей категорией православных («никониан») здесь присутствовали группы старообрядцев разных толков, единоверцев и протестантов. В дальнейшем изложении мы

---

¹ Подсчитано по: *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* СПб., 1904—1905. Т. 73. С. 28—29; Т. 74. С. 32—33; Т. 75. С. 30—31; Т. 78. С. 46—47; Т. 79. С. 40—41; Т. 81. С. 28—29.

² См.: *Соловьева Е. И., Котович Л. В.* Сельские общества как источник формирования городского населения Сибири периода капитализма // *Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи.* Новосибирск, 1988. С. 96 (табл. 1); *Скубневский В. А.* Крестьяне в составе городского населения Сибири (по данным переписи 1897 г.) // *Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири.* Новосибирск, 1988. Вып. 1. С. 177—179.

старается главным образом характеризовать основные и общие для всех сословных, субсословных, конфессиональных, а также территориальных больших групп русского крестьянского населения сельской местности в Сибири черты образа жизни. Но во многих случаях предмет исследования обусловил необходимость, а литература и источники предоставили возможность раскрывать и специфику некоторых категорий крестьянства — казачества, переселенцев, старообрядцев, территориальных групп. В полном объеме эта специфика в данном случае не могла быть прослежена, она требует специального изучения.

Для эпохи капитализма характерен процесс социального разложения крестьянства и формирования в деревне новых общественных классов. Поэтому автор считает правомерным выявление особенностей воспроизводства населения как в патриархально-крестьянской, так и в мелкобуржуазной среде, в нижнем, среднем и верхнем социальных слоях сельского населения.

Предмет исследования. Воспроизводство населения рассматривается нами через призму более широкой категории *образа жизни*. Мы исходим из следующего определения этого феномена: «Образ жизни — это способ, или характер всей жизнедеятельности данной личности, социальной группы или всего общества, детерминированный их собственной природой, общественно-экономическими и естественно-географическими условиями их жизни»¹. (Можно выделить и другие группы условий.) Ведя определенную образ жизни, т. е. реализуя созданные на основе своих представлений о мире и человеке программы поведения, субъекты воспроизводят — формируют, сохраняют, видоизменяют или вовсе заменяют — и объективные условия жизни, и самих себя, свою ментальность и свои культурные программы, средства их реализации в ходе смены поколений и миграции. Поэтому во внутренней структуре образа жизни можно выделить следующие поведенческие сферы:

- 1) Воспроизводство населения:
  - а) физическое (демографическое поведение);
  - б) социокультурное (социализация новых поколений).
- 2) Воспроизводство условий жизни населения:
  - а) природных (хозяйственная деятельность);
  - б) социальных (общественная активность);
  - в) информационных (познавательная активность);
  - г) субъективно-психологических (общение).

Наше исследование посвящено первой составной части образа жизни — воспроизводству населения как специфической сфере человеческой деятельности. Вторая сфера образа жизни как цельный комплекс нами в данном случае не рассматривается. Однако мы учитываем

---

¹ Бутенко А. П. Образ жизни: содержание, проблемы и нерешенные вопросы // Вопр. философии. 1978. № 11. С. 41.

очевидное: различные проявления жизни в обществе традиционного типа были слабо дифференцированы во времени и пространстве, являли пример довольно сбалансированного сочетания, и потерять из виду реальную целостность не только не желательно, но и практически невозможно. Хозяйственная деятельность, общественная и познавательная активность и общение, одной стороны, составляли своеобразный бытовой фон, задавали внешние рамки демографического и социализирующего поведения. С другой стороны, вторая сфера образа жизни многими своими сторонами проникала во внутреннюю структуру воспроизводства населения. В таких своих ипостасях воспроизводство условий жизни населения обязательно берется нами в расчет.

От внешнего контекста перейдем к определению внутренней структуры воспроизводства населения. Для возобновления поколений недостаточно физически заменить состарившихся людей вновь родившимися и молодыми, нужно еще добиться освоения подрастающими людьми социальных качеств, необходимых для жизни. Потому в структуре воспроизводства нами выделяется две составные части: демографическое поведение людей и социализация ими новых поколений (социализирующее поведение).

Демографическое поведение определяется в данном случае как система действий (поступков), прямо или опосредованно направленных на физическое воспроизводство населения. Сюда отнесено брачное (матримониальное) поведение — заключение и прекращение браков, регулирование семейной структуры; репродуктивное (генеративное, прокреативное) поведение — зачатие, вынашивание и рождение детей; витальное (жизнесохранительное, санитарное) поведение — забота о физическом развитии, сохранение и укрепление здоровья или, наоборот, пренебрежение жизнью и здоровьем ради иных ценностей. Поскольку физическая замена одних поколений другими в конкретной стране и регионе происходит не в изолированном пространстве, в наличном населении мы видим людей, приселившихся извне; некоторая часть местных жителей в свою очередь тоже меняет местожительство. Поэтому в демографическом поведении выделяется также область миграционного поведения — действий или поступков, которые приводят к миграции населения и обеспечивают, успех либо неудачу переселения, вследствие чего меняется или восстанавливается положение индивидуального переселенца, мигрирующей группы в географической структуре населения¹.

Требуется дать также определение термину «социализация детей и молодежи», выделить составные части этого явления. В данном случае мы называем так систему спонтанных (ненамеренных) и целенаправленных действий, через которые, обеспечивается освоение

---

¹ Структура демографического поведения с некоторой корректировкой смысла понятий дана по: *Демографический энциклопедический словарь*. С. 330.

молодыми людьми знаний, социальных норм и ценностей, что позволяет новому поколению функционировать в качестве полноправной и полноценной части общества, заменять собой зрелое, а затем стареющее и вымирающее поколение¹.

Социализирующее поведение включает в себя образование – формирование и развитие интеллектуальных качеств личности, трансляцию индивидуальных и коллективных знаний о природе, обществе, и человеке; воспитание — развитие волевой и эмоциональной сторон личности, передачу и перенимание норм поведения. Важной сферой социализации является также регулирующее воздействие общества на отклоняющееся (девиантное) поведение, нередко встречающееся в молодом возрасте².

Следует особо подчеркнуть, что в ходе конкретно-исторического исследования автору потребовалось переосмыслить и адаптировать применительно к особенностям изучаемого предмета все введенные выше основные и некоторые вспомогательные понятия, применяемые также в философии, социальной психологии, социологии, демографии, экономической науке, медицине и педагогике со своими оттенками смысла (вспомогательные термины поясняются далее в соответствующих частях текста).

Целью нашего исследования является конкретно-историческая характеристика тех форм жизненной активности крестьянства, посредством которых осуществлялось воспроизводство населения, а именно — демографического и социализирующего поведения. Достижение этой цели подразумевает решение **нескольких взаимосвязанных задач**. Мы стремимся:

- 1) определить круг объективных и субъективных факторов «воспроизводственной» активности крестьянства, выявить характер их взаимодействия и формы влияния на поведение людей в соответствующих сферах образа жизни;
- 2) произвести углубленный анализ основных сфер демографического и социализирующего поведения крестьянства. Особое внимание уделяется выяснению смысла соответствующего поведения, анализу его общественной формы, вкладу в воспроизводство населения различных субъектов (агентов и институтов), определению общих черт и особенностей воспроизводства в крупнейших категориях русского крестьянства Сибири;
- 3) выделить и охарактеризовать главные тенденции и этапы развития изучаемой сферы жизни крестьянства во второй половине XIX — начале XX вв.;
- 4) дать количественную и качественную оценку основных результатов воспроизводства населения — демографических (уровень рождаемости и естественного прироста, состояние физического развития молодежи) и социокультурных (образовательный уровень, воспитанность молодого поколения и др.).

---

¹ Близкие по смыслу определения см.: *Кон И. С.* Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988. С. 133—134; *Философский энциклопедический словарь* / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М., 1983. С. 629.

² См.: *Кон И. С.* Психология ранней юности. М., 1989. С. 237.

Итак, эта книга посвящена проблеме физического возобновления поколений и их включения в существующие социальные и культурные структуры. Предметом специального изучения в дальнейшем могут стать причины, способы и результаты долговременного сохранения людьми приобретенного статуса (социальная стабилизация) или изменения его (социальная мобильность). Эта проблематика составляет единый комплекс, примыкающий к вопросам воспроизводства населения. Отдельные работы могут быть посвящены также роли в воспроизводстве сельского населения Сибири тех категорий жителей, что состояли в незначительном меньшинстве и по своему образу жизни сильно отличались от крестьянства: ссыльных, торгово-ростовщической буржуазии, сельской интеллигенции.

Методологическую базу нашего исследования составила, во-первых, внутренне непротиворечивая совокупность тех теоретических выводов (положений), что обстоятельно обоснованы в имеющейся литературе и потому могли стать исходными в дальнейшей разработке вопросов воспроизводства сельского народонаселения. Основные из этих положений выделены нами далее в ходе историографического анализа.

Во-вторых, в методологию вошли принципы и методы исследовательской работы, примененные автором. Речь идет о следующих принципах, лежащих в русле материалистического и диалектического понимания общественных процессов.

1. Комплексный подход к анализу объекта, целостность или системность характеристик и отношений, которые вычлняются в данном случае в качестве предмета изучения. Реализация принципа достигается: сквозным рассмотрением взаимосвязи внешних факторов, субъективно организованного поведения и его результатов; объединением в комплекс обеих составных частей воспроизводства населения; использованием подходов и методик смежных наук. «Поведенческая» сторона воспроизводства рассматривается в ее структурном, функциональном и эволюционном планах.

2. Принцип историзма. Он подразумевается системным подходом, но в историческом исследовании настолько важен, что приобретает самостоятельное значение. Весь воспроизводственный комплекс изучается в исторической динамике, с выделением основных этапов, периодов и генеральных тенденций его развития.

3. Принцип сравнительности. Выясняются общие закономерности воспроизводства сельского населения Сибири, но в то же время вычлняются его особенности у важнейших категорий населения в разных естественно-исторических и социально-экономических зонах, губерниях и областях. По ряду параметров ситуация сопоставляется с центром и метрополией — Европейской Россией, описывается на фоне общероссийской обстановки.

4. Принцип разносторонней наблюдаемости характеризуемых явлений. Он обеспечивается тем, что мобилизованы источники самого разного происхождения и вида,

обеспечивающие «перекрестный обзор». Например, мы стремились везде, где возможно, вычислять количественные параметры изучаемых явлений, для чего активно использовали статистику, однако с помощью содержательно-качественного анализа ситуации на основе нарративных источников критически оценивали результаты формально-количественных подсчетов.

Отбор и порядок применения конкретных методик вытекали, с одной стороны, из описанных выше принципов работы, с другой стороны — из особенностей имеющихся источников. Нами использованы различные методики из всех трех групп методов, применяемых обычно историками: общенаучных, междисциплинарных и прежде всего — исторических¹. В некоторых случаях применялись методы смежных наук, особенно демографии. При вычислении демографических показателей задачи работы и состояние источников вызвали иногда необходимость видоизменения строгой методики. Все соответствующие случаи оговариваются в тексте монографии или в примечаниях.

Хронологические рамки исследования включают в себя эпоху от 1861 г. до октября 1917 г. С точки зрения ведущих отечественных историков и демографов, в это время процесс воспроизводства населения испытывал определяющее воздействие рыночных, буржуазных отношений. С этим же временем связывают начало перехода от традиционного к модернизированному обществу в России. Основным содержанием перехода ряд специалистов считает смену господствующей модели менталитета и образа жизни: поведение, основанное на воспроизводстве традиционных образцов вне их критического осмысления, заменяется рациональным поведением (его цели и способы конструируются в зависимости от реальной обстановки). В частности, в историко-демографической науке получил распространение взгляд, согласно которому именно со вступлением России в капиталистическую эпоху связывается ее втягивание на рубеже веков в «демографическую революцию», или «демографический переход» — смену традиционного типа и режима воспроизводства современным (рациональным, модернизированным) типом воспроизводства населения, демографической политики, демографических отношений и поведения людей².

Нами выявляются особенности двух основных этапов демографической и социокультурной эволюции сибирской деревни при капитализме: 1) 60-х — середины 90-х гг. XIX в., когда происходило утверждение капитализма в качестве господствующей системы общественных отношений и складывались предпосылки демографического перехода, модернизации всего

---

¹ Подробно о них см.: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987; *Миронов Б. Н.* Историк и социология. Л., 1984; *Свод* этнографических понятий и терминов. М., 1988. Вып. 2. С. 205—220; *Славко Т. И.* Математические методы в исторических исследованиях. М., 1981; *Тихомиров Н. П.* Статистические методы анализа воспроизводства населения. М., 1984; и др.

² См.: *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976; *Моисеенко Т. Л.* О приемах изучения демографических процессов в зарубежной и отечественной историографии // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984. С. 122.

образа жизни крестьянства; 2) конца XIX — начала XX вв. — этапа развития буржуазных отношений, появления первых признаков демографического перехода, модернизации демографического и социализирующего поведения. По многим вопросам представилась возможность раскрыть специфику тех трех периодов, на которые делится второй этап: рубеж столетий (середина 1890-х гг. — 1906 г.), период Столыпинской аграрной реформы (1906—1914 гг.) и годы Первой мировой войны (июль 1914 – октябрь 1917)¹.

Территориальные границы исследования объединяют Сибирь в рамках Тобольской, Томской, Алтайской (учреждена в апреле 1917 г.), Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской (образована по указу 1868 г.) и Забайкальской областей. В них русское крестьянство на рубеже XIX–XX столетий составляло большинство населения. Включенные в книгу статистические данные о Сибирском казачьем войске распространяются на всю территорию его расселения, включая Семипалатинскую обл. Отдельные случаи употребления иных территориальных рамок обусловлены особенностями источников и особо оговариваются в тексте или в примечаниях. Сибирь — самый обширный по площади регион нашей страны, где общие для всей России закономерности развития во второй половине XIX — начале XX вв. сочетались со спецификой удаленной от центра окраины, колонии в экономическом смысле и активно заселяемого региона, района преимущественного развития капитализма вширь².

Монография написана на основе диссертации, подготовленной в 1989–1992 гг. в докторантуре Института истории Сибирского отделения Российской академии наук. Автор выражает глубокую признательность за руководство и поддержку своему научному консультанту — члену-корреспонденту РАН Л. М. Горюшкину, сердечно благодарит также за участие в обсуждении текста на разных этапах, за ценные предложения и замечания академика РАН Н. Н. Покровского, докторов исторических наук Е. И. Соловьеву, И. В. Островского, В. Н. Худякова, Н. А. Миненко, Л. П. Белковец, Н. Я. Гущина, кандидатов исторических наук К. Е. Звереву, В. И. Пронина, Г. А. Бочанову, Г. А. Ноздрина, кандидата педагогических наук З. И. Лаврентьеву, врачей Л. В. Кирилину и Г. И. Самойлова.

---

¹ Применительно к социально-экономической эволюции данная периодизация обоснована в работе: *Горюшкин Л. М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX — начале XX вв.* Новосибирск, 1989.

² Подробнее см.: *Горюшкин Л. М. Место Сибири в составе России в период капитализма // Исторический опыт освоения Сибири: Бахрушинские чтения 1985 г.* Новосибирск, 1986. С. 37—50.

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРИ 1861—1917 гг.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Особенностью комплекса литературы, использованной при написании данной монографии, является его полидисциплинарный характер. Это не было прихотью автора. «В системе знания о народонаселении адекватность достигается посредством обмена научной информацией о населении, получаемой с помощью наблюдения демографами, экономистами, историками, социологами, географами, этнографами, медиками и другими специалистами»¹. Изученная нами литература может быть разделена на две основные категории — конкретно-исследовательскую и философско-методологическую. Первая категория состоит из отечественной и современной зарубежной литературы. Среди отечественной выделяется литература дооктябрьского этапа и послереволюционная литература, которая подразделена на три периода.

Исследования общероссийского и сибиреведческого профиля в области конкретных наук использовались нами для определения уровня изученности темы, а также как источники исследовательских выводов. Кроме того, изучалась литература по философии, методологии истории и смежных с ней наук для проработки особенностей избранного подхода к теме, формирования концепции и структуры, выбора методики исследования.

В дооктябрьское время в конкретных науках накапливался основной фактический материал об изучаемой нами сфере жизни сибирской деревни. Появилось множество текстов с фрагментами исследования, но лишь в некоторых из них исследовательский аспект вышел на передний план и был представлен выводами, значимыми для нашей работы. Такие публикации можно разделить на несколько групп в зависимости от проблематики поднятых вопросов, которая больше всего зависела от профессиональной специализации авторов, а значит — от характера анализируемой ими фактической информации. Применительно к дооктябрьской эпохе можно выделить следующие *основные группы литературы* по нашей теме: демографическую, статистико-экономическую, работы о народном образовании и этнографическую. Выделение таких групп в дооктябрьской литературе, как и в советской, проводится достаточно условно, поскольку некоторые авторы работали на стыке научных дисциплин.

В группе сочинений *демографического профиля* выделяются работы А. И. Ефимова и И. Л. Ямзина.

А. И. Ефимов был членом Томского губернского статистического комитета, первым

---

¹ Система знаний о народонаселении / Валентей Д. И., Зверева Н. В., Медков В. М. и др. М., 1991. С. 19.

редактором «Сибирской газеты». Он обработал концентрировавшиеся в статкомитете в 1870—1880-е гг. данные церковных метрических книг, демографические сведения из ведомостей по воинской повинности, посемейных списков, отчетов школьной администрации и другие источники. Автор одним из первых вычленил для изучения собственно сельское население Томской губ. в сопоставлении с городским, сделал попытку сравнения некоторых сторон демографической ситуации в регионе с Европейской Россией. Впервые в поле зрения одного исследователя интегрировался ряд вопросов как физического, так и социокультурного воспроизводства поколений: естественное движение населения, охват детей школьным обучением, грамотность призывников и др. Особо значим был вывод об относительно благоприятном влиянии деревенских природных и социальных условий на уровень смертности и естественного прироста населения¹. До сих пор не потеряло историографической актуальности заключение Ефимова о запущенности и отставании школьного дела в Алтайском горном окр. пореформенного периода по сравнению с центром Томской губ. и Сибирью в целом².

И. Л. Ямзин издал в 1912 г. первую обобщающую работу преимущественно демографического характера о переселенческом движении в России на протяжении второй половины XIX — начала XX вв.³ Он интегрировал результаты исследований экономистов и статистиков официально-охранительного и буржуазно-либерального толка, привлек данные земской статистики Европейской России, материалы челябинской и сызранской регистрации мигрантов, обследования переселенческих хозяйств на территории Сибири в 1903—1904 гг. В контексте темы нашей книги наиболее интересны выводы Ямзина: 1) об активной позиции властей в регулировании величины и рабочего состава семей аграрных мигрантов, к чему вынуждены были приспособляться последние; 2) о «многосемейности» и особенно «многороботности» крестьянского домохозяйства как важной причине переселений и главном факторе его успешного развития на месте вселения в Сибири. Второй вывод корректируется сведениями других исследователей о том, что с конца XIX в. на первый план по значению для судьбы крестьянского двора выходит не количество «своей» рабочей силы, а общий размер капитала в виде денежных накоплений, средств производства, наемных работников⁴.

Обширную часть демографической литературы составляют работы *медико-демографического профиля*, написанные врачами.

Такие авторы, как *Е. Н. Анучин, В. П. Гедройц-Юраго, А. И. Ремезов, Ю. Д. Талько-*

---

¹ См.: *Ефимов А. И.* К вопросу о возрастном составе населения Томской губ. // СГ. 1882. 22 авг.; *Он же.* Народная школа в Томской губ. // СГ. 1883. 22 мая; *Он же.* Православное население Томской губ. по данным 1870—1880 гг. СПб., 1890; и др.

² См.: *Ефимов А. И.* Народная школа...

³ См.: *Ямзин И. Л.* Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912.

⁴ См.: *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 305—306; *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1898. Т. 1. С. IX; *Труды* местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 53. С. 283—284, 296.

Грынцевич, Ф. Ф. Шперк большое внимание уделяли вопросу влияния некоторых географических и климатических, экономических, санитарно-гигиенических, расово-этнографических условий на состояние здоровья, заболеваемость и смертность населения в определенных местностях¹. Всеми признавалось наличие многофакторного воздействия, но в сравнительном плане роль каждого из факторов не была достаточно прояснена, набор условий каждый раз не был полным и системным.

Более успешными оказались усилия ряда врачей по выяснению профессионально близкого им вопроса о детородном поведении и плодовитости женщин-крестьянок. Выводы *В. М. Крутовского, Ю. Д. Талько-Грынцевича, С. Арканова* о возрасте достижения девушками физиологического совершеннолетия и вступления в первый брак, о сроке первых родов, числе детей, рождаемых в течение прокреационного периода, о реальной длительности этого периода настолько ценны, что практически целиком включены нами в диссертацию². Все авторы-медики отмечали большие трудности физического воспроизводства сельского населения. Они практически единодушны, во-первых, в низкой оценке народного акушерства и первоначальных приемов физического развития младенцев, в критической оценке народной педиатрии; во-вторых, в констатации запущенного состояния сельских поселений, источников водоснабжения и дворов крестьян; в-третьих, в уничтожающей критике официальной сети медицинского обслуживания населения. Сугубо негативные оценки медико-санитарных условий переселенческого движения в Сибирь в некоторой степени корректируется данными об активном становлении на рубеже веков наиболее передовой в Сибири переселенческой медицины³.

В экономической литературе, объективно говоря, начал разрабатываться вопрос о специфике тех социально-экономических условий, в которых протекала жизнь сельского населения Сибири, в том числе его самовоспроизводство. Историография экономического развития сибирской деревни подробно разработана *Л. М. Горюшкиным, В. Г. Мирзоевым, Е. И.*

---

¹ См.: *Анучин Е. Н.* Климат г. Тобольска. Смертность в Тобольской губ. Средняя жизнь и долговечность в г. Тобольске // Архив судебн. медицины. 1867. № 2. С. 41—46; *Он же.* Смертность в Тобольской губ. // Памятная книжка для Тобольской губ. на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 299—320; *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878—1887 гг.) // Протоколы Омского мед. о-ва. Омск, 1890. № 8. С. 117—180; *Ремезов А. И.* Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск, 1880; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Климат Троицкосавска-Кяхты в гигиеническом отношении // Тр. I Всерос. съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии. СПб., 1900. Т. 2. С. 398—475; *Он же.* Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основе смертности в одиннадцати приходах за 23 года (1869—1891). М., 1898; *Шперк Ф. Ф.* Описание Верхоленского окр. Иркутской губ. в медико-топографическом и судебно-медицинском отношении // Архив судебн. медицины. 1866. № 2. С. 1—35; *Он же.* Верхоленский окр. Иркутской губ. // Мед.-топогр. сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 95—206; и др.

² См.: *Арканов С.* К антропологии сибирячки (половая жизнь) // Сиб. врач. 1917. 20 нояб.; *Крутовский В. М.* К материалам по вопросу о половой деятельности женщин Красноярского окр. // Отчет О-ва врачей Енисейской губ. за 1892—11893 гг. Красноярск, 1893. С. 1—19; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье. СПб., 1903.

³ См.: *Куркутов А. Г.* Деятельность врачебно-питательных пунктов на пути следования переселенцев в Енисейской губ. // Отчет О-ва врачей Енисейской губ. за 1894—1895 гг. Красноярск, 1895. С. 68—93; *Ямзин И. Л.* Врачебное дело в Азиатской России // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 270—284; и др.

Соловьевой, М. Б. Шейнфельдом и другими учеными¹, что освобождает нас от необходимости анализа. Не потеряли значения, хотя и не должны абсолютизироваться, выводы, сделанные представителями марксистской историографии о доминировании в пореформенный период в российской деревне процессов капиталистического развития, на окраинах — преимущественного развития капитализма вширь посредством переселений, о социальном разложении крестьянства, в том числе на местах вселения мигрантов, о переплетении «деревенского» капитализма в России большим количеством патриархальных и феодальных пережитков, тормозивших переселение и колонизацию окраин².

В литературе по народному образованию в сибирской деревне объектом внимания исследователей стали вопросы школьного дела, состояние школьной сети, политика правительства в этой сфере, а также деятельность самого крестьянства. Оценочные выводы авторов публиковавшихся работ часто зависели от их общественных взглядов³. Для нас наиболее важными являются выводы о заинтересованности населения школьным делом и о специфике образования детей в старообрядческой среде: грамотность среди староверов носит преимущественно религиозный характер, приобретает она почти исключительно благодаря инициативе и самостоятельности родителей и церковных общин, деятельность старообрядцев противостоит официальной политике в области просвещения⁴.

В этнографической литературе в пореформенный период усилиями А. П. Щапова и Г. Н. Потанина было выдвинуто положение о складывании в специфических естественно-географических, расово-этнографических, исторических и бытовых условиях Сибири новой разновидности русского народа — «европейско-сибирского или великорусско-инородческого типа»⁵. Однако в конкретной оценке физиологического, умственного и нравственного облика русских сибиряков между упомянутыми авторами и последователями каждого из них имелись серьезные разногласия.

А. П. Щапов стал основателем историографической линии, представители которой (Я. М. Астырев, Н. П. Григоровский, Н. А. Костров, А. М. Станиловский и др.) отмечали

---

¹ См.: Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дореформенного периода (конец XVI — начало XX вв.). Новосибирск, 1984. С. 100—135, 151—172; Горюшкин Л. М. Историография Сибири (период капитализма). Новосибирск, 1979; Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970; Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 6—23; Шейнфельд М. Б. Историография Сибири, конец XIX — начало XX вв. Красноярск, 1973; и др.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 1—609; Т. 16. С. 193—413; Т. 17. С. 57—137; Арцыбушев В. П. История одной сибирской деревни // Сиб. сборник. Иркутск, 1895. Вып. 1. С. 103—132; Шлихтер А. Г., Исаченко В. Л. Экономическое положение крестьян Туруханского края. Красноярск, 1914—1916. Ч. 1—2; Красин Л. Б. Судьбы капитализма в Сибири // ВО. 1896. 13, 16, 18 окт.; и др.

³ См.: Голубев П. А. Народное образование // Алтай: Ист.-стат. сб. по вопросам экон. и гражд. развития Алтайского горн. окр. Томск, 1890. С. 236—298; Турчанинов Н. В. Школьное дело за Уралом // Азиатская Россия. С. 243—269; Малиновский И. Сибирь и вопросы культуры // Сиб. вopr. 1910. № 47. С. 13—21; № 48/49. С. 12—26; Яренский К. Церковные школы Томской епархии // Сиб. сборник. Иркутск, 1901. № 1. С. 143—175; и др.

⁴ См.: Вопросы народного образования среди старообрядцев. М., 1909; Григорьев В. Ю. О школах грамотности в Иркутском окр. // Изв. ВСОРГО. 1888. Т. 20. № 5. С. 79—83; и др.

⁵ Потанин Г. Н. Климат и люди Сибири // ТГВ. 1865. 23 апр.; Щапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Изв. СОРГО. 1872. Т. 3. № 5. С. 243—274.

преобладание личного и семейно-родового эгоизма над общественными интересами, отсутствие культурных потребностей и «высших человеческих чувств» у сибиряков, в том числе в крестьянстве. Эти отрицательные черты якобы свидетельствуют о генетическом и социокультурном отрыве от метрополии, вплоть до утраты принесенных предками с родины культурных традиций и ценностей¹. Напротив, *Н. М. Ядринцев*, *Г. Н. Потанин* и прочие областники вывели несколько идеализированный тип крестьянина-старожила, выгодно отличающийся многими своими качествами от «российских» жителей: их нравы менее испорчены, они более независимы и энергичны, развиты в умственном отношении, у них сохранилось много старины в нравах и обычаях.

Хотя обе точки зрения не были совсем лишены опоры в объективной реальности, на проверку они оказались все же чересчур умозрительными. Для их обоснования не хватало конкретного сравнительного антропологического и этнографического материала. Не поддержали учение о едином «особом типе» сибиряка экономист и статистик *А. А. Кауфман*², этнографы *Д. К. Клеменц*, *А. А. Макаренко*, *А. Н. Пытин*, *С. П. Швецов* и другие исследователи, оставившие не только глубокие конкретно-этнографические, но также теоретические и историографические сочинения³. Они раскрывали единство основных характеристик русского крестьянства Сибири и Европейской России, при наличии немалых особенностей у локально-территориальных, историко-этнографических и сословных групп.

Основным предметом изучения этнографов всегда были традиционные формы культуры и быта — устойчивые и передававшиеся детям как образец, в том числе в сфере демографического и социализирующего поведения. Однако в конце XIX — начале XX вв. *Г. Д. Гребеничиков*, *М. В. Красноженова*, *А. Е. Новоселов*, *М. В. Швецова* и другие обнаружили множество признаков разложения патриархальной жизни и гармонии поколений даже у консервативного в быту старообрядчества, тем более у крестьян пригородных, живущих у трактов и железной дороги, втянутых в общение с переселенцами⁴. Была констатирована связь этого явления с процессами капиталистического развития, но специальных работ на данную тему не появилось.

В этнографической литературе появилось множество публикаций по семейно-брачным

---

¹ *Григорьевский Н. П.* Очерки Нарымского края // Зап. ЗСОРО. 1882. Кн. 4. С. 1–60; *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876; *Станисловский А. М.* Записки. Иркутск, 1912; *Астырев Н. М.* На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891; и др.

² См.: *Кауфман А. А.* Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Сибири // Сев. вестн. 1891. № 4. С. 27–52; *Он же.* К вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и их отношениях к сибирякам-сторожилам // Путь-дорога. СПб., 1893. С. 513–530; и др.

³ См.: *Клеменц Д. А.*, *Макаренко А. А.* Новый сборник статей о Сибири // Сиб. вопр. 1908. № 33/34. С. 15–28; *Пытин А. Н.* Русская народность в Сибири // Вестн. Европы. 1892. № 1. С. 276–323; *Швецов С. П.* Сибирь, кто в ней живет и как живет. СПб., 1909; и др.

⁴ См.: *Гребеничиков Г. Д.* Река Уба и убинские люди // Алт. сборник. Барнаул, 1912. Т. 11. С. 1–80; *Красноженова М. В.* Из народных обычаев крестьян д. Покровка // Изв. Краснояр. подотд. ВСОРО. 1914. Т. 2. Вып. 6. С. 67–116; *Новоселов А. Е.* Умиравшая старина // Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРО. 1915. Вып. 10. С. 190–225; *Швецова М. В.* «Поляки» Змеиногорского окр. // Зап. ЗСОРО. 1899. Кн. 26. С. 1–92; и др.

обрядам и отношениям сибирских крестьян, по народной медицине. В сочинениях более общего плана имелись разделы по народному воспитанию. Но для исследовательских обобщений регионального масштаба имеющегося материала было недостаточно, что признавалось и самими авторами.

Несколько особняком среди этнографических трудов стоят исследования народного права. *М. В. Загоскин, Н. А. Костров, С. Л. Чудновский* произвели локально-территориальные обобщения материалов волостных судов и правлений, использовали собственные наблюдения¹. Они выявили набор и статистическое распределение, во-первых, различных аморальных и криминальных поступков, привлекавших внимание органов крестьянского самоуправления, во-вторых, способов профилактики и пресечения этих поступков, том числе отклоняющегося поведения молодежи.

Подводя итог анализу историографии дооктябрьского этапа, можно констатировать следующее. Хотя тема воспроизводства сельского населения Сибири как таковая не формулировалась, в разном контексте были поставлены следующие крупные вопросы, объективно входящие в нее: 1) о наборе и соотношении «внешних факторов», влиявших на рождаемость и смертность, естественный прирост населения, состояние его здоровья, отношение к официальной школе и грамотности; 2) о количественном выражении этих и некоторых других результатов воспроизводства; 3) об основных показателях репродуктивного поведения женщин-крестьянок; 4) об уровне развития тех отраслей народной культуры, что имели прямое отношение к воспроизводству — народной медицины, педагогики, этики и обычного права; 5) о сравнительной роли усилий светской и духовной администрации, с одной стороны, самого крестьянства, с другой, в деле развития начального образования детей; 6) о степени обособленности физического и социокультурного облика сибиряков от русского населения Европейской России, разных групп сибирского крестьянства друг от друга.

По некоторым из этих и более мелким вопросам были сделаны выводы, не потерявшие научной ценности и сегодня, с соответствующими коррективами учтенные в нашей монографии. Однако их значение снижается важным обстоятельством: они обычно сделаны на основе источников только одного или двух-трех видов, применительно к конкретной категории сельского населения, ограниченному периоду времени и небольшой территории. В итоге выводы не «накрывают» все географическое, этнографическое, демографическое, культурологическое «пространство» региона, экстраполяция же локальных выводов на все крестьянское население сельской местности обширной Сибири за длительную эпоху 1861—1917 гг. затруднительна и во многих случаях невозможна.

---

¹ *Загоскин М. В.* Ответы на программу РГО для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891; *Костров Н. А.* Юридические обычаи...; *Чудновский С. Л.* Очерки народного юридического быта Алтайского горного окр. // Рус. богатство. 1894. № 7. С. 25—70; № 8. С. 185—200; № 9. С. 206—224; № 10. С. 190—216.

Имеющиеся немногочисленные труды общесибирского масштаба по экономике и демографии принципиально не меняют ситуации, поскольку касаются интересующих нас вопросов только вскользь, в плане статистической характеристики некоторых внешних условий и результатов воспроизводства населения. В трудах ученых и публицистов либерального и демократического направлений звучит настойчивая мысль о том, что такие хронические пороки системы возобновления поколений, как малограмотность крестьян, непомерно высокая детская смертность, крайне низкая продолжительность жизни и за счет этого — слишком быстрая смена поколений, не могут быть преодолены в рамках существующей в стране и регионе общественно-политической и административно-правовой системы.

Послеоктябрьский этап историографии темы на первом периоде (1920-е — начало 1930-х гг.) характеризуется, с одной стороны, стремлением ученых продолжить работу, начатую ими и их предшественниками до революции, и обобщить ее результаты, с другой стороны, переориентацией на собственно исторические методы ретроспективного анализа явлений и процессов, поскольку изучаемая эпоха ушла в прошлое.

В демографии в это время наибольшие достижения сводились к следующему.

1. *И. Л. Ямзин и Д. П. Воицинин*, опираясь на свои предшествующие труды, работы А. И. Васильчикова, А. А. Кауфмана других авторов, издали учебник для вузов, в котором попытались сформулировать закономерности колонизационных процессов. Для понимания миграционного поведения переселенцев значимы положения: о пояском расселении аграрных мигрантов (на территориях, сходных по климатическим и хозяйственным условиям с местами выхода); о связи переселений с демографо-экономической ситуацией на местах выхода и вселения; о неизбежной «метисации и перерождении» культуры новоселов под влиянием новых условий их жизни¹. Крупным недостатком учебника было отсутствие при характеристике переселений связи с такими историческими реалиями, как роль помещичьего землевладения, социальное разложение крестьянства и др.

2. *Д. Мерхалев* впервые в исторической демографии Сибири использовал методику реверсивного прогнозирования (ретросказания) и на основе данных Всероссийской демографической переписи 1920 г., дополненных более ранними источниками, высчитал приблизительное число зачатий и рождений на значительной части территории Сибири за 1911—1920 гг., произвел анализ полученных динамических рядов². Особенно значимыми для нас являются выкладки о масштабах сокращения прокреационной активности населения в период Первой мировой войны. К сожалению, при изучении вопроса указанным автором не

---

¹ См.: Ямзин И. Л., Воицинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926.

² См.: Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сб. стат. управления. Новониколаевск, 1922. Т. 2. С. 94–111.

выделено сельское население.

3. Врач *А. К. Белявский* обработал данные церковных метрических книг бывшей станицы Стретенской и ее окрестностей (Восточное Забайкалье) за 1840—1920 гг. На этой основе им рассмотрено распределение браков по семейному положению бракосочетавшихся и месяцам года, календарный разброс рождений, соотношение «законных» и внебрачных рождений¹. Выводы автора хотя и относятся к небольшой местности, но «перекрывают» собой всю капиталистическую эпоху. По исследовательской методике Белявский не продвинулся дальше предшественников.

4. Наивысшим достижением этого периода стала работа *А. Р. Шнейдера* о населении Приенисейского края². Здесь специально анализировалось естественное движение населения бывшей Енисейской губ., причем отдельно — сельского. Работа имеет беспрецедентную для того времени источниковую базу: данные Всеобщей переписи 1897 г. дополнены материалами регулярного учета населения в губернском статистическом комитете. В итоге большую научную ценность имеют следующие выводы: 1) о значительном влиянии на динамику демографических процессов сокращения числа ссыльных и увеличения количества вольных переселенцев; 2) о постепенном выравнивании половой диспропорции и некотором снижении уровня брачности; 3) о высоком уровне рождаемости, имеющем тенденцию к повышению. В сочетании с некоторым сокращением смертности это давало высокие показатели естественного прироста, начиная с 1870-х гг. Как показывают современные исследования, закономерности, выявленные Шнейдером на губернском материале, действовали в общесибирском масштабе, но установить это в первый период советской историографии не удалось.

Книга *А. Чураева* о населении Восточной Сибири, изданная в 1933 г., явилась уже шагом назад по сравнению с работой *А. Р. Шнейдера*. Источниковая база раздела о естественном движении населения стала беднее. Автор подтвердил высокий уровень рождаемости в селениях дооктябрьского периода. Однако, стремясь как можно сильнее оттенить «достижения социализма», он акцентировал внимание именно на высокой смертности, вызываемой «социально-бытовыми условиями дореволюционной России», и сделал необоснованный вывод об отрицательном естественном приросте в городах и незначительности его масштабов в сельской местности³.

В области истории *народного образования и народного здравоохранения* Сибири в первый период советской историографии появились работы *Н. С. Юрцовского*, *П. Е. Семьянова* и *К.*

---

¹ См.: *Белявский А. К.* Рождаемость, брачность и смертность г. Стретенска Забайкальской обл. с его окрестностями за время с 1840 по 1920 г. // Изв. О-ва врачей Южно-Уссурийского края. Владивосток, 1925. № 21. С. 662—672.

² См.: *Шнейдер А. Р.* Население Приенисейского края. Красноярск, 1928.

³ См.: *Чураев А.* Население Восточной Сибири. М.; Иркутск, 1933.

М. Гречищева. Первые два автора провели систематизацию части статистических данных о развитии начальных школ в дооктябрьской Сибири и двух ее регионах — Акмолинской обл. и Алтайском горном окр.¹ Гречищев сделал аналогичную работу применительно к сети медицинского обслуживания населения². В целом эти труды подтвердили сделанные ранее выводы о слабом развитии народного образования и медицинского обслуживания.

Усилиями бывших политических ссыльных впервые был поставлен вопрос о культурном влиянии политической ссылки на сибирское население, в частности, крестьянское. Сформулировано положение о позитивной роли педагогической деятельности и политико-просветительной работы ссыльных среди сибиряков, прочно утвердившееся затем в историографии³.

Заметнее всего изучение сельского населения Сибири продвинулось в 20-х — начале 30-х гг. благодаря усилиям этнографов. Они расширяли сбор, углубляли обработку материалов о традиционных формах культуры и быта русского крестьянства, восходящих к дореволюционной эпохе. Интересные обобщения о брачном поведении, отношении к детям содержатся в работах *Е. С. Бломквист* и *Н. Н. Гринковой*, *Б. Г. Герасимова* по южному Алтаю, *А. М. Поповой* и *А. М. Селищева* по семейским Забайкалья, *М. В. Красноженовой* по Приенисейскому краю, *Н. И. Воробьева* о Причунской долине, *М. В. Бородкиной* по Притомью и Баргузинскому краю и т. д.⁴

Серьезную попытку объединения усилий этнографов вокруг исследования проблем культуры и образа жизни русского крестьянства Сибири с вычленением ряда вопросов возобновления населения сделали в это время иркутские ученые *М. К. Азадовский* и *Г. С. Виноградов*. Они сами придавали методологическое значение своему стремлению «видеть в населении Сибири пеструю массу, состоящую из представителей разных культур», и потому выделять для изучения разные группы — крестьян, казаков, переселенцев, старообрядцев, сектантов и другие, вникать «не в общие черты жизни и быта сибиряков, а в отличительные особенности их по отдельным районам»⁵. В условиях наличного низкого уровня знаний о

---

¹ См.: *Семьянов П. Е.* Школьное дело в Сибири вообще и в Алтайском крае и бывшей Томской губ., в частности // ГААК, ф. 132, оп. 1, д. 18; *Юрцовский Н. С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. Вып. 1; *Он же.* Народное образование в Омской губ. // Омская губ.: Здравоохранение. Народное образование. Омск, 1923. С. 41–104.

² См.: *Гречищев К. М.* Здравоохранение // Сиб. совет. энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. Стб. 90—102; *Он же.* Здравоохранение в Омской губ. // Омская губ. С. 1–40.

³ См.: *Николаев В. И.* Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка. 1927. № 5 (34). С. 87–116; *Пономарев В.* Вольные школы // Иркутская ссылка. М., 1934. С. 102–116; *Швецов С. П.* Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 3 (40). С. 57–87; № 4 (41). С. 90–100; № 10 (47). С. 96–112; № 11 (48). С. 88–105; и др.

⁴ См.: *Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П.* Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930; *Герасимов Б. Г.* Поездка в Южный Алтай // Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРГО. 1927. Вып. 16. С. 125–152; *Красноженова М. В.* Ребенок в крестьянском быту // КККМ, о/ф. 7886, п. и. 110; *Бородкина М. В.* Деревья Иткара Томского края. Томск, 1927; *Воробьев Н. И.* Население Причунского края (Енисейская губ.). Казань, 1926; *Попова А. М.* Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928; *Селищев А. М.* Забайкальские старообрядцы. Иркутск, 1920; и др.

⁵ *Виноградов Г. С.* Русское население края и его изучение // СЖС. 1925. № 3/4. С. 306–307. См. также: *Азадовский М. К.* Этнография в Сибири: Обзор этнографического изучения в Сибири за 1918–1925 гг. // Сев. Азия. 1926. Вып. 5/6. С. 112—132.

русском населении Сибири такой подход мог быть плодотворным, но в долгосрочном стратегическом плане он представляется нам односторонним.

Новаторский характер имели труды самого Г. С. Виноградова по народной педагогике. Автор одним из первых ввел в научный оборот это понятие, стремился осмыслить как программу и способы целенаправленных усилий взрослых крестьян, так и роль самовоспитания, самообучения в деле «унаследования культуры»¹. К сожалению, труды Виноградова по русской этнопедагогике до сих пор не нашли достойного продолжения. Не получила поддержки очень оригинальная по постановке вопроса работа того же автора о взглядах деревенской среды на вопросы смерти, связанных с нею аспектах поведения².

А. И. Ярхо в 1924 г. возродил едва, впрочем, наметившуюся в дооктябрьскую эпоху линию *антропологического* изучения сибирского населения, в том числе русского сельского. Выводы автора о хорошем уровне физического развития русских и метисных групп населения Горного Алтая и Хакасии сравнительно с аборигенами были сделаны на основе небольшого числа наблюдений, нуждались в проверке и развитии на более обширных материалах³.

В сфере *статистико-экономических* исследований в это время заслуживают внимания работы *В. Я. Нагнибеды*, основанные на материалах сельскохозяйственной и переселенческой статистики начала века, об особенностях экономического, санитарно-гигиенического и медицинского положения, демографического и культурного облика новоселов Сибири. Вопросы эти рассматривались в связи с итогами и перспективами колонизации края⁴.

В целом в первый период советской историографии происходило теоретическое осмысление и критическая оценка сделанного ранее. Поставленные новые вопросы изучались на «профессионально» ограниченной источниковой и методологической базе.

Историографический период середины 1930-х — середины 1950-х гг. был самым неблагоприятным для изучения вопросов, связанных с нашей темой. Продвижение вперед было заметно лишь в сфере социально-экономических исследований. Здесь на основе монополюно утвердившейся марксистско-ленинской методологии изучались сущность аграрной политики царизма и столыпинское аграрное законодательство, капиталистическое развитие хозяйства новоселов на окраине⁵. Появилась первая обобщающая характеристика

---

¹ См.: *Виноградов Г. С.* Детский народный календарь // СЖС. 1924. Вып. 2. С. 55–86; *Он же.* Народная педагогика: Орывки и наброски // СЖС. 1926. Вып. 1 (5). С. 1–28; и др.

² См.: *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркут. ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 261–345.

³ См.: *Ярхо А. И.* Наблюдения над физическим развитием населения Русского Алтая // Сев. Азия. 1925. № 3. С. 51–74; *Ярхо А. И., Белкина В. И.* Физическое развитие населения Хакасского окр. Сибирского края // Сев. Азия. 1928. № 5/6. С. 100–114; и др.

⁴ *Нагнибеда В. Я.* Питание населения Томской губ. // Зап. Том. губисполкома и ГубЭСО. Томск, 1923. № 2. С. 16–27; *Он же.* Положение переселенцев и колонизационная практика в Сибкрае // Тр. Первого Сиб. краевого науч.-исслед. съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 158–166; *Он же.* Сельское хозяйство Томской губ. Томск, 1924; и др.

⁵ Подробнее см.: *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири... С. 137–140, 178–184.

экономики Сибири эпохи капитализма в работах П. И. Лященко¹. Признаки земледельческой колонии автор справедливо усматривал в таких чертах сибирской демографии, как численное преобладание мужского населения, высокая доля трудоспособных возрастов. Тезис же о том, что Сибирь стояла на первом месте среди других районов России по продолжительности жизни, не был и не мог быть обоснован на имевшихся в распоряжении Лященко материалах только по возрастной структуре живущего населения по переписи 1897 г.

Определенный вклад в изучение темы внес историко-географический труд *В. В. Покишишевского*. Автор дал обобщенную характеристику заселения Сибири, в том числе при капитализме, — направлений и масштабов миграции, социального состава переселенцев, их влияния на численность населения Сибири и агрикультурный уровень ее сельского хозяйства².

Что же касается демографических, этнографических, историко-педагогических и историко-медицинских исследований русского населения Сибири, то практически все они были в результате силового вмешательства власти, носившего политический характер, свернуты и возобновлены лишь во второй половине 50-х гг. после падения сталинского режима.

В третий период развития послеоктябрьской историографии (вторая половина 1950-х — начало 1990-х гг.) завершилось формирование предпосылок комплексного изучения темы.

Возобновилось поступательное развитие исторической демографии. Такие крупные ученые, как *Я. Е. Водарский, В. М. Кабузан, А. Г. Рашин, Р. Я. Сифман, В. К. Яцунский* и другие создали глубокие труды по истории народонаселения России досоветской эпохи. Они большое внимание уделили сюжетам, значимым для региональной истории Сибири: анализу информативных возможностей различных источников; периодизации демографических процессов; специфике некоторых из них, в том числе естественного движения населения, в центре страны и на окраинах; сопоставлению роли естественного и механического движения в заселении колонизируемых регионов; сравнительному влиянию социальных и природно-климатических факторов на воспроизводство населения³.

Развиваются методология и теория историко-демографических исследований: ученые углубляют представление о закономерностях развития демографической ситуации в различные исторические эпохи. *А. Г. Вишневский* развил глобальную концепцию

---

¹ См.: *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 2. С. 520–527; *Он же.* Сибирь: Экономическое развитие // Энцикл. словарь «Товарищества братьев А. и И. Гранат и К°». 7-е изд., перераб. М., Б. г. Т. 38. Стб. 468–517.

² См.: *Покишишевский В. В.* Заселение Сибири: Ист.-геогр. очерки. Иркутск, 1951.

³ См.: *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX вв.). М., 1973; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963; *Он же.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956; *Сифман Р. И.* Динамика численности населения России за 1897—1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 62—82; *Яцунский В. К.* Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России // *Вопр. географии.* М., 1970. Сб. 83. С. 34—44; *Он же.* Роль различий в уровне естественного прироста населения в географических сдвигах в размещении населения России в XIX—XX вв. // *Вопр. географии.* М., 1970. Сб. 83. С. 45—62; и др.

исторических типов воспроизводства населения¹. Им выделено три основных типа: архетип, традиционный и современный, или рациональный. Переход от одного к другому трактуется как демографическая революция — смена одной целостной системы другой (в современной литературе часто употребляется термин «демографический переход»). Система эта понимается как единство объективных условий воспроизводства на данном этапе общества, соответствующих этим условиям демографических отношений и обеспечивающего воспроизводство последних механизма социального управления. Для нашей работы наиболее важны теоретические характеристики традиционного типа воспроизводства населения (демографическое равновесие достигалось здесь высокой рождаемостью и несколько менее высокой смертностью) и второй демографической революции — перехода от традиционного типа к рациональному, где равновесие достигается низкой смертностью и низкой рождаемостью. Традиционный тип хронологически привязывается к докапиталистическому классовому аграрному обществу, а вторая демографическая революция — ко времени превращения аграрной экономики в индустриальную при капитализме и реальном социализме. Демографические отношения между людьми выделяются для специального анализа, каждому их типу соответствует своя культура, своя система ценностей и норм демографического поведения. Таким образом, впервые в историографии физическое воспроизводство населения предстает у А. Г. Вишневого как компонент образа жизни — индивидуального, группового и общества в целом.

Сам автор признает, что его теория, «как и всякая схема, упрощает действительность и позволяет лишь в самых общих чертах объяснить конкретные особенности воспроизводства населения в разные эпохи у разных народов»². Историк Б. Н. Миронов уже отмечал, что Вишневым намечено важное научное направление, но движение по нему может быть успешным лишь в том случае, если удастся общую схему состыковать с конкретными исследованиями³.

Таких исследований пока имеется очень мало. Перестройка демографического поведения различных групп населения России на рубеже XIX–XX вв. остается практически неизученной. Имеется лишь несколько статей в одном научном сборнике, где отражены некоторые статистические результаты этой перестройки⁴. Традиционное же демографическое поведение крестьянства и складывание некоторых предпосылок перехода изучал на материалах Центральной России Б. Н. Миронов⁵. Традиционная модель демографического поведения

---

¹ См.: *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976; *Он же.* Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982; и др.

² *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. С. 7.

³ См.: *Миронов Б. Н.* Рец. на кн.: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения... // СЭ. 1984. № 1. С. 163.

⁴ См.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А. Г. Вишневого. М., 1977.

⁵ См.: *Миронов Б. Н.* Основные демографические процессы в России XIX — начала XX вв. // Второй Всесоюз. семинар по ист. демографии. Рига, 1977. С. 51–53; *Он же.* Семья: Нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М.,

(высокая, ничем не сдерживаемая рождаемость, ранние браки и почти предельно возможная брачность и т. д.), по мнению автора, соответствовала социально-экономическим условиям жизни основной массы сельского населения лишь в дореформенное время, а затем объективно неизбежным становился демографический переход. Сравнение выводов и фактических данных Миронова с материалами по Сибири помогает нам видеть общие закономерности и особенности традиционного демографического поведения русских крестьян в центре и на окраине.

В работах того же автора, в исследованиях некоторых других историков, психологов нашли отражение вопросы отношения крестьянства Европейской России эпохи капитализма к обучению детей грамоте, образовательного уровня сельского населения, что также создает возможности для сравнения¹. К сожалению, указанные вопросы не увязывались пока в историографии с проблематикой воспроизводства населения в стране.

Археографы многое сделали для изучения народного общественного сознания в России досоветской эпохи. Они обосновали положение о широком бытовании в русской крестьянской, особенно старообрядческой среде рукописной и старопечатной книги. Работы *Н. Н. Покровского* и его учеников имеют общероссийское значение, хотя написаны на уралосибирском материале². С методологической точки зрения они помогают утвердиться в критической оценке суждений о «невежестве» русской деревни. При изучении социализации молодежи они позволяют выделить среди прочих такие каналы межпоколенной и территориальной трансляции культурных ценностей и этических норм, как сохранение и передача книжных текстов, активное их использование для «научения» послушных и вразумления нерадивых.

Среди современных региональных исследований по Сибири, значимых для нашей темы, можно выделить историко-географические, историко-экономические, историко-медицинские, историко-педагогические и историко-этнологические.

В первой из этих групп литературы выделяется работа *В. В. Воробьева*³. Автор изучает географические особенности воспроизводства народонаселения Восточной Сибири на протяжении длительного времени XVIII — начала XX вв. Главное внимание уделяется

1989. С. 226—246; *Он же*. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX вв. // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР*. С. 83—104.

¹ См.: *Зотова О. И., Новиков В. В., Шорохова Е. В.* Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). М., 1983; *Миронов Б. Н.* Грамотность в России 1797—1917 гг. // *История СССР*. 1985. № 4. С. 137—153; *Федоров В. А.* Об уровне грамотности крестьянства в России в XIX в. // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. Уфа, 1984. С. 390—395; и др.

² См.: *Покровский Н. Н.* Археографические экспедиции и проблемы изучения народного сознания // *Археогр.* ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 159—163; *Он же*. Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // *Новый мир*. 1989. С. 205—231; *Он же*. Путешествие за редкими книгами. 2-е изд., доп. М., 1988; *Алексеев В. Н.* Археографические экспедиции Сибирского отделения АН СССР и комплектование фонда сектора редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР // *Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1978. С. 9—13; и др.

³ См.: *Воробьев В. В.* Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1976.

специфике не сельского, а городского населения, но некоторые выводы могут быть экстраполированы на деревню. Это относится к динамике естественного движения населения: в регионе во второй половине XIX — начале XX вв. сочетались высокая рождаемость и большая смертность с высоким в целом (относительно Европейской России), но неустойчивым естественным приростом. За счет притока переселенцев на рубеже веков господствует тенденция увеличения естественного прироста, несмотря на сохраняющуюся повышенную смертность детей. К таким выводам приходит автор, а другие историки распространяют их на всю Сибирь.

К изучению демографической проблематики активно подключаются авторы, специализирующиеся в основном в области социально-экономической истории Сибири. Усилиями Л. М. Горюшкина, В. И. Пронина, Е. И. Соловьевой и их учеников к сегодняшнему дню история народонаселения — важнейшей производительной силы общества — органично включена в экономическую историю региона, в том числе в историю его хозяйственного освоения (становления рынка, развития крестьянской промышленности, сельскохозяйственного производства и т. д.)¹. Особое внимание эти авторы уделяют обусловленности демографических явлений (численность, плотность и размещение населения, его состав, в том числе классовый, переселенческое движение, величина и структура крестьянской семьи, трудовое воспитание в семье и общине и др.) развитием производственных отношений, капитализма вглубь и вширь в условиях сохранения феодальных пережитков, многоукладности и экономико-колониального положения окраины. Раскрывается и обратное влияние ряда демографических процессов на социально-экономическое развитие региона. Сибирь рассматривается в ее естественноисторических границах, что методологически очень важно (в трудах общероссийского профиля она обычно объединяется с Дальним Востоком, хотя эти регионы имели яркие отличия).

В современной, социально-экономической историографии поддерживается пристальное

---

¹ См.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 133—146; Он же. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 75—89; Он же. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Новосибирск, 1989; Он же. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Новосибирск, 1989; Он же. Производительные силы крестьянского хозяйства Сибири в годы Первой мировой войны // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 73—97; Горюшкин Л. М., Пронин В. И. Сельское население Сибири в годы Первой мировой войны // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начала XX вв.). Таллин, 1986. Вып. 1. С. 235—247; Пронин В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 88—102; Он же. Демографические и профессиональные изменения в сельском населении Сибири пореформенного периода // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск, 1987. С. 90—107; Он же. Население Сибири за 50 лет (1863—1913 гг.) // История СССР. № 4. С. 50—69; Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 60—79; Она же. Численность и структура русской крестьянской семьи Сибири во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII—XX вв.). Новосибирск, 1979. С. 126—140; Зверев В. А. Русская крестьянская семья в Сибири конца XIX — начала XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982; Березина Т. И. Трудовое воспитание в народной педагогике русских крестьян Сибири (1861—1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991; и др.

внимание к вопросам аграрного движения в Сибирь и внутрисибирских миграций как специфических каналов изменения численности и культурного облика сельского населения¹.

В результате упорной работы сибиреведы — специалисты по социально-экономической и политической истории — создали фундаментальные обобщающие труды, в которых отражены уровень развития производительных сил и характер производственных отношений в сибирской деревне 1861—1917 гг., административно-правовое положение крестьянства и прочие «базовые» условия, в которых развивались культура и образ жизни данного класса-сословия². Воспроизводство населения рассматривается в этих трудах в основном с позиций естественно-исторического подхода — как закономерный процесс, обусловленный объективно. С учетом несомненных достижений на этом пути возникла необходимость переноса частью историков внимания от истории деревни как объективного естественноисторического процесса к ее истории как проявлению и результату жизненной активности самого сельского населения.

В сочинениях *историков медицины* нас привлекло рассмотрение ими двух сюжетов, связанных с избранной темой: естественного движения населения; формирования сети санитарно-медицинского обслуживания жителей Сибири второй половины XIX — начала XX вв.

Занимаясь первым из этих вопросов, современные историки медицины фактически сделали шаг назад по сравнению с предшествующей историографией. Они не смогли сформировать достаточно представительную источниковую базу, и выводы строили, опираясь лишь на локально-территориальные и хронологически отрывочные сведения. По этой причине, а также, видимо, из желания противопоставить успехи советской медицины «беспощадному отношению к здоровью и жизни трудящихся при капитализме» появилась односторонняя картина «могильной Сибири», «страны похоронных процессов», где непомерно высокая смертность имела результатом низкий естественный прирост, а зачастую — превалирование смертности над рождаемостью³. На самом деле темпы естественного прироста населения, особенно сельского русского, к востоку от Урала на длительном протяжении всего XIX — начала XX вв. были в целом выше, чем по империи, за исключением 1860—1880-х гг. (по

---

¹ См.: Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири... С. 140–151.

² См.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения...; *Он же*. Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Новосибирск, 1988; *Он же*. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX — начало XX). Новосибирск, 1967; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма*. Новосибирск, 1983; и др.

³ См.: Бова П. А. История и современное состояние здравоохранения Нарымского края: Автореф. дис... канд. мед. наук. Томск, 1966; Бова П. А., Олейниченко В. Ф. Очерки по истории здравоохранения Томской обл. Томск, 1986; Легенький И. Г. Некоторые данные о смертности и продолжительности жизни населения Западной Сибири во второй половине XIX в. // Тр. Омского мед. ин-та. 1959. Вып. 25. С. 49–54; Мендрин Г. И. Общественная медицина Сибири на рубеже XIX—XX вв. // Итоги и перспективы исследований по истории медицины. Ташкент, 1980. С. 380–383; *Она же*. Очерки по истории медицины Сибири эпохи капитализма (1861—1917 гг.): Автореф. дис... д-ра мед. наук. Томск, 1965; Федотов Н. П., Бова П. А., Березин В. П. Очерки по истории здравоохранения Томской обл. Томск, 1967; Федотов Н. П., Мендрин Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975; и др.

подсчетам В. И. Пронина) или только 1870-х (по данным В. М. Кабузана)¹.

Позитивный вклад историков медицины в историографию нашей темы заключается в обстоятельной характеристике официальной медицинской сети в Сибири, в частности — сельской, казачьей и переселенческой. Убедительно показаны ее организационные пороки, неспособность справиться с частыми вспышками эпидемий, подавить эндемические очаги заболеваний. Позитивная роль медицинских учреждений раскрывается слабее. Такие важные вопросы, как взаимовлияние официальной и народной медицины, отношение крестьянства к последней, вклад крестьянства в развитие официальных институтов здравоохранения вовсе не рассматриваются.

Историко-педагогическая наука и смежные с ней направления продвинулись вперед в изучении школьного образовательного, а также внешкольного просветительского и книжного дела в Сибири, в том числе в сельской местности при капитализме². Однако замечено, что появившиеся труды «рассматривают крестьянство преимущественно как объект просветительного воздействия. Представляется, что плодотворным мог бы стать и иной подход ... который предполагает выяснение отношения крестьян к достигнутому уровню и характеру просвещения деревни и анализ его собственной активности в этой области»³. В рамках такого «субъектно-деятельностного» подхода в одной из статей *Л. Ф. Шамахова* было оспорено утверждение большинства предшественников об «инертном» отношении крестьян-сибиряков к своему просвещению, кратко охарактеризованы некоторые яркие проявления народной инициативы: участие сельских сходов в открытии официальных училищ, использование «хожалых» учителей при создании «вольных» школ и др.⁴

Более полно затем вклад крестьянства в развитие официальной системы народного образования Сибири характеризовала *К. Е. Зверева* (в соавторстве с нами), она же в своей диссертации определила основные параметры грамотности сельского населения и указала способы ее применения в повседневной жизни⁵. Историки-сибиреведы отмечают активную роль представителей крестьянства в политико-просветительном и специально-просветительном (выставочном), а также специально-образовательном движении конца XIX — начала XX вв.⁶ *Г. В. Оглезнева* предприняла комплексное изучение культурной среды в

---

¹ См.: *Кабузан В. М.* Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX вв. (1795–1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. С. 29; *Пронин В. И.* Население Сибири за 50 лет. С. 63–64. См. также: *Колесников А. Д.* Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII–XIX вв. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 225–238.

² Подробнее см.: *Зверева К. Е.* Советская историография проблемы просвещения крестьянства в Сибири эпохи капитализма // Хозяйственное освоение в период капитализма: историография проблемы. Новосибирск, 1988. С. 171–190.

³ Там же. С. 185.

⁴ *Шамахов Ф. Ф.* Роль народной инициативы в борьбе за просвещение в дореволюционной Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 99–106.

⁵ См.: *Зверева К. Е., Зверев В. А.* Вклад русского крестьянства в развитии образовательного потенциала Сибири (1861—1914 гг.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 85—104; *Зверева К. Е.* Просвещение крестьянства Сибири в конце XIX — начале XX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988.

⁶ См.: *Бочанова Г. А.* Вопросы трудового воспитания в начальных школах Сибири конца XIX — начала XX вв. //

русской деревне Восточной Сибири как системы, формирующей духовную культуру крестьян¹. С проблемой воспроизводства населения изучаемые вопросы образования и просвещения сельчан до сих пор в историографии не связывались.

Воспитание детей и молодежи, контроль их социального поведения в русской деревне дооктябрьской эпохи, наряду с некоторыми другими сюжетами, имеющими отношение к нашей теме, наибольшее отражение нашли в рамках иной научной дисциплины — исторической этнологии (этнографии).

В *исторической этнологии* сейчас играет важную роль культурно-генетическое направление, исследующее генезис и эволюцию отдельных компонентов народной культуры в ее этническом своеобразии. Среди ведущих специалистов «утверждается мнение о том, что предмет этнографических исследований включает не только традиционную материальную и духовную культуру, но и социальный механизм ее воспроизводства, т. е. соционормативную культуру этноса»². Активнейшим проводником этой идеи в теорию и практику исследований русского крестьянства XIX в. является *М. М. Громыко*. В целой серии фундаментальных работ она, во-первых, формирует методологическую и теоретическую базу конкретных исследований в данной области; во-вторых, характеризует содержание и способы «организации стереотипов группового опыта» крестьянства, включая их межпоколенную передачу и охрану в таких важнейших сферах образа жизни, как хозяйственная, общественная активность и проведение досуга³.

В числе институтов социализации Громыко особо выделяет общину и семью, взаимодействие которых зачастую опосредованлось другими малыми общностями. Ученый в сравнительном плане изучает механизмы, обеспечивавшие сохранение и преемственность традиции – общественное мнение, авторитет стариков, коллективные формы труда и общения, календарные и семейные обряды, народное искусство. Основываясь на общероссийских, в том числе сибирских материалах, автор приходит к весьма значимому выводу: «... повседневное поведение крестьянства нормировано традициями, охраняемыми общественным мнением и

Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 168—187; *Она же*. Возникновение и деятельность ремесленных учебно-показательных мастерских в Сибири начала XX вв. // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1990. С. 92—115; *Она же*. Вторая сельскохозяйственная и промышленная выставка в Забайкалье // Город и деревня Сибири в досоветский период. С. 114—133; *Она же*. Начало выставочного движения в Енисейской губ. // Исторический опыт освоения Сибири: Бахрушинские чтения 1985 г. Новосибирск, 1986. С. 61—70; *Косых Е. Н.* Книжное дело в Сибири в период империализма // 200 лет книгопечатания в Сибири: Очерки истории книжного дела. Новосибирск, 1989. С. 102—122; и др.

¹ См.: *Оглезнева Г. В.* Культурная среда и формирование духовной культуры крестьян Восточной Сибири в период капитализма: Автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 1989.

² *Громыко М. М.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5. С. 71.

³ См.: *Громыко М. М.* Историзм как принцип изучения воспроизводства традиций в малых социальных группах // СЭ. 1985. № 2. С. 72—81; *Она же*. Место сельской... С. 70—80 (материалы обсуждения статьи этнологами см.: СЭ. 1984. № 6. С. 51—64); *Она же*. Мир русской деревни. М., 1991; *Она же*. Семья и община в традиционной духовной культуре крестьян XVIII—XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 7—24; *Она же*. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; *Она же*. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первой половины XIX вв.). Новосибирск, 1975; и др.

основанными на широком комплексе нравственных, религиозных и социальных представлений... Нормы поведения осознавались, им учили, а не только воспринимали их из жизни»¹. В принципе это может относиться также к таким элементам структуры личности, как значения и представления, волевые и физические качества; процесс их межпоколенной трансляции должен быть изучен в полном объеме. Ограничивая рамки исследования, Громько отказывается от рассмотрения тех изменений культурных и поведенческих механизмов, что происходили в конце XIX — начале XX вв. под влиянием реалий утверждавшегося капитализма. Историки призваны восполнить этот пробел.

К работам М. М. Громько примыкают труды Н. А. Миненко, ставящей перед собой задачу «реконструкции той системы воспитания и образования, которая сложилась и функционировала в русской дореволюционной деревне на новоосваиваемых территориях, расположенных к востоку от Урала»². Речь идет именно о традиционной системе обучения грамоте, трудового и нравственного воспитания детей в эпоху ее наивысшего развития – до середины XIX в. Выводы автора хорошо аргументированы и в значительной степени решают задачу характеристики начального состояния той системы социализации, дальнейшую эволюцию которой нам нужно проследить. Это относится и к выводам по вопросам, ранее не изучавшимся в советской историографии: о важной роли эпической традиции крестьян, о позитивных сторонах влияния церкви на грамотность, эстетическую и этическую культуру прихожан.

В русле историко-генетического направления на основе общероссийских материалов написана книга *Т. А. Бернитам*, посвященная половозрастной дифференциации традиционного сельского сообщества³. Для нас здесь важен анализ крестьянских представлений об этапах взросления человека, нормативных возрастных границах совершеннолетия и брачного периода. В методологическом плане значимы положения о том, что половозрастная структура была «едва ли не самым главным — биосоциальным — звеном в механизме воспроизводства, эволюции и передачи культурных ценностей»; что «способность или неспособность к браку и человеческому воспроизводству» была главным критерием разделения традиционного сообщества на категории «молодых» и «старых» людей⁴.

Усилия части этнологов и представителей смежных наук консолидируются сейчас вокруг

---

¹ Громько М. М. Традиционные нормы поведения... С. 270.

² Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII — первая половина XIX в. М., 1991. С. 5. См. также: Миненко Н. А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1989; Она же. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986; Она же. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX вв.). Новосибирск, 1979; и др.

³ Бернитам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.

⁴ Там же. С. 6, 262.

программы «Этнография детства», основателем и руководителем которой является *И. С. Кон*, последовательно проводящий в жизнь принцип междисциплинарного изучения детства, юности и родительства¹. В отечественную науку введен ряд новых понятий и методических приемов изучения этнокультурных возрастных процессов. Хотя конкретные исследования по этой программе пока не коснулись русского населения, труды *И. С. Кона* значимы для методологии нашего монографического исследования.

Определенного внимания заслуживают появившиеся в 1960–1980-х гг. труды по отечественной *этнопедагогике*. Среди других подходов в этой дисциплине признается и такой, где областью изучения является этническая специфика всей системы социализации личности в традиционном обществе, а не только воспитания². Обобщая материалы о различных народах, в том числе о сибирских аборигенах, ученые выделили ряд отличительных черт народной педагогики: устойчивость во времени, включенность в народную культуру, преимущественно эмпирический уровень, прагматизм, противоречивость и др. Показана универсальность основных механизмов преемственной связи поколений: ведущая роль родительской семьи, включенность социализации в реальный поток трудовой жизни при отсутствии специальных институтов, строгая ориентация на «старину» и т. д.³ Выводы эти имели большое значение при изучении нами традиционных аспектов социализации детей у русских крестьян Сибири.

Специальных работ по русской этнопедагогике предреволюционной эпохи до сих пор не появилось. Правда, фольклористы начали на современном русском сибирском материале изучение социализирующей функции устного и музыкального народного творчества⁴. Но им будет трудно обеспечить комплексный подход к теме и хронологическую привязку многих своих выводов.

В области русской исторической этнологии Сибири специализируется группа ученых, для которых воспроизводство населения не является предметом специального исследования, но оно затрагивается в работах по общественному сознанию, народному календарю, материальной культуре, семейному быту и др.

Л. В. Островская отметила ряд особенностей массового сознания сибирских крестьян пореформенного периода (религиозных и медицинских представлений), с одной стороны, определявшего «воспроизводственное» поведение, с другой — являвшегося объектом

---

¹ См.: *Кон И. С.* Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988; *Он же.* Этнография детства: проблемы методологии // СЭ. № 5. С. 3—14; *Он же.* Этнография детства: Историографический очерк // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983. С. 9–50.

² См.: *Комарова Г. А.* О понятии «этнопедагогика» в советской этнографической и педагогической науке // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 211—212.

³ См.: *Афанасьев В. Ф.* Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1979; *Волков Г. Н.* Педагогика жизни. Чебоксары, 1989; *Традиционное воспитание детей у народов Сибири.* Л., 1988; и др.

⁴ См.: *Мельников М. Н.* Детский фольклор и проблемы народной педагогики // Сиб. фольклор. Новосибирск, 1971. Вып. 2. С. 78–99; *Он же.* Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970; и др.

межпоколенной передачи¹. Работая с конца 1950-х гг. в различных местностях Сибири, Ф. Ф. Болонев, А. А. Лебедева, Л. М. Сабурова, А. В. Сафьянова и другие сделали немало интересных выводов о круге брачных связей, структуре и воспитательной функции семьи, способах охраны здоровья и лечения больных, регулирующего воздействия «мира» на поведение молодежи и взрослых². Выводы относятся к отдельным территориальным, историко-этнографическим и этносоциальным группам русского крестьянства второй половины XIX — начала XX вв., и их экстраполяция на все сельское население Сибири представляет специально исследовательскую задачу.

Поскольку этнологи не всегда мобилизуют достаточно полный комплекс источников собственно исторических, их работы не свободны от необоснованных утверждений (о сравнительно высокой обеспеченности населения Алтайского горного окр. медицинским обслуживанием и школами³, о хорошей постановке опеки над сиротами и их имуществом у сибирских крестьян⁴, сверхвысоких темпах естественного прироста населения у семейских Забайкалья⁵ и т. д.).

В целом можно сказать, что в современной отечественной историографии создана эмпирическая и (частично) теоретическая основа постановки темы воспроизводства сельского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. в ее «деятельностном» аспекте. Раскрыты основные условия жизни крестьянства, особенно социально-экономические и политико-правовые; накопленный материал по другим факторам нуждается в дополнительной разработке и обобщении. Изучались некоторые «субъектно-деятельностные» основы и самой «воспроизводственной» активности крестьянства. Недостатком является излишняя специализация различных направлений исторического знания, затрудняющая комплексное изучение образа жизни крестьянства и, в частности, воспроизводства населения, Негативно

---

¹ См.: *Островская Л. В.* Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX в. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1975. С. 131–142; *Она же.* Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII — начала XX вв. Новосибирск, 1975. С. 172–186; *Она же.* Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири (народный вариант православия) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX вв.). Новосибирск, 1983. С. 135–150; и др.

² См.: *Болонев Ф. Ф.* Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1978; *Он же.* Семейские: Ист.-этногр. очерки. Улан-Удэ, 1985; *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX вв.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 104–188; *Она же.* Использование дикорастущих растений и минералов русскими Сибири в XVIII — начале XX вв. // СЭ. 1988. № 2. С. 78–90; *Она же.* Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. 2. С. 81–101; *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX — XX вв.). Л., 1967; *Она же.* Русское население Приангарья // Быт и искусство... 1971. Ч. 1. С. 28–77; *Сафьянова А. В.* Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX — начале XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. С. 91–110; *Она же.* Положение русской женщины в алтайской деревне до революции и ее роль в общественной и культурной жизни в годы советской власти // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. С. 77–103; и др.

³ См.: *Литинская В. А.* Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII—XX вв.). М., 1987. С. 40.

⁴ См.: *Лебедева А. А.* Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири (конец XVIII — начало XX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 230–231.

⁵ См.: *Болонев Ф. Ф.* Семейские. С. 52.

сказывается и долгая изолированность от зарубежной историографии.

Наряду с отечественной нами была учтена современная **зарубежная научная литература**. В теоретическом плане значимыми для нас оказались следующие тенденции развития зарубежной науки середины 1950-х — начала 1990-х гг., проявившиеся в лучших работах обществоведов и гуманитариев.

1. Овладение методологией междисциплинарных исследований. Подходы и методы таких наук, как история, социология, социальная антропология, этнология, политология, демография, психология и других, взаимодействуя друг с другом, составили основу «синтетических» социокультурных исследований — «новой научной истории», не замыкающейся в сегментных рамках специализации.

2. Обогащение тематики и структуры исторических исследований. В центр внимания все чаще выходят культурно-деятельностные аспекты общественных процессов: менталитет, культура, повседневная жизнь больших и малых социальных групп. В лучших образцах исследований такого типа («историко-антропологического») не теряется из вида и объективная обусловленность социальной истории. Однако не предполагается обязательный приоритет экономических факторов общественного развития перед иными, речь идет о более сложных и неоднозначных связях.

3. Резкое повышение статуса локальных (в территориальном смысле) исторических, особенно историко-демографических штудий. С одной стороны, это отвечает принципиальным установкам антропологически ориентированной истории, с другой — объясняется практическими соображениями: относительно широкий охват различных сфер жизни общества требует овладения большой совокупностью источников, что возможно только на локализованном объекте.

Названные тенденции затронули и труды по истории России дооктябрьской эпохи. Для нас представляет интерес разработка следующих тем:

1) *Д. Тредголд, М. Хелльман, К. Гёрке, О. Рэдки, И. Вецински, Ф. Уоттерс* и другие отметили важную роль географической среды и природных условий, наличия свободных земель на окраинах, в том числе в Сибири, многочисленности и высоких темпов роста народонаселения, относительной отсталости сельского хозяйства, особого крестьянского образа жизни, своеобразия культуры с присущими ей чертами консерватизма в истории России второй половины XIX — начала XX вв.¹ На основе материалов центральных губерний XIX в. *К. Воробек, П. Зап, С. Рамер, Н. Фриден* и другие проследили взаимодействие двух

---

¹ Подробнее см.: *Горюшкин Л. М.* Американские буржуазные историки о сибирской деревне в дооктябрьский период // Изв. СО РАН СССР: Сер. истории, филологии и философии. 1984. № 3. Вып. 1. С. 16; *Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988. С. 3—5; *Кучумова Л. И.* История русской общины в освещении современной немарксистской историографией // История СССР в современной западной немарксистской историографии. М., 1990. С. 174.

групп явлений: а) народной крестьянской культуры с ее веками установившимися взглядами на брак, семью, рождение и смерть; б) вмешательства в народную жизнь извне — помещиков, правительства и земств, пытавшихся создать сеть учреждений для воспитания детей, обеспечить селения обученными акушерками. Делается вывод, что только общие экономические, общественные и культурные преобразования в стране могли обеспечить успех локальным реформам, столкнувшимся с противодействием со стороны крестьянства¹.

С нашей точки зрения, говорить об абсолютном неприятии, по крайней мере, «медицинской» реформы в земских губерниях неправильно. Без обращения многих крестьян к врачам не могло бы начаться сокращение смертности населения России на рубеже XIX–XX вв., отмечаемое многими исследователями.

2) В ряде работ поднимается проблема перехода от традиционного к индустриальному обществу. Считается, что он развернулся в России позже, чем в Западной Европе и Северной Америке: начиная с 1860-х гг. с промежуточными периодами: от 1861 до 1880—1890-х гг. («предпосылки взлета», «ранний период») и от 1890-х до 1904 или 1914 гг. («взлет», «высокий период»). Долгое время модернизацию в России рассматривали только как экономический процесс (*С. Блэк, У. Ростон, П. Грегори* и др.). На современном же этапе основное содержание общественного перехода определяется как смена модели массового поведения, переход к «рациональному» поведению. Новый тип экономического поведения при этом характеризуется в конкретно-историческом плане².

3) Появилось немало работ, в которых показано, что частью общих социальных перемен при модернизации являются существенные сдвиги в демографическом секторе общественного сознания, видоизменяется отношение к браку, детям, смерти, формируется эгалитарный тип семьи и т. д. Работы *Д. Хиры, Э. Коула* и других посвящены общим вопросам демографического перехода в Российской империи и СССР, где он начинался в уникальных условиях быстрого капиталистического развития и последовавших затем коренных социально-экономических преобразований³. Проблема вовлеченности крестьян в культурно-демографические инновации, даже инициирования их, еще ждет специального изучения, в том числе на сибирских материалах.

4) На междисциплинарной основе развивается направление этнологии, нацеленное на описание целостности каждой культуры, характерного для нее типа личности и механизмов передачи культуры. Классическими для данного направления являются работы американки *М.*

---

¹ *Worobec C. D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton, 1991; The Family in Imperial Russia: New Lines of historical Research / Ed. by David L. Ranssen. Urbana; Chicago; London, 1978.*

² Подробнее см.: *Поткина И. В., Селунская Н. Б. Россия и модернизации (в прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194—207.*

³ Подробнее см.: *Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987. С. 204—205, 210—220; Моисеенко Т. Л. О методах изучения демографического перехода («революции») // Социально-демографические процессы в российской деревне... С. 154—161.*

*Мид*¹. К этому направлению примыкает коллективный труд «Детство. Юность. Семья», подготовленный в Германии с участием ученых многих стран². В целом исследовательские задачи этнологов близки отечественной программе исследований «Этнография детства».

Ученые исходят из того, что ребенок рождается с универсальными биологическими предпосылками, которые под влиянием культуры потом развиваются или подавляются, обрастают социальной суперструктурой. Таким образом, формируется характерный для данной культурной среды тип личности. Для нашей темы ценным является указание М. Мид, что в истории человечества традиционные («постфигуративные») культуры сменяются «кофигуративными», для которых типична ориентация не столько на стариков, сколько на современников, равных по возрасту и опыту. Старшие сохраняют ведущую роль в воспитании, но уже не являются непогрешимым образцом; между поколениями существует психологический барьер. И в сфере социализации подрастающих поколений происходит переход от традиционной модели поведения к современной.

На материалах Европейской России 1861—1914 гг. «образовательные» стороны такого перехода нашли отражение в книге американского историка *Б. Эклофа*³. Автор попытался взглянуть на развитие системы начальных школ через анализ отношения крестьянства к образованию. Поучителен отказ считать русскую деревенскую культуру замкнутой и неподвижной, враждебной любым нововведениям. Мы считаем и для окраин страны применимыми выводы Эклофа о том, что повсеместное открытие вольных крестьянских школ было первым этапом развития всей школьной системы; что в конце XIX — начале XX вв., будучи проводником правительственных и церковных установок, официальная школа проявляла себя как антагонист традиционного крестьянского образа жизни; что, в частности, этим объясняется настороженное отношение к ней определенной доли крестьянства.

Еще один американский историк, *Дж. Брукс*, считает, что школьное обучение, несмотря на кратковременность, оказывало важное воздействие на людей в русской деревне 1861—1917 гг. Оно настраивало детей критически по отношению к традиционной системе ценностей. Автор специально анализировал причины приобщения к грамоте, к чтению литературы в народе и пришел к заключению о преобладании у крестьян дидактических мотивов: искали главным образом ответ на вопрос «как жить?»⁴.

В целом современная зарубежная литература демонстрирует плодотворность таких подходов, при которых люди предстают не «сегментарно» — как только земледельцы, или как политики, воспитатели, а в целостности и в исторической специфичности общественного

---

¹ См.: *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988.

² *Kindheit. Jugend. Familie.* Freiburg; Munchen, 1985—1986. В. 1—2.

³ *Eklouf B.* Russian Peasant Schools: Officialdom, village culture and popular pedagogy, 1861—1914. Berkeley; Los Angeles, 1986.

⁴ *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and popular literature, 1861—1917. Princeton, 1986.

сознания и образа жизни. Применительно к истории России XIX—XX вв. поставлена и разрабатывается на материалах европейского центра страны проблема перехода от традиционной культуры и соответствующего ей типа поведения к современной модели культуры и образа жизни. Некоторые выводы здесь глубоки и справедливы, что признают и отечественные рецензенты-специалисты¹. Специфика перехода в окраинных регионах России пока не изучается.

Важное значение при работе над монографией имело знакомство с **философской и методолого-обществоведческой литературой**. При разработке концептуального аппарата нам помогло обсуждение трех основных проблем.

Первая — о необходимости преодоления или дополнения формационного подхода к истории. В научных кругах обсуждаются различные варианты, в том числе: 1) выделение *В. Ж. Келле* и *М. Я. Ковальзон*, наряду с формационным, деятельностного (поведенческого) подхода, при котором история предстает как процесс и результат человеческой активности, а также гуманитарно-личностного, выявляющего человеческий смысл истории²; развитие *М. А. Барг*ом и другими вслед за Дж. Тойнби цивилизационного подхода, тоже ориентированного на изучение механизмов деятельности людей, благодаря которой поддерживаются цивилизационный уровень и своеобразие общества³. В подобных случаях предполагается такое творческое развитие методологии исторического материализма, которое позволит представить общественное развитие в динамическом сопряжении объективно-заданного и субъективно-волевого начал.

Вторая проблема — о понятии биосоциального образа жизни, соотношении данной категории с категориями социального поведения, культуры, общественного бытия и другими, о структуре образа жизни и месте в ней воспроизводства населения, его составных частей⁴. Наша позиция по этому вопросу кратко изложена во введении к настоящей монографии.

Третья — о роли традиции, обычая, обряда в регулировании социального поведения людей, в межпоколенной передаче культуры. Характерно вычленение в данном контексте

---

¹ См.: *Захарова Л. Г., Краснова В. Б.* Рец. на кн.: Эклоф Б. Русские крестьянские школы. Беркли; Лос-Анджелес, 1986 // История СССР. 1989. № 1. С. 212—216; *Миронов Б. Н.* Рец. на кн.: Брукс Дж. Когда Россия училась читать. Принстон, 1986 // История СССР. 1989. № 2. С. 191—194; *Он же.* Новая работа американских исследователей по истории семьи // История СССР. 1982. № 4. С. 190—199.

² См.: *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история: Проблемы теории исторического процесса. М., 1981; *Деятельность: теории, методологии, проблемы.* М., 1990; и др.

³ См.: *Барг М. А.* О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 15—25; *Он же.* Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования // История СССР. 1991. № 5. С. 70—86; *Цивилизация и исторический процесс.* М., 1983; *Шемякин Я. Г.* Проблема цивилизации в советской научной литературе в 60—80-х гг. // История СССР. 1991. № 5. С. 86—103.

⁴ См.: *Бутенко А. П.* Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978; *Симуш П. И.* Некоторые проблемы изучения образа жизни советской деревни // История СССР. 1983. № 3. С. 3—19; *Тыщенко В. П.* Соотношение категорий «общение», «установка», «деятельность» // Формирование потребности личности в общении. Новосибирск, 1981. С. 3—17; *Он же.* Категория культуры и функции марксистско-ленинской философии // Философские проблемы культуры. Новосибирск, 1984. С. 3—18; *Отношение человека к здоровью и продолжительность жизни* / Журавлева И. В., Шилова Л. С., Антонов А. И., Бабин Е. Б. М., 1989; и др.

традиционного и современного типа социальной регуляции. Методологически значимо положение о том, что во всех реально существовавших обществах были представлены оба типа при доминировании сначала первого, потом второго и наличии переходного периода, относящегося к эпохе раннего капитализма¹.

Работая в период 1982—1992 гг. над историей образа жизни сельского населения Сибири, автор этой книги опубликовал несколько работ, посвященных методологии, историографии и источниковой базе изучения темы². Им была дана также конкретная характеристика ряда сфер образа жизни крестьянства, причем в центр внимания на данном этапе работы выдвинулось именно возобновление населения — социализирующая активность и демографическое поведение, в том числе его специфические особенности в среде крестьян-переселенцев³. Первые попытки обобщения полученных результатов были сделаны в двух учебных пособиях⁴, а в более полном объеме привлеченный фактический материал и теоретические выводы по исследовательской проблеме «Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX вв.)» мы получили возможность изложить в диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук⁵. Эти и другие наши предыдущие работы должны рассматриваться как тексты, своим содержанием дополняющие настоящую книгу.

ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

При разработке темы нами использовался обширный круг письменных источников: статистические материалы, законодательные акты и собрания норм церковного права,

---

¹ См.: Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие. М., 1987; Гофман А. В., Левкович В. П. Обычай как форма социальной регуляции // СЭ. 1973. № 1. С. 14—24; Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976; Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2. С. 78—96. Материалы обсуждения статьи Маркаряна см.: СЭ. 1981. № 2. С. 97—115.

² См.: Зверев В. А. Итоги и задачи изучения образа жизни русского крестьянства Сибири эпохи капитализма // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы. С. 150—170; *Он же*. Методологические проблемы изучения образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // Методологические проблемы изучения истории Сибири. Новосибирск, 1988, С. 110—119; *Он же*. Источники для исследования воспроизводства крестьянского населения Сибири эпохи капитализма // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1989. С. 27—45; *Он же*. Деятельностный подход к изучению истории воспроизводства населения // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. М., 1992. С. 15—17; *Он же*. Структура воспроизводства населения: К определению предмета историко-демографического исследования // Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане XIX—XX вв. Целиноград, 1991. С. 36—38; и др.

³ См. Зверев В. А. Изменения образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири при капитализме // Земледельческое и промышленное освоение Сибири (XVII — начало XX вв.). Новосибирск, 1985. С. 94—104; *Он же*. Влияние переселения в Сибирь на демографическое поведение крестьян в конце XIX — начале XX вв. // Исторический опыт освоения Сибири: Бахрушинские чтения 1985 г. С. 76—85; *Он же*. Особенности демографического поведения крестьян-новоселов в Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни... С. 67—77; *Он же*. Роль семейного крестьянского домохозяйства в воспроизводстве сельского населения // Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. С. 213—215; и др.

⁴ См.: Зверев В. А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма: (Проблемы физического и социального возобновления). Новосибирск, 1988; *Он же*. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: (Историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991.

⁵ См.: Зверев В. А. Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992.

делопроизводственные источники, описания деревенского быта, публицистика, воспоминания современников и участников описываемых событий, русский фольклор Сибири. Значительная часть источников выявлена впервые и извлечена из центральных и местных архивов, из периодических изданий. В монографии использованы материалы более 60 фондов 23 архивохранилищ страны.

Недавно издана обстоятельная работа *Л. М. Горюшкина* об источниках изучения крестьянства и сельского хозяйства Сибири второй половины XIX — начала XX вв.¹ Этот же автор, а также *В. В. Воробьев, В. И. Пронин, И. В. Островский, Г. А. Ноздрин* и другие характеризовали состояние ключевых групп делопроизводственных и статистических источников по исторической демографии Сибири: губернаторских отчетов, материалов переписей и административно-полицейского исчисления населения, метрических книг². Таким образом, у нас есть возможность сосредоточить внимание на источниках изучения не народонаселения в целом, а его воспроизводства в процессе жизненной активности крестьянства.

Статистические материалы фиксируют количественные характеристики объективированных результатов поведения, а также географической, общественной и культурно-информационной ситуации, в которой оно проходило. Используемую статистику можно классифицировать по происхождению и объектам учета на документы Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (ЦСК) и подчиненных ему местных органов; статистику ведомств; статистику земств Европейской России; материалы, собранные общественными организациями и частными лицами.

Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. дала наиболее достоверные сведения о населении всей страны, несмотря на некоторые недостатки учета³. Для нашей темы первостепенны данные о половом и возрастном составе населения сельской местности Сибири, его семейном положении и грамотности. До сих пор исследователи пользовались в основном итоговой публикацией по империи, где Сибирь (взятая без Акмолинской обл.) объединена с Дальним Востоком. Мы же произвели расчеты по территории собственно Сибири. Наличие возрастной группировки по годам позволило выделить для анализа

---

¹ См.: *Горюшкин Л. М.* Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Новосибирск, 1988.

² См.: *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения... С. 42—71; *Горюшкин Л. М., Пронин В. И.* Вопросы изучения сельского населения Сибири в период империализма // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984. С. 86—89; *Пронин В. И.* Население Сибири за 50 лет... С. 52—54; *Воробьев В. В.* Формирование населения... С. 158—160; *Ноздрин Г. А.* Отчеты губернаторов как источник по изучению колонизации Сибири во второй половине XIX в. // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1991. С. 26—38; *Островский И. В.* Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. — источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции // Источниковедение отечественной истории: 1981. М., 1982. С. 72—99; *Историография* и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск, 1988. Вып. 1; и др.

³ См.: *Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.* СПб., 1905. Т. 1—2; *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* СПб., 1904—1905. Т. 73—75, 78—79, 81.

возрастные категории, активные в брачном и репродуктивном отношении. В соответствии со статистической практикой изучаемого времени, в целом правильно отражающей реальную ситуацию и взгляды крестьянской среды, мы выделили младших детей до 7 лет; старших детей (мальчиков 7—14 и девочек 7—12 лет); подростков мужского пола в возрасте 14—18 лет и женского — от 12 до 16; лиц зрелого возраста («работников» 18—60, «работниц», или «стряпок» 16—55 лет, по крестьянской терминологии); стариков — мужчин старше 60, женщин свыше 55 лет.

Из всех показателей, доставленных переписью, некоторые сомнения может вызвать низкий уровень грамотности населения: известно, что иные сибирские крестьяне были склонны скрывать свою грамотность¹. Однако, во-первых, нет оснований считать это массовым явлением. Во-вторых, определенная часть крестьян, называвших себя грамотными, едва могла поставить подпись под документом. Противодействующие тенденции уравнивались, и сведения о грамотности в материалах переписи 1897 г., тем более подтверждаемые массовыми обследованиями сельского быта, могут считаться относительно достоверными, их широко используют историки². Для более точного определения уровня элементарной грамотности следует пользоваться материалами военной статистики и ряда обследований, где наряду с «грамотными» выделяется категория «полуграмотных» — умеющих хотя бы читать, а иногда имеется и более дробная классификация.

Наряду с элементарно грамотными перепись 1897 г. учитывает обучавшихся в средних и высших заведениях различного профиля. Здесь смешиваются два понятия: «степень обучения» и «уровень полученного образования» (неизвестно, был ли закончен курс обучения), но в целом образовательный уровень населения предстает достаточно рельефно.

Имеющиеся публикации не исчерпывают информационных возможностей переписи; некоторые вопросы можно изучать, обратившись к первичным материалам. Мы продвигались по такому пути при характеристике поколенного состава семей, разницы в возрасте супругов, количества детей у брачной пары. Использовались дубликаты подворных карточек, сохранившихся по Тобольской губ.³ С помощью таблицы случайных чисел были выбраны 46

---

¹ См.: Мамсик Т. С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири, XVIII — начало XX вв. Новосибирск, 1985. С. 106—111; Миненко Н. А. Культура русских крестьян... С. 11.

² См.: Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964; Миронов Б. Н. Грамотность в России...; и др.

³ ⁹³ ТФ ГАТюмО, ф. 417, оп. 2, д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 107, 125, 149, 154, 164, 166, 176, 180, 181, 184, 192, 193, 211. В выборку вошли следующие сельские общества. *Ишимский окр.*: Красноярская вол. — Сивковское и Сумское о-ва; Устьламенская вол. — Подволошенское и Слободское; Утчанская вол. — Новогорьевокое и Сумское. *Курганский окр.*: Введенская вол. — Островское; Утятская вол. — Камышенское и Раковское; Чинеевская вол. — Медвежьевокое; Шмаковская вол. — Петуховское. *Тарский окр.*: Викуловская вол. — Ачимовское и Катачиговское; Каргалинская вол. — Бартамское и Серебрянское; Карташевская вол. — Моховоозерское. *Тобольский окр.*: Абалакская вол. — Аремзянокое и Преображенское; Аджакская вол. — Ашлыкское; Бегишевская вол. — Загваздинское; Бронниковская вол. — Винокуровское и Клепаловское. *Туринский окр.*: Дымковская вол. — Дымковское и Луговское; Коркинская вол. — Красновское и Тазовское; Пушкаревская вол. — Барбашинское. *Тюкалинский окр.*: Большепесчанская вол. — Дурбетовское, Земляновское, Кабановское, Марковское, Осиновское, Рыбинское; Карасукская вол. — Карасукское; Крупянская вол. — Крупянское; Серебрянская вол. — Серебрянское. *Тюменский окр.*: Гилеволыповская вол. — Ярковокое; Караульноярская вол. — Бачалинское; Липчинская вол.

сельских обществ из восьми округов губернии, охваченных в 1897 г. переписью. В отобранных обществах производилось сплошное наблюдение всех наличных домохозяйств, которых оказалось здесь 6293. Полученные при подсчетах результаты вводились в сравнение с имеющимися в этнографических исследованиях по некоторым иным местностям для последующей экстраполяции на всю деревенскую Сибирь.

Необходимые для нас данные содержит публикация основных итогов *Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Томской губ.*¹ Мы взяли отсюда сведения о количестве всего населения, родившихся и умерших, грамотных, что позволило высчитать коэффициенты естественного движения и грамотности за год, непосредственно предшествующий установлению советской власти. К сожалению, публикации материалов переписи 1917 г. по другим регионам Сибири не содержат аналогичных сведений.

Обширные статистические сведения помещены в *ежегодных статистических приложениях к отчетам губернаторов* — «Ведомостях», «Обзорах», «Памятных книжках». Здесь собраны по сходной методике за многие годы эпохи капитализма и большой территории данные по рубрикам: «Население» — общее количество, число родившихся и умерших, вступивших в брак за год; «Народное здравие» — количество медперсонала, лечебных учреждений, лечившихся больных; «Народное образование» — число учебных заведений, учащихся в них; «Народная нравственность» — число судебных дел и осужденных в окружных и мировых судах; «Общественное благоустройство и благочиние»; «Обеспечение народного продовольствия» и т. д. Вычисляемая губернскими статистическими комитетами цифирь была основана на первичных данных волостных правлений, церковных причтов, полицейских управлений, не особо заинтересованных в точности учета. Достоверность официальной статистики, «по которой все должно обстоять благополучно, развиваться и увеличиваться», не была поэтому высокой². Однако ею можно пользоваться с соответствующими оговорками за неимением других массовых источников или после сопоставления с таковыми.

По одному из главных вопросов — естественному движению населения — данные с регулярным вычленением сельской местности появляются в *губернских статистических комитетах Сибири* в конце XIX — начале XX вв. *Общегосударственные* сводки, сделанные на их основе, содержат несколько таблиц естественного движения населения Тобольской губ.

— Гольшевское и Липчинское; Троицкая вол. — Луговское. *Ялуторовский окр.*: Омутинская вол. — Малокрутинокое и Новодеревенское; Суерская вол. — Поспеловское и Суерское; Терсюкская вол. — Терсюкская.

¹ См.: *Сборник* статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губ. за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг. Томск, 1928.

² *Адрианов А. В.* Очерки Минусинского края. Томск, 1904. С. 44. См. также: ГАЧО, ф. 1, оп. 2 вр. отд., д. 147, л. 219; *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1889. Вып. 4. С. 9; 1890. Вып. 8. С. 334; 1893. Вып. 19. С. 10; и др.

за 1902—1903 гг., Енисейской губ.— за 1902—1904 гг. и Иркутской губ. за 1904 г.¹ Рождаемость, брачность и смертность в селениях по возрасту и месяцам года здесь можно сопоставить с таковыми по Томской губ. за 1870—1880 гг. (по *А. И. Ефимову*). К сожалению, во всей статистике ЦСК и подчиненных ему местных органов возраст брачующихся сгруппирован в пятилетние интервалы и потому для точного определения возраста начала, пика и завершения вступления в брак надо искать другие источники.

Часть сведений губернской статистики в свое время была мобилизована и прошла первичную обработку в историко-статистическом сборнике «Алтай», публикациях *А. В. Адрианова, П. М. Головачева, А. И. Ефимова, Н. А. Кострова, И. В. Латкина, А. И. Ремезова, А. Ф. Плотникова, В. П. Штейнфельда* и других, которыми можно воспользоваться и сегодня².

Статистика медицинского ведомства содержит три основные группы сведений, необходимых для разработки темы монографии.

Во-первых, это естественное движение населения. Собранные в губернских статкомитетах сведения направлялись не только в ЦСК, но и в медицинское ведомство. За период 1902—1914 гг. и в некоторые предыдущие годы по публикациям «Отчетов» можно выстроить динамику рождаемости, смертности и естественного прироста всего сельского населения Сибири, сравнить ее с соответствующей динамикой в городах региона, селениях Европейской России и т. д.³

Во-вторых, состояние сети медицинского обслуживания населения. На основе данных губернских врачебных управ в отчетах обозначено количество медицинского персонала и учреждений, помещены таблицы расчетов количества жителей, приходящихся на один средний врачебный участок, его территории и радиуса. Сельская местность при этом выделяется не всегда, вместо реально работающих врачей и фельдшеров зачастую указывалось их количество, предусмотренное штатным расписанием, вовсе нет числа акушеров, оспопрививателей и лекарских учеников.

Третья группа — статистика заболеваемости. Выглядит она солидно: число лечившихся расписано по основным видам болезней, месяцам года, по исходу лечения и т. д. На деле это наименее достоверная часть публикаций, ибо основная часть населения сельской местности в случае болезни не входила в соприкосновение с официальной медициной. В статистику

---

¹ См.: *Статистика Российской империи*. СПб., 1907. Вып. 66; 1909. Вып. 70; 1911. Вып. 74.

² См.: *Алтай*: Ист.-стат. сб. по вопросам экон. и гражд. развития Алтайского горн. окр. / Ред. П. А. Голубев. Томск, 1890; *Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах*. СПб., 1875—1876. Вып. 1—3; *Ефимов А. И.* Статистические заметки о быте крестьян Алтайского окр. // СГ. 1882. 17 янв.; 21 февр.; 9 мая; *Костров Н. А.* Статистические заметки о Бухтарминской вол. Енисейского окр. // ТГВ. 1863. № 50; *Латкин Н. В.* Красноярский окр. Енисейской губ. СПб., 1890; *Плотников А. Ф.* Нарымский край. СПб., 1901; *Штейнфельд В. П.* Бийский уезд Томской губ. Бийск, 1910; *Статистический обзор Тобольской губ. за ... г. Тобольск, 1898—1915*; и др.

³ См.: *Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за ... г.* СПб., 1877—1898; *Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за ... г.* СПб.; Пг., 1905—1916.

поступали сведения, по некоторым оценкам, менее чем об 1/10 реально болевших, часто неверной была диагностика и т. д.¹ Поэтому статистика заболеваемости не позволяет составить точное представление о том, какие болезни преобладали в деревне, от каких была наибольшая смертность и в какое время года.

*Статистика Военного министерства*², применительно к избранной теме, дает представление об итогах обучения детей грамоте, физического развития и здоровья парней на пороге совершеннолетия. Зафиксированные во время призывной кампании в рекрутских (воинских) присутствиях данные о росте, с конца века также о весе, объеме груди призывников, о количестве получивших отсрочку или «забракованных» по причине болезни поступали и Военное министерство. В ежегодных отчетах публиковались сводки о грамотности и образовании новобранцев. Сельские призывники при этом не вычленились из общей массы.

Разновидностью военной статистики можно считать таблицы в ежегодных отчетах наказных атаманов Сибирского и Забайкальского казачьих войск. Основная масса отчетов была извлечена нами из фондов Российского военно-исторического архива, некоторые в их гражданской части были в свое время опубликованы³. По своему содержанию и структуре гражданская часть отчетов шире отчетов губернаторов, включает нужные нам сведения о заболеваемости и лечимости, образовании парней, вступающих в строевой разряд казачьей службы, и т. д. Имеются обобщающие публикации войсковым статистиком Ф. Н. Усовым результатов обработки западносибирской казачьей статистики за 1860—1870-е гг., которые могут быть использованы и автономно от авторских выводов⁴.

Статистика Министерства земледелия и государственных имуществ (в начале века — Главного управления землеустройства и земледелия), а также *Главного переселенческого управления* (Переселенческого управления) представлена, прежде всего, материалами статистико-экономических обследований сибирских селений. Информативную возможность этих материалов анализировали многие историки, но в основном с точки зрения социально-экономической проблематики⁵. Между тем организаторы обследований зачастую собирали и демографические, и культурологические сведения. Степень достоверности их в целом выше,

---

¹ См.: *Мартынов С.* Санитарно-медицинская часть на Алтае // *Алтай*. С. 194; *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк... С. 137—138; *Господствующее болезни и врачебное дело в Сибири* // *ВО*. 1887. 3 дек.

² *Военно-статистический сборник* / Под общ. ред. Обручева Н. Н. СПб., 1871. Вып. 4; *Анучин Д. Н.* О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874—1883 гг.). СПб., 1889; *Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи*. СПб., 1898. Вып. 1; и др.

³ См.: РГВИА, ф. 330, 1468; *Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за ... г.* Омск, 1895—1915. Ч. 2 (гражд.); *Отчет Забайкальского казачьего войска за ... г.* Верхнеудинск, 1905; Чита, 1913; и др.

⁴ См.: *Усов Ф. Н.* Справочная книжка о Сибирском казачьем войске. Тюмень, 1873; *Он же.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.

⁵ См.: *Горюшкин Л. М.* Источники по истории крестьянства... С. 17—18; *Соловьева Е. И.* Промыслы... С. 30—32; и др.

чем данных о хозяйственной состоятельности, сознательно и постоянно занижавшихся крестьянами из боязни дополнительного обложения повинностями.

Обследования Министерства земледелия и госимуществ периода 1886—1897 гг. по разным местностям Сибири проведены по единой методике, а значит, содержат сравнимые данные о семейном составе, грамотности, обеспеченности жилищами различных категорий сельского населения — крестьян-старожилов, новоселов, казаков, старообрядцев, и в этом их уникальность¹. Обследования переселенческого ведомства 1903—1904, 1911—1912 гг. предоставляют аналогичные данные в основном только по переселенческому населению Сибири². Возможность производить сопоставление старожилов, живущих в их селениях новоселов и переселенцев, водворенных на выделенных участках, имеется лишь по Томской губ. за 1911—1913 гг.³

Переселенческая статистика показывает ряд демографических параметров мигрирующего домохозяйства в динамике, фиксируя их (со слов самих новоселов) на родине при отъезде, в момент водворения в Сибири и в период обследования. В этом ее особая ценность. Начиная с 1895 г., на переселенческих пунктах в Челябинске и Сызрани собирались по единой форме данные о количестве прошедших в Азиатскую Россию и обратно мигрантов, о составе переезжающих семей⁴. Мигранты дифференцированы здесь на переселяющихся с санкции властей («идущие по проходным свидетельствам») и едущих на свой страх и риск. Абсолютные цифры челябинской и сызранской регистрации неполны: не всех успевали опросить в моменты интенсивного движения, часть переселенцев на пути миновала узловые пункты. Относительные же величины средней людности семьи, соотношения в ней трех основных возрастов (стариков, «работников», детей и подростков), доли бессемейных в миграционном потоке достаточно репрезентативны.

Переселенческое ведомство публиковало и статистические данные о жилищных условиях новоселов в Сибири⁵, о ведомственной медицинской сети, количестве переселенческих детей-сирот, призреваемых при содействии ведомства и т. д.⁶ Переселенческая статистика незаменима при изучении миграционного поведения крестьянства, но следует считаться с

---

¹ См.: Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской обл.: Материалы. СПб., 1898. Вып. 2—3; Материалы для изучения... Западной Сибири. СПб., 1888—1898. Вып. 1—22; Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1889. Т. 1; 1893. Т. 3; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского окр. Тобольской губ. М., 1897. Т. 1; и др.

² См.: Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб., 1905—1906. Ч. 1—3; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912—1913. Вып. 1—5.

³ См.: Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. Томск, 1913. Вып. 1—2.

⁴ См.: Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, извлеченный из книг общей регистрации переселенцев, проходивших в Сибирь и возвращавшихся из Сибири через Челябинск в ... г. М., 1898—1904; Турчанинов Н. В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). СПб., 1910; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. (включительно). Пг., 1916.

⁵ См.: Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. СПб., 1902.

⁶ См.: Переселение и землеустройство за Уралом: Отчет по переселению и землеустройству в ... г. СПб.; Пг., 1911—1916.

некоторым приукрашиванием истинного положения дел чиновниками. Желательно ее сопоставление с материалами, имеющими другое происхождение, в частности, со *статистикой земств Европейской России*.

Земства участвовали в организации переселенческого движения, оказывали мигрантам различную помощь, вели статистический учет людности, половозрастного и рабочего состава домохозяйств, ходатайствовавших о разрешении на переселение и уже получивших последнее¹. Хотя сведения исходят в основном от южнороссийских земств, это не слишком обесценивает итоги их обработки, ведь основной поток переселенцев в конце XIX — начале XX вв. двигался именно из южных черноземных губерний.

Статистика Министерства народного просвещения представлена в монографии материалами двух школьных переписей. Собственно, министерство провело Всероссийскую школьную перепись лишь один раз, в начале 1911 г., но в публикацию ее основных результатов были включены и главные итоги переписи 1894 г., организованной Комитетом грамотности Вольного Экономического общества². Поскольку здесь есть сравнимые данные по важнейшим показателям, можно проследить динамику сети начального образования в Сибири и ее сельской местности, сопоставить ситуацию с селениями Европейской России и прочих регионов. Материалы переписи 1911 г. позволяют также представить условия школьного образования крестьянских детей: материальную обеспеченность училищ, квалификацию учительского персонала, распространенность предметов, призванных обеспечивать физическое воспитание и начальное специальное образование детей. Своеобразными «индикаторами» отношения к официальной школе являются цифры, характеризующие количество детей, не принятых в училища вопреки их желанию, масштабы пропуска занятий, реальную продолжительность учебного года и т. д. Данные школьных переписей до сих пор слабо были вовлечены в научный оборот даже специалистами по истории народного образования.

Стоит указать еще сборник сведений о детских приютах России, которыми ведал Романовский комитет, образованный в 1913 г. в целях «воспособления» делу призрения сирот сельского населения³. Созданная в публикации естественная выборка дает достаточно четкую картину пола и возраста приютских детей, количества средств, отпускаемых на их

---

¹ См.: Григорьев В. Н. Переселения крестьян Рязанской губ. М., 1885; *Переселение* в Сибирь из 8 губерний, входящих в состав Южно-Русской областной земской переселенческой организации. Полтава, 1913—1917. Вып. 1—2; *Переселение* в Сибирь из Черниговской губ. в 1906—1908 гг. Чернигов, 1910; *Переселение* из Черниговской губ. в 1909—1911 гг. Чернигов, 1913; *Переселения* из Полтавской губ. с 1861 г. по 1 января 1901 г. Полтава, 1900—1902. Вып. 1—2; *Переселения* крестьян Харьковской губ. Харьков, 1908—1911. Вып. 1—5; и др.

² См.: *Однодневная перепись начальных школ Российской империи*, произведенная 18 января 1911 г. / Ред. Покровский В. И. СПб.; Пг., 1914—1916. Вып. 1—16.

³ См.: *Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей*, в том числе сирот сельского населения. Пг., 1916.

содержание. «Заведения закрытого призрения детей» на восточной окраине охватывали лишь небольшую часть крестьянских сирот.

Из *статистики общественных организаций* выделяются материалы обследования крестьянских хозяйств Барнаульской вол. одноименного уезда Томской губ. в 1905 г.¹ Обследование было проведено *Н. М. Трегубовым* по заказу Томского юридического общества с целью изучения маслоделия, но включало также вопросы демографии и грамотности населения. Материалы особенно ценны дробной группировкой крестьянских хозяйств по посеву, что позволяет увидеть специфику социальных слоев. Группировки по хозяйственной состоятельности, имеющиеся в некоторых других статистических источниках, достаточно произвольны, что затрудняет изучение воспроизводства населения в социальных слоях сибирской деревни, а тем более в социальных группах внутри слоев.

Особняком стоят материалы, собранные специалистами в индивидуальном порядке. Основой для сбора и обработки им служили обычно те же первичные материалы, что и в официальной статистике. Однако для решения конкретных исследовательских задач иногда производились оригинальная группировка, более полная обработка, дополнение самостоятельными разысканиями и т. д.

Священник *К. К. Кокоулин* стал автором двух публикаций по Киренскому окр. Иркутской губ.: во-первых, по школьному делу и грамотности населения за период 1860-х — первой половины 1890-х гг., во-вторых, по естественному движению населения за 1873—1897 гг.² Вторая публикация содержит только цифровые таблицы. Кокоулин воспользовался архивными данными, материалами собственных обследований и наблюдений, содержанием всех метрических книг по округу, и получил уникальные данные о соотношении разных каналов приобщения крестьян к грамоте, распределении браков первых, повторных и третьих по возрасту брачавшихся с годовым интервалом и др.

Значительные массивы метрических книг стали основным источником также для врачей *Ф. Ф. Шперка*, *В. П. Гедройц-Юраго* и *А. К. Белявского*, опубликовавших в контексте своих исследований данные о рождаемости и смертности по возрастам и месяцам года в Верхоленском окр. Иркутской губ. 1860-х гг., на одном из врачебных участков Сибирского казачьего войска (часть Пресногорьковской казачьей линии в Петропавловском уезде Акмолинской обл.) за 1878—1887 гг., в окрестностях станицы Стретенской Нерчинского окр. (уезда) Забайкальской обл. за 1840—1920 гг.³ Данные Гедройц-Юраго и Белявского можно сопоставить со сведениями *А. И. Ефимова* по Томской губ. 1870—1880 гг. о распределении

¹ См.: *Трегубов Н. М.* Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906.

² См.: *Кокоулин К. К.* Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ. // Изв. ВСОРГО. 1903. Т. 34. № 2. С. 137—148; *Он же.* Школы и грамотность в Киренском окр. Иркутской губ. Иркутск, 1895.

³ *Белявский А. К.* Рождаемость...; *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк...; *Шперк Ф. Ф.* Верхоленский окр. ...

рождений (значит, и зачатий) по месяцам года, а это — важный индикатор репродуктивного поведения сельчан.

Указанные врачи, а также их коллеги *Е. Н. Анучин* и *Ю. Д. Талько-Грынцевич*, сельский учитель *Ф. К. Зобнин* и другие пытались путем обработки комплексов метрических книг получить статистическую базу для определения продолжительности жизни русского населения в ряде местностей, но были обречены на неудачу. Метрические книги дают возраст умерших, но по ним нельзя установить возрастную структуру живущего населения с годовыми интервалом, без чего среднюю продолжительность предстоящей жизни для поколения родившихся или для определенной возрастной когорты, как это требуется в научной демографии, установить невозможно. Можно вычислить только средний возраст умерших, что и было сделано. Этот показатель колебался в изучаемую эпоху в большом интервале от 13 до 25 лет в разных локальных и субсословных группах сельского населения Сибири¹.

Доктор *А. И. Собкевич* обработал материалы регистрации и медицинского осмотра юношей, явившихся на призыв в Томском уезде одноименной губ. в 1913 г., когда учет «некрутов» стал наиболее информативным за весь дооктябрьский период². Ценно в его данных выделение сельской местности и развернутая группировка призываемых по уровню грамотности, видам болезней и физических недостатков.

Книги больничного учета тоже стали исходным материалом, из которого извлекались медико-демографические данные. Причины заболеваемости и смертности населения, в том числе детской, характеризуют данные *И. С. Колбасенко* по станице Стретенской³. Будущий видный советский гигиенист и демограф *Н. А. Вигдорчик* предпринял беспрецедентный опыт статистической разработки документов о деятельности своего врачебного участка в Красноярском уезде Енисейской губ. за 1898—1902 гг. Участок входил в число «благополучных» в Сибири, и это нужно учитывать при экстраполяции данных Вигдорчика об обращаемости за лечением людей различного пола, возраста, социального положения и живущих на разном расстоянии от центра участка⁴.

Доктор *С. Арканов* мобилизовал данные стандартных бланков Ишимской сельской лечебницы Тобольской губ. за 1909 г., относящиеся к 99 окрестным жителям, обращавшимся к медикам за помощью по случаю женских болезней⁵. Введены в научный оборот сведения о возрасте наступления у них половой зрелости, выхода замуж, вступления в

---

¹ См.: Там же; *Анучин Е. Н.* Средняя жизнь и долговечность в г. Тобольске // Памятная книжка для Тобольской губ. на 1864 г. С. 321—334; *Зобнин Ф. К.* Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // ЖС. 1898. № 2. С. 155; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Продолжительность жизни... С. 16—17.

² См.: *Собкевич А. И.* К вопросу о физической крепости населения Сибири // Сиб. врач. 1916. 10 июля.

³ См.: *Колбасенко И. С.* Станица Стретенская Забайкальской обл., ее народонаселение и санитарный быт. Хабаровск, 1899.

⁴ См.: *Вигдорчик Н. А.* Заметки сибирского врача: (Очерки бюрократической медицины). Ниж. Новгород, 1905. С. 64—102.

⁵ См.: *Арканов С.* К антропологии сибирячки...

климактерический период, полной физиологической стерильности, а также о количестве детей, родившихся у каждой женщины в течение детородного периода жизни.

Аналогичные задачи ранее ставили перед собой окружные врачи *В. М. Крутовский* и *Ю. Д. Талько-Грынцевич*, но их статистика имела оригинальное происхождение. Крутовский ввел специальные рубрики в приемных бланках Красноярской городской амбулаторной лечебницы для всех поступавших сюда женщин (их оказалось в 1891 г. 704, в том числе 312 уроженок сельской местности Енисейской губ.)¹. Талько-Грынцевич, вел учет по самостоятельно разработанным бланкам в 1894—1902 гг., имел в своем распоряжении материал о 1918 сибирячках, в том числе о 736 «деревенских» — казачках, православных крестьянках, семейских староверках, в основном жительницах Троицкосавского уезда Забайкальской обл.² Расширение программы опроса респондентов позволило исследователям создать статистическую основу для решения дополнительного круга вопросов: возраст первых родов, преждевременные роды и выкидыши, бесплодие и др.

Интересные статистические данные собрали в конце XIX — начале XX вв. некоторые медики, занимавшиеся оказанием врачебной помощи переселенцам: о заболеваемости и смертности мигрантов в пути и первые годы жизни на новых местах³.

Статистические выкладки сибирских врачей – первоклассный источник, хотя и менее полный, чем комплекс трудов земских врачей Европейской России. В Сибири не было земств с их санитарно-статистическими бюро, исследования «казенных» врачей проводились исключительно в порядке частной инициативы.

В целом можно констатировать наличие обширного массива статистических материалов, разнообразных по происхождению и содержанию, которые обеспечивают изучение многих количественных параметров темы воспроизводства сельского населения Сибири, особенно социальных условий и результатов демографического и социализирующего поведения крестьянства. Количественную характеристику самого поведения статистика дает без полного территориального охвата и исторической динамики, а то и без необходимой точности. Речь идет о таких показателях, как годовое распределение брачного возраста в первом и повторном браках, масштабы брачности населения, возраст первого и последнего деторождения у женщин, заболеваемость и частота обращения к врачам, параметры физического развития юношей к моменту совершеннолетия, сравнительная роль образовательных каналов, грамотность и образовательный уровень сельчан и т. д. Вообще не обнаруживаются при обращении к имеющейся статистике и не могут быть вычислены на ее

---

¹ Крутовский В. М. К материалам... С. 2—3.

² Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении... С. 10—11.

³ См.: Айзин М. Л. Медико-санитарное обслуживание переселенческого движения // Сиб. мед. журнал. 1925. № 2. С. 65—73; Обозненко П. Е. Очерки санитарного состояния селений переселенцев-новоселов Омского уезда Акмолинской обл. // Врач. 1898. 2, 9 мая; и др.

основе средний временной интервал между очередными родами у крестьянок, продолжительность ожидаемой жизни для новорожденных, параметры физического развития девушек, динамика распространения основных форм девиантного поведения молодежи и т. д. Имеющиеся статистические данные нуждаются в сопоставлении друг с другом и со сведениями описательного характера.

Законодательные источники изучения темы представлены актами (законами, указами, положениями, уставами), в наиболее полном виде и в хронологической последовательности опубликованными в «*Полном собрании законов Российской империи*» (собрания 2-е и 3-е)¹. Они непосредственно регулировали функционирование тех политических, юридических, просветительно-образовательных и медицинских институтов, которые были созданы для управления крестьянством, для реализации политики государства и церкви в области семейной и общинной жизни, воспитания и образования молодежи. По отдельным сферам регулирования имеются специализированные издания сборников законодательных актов.

1. *Крестьянское законодательство* регламентировало сельско-волостное (станично-поселковое) самоуправление и сословный суд. Его основу в изучаемое время составляло «*Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости*»², ключевые принципы которого были поэтапно распространены на кабинетскую, государственную и казачью деревню Сибири в 1861 — 1880-х гг. Законодательство включало акты, ограничивавшие личные права крестьян (на выход семьи выросших детей из отцовского домохозяйства, на получение молодежью отдельных от родителей паспортов и др.), определявшие порядок наследования имущества в крестьянской среде, устройства общественной опеки над сиротами и т. д.³ Серия законов устанавливала за крестьянским «самоуправлением» жесткий надзор чиновничества (своеобразным итогом здесь был закон 2 июня 1898 г., учреждавший на основной территории Сибири институт крестьянских начальников)⁴.

Специально для пользования на местах кружок юристов под руководством К. Ф. Краевского составил и несколько раз переиздал массовым тиражом «*Полный свод законов о крестьянах*» в шести частях⁵. С ним или с другими изданиями крестьянского законодательства непосредственно сталкивались многие сельчане. Современному исследователю знакомство с

---

¹ См.: *Полное собрание законов Российской империи*. СПб., 1830—1884. Собр. второе (1825—1881 гг.). Т. 1—55; СПб.; Пг., 1885—1916. Собр. третье (1882—1913). Т. 1—33.

² См.: *Крестьянская реформа в России 1861 г.*: Сб. законодат. актов. М., 1954. С. 39—80; *Российское законодательство X—XX вв.* М., 1989. Т. 7. С. 35—105.

³ Подробнее см.: *Леонтьев А. А.* Крестьянское право: Систематич. изложение особенностей законодательства о крестьянах. 2-е изд., пересм. и доп. СПб., 1914; *Лозино-Лозинский М. А.* Крестьянское право // *Вестн. права*. 1899. № 2. С. 1—27; *Он же.* Крестьянский двор // *Вестн. права*. 1899. № 3. С. 57—114; № 5. С. 1—64; и др.

⁴ См.: *Полное собрание законов...* Собр. третье. Т. 12. № 9804.

⁵ См.: *Полный свод законов о крестьянах*: Книга для крестьян. 3-е изд., пересм., испр. и доп. Б. м., Б. г. Т. 1. Ч. 1—2; Т. 2. Ч. 3—6.

этими источниками позволяет представить правовую базу деятельности административных органов, провести границу между их вмешательством в жизнь крестьян, основанном на законе, и полным произволом.

2. Органы крестьянского самоуправления и суда часто апеллировали к нормам *общегражданского права*, хотя по закону должны были руководствоваться при решении большинства вопросов обычным народным правом. Чаще всего использовались сборники гражданских узаконений, входившие в 16-томный комплекс «Свода законов Российской империи» (т. X, ч. 1). Такие сборники издавались много раз под различными редакциями, с включением дополнительных актов, разъяснений Правительствующего Сената, комментариями юристов и т. д.¹ Имеются также отдельные публикации по отраслям гражданского законодательства.

Неоднократно издавался сборник правовых актов о браке и разводе². Основывалось семейно-брачное законодательство, прежде всего, на нормах церковного права (50-я глава «Кормчей книги» и др.). Четко определялся нижний и верхний предел брачного возраста, запрещалось венчание браков в кровном и духовном родстве, в определенные календарные сроки и дни, до крайних пределов ограничивался развод, устанавливались права незаконнорожденных (внебрачных) детей, правила усыновления чужих детей и т. д. Старообрядцы согласно закону 19 апреля 1874 г. должны были записывать свой брак в особые метрические книги при волостных правлениях или полицейских управлениях.

Исследователями было верно подмечено, что семейно-брачное законодательство России не регулировало семью «со стороны внутренних отношений и особенно со стороны защиты слабо поставленных ее членов» (женщин и несовершеннолетних детей)³. Произвол домохозяина по отношению к личности «домашних» находил некоторый противовес лишь в крестьянском и уголовном законодательствах, предусматривавших определенные санкции со стороны волостного и коронного суда.

3. Законодательство *о продаже спиртных напитков* оказывало определенное влияние на распространенность в селениях пьянства, а значит, на состояние физического и морального здоровья населения, на масштабы девиантного поведения молодежи. Наиболее заметные последствия имело законодательство об ограничении, а затем прекращении казенной продажи

---

¹ См.: *Законы гражданские* (Свод законов, т. X, ч. 1, изд. 1900 г.): С включением позднейших узаконений и разъяснений по решению Общ. собр. и гражд. кассац. департамента Правительств. Сената с 1866 по июль 1900 г. / Под ред. А. К. Гаугерта. 5-е изд. СПб., 1902; *Законы гражданские* (Свод законов. Т. X. Ч. 1. Изд. 1914 г.) с разъяснениями Правительств. Сената и комментариями русских юристов, извлеченными из научных и практических трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 февраля 1915 г.). 5-е изд., испр. и доп. СПб.; Пг., 1911—1915. Т. 1—2; и др.

² См.: *Сборник законов, распоряжений и разъяснений о браке и разводе* / Сост. В. К. Мордвинов. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 1901; и др.

³ *Нечаев В. М.* Русское гражданское право // Россия: Энцикл. словарь. Л., 1991. С. 546.

«крепких питий» на время Первой мировой войны (рескрипт императора министру финансов от 30 января 1914 г., указ от 18 июля 1914 г. и др.¹).

4. Законодательство *о переселениях* детерминировало многие стороны миграционного поведения крестьянства: действия по регулированию людности и состава семьи, выбор сроков и маршрутов передвижения за Урал, территории для заселения и т. д. Законодательная основа переселенческого движения и устройства новоселов в Сибири в эпоху капитализма явилась предметом специального анализа у современных исследователей аграрной политики правительства, что избавляет нас от таковой необходимости²

5. Специалисты по истории педагогики раскрыли структуру и эволюцию законодательства *о начальном образовании*, отметив его ярко выраженный классовый характер, производность от идеологических установок самодержавия и церкви³. В монографии использованы тексты законодательных актов, находившиеся в постоянном практическом использовании — они были опубликованы в справочниках, переиздававшихся множество раз⁴. Их анализ подтверждает, что в надстроечных явлениях — системе административного управления деревней, общественно-правовом положении крестьян, в постоянной недооценке образовательных и санитарно-медицинских потребностей сельского населения — ярко проявлялось влияние феодально-крепостнических пережитков и окраинно-колониального положения Сибири.

6. Нормы *православно-церковного права* близко примыкают к государственному законодательству изучаемой эпохи. Церковные нормы определяли многие особенности брачного и семейного строя, воспитательной и образовательной активности верующих мирян.

Основным руководством по церковному праву для русского крестьянства в течение многих веков была «Кормчая книга», в основе которой лежит «Номоканон» — византийский сборник церковных правил и императорских указов, касающихся церкви, с толкованиями к ним⁵. Старообрядцы пользовались старыми изданиями и рукописными текстами этого источника. Некоторые экземпляры сохранились и теперь входят в коллекции отделов рукописей и редких книг крупных библиотек, они доступны для исследователей⁶. Имели в народе хождение и другие собрания и описания норм церковной жизни: «Устав о христианском житии»,

---

¹ См.: *Законодательные акты, вызванные войною 1914—1915 гг.* / Сост. О. И. Авербах. Пг., 1915—1916. Т. 1—4.

² См.: *Островский И. В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 119—192; и др.

³ См.: *Бочарникова В. И.* Политика царизма в отношении школы и церкви в государственной деревне Западной Сибири // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 403—416; *Осоков А. В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861—1917 гг.). М., 1982. С. 10—36, 118—169.

⁴ См.: *Ежегодник* внешкольного образования. М., 1907. Вып. 1; СПб., 1910. Вып. 2; *Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах* ведомства Министерства народного просвещения, с приложениями. 2-е изд. Томск, 1913; *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. 2-е изд. СПб., 1904; и др.

⁵ Подробнее см.: *Павлов А. С.* 50-я глава «Кормчей книги» как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887.

⁶ См., например: *Кормчая*. М., 1653. Книга получена от жительницы Республики Тыва Н. Д. Михайловой и хранится в секторе археологии и источниковедения ИИ СО РАН.

нравоучительные сочинения и речения отцов христианства и церковных иерархов, проповеди, «Троицкие листки» — издания ведомства православного исповедания, церковных братств, обществ трезвости и т. д.

Церковные нормы предписывают строгое единобрачие; поддержание авторитета старших в семье и обществе; любовь мужа и жены, а также родителей и детей как основу семьи; недопустимость сознательной регуляции рождаемости, а также излишеств, пьянства и разврата; плотское воздержание во время постов и праздников; обязанность учить молодых жизненной мудрости и трезвости; вступление в брак мужчины лишь по достижении духовной и общественной зрелости, когда он может стать истинным главой семьи, женщины же — когда встретит достойного человека, и т. д. Поэтому нормы церковного права не только были задействованы при регулировании образа жизни сельчан, но также являлись объектом межпоколенной передачи при социализации детей. Как и в случае со «светскими» законами, при изучении образа жизни крестьянства следует помнить о том, что между провозглашаемыми нормами и реальным поведением людей никогда не было полного соответствия.

Делопроизводственные источники — наиболее многочисленная категория материалов, очень разнородная по содержанию, степени информативности, полноте и достоверности, социальной направленности. В данном случае ее можно подразделить по происхождению на три основные части: а) документы, исходящие непосредственно из крестьянской среды; б) делопроизводство светской и церковной администрации; в) материалы общественных и научных организаций.

Наиболее высокой ценностью обладают *материалы, исходящие от крестьян*. В зависимости от адресата и содержания они оседали в архивных фондах волостных и станичных правлений, волостных судов, а также местных и центральных органов управления. Обширные массивы за многие годы составляют постановления («приговоры») сельских и волостных (поселковых и станичных) сходов, зафиксированные в специальных книгах или в виде копий включенные в документацию более высокого административного ранга. Они показывают, что на сходах происходило разверстывание повинностей, за счет которых в основном содержались деревенские школы и библиотеки, лечебницы, врачебные и фельдшерские участки, их персонал, органы крестьянского самоуправления и суда. Рассматривалась возможность открытия или реорганизаций образовательных и медицинских учреждений, обсуждалась их деятельность. Уделялось внимание вопросам благоустройства и благочиния в населенных пунктах: их санитарно-гигиенического состояния, борьбы с эпидемиями, пресечения девиантного поведения. При работе с «приговорами» необходимо учитывать и постановляющую формулу, и ее мотивировки, отражавшие бытующие в

крестьянской среде соционормативные, педагогические, медико-санитарные взгляды и установки. При трактовке решений нельзя забывать, что на них серьезно влияли требования чиновников, а решающее слово в спорных ситуациях было обычно за наиболее зажиточной верхушкой деревни, не всегда выражавшей общее мнение. Приговоры часто составлялись очень формально.

Объемный комплекс представляют книги записей судебных дел и решений волостных (станичных) судов. Нами анализировались дела Уриковского суда Иркутского уезда одноименной губ. за 1902 г., Заледеевского суда Красноярского уезда Енисейской губ. за 1905 г., Башцелакского суда Бийского уезда Томской губ. за 1907 г. и Александровского суда Красноярского уезда за 1916 — начало 1917 г.¹ За предыдущий период есть многочисленные описания работы и решений волостных судов². Судебные материалы свидетельствуют, что денежные и имущественные споры, личные конфликты подрывали традиционную роль семьи и общины как авторитетных механизмов трансляции и сохранения социокультурного опыта. Росли масштабы аморального и криминального поведения молодежи. Теоретически решения судов, предшествующие им показания свидетелей, выступления истцов и ответчиков должны были отражать нормы народного права; однако следует считаться с фактами формализма, коррумпированности и кумовства, просто некомпетентности судов, с аморфным состоянием многих обычаевых норм.

Прошения, ходатайства, жалобы, направленные в различные административные учреждения и общественные организации, составляют еще одну группу массовой документации, исходящей от крестьянства. В духовные консистории и Синод писали по поводу брачных дел — о необходимости раннего повенчания сына или дочери, невозможности вступить в брак из-за непомерной платы за венчание. Училищной администрации направляли прошения об открытии в селе школы, об освобождении от хлопотной должности школьного попечителя. Врачебной администрации выражали благодарность за самоотверженную работу медиков во время эпидемии холеры, заявляли о неимении средств для содержания лечебницы. Перед переселенческими организациями ходатайствовали о переводворении в связи со смертью жены и невозможностью без помощи родственников воспитывать детей, о строительстве поблизости школы, церкви или больницы и т. д. Больше всего «бумажных» дел крестьяне имели, конечно, с крестьянской администрацией, прошения и жалобы восходили вплоть до самого императора.

В документах такого рода очень ценны и формулировки самих просьб, и описания обстоятельств дела, условий его возникновения и развития. Часто имеются сопутствующие

---

¹ ГААК, ф. 182, оп. 1, д. 54—55; ГАИО, ф. 143, оп. 1, д. 143, 145; ГАКК, ф. 244, оп. 1, д. 723; ф. 630, оп. 1, д. 4.

² См.: *Акципетров П.* Народные проступки // Алтай. С. 185—188; *Ван-Сесля.* Пятилетие волостного суда // ВО. 1889. 3 дек.; *Волостной суд* // Сибирь. 1886. 9 нояб.; и др.

документы, помогающие объективнее разобраться в сути событий. С другой стороны, прошения и жалобы иногда написаны наемным писарем по определенному трафарету, с привлечением аргументов, искажающих истинные мотивы возникновения документа.

Делопроизводство светской и церковной администрации в своей значительной части было как раз связано с рассмотрением документации, исходящей от крестьянства, с принятием и проведением в жизнь соответствующих решений. Эта группа источников наилучшим образом дает представление об административно-правовых условиях воспроизводства сельского населения.

Другую часть делопроизводства административных органов можно назвать «отчетной». Это письменные отчеты губернаторов, военных генерал-губернаторов, наказных атаманов казачьих войск, Министерства народного просвещения, медицинского ведомства, настоятелей православных епархий, обер-прокурора Синода, крупных чиновников после инспекционных командировок в Сибирь и т. д. Текстовая часть отчетов составлялась на основе отчетов, донесений, рапортов с мест, проходя обычно несколько ступеней обобщения. На каждой ступени часть ценной для нас информации «отслаивалась». Материалы некоторых административных «вертикалей» практически не были использованы исследователями до сих пор, например: участковые фельдшеры и врачи, командированные медики, лечебные заведения — врачебное отделение губернского управления — Главное управление врачебного инспектора в начале XX в.

Часть отчетов «верхнего» уровня публиковалась¹, основная же масса документации выявлена нами в архивных фондах соответствующих и вышестоящих органов. Ввиду массового характера ее обработка индивидуальным исследователем реальна только на выборочной основе. Возможен анализ всей документации в хронологической динамике, поскольку она имеется за много лет и обычно составлялась по устойчивой форме. Для историка это первоклассный материал при изучении всех сторон воспроизводства населения, но особенно — правовой, демографической и воспитательно-образовательной политики государства и церкви.

Третья часть делопроизводства светской и церковной администрации — это подзаконные административные акты всех видов: постановления, циркуляры, предписания, приказы, обращения к населению и др. Им обычно предшествовали какие-либо подготовительные

---

¹ См.: *Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода, по ведомству православного исповедания за ... г.* СПб.; Пг, 1886—1916; *Ермолов А. С.* Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896; *Он же.* Прибавление к всеподданнейшему докладу министра, земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896; *Куломзин А. Н.* Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896; *Он же.* Потребности начального образования в Сибири: Всеподданнейший доклад по поездкам в Сибирь 1896—1897 гг. СПб., 1898; *Отчет* о состоянии церковноприходских школ и школ грамоты Томской епархии за 1889—1890 учебный год // Томские епарх. ведомости. 1891. 1, 15 июня; 1, 15 июля; и др.

материалы. К этому комплексу можно присоединить и документы, предшествовавшие принятию законодательных актов. По требованию властей подведомственные органы собирали необходимые фактические сведения, мнения и отзывы, заключения специалистов, в которых находил яркое и разностороннее отражение регулируемый сектор общественной жизни.

Наиболее ценными для нашей монографии оказались из этой подгруппы подготовительные материалы к следующим планировавшимся узаконениям.

1. К законодательству о пресечении хулиганства в сельской местности России (это законодательство готовилось в 1912—1913 гг.). Согласно циркуляру Земского отдела МВД губернаторам, в Иркутской губ. были собраны заключения крестьянских начальников, заведующих переселенческими подрайонами, волостных правлений и части сельских сходов, на основе чего губернское управление сделало представление в министерство о масштабах распространения, формах проявления хулиганства и желательных мерах борьбы с этим злом¹.

2. К законодательству об ограничении виноторговли (воплотилось в «сухом законе» 1914 г.). В Тобольской губ. многие сельские сходы дали обстоятельные ответы на вопросы о степени и причинах распространения пьянства и формах его пресечения, возможных последствиях ограничительной меры².

3. К введению в Сибири земского управления. Вопрос обсуждался с конца XIX столетия. В 1905 г. к участию в дебатах были подключены в Иркутской губ. съезды представителей крестьянства, высказавшие мнения о задачах планируемых земских образовательных и санитарно-медицинских учреждений³.

Комплексом материалов к готовившейся в начале века аграрной реформе являются и материалы местных органов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности — комитетов, работавших в 1902—1903 гг. во всех сибирских губерниях и Акмолинской обл., а также Красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства⁴. Администраторы и специалисты, общественные деятели, приглашенные на заседания комитетов лица, в том числе из среды передовых зажиточных крестьян, представили сведения о состоянии сети народного образования и здравоохранения, присмотра за детьми, гигиены и санитарии в населенных пунктах и т. д.

---

¹ ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 137.

² ТФ ГАТюМО, ф. 335, оп. 1 (604), д. 11.

³ См.: *Сборник о земстве в Сибири: Материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях*. СПб., 1912.

⁴ См.: *Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности*. СПб., 1903—1904. Т. 53—57; *Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности по Сибири, Степному и Туркестанскому краям, Кавказу и Закавказью*. СПб., 1904; *Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ.* Красноярск, 1903; ЦГИА, ф. 1233, оп. 1, д. 203, 327—329; и др.

Из делопроизводственных *материалов общественных организаций* использованы еще опубликованные протоколы заседаний Омского медицинского общества, ежегодные отчеты и протоколы Енисейского губернского общества врачей, в которых отразилось обсуждение врачами состояния здоровья сельского населения¹.

Описания сельского быта в различных местностях Сибири — тоже весьма представительный вид источников. Имеются в виду описания, составленные с целью изучения культуры и быта сибиряков: медицинские, экономические и этнографические. Здесь сгруппированы тексты, написанные местными жителями-краеведами, в том числе крестьянами; работы политических ссыльных, долго живших среди крестьянства; материалы, составленные учеными и чиновниками во время научных экспедиций, посещений деревень; сочинения путешественников. Описания публиковались в изданиях организаций, проводивших экспедиции и обследования, на страницах массовой периодики, часть из них сохранилась в архивных фондах. Комплекс описаний очень неоднороден по источникам, хронологическим рамкам, объекту наблюдения, степени научности и т. д. Но в них отразились с разной степенью полноты и достоверности почти все аспекты демографического и социализирующего поведения сибирских крестьян.

Медицинские описания составлены чаще всего профессиональными врачами. Они включают незаменимую и довольно правдивую информацию о санитарно-гигиеническом состоянии населенных пунктов и дворов, обстановке деторождения, о методах первоначального ухода за детьми, обстоятельствах высокой младенческой смертности, несчастных случаев с подростками, подключенными к хозяйству и т. д.²

Экономические описания значимы главным образом тем, что в них отражена связь воспроизводства населения с хозяйственной жизнью деревни — стержневой сферой образа жизни крестьянства. Некоторые описания являются составной частью уже названных статистико-экономических обследований сельского быта³, описательно-справочных изданий, предназначенных для переселенцев и организаторов переселенческого движения⁴. Последние

---

¹ См.: *Протоколы* Омского медицинского общества. Омск, 1886—1914; *Отчет* Енисейского губернского общества врачей с приложением трудов общества за ... год. Красноярск, 1888—1896; *Протоколы* и труды Общества врачей Енисейской губ. за ... г. Красноярск, 1897, 1905.

² См.: *Воронов К. С.* Томский и Каинский округа в медицинском соотношении // ТГВ. 1865. № 14, 16—21; *Кашин Н. И.* Зоб и кретинизм вне и в пределах России, в особенности в Приленской долине и по другим местностям Иркутской губ. Иркутск, 1871; *Костров Н. А.* Климат и болезни в Нарымском крае в течение последних пяти лет // ТГВ. 1871. № 39—40; *Куркутов А. Г.* Верхнеуярский поселок Новосеменовка // Отчет О-ва врачей Енисейской губ. за 1894—1895 гг. Красноярск, 1895. С. 29—44; *Крутовский В. М.* Дифтерит в Красноярском окр. // СГ. 1883. 23 янв.; и др.

³ См.: *Кауфман А. А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губ. СПб., 1895—1896. Т. 1—2; *Материалы* для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. за 15 лет (с конца 70-х гг. по 1893 г.). М., 1895—1897. Т. 1—2; *Материалы* для изучения... Западной Сибири; *Материалы* по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. М.; Иркутск, 1890—1894. Т. 2. Вып. 1—6; Т. 4. Вып. 1—6; *Комиссия* для исследования... Вып. 6; *Швецов С. П.* Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском окр. // Алт. сборник. Барнаул, 1899. Т. 4. Вып. 1—2; и др.

⁴ См.: *Арефьев В. С.* Описание Сибири: Очерки для народного чтения. Томск, 1900—1901. Вып. 1—2; *Девель Ф.* Рассказы о Восточной Сибири, т. е. о губерниях Енисейской и Иркутской, об области Приморской и об округах Якутском и Забайкальском. М., 1896; *Рубакин Н. А.* Рассказы о Западной Сибири, или о губерниях Тобольской и Томской, и как там

менее информативны, поскольку имеют обзорный характер. Наконец, еще одна подгруппа — хозяйственно-бытовое описание отдельных местностей. Здесь выделяются сочинения крестьянина с. Курагинского Минусинского окр. Енисейской губ. *Ф. Ф. Девятова*, выступившего, в частности, против преувеличения роли многолюдной семьи в развитии крестьянского домохозяйства¹; работа *М. В. Загоскина* о с. Грановском Урикской вол. Иркутского окр. одноименной губ. (при изложении результатов личных десятилетних наблюдений автор учитывал лучшие научные программы для писания сельских общин)²; описание анонимным корреспондентом газеты «Восточное обозрение» хозяйственного быта Верхотурского окр. Иркутской губ., последовательно акцентирующее внимание на различиях в жизни бедноты, середняков и кулачества³.

Этнографические описания — незаменимый источник для изучения традиционных форм мирозерцания, культуры и поведения. Демографическая и социокультурная «повседневность» описывается этнографами на основе образца, принятого в данной группе или местности и передающегося из поколения в поколение. Постоянно приводятся ссылки на «обычай», «опыт дедов и отцов», показывается роль семьи, сельского общества и трудовых объединений в передаче и закреплении традиции. Иногда традиция дана в вариантах и развитии. Патриархальные порядки при этом зачастую идеализируются.

По содержанию этнографические описания можно подразделить на комплексные и специализированные (описания брачных порядков и обычаев, народной медицины, народной педагогики, народного обычного права и др.). Лучшие комплексные описания составлены либо по принципу годового цикла народного календаря⁴, либо чаще на «срезе» основных сфер традиционной народной культуры и быта. Один из наиболее полных вариантов второго типа находим в работе *И. Я. Неклепаева* о Сургутском крае на рубеже веков, где последовательно описаны обычаи и обряды при рождении, крещении и свадьбе, детские игры и увеселения молодежи, способы лечения, погребальные обряды и суеверия о мертвых и т. д.⁵ Материалы о

живут люди. 2-е изд. М., 1898; и др.

¹ См.: *Девятов Ф. Ф.* О нуждах хозяйства в Минусинском уезде // Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. С. 37—38; *Он же.* Обзор сельского хозяйства и других промыслов жителей Минусинского окр. // МКМ, оп. 1а, д. 52; *Он же.* По поводу семейных разделов и некоторых других явлений в экономической жизни минусинского крестьянина // СГ. 1885. 22 дек.; *Он же.* Результаты крестьянского самоуправления в Минусинском окр. // Сибирь. 1886. 26 окт.; 2 нояб.; *Он же.* Современное положение крестьянства в Сибири // ВО. 1884. 13, 27 сент.; *Он же.* Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Лит. сборник. СПб., 1885. С. 304—322; и др.

² См.: *Загоскин М. В.* Одна из сибирских общин (с. Грановское). Иркутск, 1891.

³ См.: *Г.* Экономический быт верхотурского крестьянина // ВО. 1884. 12, 19 июля.

⁴ См.: *Арефьев В. С.* В низовьях Ангары // Сиб. сборник. Иркутск, 1900. Вып. 1. С. 1—36; 1901. Вып. 1. С. 88—116; *Виноградов Г. С.* Материалы для народного календаря русского старожиле населения Сибири. Иркутск, 1918; *Ермолаев А. И.* Занятия Приангарья // КККМ, о/ф. 7886, п. и. 203, 209; *Зобнин Ф. К.* Из года в год: Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского окр. // ЖС. 1894. Вып. 1. С. 37—64; *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913; *Савельев А. А.* Дневник // РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 178; и др.

⁵ См.: *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. ЗСОРО. 1903. Кн. 30. С. 29—230. См. также: *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы // Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРО. 1911. Вып. 5. С. 1—115; *Головачев П. М.* Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1905; *Григоровский Н. П.* Крестьяне-старожилы Нарымского края // Зап. ЗСОРО. 1879. Кн. 1. С. 1—28; *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков. Владивосток, 1904; и др.

брачном и репродуктивном поведении, воспитании детей вкраплены в комплексные описания почти всегда, что лишний раз свидетельствует о важном месте воспроизводства населения в образе жизни крестьянства.

Из многочисленных неопубликованных этнографических описаний хотелось бы особо назвать выявленные и впервые использованные нами полевые дневники и записи *М. В. Красноженовой*, в период 1909—1929 гг. собравшей богатый материал по теме «Ребенок в крестьянском быту» в селениях на Московско-Сибирском тракте под Красноярском¹. Рукописный сборник ответов Казачинского волостного правления Енисейского окр. одноименной губ., датированный до 1897 г., составлен по программе изучения народного права, разработанной Русским Географическим обществом². Несколько «Сборников наблюдений над жизнью в Тобольской губ.» известного педагога-краеведа *Ф. К. Зобнина* составлены в 1890-х гг.³ Этнографические материалы о русском населении Сибири регулярно печатались в «Ежегодниках» Тобольского губернского музея. Много интересных сведений издали Отделение этнографии Русского Географического общества, его отделы и подотделы в Сибири⁴, Общество изучения Сибири и улучшения ее быта с отделами на местах⁵, научные общества при Московском и Казанском университетах⁶. Этнографические материалы охотно печатали журналы «Сибирский архив», «Сибирский наблюдатель», «Сибирский сборник». В 1920-х гг. силами Восточно-Сибирского отдела РГО и Иркутского университета было издано девять насыщенных сборников «Сибирской живой старины», приступил к этнографической работе Томский краевой музей⁷. Немало этнографических описаний рассеяно по страницам популярной периодики.

Публицистика как вид письменных источников в данном случае не синоним «периодической печати». Дело в том, что периодика публиковала источники практически всех видов, хотя на первом месте здесь и стояли публицистические сочинения. Последние можно подразделить на корреспонденции и тематические очерки.

Наиболее многочисленна подгруппа *корреспонденции*. В газетах всех направлений имелись разделы с названиями «По Сибири», «Хроника», «Сибирские вести», «Корреспонденции», где помещались материалы, написанные крестьянами, представителями сельской интеллигенции,

¹ КККМ, о/ф. 7886, п. и. 110, 123.

² АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19.

³ Там же, разр. 61, оп. 1, д. 37; РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 739.

⁴ См.: *Живая старина*. 1893—1906; *Известия* СОРГО. 1870—1878. Т. 1—9; *Известия* ВСОРГО. 1879—1926. Т. 10—45; *Записки* ЗСОРГО. 1879—1927. Кн. 1—39; *Алтайский сборник*. Барнаул, 1894—1930. Т. 1—12; *Записки* Семипалат. подотд. ЗСОРГО. 1903—1928. Вып. 1—17; *Записки* Краснояр. подотд. ВСОРГО. 1902—1929. Т. 1—3; и др.

⁵ См.: *Труды* Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. СПб., 1909. Вып. 2; *Труды* Томского общества изучения Сибири. Томск, 1912. Т. 2. Вып. 1; *Известия* Иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск, 1917. Т. 1; *Записки* Тулуновского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск, 1918. Кн. 1; и др.

⁶ См.: *Этнографическое обозрение*. 1889—1916; *Известия* Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1892. Т. 10. Вып. 3; 1926. Т. 33. Вып. 2/3; и др.

⁷ См.: *Сибирская живая старина*. Иркутск, 1923—1929. Вып. 1—9; *Труды* Томского краевого музея. Томск, 1927—1929. Т. 1—2.

«заезжими» людьми. Реже помещали корреспонденции общественно-политические и прочие журналы, но здесь производился более тщательный отбор. Для историка многое дают рассказы о бедствиях и поведении переселенцев, о самосохранительных мерах крестьянских обществ при эпидемиях, о строительстве школ и больниц, круге чтения жителей, отношениях между крестьянами и служащими по учебной, медицинской и церковной линиям.

В публицистике часто встречаются уникальные свидетельства о важных индивидуальных событиях, например, о благотворительных по отношению к школе поступках конкретных крестьян. Но корреспонденции предстают и в другом аспекте: как подвид массовых источников. Мы извлекали из них представление о массовых, типичных явлениях и процессах, поэтому важен был сплошной просмотр соответствующих рубрик за многие годы. Это сделано применительно к газетам официальным («Тобольские губернские ведомости» за 1862—1878 гг., «Томские...» за 1863—1883, «Енисейские...» за 1866—1885), буржуазно-либеральным («Сибирь» 1880—1886 гг., «Сибирская газета» 1882—1883, «Сибирская жизнь» за 1897—1914 гг.) и демократическому «Восточному обозрению» (1882—1905 гг.). За отдельные годы мы пользовались и центральными органами печати, а также профессионально-специализированными газетами (столичный «Врач» и томский «Сибирский врач»), «Сибирским медицинским журналом» 1920-х гг.

Обширные корреспонденции зачастую перерастали в тематические очерки. К *очерковой публицистике* мы относим также редакционные статьи и популярные очерки о разных сторонах народной жизни. В них значимы не только информация, но также установки и оценки авторов, отражавшие место изучаемых нами явлений в общественном сознании.

«Сибирские» очерки появлялись в общероссийских общественно-политических, литературно-политических, общественно-научных журналах, они занимали ключевое место в региональных «Сибирских вопросах», «Сибирских записках» и пр. Публицистический характер имеют и некоторые книжные издания. На восприятие общественностью России образа жизни сибирского крестьянства, на методологические позиции целых поколений исследователей оказали в свое время влияние публицистические книги *И. И. Завалишина*, *В. В. Берви-Флеровского*, *Н. М. Астырева*, *В. М. Крутовского*, *Н. М. Ядринцева* и других авторов.

В публицистике еще в 1860-х гг. сформировалось два оценочных подхода к образу жизни крестьянина-сибиряка. С одной стороны, *И. И. Завалишин* начал пропаганду абсолютно идиллической картины «счастливого сельского быта» в Сибири. В «сытом, тепло обутом и одетом, удобно обустроенном крае» крестьяне якобы имели низкую смертность, гораздо лучшее, чем в Европейской России, здоровье, высокую продолжительность жизни, были хорошо образованы и т. д.¹ С другой стороны, книга *В. В. Берви-Флеровского* несла в себе

---

¹ См.: *Завалишин И. И.* Описание Западной Сибири. М., 1862—1867. Т. 1—3.

гиперкритический заряд. Автор писал об абсолютно нищенской жизни большинства крестьянства, поголовном физическом изнурении и упадке сил, особенно в женской и детской части населения, о распаде семейного быта¹. Н. М. Астырев, считал жизнь сибирского крестьянина «жвачной жизнью сытого организма, не имеющего никаких идеалов впереди, никаких заветов — позади себя»².

В публицистике шла оживленная полемика по этим и другим позициям. По существу, она была отражением более широкого спора об историческом месте крестьянства, его традиционной культуры в исторических судьбах России.

Воспоминания очевидцев и участников исторического процесса больше, чем другие источники, отражают индивидуальные особенности личности создателей. Они незаменимы для вхождения в ментальную атмосферу деревенской среды, для понимания умственного и нравственного склада, психологии крестьян.

Основная часть использованных в монографии мемуаров появилась в крестьянской среде или написана выходцами из крестьянства. По способу фиксации их можно подразделить на авторские и записанные «со слов». Часть крестьянских воспоминаний была известна историкам, иные же введены нами в научный оборот впервые.

Целый ряд воспоминаний посвящен «деревенскому детству». Опубликованы еще в дооктябрьский период воспоминания крестьянского сына купца *Н. М. Чукмалдина*, бесценные при изучении воспитания и образования в старообрядческой среде середины XIX в.³ Кинематографист *И. Г. Ростовцев* в форме «семейной хроники» рассказывает о родительской семье, судьбе пробивающегося к образованию деревенского паренька на фоне бытовых и общественных порядков в Комской вол. Минусинского уезда Енисейской губ. начала XX в.⁴ Обстоятельные записки оставил и инженер *Ф. Д. Останин*, выросший в с. Сидорском Барнаульского уезда Томской губ. в переселенческой среде. Их «дореволюционная» часть заканчивается поступлением крестьянского сына в учительскую семинарию⁵. Учительница *А. В. Трифонова* подростком тоже помогала отцу в хозяйственных работах, была наставницей пятерых «младшеньких» и хорошо описала «трудовую школу» в своих воспоминаниях (с. Хаихта Куйтунской вол. Нижнеудинского уезда Иркутской губ.)⁶.

Авторские тексты Останина и Трифоновой хранятся в архивах. К неопубликованным воспоминаниям в основной своей массе относятся и многочисленные автобиографии (иногда они входят в комплексы делопроизводственных источников). Мы познакомились с

---

¹ См.: *Берви-Флеровский В. В.* Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения. М., 1958. Т. 1. С. 31—618.

² См.: *Астырев Н. М.* На таежных прогалинах.

³ См.: *Чукмалдин Н. М.* Записки о моей жизни. М., 1902.

⁴ См.: *Ростовцев И. Г.* На краю света: Записки очевидца. М., 1985; *Он же.* В сибирской дальней стороне // ИИ, п. 121.

⁵ *Останин Ф. Д.* История — вечно живая память народа // ИИ, п. 118.

⁶ ИОЦДНИ, ф. 393, оп. 5, д. 528.

автобиографиями ряда активных участников гражданской войны на востоке Сибири, как сохранившимися в архивных фондах бывшей КПСС, так и опубликованными. Много общего было в детских и молодых годах жизни этих людей, в основном выходцев из деревенской бедноты: многодетная родительская семья, иногда неполная, необходимость батрачить с ранних лет, влияние ссыльных революционеров на идейное становление и т. д.¹

Переселенческим делам посвящена книга крестьянина Калужской губ. *М. В. Сумкина* — записки ходока, ездившего в 1907 г. в Степной край «за землей». Его глазами мы наблюдаем обстановку аграрных миграций, убийственную особенно для детского здоровья². Другой крестьянин, *И. Е. Беляков*, в письме, направленном в журнал, поведал об обстоятельствах переселения своей семьи и группы односельчан в Казаткульскую вол. Каинского окр. Томской губ. в конце XIX в.³

Целая группа воспоминаний записана «со слов» мемуаристов собирателями — участниками историко-бытовых, историко-этнографических, фольклорных и прочих экспедиций. Записи, опубликованные в фольклорных сборниках под рубрикой «Предания и устные рассказы», обычно не имеют чисто фольклорного характера. По содержанию это зачастую достаточно достоверные источники знаний о конкретных явлениях и людях. Таковы записанные фольклористами в 1960-х гг. в Забайкалье рассказы казаков о том, как учили детей, готовили к службе и вразумляли на сходах молодежь до революции⁴. В 1940—1950-х гг. *А. А. Мисюревым* собраны воспоминания жителей бывших Каинского и Томского уездов Томской губ. В них звучит гордость за свою трудовую семью, из поколения в поколение передававшую кузнечное дело (*А. К. Денисов*); отражена тяжелая участь женщины в старой деревне (*Е. П. Николаева*) и т. д.⁵

Часть записей не публиковалась, отложилась в архивных фондах. *Л. М. Горюшкин* ввел в научный оборот те из них, что были записаны в 1955—1957 гг. сотрудниками Государственного Исторического музея на юге Красноярского края и севере Томской обл.⁶ Неизвестными были до сих пор записанные *М. В. Красноженовой* воспоминания *М. И. Пальмина* о детском быте и школьном обучении в с. Березовском под Красноярском в конце XIX в.⁷ Во время создания Мемориального музея-заповедника «Сибирская ссылка В. И. Ленина» в с. Шушенском этнографы зафиксировали воспоминания *Н. И. Бутенко* о порядках

¹ Там же, д. 229, 230, 752; ф. 300, оп. 1, д. 222—226, 489, 693; *Рютин М. Н.* На колени не встану. М., 1992. С. 50—63.

² См.: *Сумкин М. В.* В Сибирь за землю: Записки ходока. М., 1908.

³ См.: *Беляков И. Е.* Переселенец о Сибири // Рус. богатство. 1899. № 3. С. 1—14.

⁴ См.: *Фольклор казаков Сибири* / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Улан-Удэ, 1969. С. 193—203, 336.

⁵ См.: *Мисюрев А. А.* Сибирские сказки, предания, легенды. Новосибирск, 1959.

⁶ ОПИ ГИМ, ф. 475, оп. 1, д. 1, 3; ф. 476, оп. 1, д. 12.

⁷ КККМ, о/ф. 7886, п. и. 117, л. 27—28.

в хозяйстве прадеда — богатого торговца Э. Урбана, где большинство работников были сиротами или детьми бедняков¹.

Источниковая база исследования была приращена автором путем записи воспоминаний о народном опыте воспитания и образования детей от крестьян-долгожителей. В 1980-х гг. нами была составлена программа полевого сбора воспоминаний, по которой студенты-заочники исторического факультета Новосибирского пединститута опросили несколько десятков человек, в основном 1900—1910 гг. рождения. Программа включала вопросы, слабее всего отраженные в имеющихся источниках, — о приемах этического и физического воспитания, индивидуальных мотивах обучения грамоте, отношениях между школьниками и учителями и др. Записи оформлены в специальную коллекцию, наиболее интересные из них опубликованы нами².

Сопоставление с другими источниками выявляет некоторые слабые места крестьянских воспоминаний. Иногда ситуация в конкретной семье или группе семей необоснованно обобщается, на канву событий накладываются гораздо более поздние их оценки и т. д.

Кроме крестьянских, в монографии использованы воспоминания тесно соприкасавшихся с жизнью сельчан Сибири чиновников, учителей, врачей³.

Фольклорные материалы, использованные нами в данной работе, представлены произведениями устного народного творчества: пословицами и поговорками, детским фольклором, поэзией пестования, свадебной и календарно-обрядовой поэзией, причитаниями, частушками и др. Они могут быть также классифицированы по принадлежности разным региональным, историко-этнографическим, этносоциальным категориям сибирского крестьянства, по характеру отразившейся в них информации.

В яркой образной форме фольклор фиксирует представления народа о браке, супружеской жизни, отношении к старости и смерти, желательном количестве детей, о здоровом образе жизни, о важности и трудности воспитания и образования детей. Памятники фольклора непосредственно «участвовали» в воспроизводстве населения. Во-первых, как своеобразное «руководство к педагогическому действию», во-вторых, как средство деятельности (так, пословицы и поговорки были действенным средством воспитания), в-третьих, в качестве объекта межпоколенной трансляции при социализации: вековая мудрость, заключенная в них, передавалась детям и внукам. Анализируя содержание памятников, можно установить, какие культурные и нравственные ценности считались необходимыми для социального

---

¹ РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 1658.

² НГПИ, д. 1–7; *Зверев В. А.* Живешь – не оглянешься // Сов. Сибирь. 1992. 15 июля.

³ См.: *Загоскин М. В.* Десять лет в сибирской деревне // Сиб. сборник. СПб., 1890. Вып. 1. С. 1–39; *Зинин Н. К.* Воспоминания из сибирской жизни 1887–1892 гг. СПб., 1895; *Лазарев И. Ф.* Воспоминания из врачебной службы в Сибири // Мед. вестник. 1867. 18, 25 февр.; 26 авг.; 2, 9 сент.; 18 нояб.; *Р-ва.* Из дневника окружной акушерки // Сибирь. 1886. 16 марта; 1887. 31 мая; и др.

наследования. При выяснении особенностей развития и бытования фольклора определяются цели, средства, способы и результаты такого наследования.

Данный вид источников явился для нас вспомогательным, лишь в параграфе о воспитании он стал одним из основных. Мы использовали как многочисленные публикации фольклора дооктябрьской и советской эпох, так и ряд собраний, отложившихся в архивохранилищах. К последним относятся, в частности: 1) две коллекции фольклора, собранные в начале века в Восточной Сибири и хранящиеся в Институте русской литературы РАН¹; 2) собрание Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, включающее среди прочего пословицы и поговорки жителей Барнаульского окр. Томской губ. 1893 г. и Иркутской губ. 1909 г.²; 3) фольклорные материалы Российского госархива литературы и искусства с записями сибирских собирателей, в том числе священника *В. Адрианова* из Курганского окр. Тобольской губ. за 1865 г.³

Взятые в совокупности, все охарактеризованные источники позволяют достаточно полно и объективно рассмотреть воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.

---

¹ ИРЛИ, разр. V, колл. 78, 87.

² АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 344, 345.

³ РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 3, 43, 178, 239; оп. 2, д. 19 и др.

Глава II. ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗОБНОВЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

БРАЧНОЕ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В число важнейших институтов, посредством которых сельское сообщество в России второй половины XIX — начала XX вв. производило регулирование демографического поведения своих членов и социализацию подрастающих поколений, входили брак и семья. Брак создавал рамки, в которых преимущественно протекало половое поведение людей и рождение детей. Семья являлась основной ячейкой, призванной физически сохранять родившихся, давать детям необходимое в будущей жизни умственное, нравственное, эстетическое и физическое развитие. Поэтому характеристику воспроизводства населения логично начать с брачного поведения, т. е. с тех аспектов демографического поведения крестьян, которые связаны со вступлением в брак и созданием (после рождения первого ребенка) нуклеарной семьи.

Поскольку природной, биологической основой вступления в брак и деторождения является **половое созревание**, попытаемся выяснить, прежде всего, в каком возрасте наступала половая зрелость у молодежи в изучаемой социальной среде. Источники предоставляют нам такую возможность: по трем местностям Сибири за разные годы (Красноярский окр. Енисейской губ. за 1891—1892 гг., Забайкальская обл. за 1894—1902 гг., Ишимский уезд Тобольской губ. за 1909 г.) имеются сведения о возрасте появления первых менструаций (менархе) у 1212 деревенских девушек¹.

Со слов женщин, обращавшихся к врачам, известно, что «цветное», «нарубашное» появлялось у некоторых из них уже на 10—12-м годах жизни, но до 15 лет менструировавших было очень мало. Средние показатели менархе (среднее арифметическое, мода и медиана) были близки к 16 годам, в Забайкалье несколько варьируясь у групп крестьянок, казачек, семейских вследствие разницы в генезисе этих категорий населения. Там, где имеется возможность сравнения, выясняется: сельские жительницы достигали физического совершеннолетия позже, чем горожанки, крестьянки — позднее мещанок и представительниц других привилегированных сословий. «Более здоровые условия деревенской жизни влияют на несколько более позднее менструирование», — так комментировал врач Ю. Д. Талько-

---

¹ См.: Крутовский В. М. К материалам по вопросу о половой деятельности женщин Красноярского окр. // Отчет О-ва врачей Енис. губ. за 1892—1893 гг. Красноярск, 1893. С. 5—8; Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье. СПб., 1903. С. 13; Арканов С. К антропологии сибирячки (половая жизнь) // Сиб. врач. 1917. 20 нояб.

Грынцевич эту закономерность, известную и в других местностях¹.

Следует учитывать, что в традиционных народных представлениях не существовало жесткой увязки физиологических признаков способности к деторождению и аскриптивных (приписываемых традицией) признаков совершеннолетия. Общественное сознание приурочивало половую зрелость к определенной возрастной норме («поре») с диапазоном в несколько лет, причем ее начальный рубеж мог не вполне совпадать с действительным созреванием организма. Этот рубеж был связан также с наступлением социальной зрелости и многими местными условиями.

Применительно к нескольким крупным регионам Европейской России этнограф Т. А. Бернштам составила таблицу, в которой выделены возрастные этапы начала и пика фактического совершеннолетия девушек, а также времени выхода их замуж. К сожалению, использованные источники не позволили автору четко дифференцировать физиологическое и аскриптивное совершеннолетие. Мы можем теперь дополнить эту таблицу сведениями по Сибири, в качестве главного критерия взяв физиологические признаки (табл. 1).

Таблица 1

Возраст физиологического совершеннолетия и вступления в брак у девушек России во второй половине XIX — начале XX вв., лет*

Регион	Совершеннолетие		Вступление в брак	
	Начало	Пик	Норма	Предел
Южнорусский	13–14	16	16–18	19
Центральный, верхневолжский	13–15	16–18	16–23	25
Средневолжский	13–16	16–18	16–25	25
Северорусский	13–16	16–22	16–27	25–28
Сибирский	15–16	17–22	16–27	25–30

* Данные по регионам Европейской России заимствованы из кн.: *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX вв.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 42—49. Показатели по Сибири установлены по источникам: *Арканов С. К.* антропологии сибирячки (половая жизнь) // Сиб. врач. 1917. 20 нояб.; *Кокоулин К. К.* Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ. // Изв. ВСОРГО. 1903. Т. 34. № 2. С. 140; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье. СПб., 1903. С. 17.

Усредненные данные показывают, что начало физического совершеннолетия наступало у сибирских девушек-крестьянок несколько позже, чем у жительниц Европейской России. Пик половой зрелости (тот возраст, когда менструации появлялись практически у всех девушек, а общественное мнение считало замужество для них наиболее желательным) длился в целом дольше, чем на западе страны, будучи близким северорусской зоне. Та часть таблицы 1, которая характеризует возраст вступления в брак, будет комментироваться ниже.

Традиция предписывала молодым людям по достижении совершеннолетия вступить в брак, но на практике между моментом достижения брачной поры и женитьбой (замужеством) у

¹ Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении... С. 13.

многих проходило несколько лет. Этот период «женихания» во многих источниках характеризуется в критическом ключе. Этнограф из ссыльных В. С. Арефьев писал в конце XIX в. из Приангарья: «Строгостью нравов здешние девицы не отличаются. За очень немногими исключениями каждая из них переменит до замужества несколько любезных. <...> На скользкий путь любовных удовольствий здешняя молодежь выступает очень рано. Существует такая примета: если девочку-подростка, ударивши шапкой, не сшибешь с ног, то значит, она выросла уже настолько, что ухаживая за нею, можно надеяться на успех»¹. «Развращенность и потеря целомудрия молодежью обоего пола даже часто ранее достижения физической зрелости — явления обыкновенные», — утверждает в отчете о состоянии Енисейской епархии за 1910 г.² О «большой распущенности в половых отношениях» сельской молодежи или, по крайней мере, об отсутствии «строгости нравов» писало и множество других наблюдателей³. Однако внимательный анализ показывает: речь в большинстве случаев идет о более или менее прочных отношениях некоторой части юношей и девушек, «припавших к душе», «поглянувшихся» друг другу, «слубившихся» и мечтающих о создании семьи. Взвешенно ситуацию оценила М. В. Швецова применительно к старообрядческому населению Алтая: «Отношения между парнями и девушками свободные, но особенного разврата ... я не наблюдала: парень, выбрав себе подругу, довольствуется уже ею одною и с другими не заигрывает; то же следует сказать и о девушках, хотя, разумеется, встречаются и исключения»⁴.

Во многих описаниях и документах отмечается стремление девушек сохранить целомудрие до свадьбы, что предусматривалось традицией. Считалось необходимым, чтобы родители контролировали поведение «молодяжника» в добрачный период, поэтому в иных крестьянских семьях, особенно старообрядческих, даже не пускали девиц на вечерки⁵. Однако в большинстве случаев «присмотр» старших не был столь суровым. Выбирая невесту для сына, крестьяне, конечно, учитывали ее нравственную репутацию, но больше заботились «о том, чтобы невеста была крепкого сложения, здоровая, испытанная ... и не калека, чем об ее красоте и нравственности»⁶. По ряду источников прослеживается постепенное отмирание у сибиряков-старожилов в изучаемый период обычая «подклети» (удостоверения целомудрия

---

¹ Арефьев В. С. Письма с Ангары // Сиб. жизнь. 1899. 2 нояб.

² РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2387, л. 45.

³ См.: Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876. С. 25—26; Логиновский К. Д. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья. Хабаровск, 1899. С. 1; Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1894. Вып. 21. С. 42; Молодых И. А., Кулаков П. Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губ. СПб., 1896. С. 137; и др.

⁴ Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского окр. // Зап. ЗСОРГО. 1899. № 26. С. 57. См. также: АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 69, л. 10; ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 29, д. 2202, л. 262; Попова А. М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. С. 18—19.

⁵ См.: Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного окр. // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 185.

⁶ Пейзен Г. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губ. // ЖС. 1903. № 3. С. 333.

невесты во время свадьбы), причем реже всего претензии на «невинность» будущей жены предъявляли женихи из бедных семейств¹.

Наряду с добрачными отношениями, определенное распространение в сибирских селениях получили внебрачные половые связи женщин и мужчин, имевших свои семьи. «Обыкновенное половое чувство находит себе выражение в мимолетных связях с девушками и замужними женщинами, особенно в летнее время, когда мужья уходят на прииска или полевые работы, редкая женщина сохраняет супружескую верность», — утверждает корреспондент одной из газет², и таких свидетельств множество. По существу, источники лишь по-разному оценивают степень распространенности внебрачных связей, нередко преувеличивая ее. По данным Ю. Д. Талько-Грынцевича, полученным при опросе самих женщин, в селениях Забайкалья на рубеже веков вело половую жизнь вне официального брака почти 19 % казачек, до 8 % православных крестьянок и 5 % «семейских» женщин³. Но, по-видимому, здесь учтены и сельчанки, состоявшие в формально не зарегистрированном браке-сожительстве.

Существование добрачных и внебрачных половых отношений являлось объективной причиной такого феномена, как внебрачные (до 1902 г. — «незаконные») рождения. По данным за 1860—1880-е гг., в разных округах Западной Сибири от 2 до 9 %; деревенских детей являлись незаконнорожденными⁴. В Киренском окр. Иркутской губ. в период 1873—1897 гг. «незаконно» родилось 5,5 % младенцев⁵. Доля внебрачных рождений со временем росла, но анализ данных конца XIX — начала XX вв. как по западу, так и по востоку Сибири дает результаты того же порядка: более 9/10 всех детей рождалось в браке⁶. К тому же известно, что большинство «внебрачных» детей появлялось на самом деле в браке, не признаваемом государством — или консенсуальном, или церковном, заключенном по старообрядческому канону, но не записанном в специальную метрическую книгу.

Девушка, забеременевшая до замужества, безусловно, осуждалась в русской крестьянской среде, однако обычно не подвергалась публичной каре, хотя «домашним способом» старшие могли наказать ее очень сурово. Считалось обязательным сохранение плода до рождения — сельский сход иной раз специально вменял в обязанность родителям «присматривать» за

---

¹ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 72—73; ОР РГБ, к. 542, п. 38, № 8, л. 13; *Розенбаум С. П., Арефьев В. С.* Свадьба в ангарской деревне. Иркутск, 1901. С. 34—37; *Григорьев С.* Обряды и песни простонародной свадьбы в южной части Минусинского окр. // Сиб. сборник. Иркутск, 1894. Вып. 4. С. 21—22; и др.

² *Антропов Р. Л.* Крестьянские браки в Анциферовской вол. Енисейского уезда // ВО. 1902. 11 янв. См. также: КККМ, о/ф. 7886, п. и. 209, л. 73; РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2062, л. 30; *Бабий стон в Сибири* // Сибирь. 1885. 1 сент.; и др.

³ *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении... С. 19, 28.

⁴ Подсчитано по: ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 68—69, 206—207, 338—339, 443—444, 539—540, 582—583, 696—697; *Ильин В.* Статистические сведения по Тобольской губ. за 1862 г. // Памятная книжка для Тобольской губ. на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 348—349; *Ремезов А. И.* Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск, 1880. С. 43, 106, 142, 182.

⁵ *Кокоулин К. К.* Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ. // Изв. ВСОРГО. 1903. Т. 34. № 2. С. 143.

⁶ Подсчитано по: РГИА, ф. 1284, оп. 194, д. 70, л. 24; *Статистика Российской империи.* СПб., 1907. Вып. 66. С. XVIII; 1909. Вып. 70. С. XVIII—XIX; 1911. Вып. 74. С. XVIII.

дочерью с этой целью¹. Крестьяне верили, что душа дается человеку еще в утробе матери, и говорили полушутливо, утешая девицу, «ходящую в тягости»: «Не душу сгубила, а по душу сходила»².

Матримониальное поведение традиционного типа характеризуется, в частности, ранним бракосочетанием и почти полным отсутствием взрослого населения, вообще не вступающего в брак. Создание семьи признавалось у крестьян-сибиряков необходимым для каждого порядочного человека: «Это дело союзное, законное», «Не жениться — чечениться», т. е. не считать себя русским³.

При капитализме в селениях России вследствие введения всеобщей воинской повинности, разорения части потенциальных женихов, роста отходничества постепенно росло количество людей, не создавших своей семьи. Так, уже в период 1878—1887 гг. в казачьем населении Пресногорьковской линии (Акмолинская обл.) число женщин всех возрастов, состоявших в браке, сократилось с 54,9 до 47,6 %, а мужчин, соответственно, с 56,0 до 49,1 %⁴. Но все же показатели брачности в сельской местности Сибири в целом и в конце XIX — начале XX вв. оставались достаточно высокими. Согласно данным переписи 1897 г., состояло в официальном браке 67,8 % сельских женщин и 64,1 % мужчин в возрасте 15 лет и старше⁵. Коэффициент брачности (количество бракосочетаний в год на 1000 человек населения) в различных губерниях в разное время колебался от 7 до 10⁶ и в целом был близок соответствующему высокому показателю в селениях Европейской России.

Что касается **возраста вступления в брак**, то многочисленные описательные сведения о нем очень разрозненны и противоречивы. Поэтому следует обратиться главным образом к имеющимся массовым статистическим данным. Часть из них представлена в двух наших предыдущих работах⁷.

Источники позволяют выделить некоторые тенденции изменения брачного возраста сельчан в изучаемую эпоху. Складывается впечатление, что в начальный период крестьяне

---

¹ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 72; МГГА, ф. 32, оп. 1, д. 4, л. 7.

² КККМ, о/ф. 7886, д. 123, л. 241; *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилото населения Сибири // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркут. ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 304.

³ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 2; АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 69, л. 14.

⁴ *Георгойц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878—1887 гг.) // Протоколы Омск. мед. о-ва. Омск, 1890. № 8. С. 1150.

⁵ Подсчитано по: *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904—1905. Т. 73. С. 18; Т. 74. С. 20; Т. 75. С. 18; Т. 78. С. 26; Т. 79. С. 24; Т. 81. С. 18.

⁶ Подсчитано по источникам: *Статистика* Российской империи. Вып. 66. С. 254; Вып. 70. С. 254; Вып. 74. С. 254. Общая численность населения для расчетов взята по источнику: *Отчет* о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896—1901 гг. СПб., 1905. С. 74, 80; ... за 1902 г. 1904. С. 54; ... за 1903 г. 1905. С. 54; ... за 1904 г. 1906. С. 54. См. также: *Шнейдер А. Р.* Население Приенисейского края. Красноярск, 1928. С. 18; *Отчет* о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 г. Омск, 1915. Ч. 2 (гражд.). С. 13; *Ремезов А. И.* Очерк санитарного состояния... С. 43, 106, 142, 182. Не приняты во внимание показатели за 1870-е гг. по Березовскому и Сургутскому округам Тобольской губ., где учет населения был очень плохим.

⁷ См.: *Зверев В. А.* Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // *Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII — начало XX вв.)*. Новосибирск, 1985. С. 76—81; *Он же.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления). Новосибирск, 1988. С. 14—16.

мало внимания уделяли сравнению возраста женихов и невест, взаимным симпатиям молодых людей, и в матримониальных делах руководствовались почти исключительно экономическими соображениями и традицией. В некоторых местностях в условиях половой диспропорции населения (дефицита женщин) вследствие потребности в рабочих руках старались подольше не выдавать замуж дочерей, а сыновей женить как можно раньше (в 15—17 лет на Алтае, 18—20 лет в Приангарье и т. д.). В итоге невесты зачастую были старше женихов, причем у семейских Забайкалья и алтайских кержаков, у крестьян на нижнем Иртыше – существенно, на 5—6 лет¹. Со временем же некоторое ослабление хозяйственной функции семьи, развитие личностного самосознания привели к тому, что выбор брачного партнера и времени вступления в брак стал больше зависеть от самих брачившихся. Соотношение брачного возраста нормализовалось: росла доля таких браков, в которые вступали ровесники или близкие по летам партнеры с перевесом в возрасте мужчин. Брачный возраст невест сокращался и приближался к «естественным» его значениям — к началу физиологической и социальной зрелости.

Всеобщая перепись населения 1897 г. рисует следующую картину сравнительного возраста супругов по селениям Тобольской губ. Муж был старше жены почти в 2/3 браков, причем в 38,1 % случаев — на 1—5 лет; 18,5 % браков было заключено ровесниками, а жена оказалась старше мужа (обычно ненамного) лишь в 17,1 % брачных пар. В данном случае подсчет произведен нами в границах выборки из 46 сельских обществ, включившей 7297 брачных пар, в том числе пары домохозяев, их родственников и свойственников, приселившихся к семейству домохозяина посторонних лиц. Учитывались и незаконные браки-сожительства, зафиксированные переписчиками со слов фактических супругов².

Для темы монографии наибольший интерес представляет годовое распределение возраста вступления в первый брак у женщин, поскольку это событие было тесно связано с последующим рождением детей. Сведем в таблицу имеющиеся на сей счет цифры по некоторым местностям Сибири за разные годы (табл. 2). По Киренскому окр. Тобольской губ. в таблицу вошли данные о всех брачившихся в 1873—1897 гг.; по Забайкалью — преимущественно о сельчанках (крестьянках, казачках, семейских), обращавшихся за медицинской помощью или за советом к медикам в г. Троицкосавске; по Тобольской губ. — о пользовавшихся лечением в Ишимской сельской лечебнице и некоторых их знакомых.

---

¹ ГААК, ф. 81, оп. 1, д. 4, л. 12; КККМ, о/ф. 7886, п. и. 121, л. 1; Павлов А. А. 300 верст по рекам Западной Сибири. Тюмень, 1878. С. 64; Логиновский К. Д. Свадебные песни... С. 1—2; Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX вв.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 92; Литинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды... С. 187; Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX — XX вв.). Л., 1967. С. 180.

² Подсчитано по: ТФ ГАТюмО, ф. 417, оп. 2, д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 107, 125, 149, 154, 164, 166, 176, 180, 181, 184, 192, 193, 211.

**Распределение женщин по возрасту вступления в первый брак в селениях второй
половины XIX — начала XX вв., абс.***

Возраст, лет	Киренский окр. Иркутской обл.	Забайкальская обл.	Ишимский уезд Тобольской губ.
15	44	-	1
16	409	21	11
17	806	59	18
18	1107	88	19
19	1276	88	19
20	1299	93	18
21	939	57	9
22	740	57	6
23	481	32	5
24	344	32	-
25	217	15	-
26	145	13	1
27	103	12	-
28	69	4	-
29	65	3	-
30	34	4	-
31 и старше	139	4	-
Итого	8217	575	108

* Подсчитано по источникам: *Арканов С. К.* Антропологии сибирячки...; *Кокоулин К. К.* Естественное движение... С. 140; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении... С. 17.

Анализ таблицы 2 показывает, что в первый брак абсолютное большинство сельских жительниц – около 2/3 – вступало в возрасте от 17 до 21 года включительно. Этот возрастной период можно считать пиком фактического совершеннолетия девушек. Позже 25—27 и особенно старше 30 лет выходили замуж уже очень немногие, и статистика, таким образом, подтверждает мнение наблюдателей: это был предельный возраст для вступления женщин в первый брак¹. Невеста уже считалась «перестарком», на нее смотрели иронически: «Девушка невестится, старой бабушке ровесница»². Средние показатели брачного возраста по имеющейся выборке данных равнялись в селениях Иркутской губ. и Забайкалья 20 годам, в Тобольской губ. — 19. Таким образом, момент замужества наступал вслед за физиологическим созреванием примерно через 2—4 года, и почти все девицы, вступая в брак, могли рассчитывать на скорое рождение ребенка.

Средние показатели возраста первого бракосочетания у мужчин (среднее арифметическое, мода, медиана), по имеющимся разрозненным данным, колебались в селениях Сибири от 22 до 26 лет³. Это означает, что большинство женихов было старше своих невест на несколько лет. У старообрядцев брачный возраст парней был наименьшим.

¹ АГО, разр. 61, оп. 1, д. 37, л. 1—2; АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 69, л. 14; *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский окр. и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1. С. 59—60.

² *Ивановский В.* Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губ. // ЕТГМ. 1912. Вып. 22. С. 11.

³ Подсчитано по: *Кокоулин К. К.* Естественное движение... С. 140; *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении... С. 18—21.

В случае вдовства или развода крестьяне могли вступить в официальный брак во второй и третий раз. Согласно данным по Киренскому окр. за 1873—1897 гг. и Забайкальской обл. за 1894—1902 гг., женщины чаще всего выходили замуж вторично в возрасте 25—30 лет, в третий раз — в 31—35 лет, еще сохраняя к этому времени способность к деторождению. Мужчины во второй и третий раз женились, чаще всего, тоже будучи крепкими людьми (до 40 лет), хотя разница в возрасте супругов увеличивалась от брака к браку¹.

С деторождением связаны не только уровень брачности и брачный возраст, но также **календарное распределение браков** в году. Церковная статистика дает представление о количестве деревенских браковенчаний в различные месяцы по ряду губерний (табл. 3). Сразу бросается в глаза громадное преобладание браков, заключенных в первые два месяца: на январь-февраль приходилось от половины до 3/4 общего их числа².

Таблица 3

Соотношение браков, зарегистрированных в селениях в различные месяцы, %*

Месяц	Губерния		
	Томская (1870-1880)	Тобольская (1902-1903)	Енисейская (1902-1903)
Январь	33,0	39,1	40,1
Февраль	17,8	16,9	18,7
Март	-	0,8	0,4
Апрель	5,3	3,5	5,2
Май	7,1	5,4	5,8
Июнь	3,9	3,8	4,0
Июль	8,2	6,2	4,0
Август	1,4	1,3	1,0
Сентябрь	4,0	2,6	1,2
Октябрь	10,3	9,5	6,8
Ноябрь	9,0	10,1	12,6
Декабрь	-	0,8	0,2

* Подсчитано по источникам: *Ефимов А. И.* Православное население Томской губ. по данным 1870—1880 гг. СПб., 1890. С. 41—42; *Статистика* Российской империи. СПб., 1907. Вып. 66. С. 254; 1909. Вып. 70. С. 254.

Обычно крестьяне-сибиряки начинали засылать сватов в конце Филипповского поста, после Николы зимнего (6 декабря по старому стилю). Зимнее время свадеб по традиции длилось соответственно от Рождества (25 декабря) до Масленицы (конец февраля — начало марта), предшествовавшей Великому посту. Наиболее охотно свадьбы справляли в течение шести недель перед Масленной неделей («промеженье», или «мясоед»)³. В архивохранилищах отложилось большое количество прошений крестьян к церковным властям с просьбой разрешить венчание хотя бы в последний день зимнего «мясоеда», не дожидаясь исполнения

¹ Подсчитано по тем же источникам.

² Подсчитано по данным табл. 3. См. также: *Белявский А. К.* Рождаемость, брачность и смертность г. Стретенска Забайкальской обл. с его окрестностями за время с 1840 по 1920 г. // Изв. О-ва врачей Южно-Уссур. края. Владивосток, 1925. С. 665; *Кокоулин К. К.* Естественное движение... С. 141; и др.

³ См.: *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913. С. 140; *Фурсова Е. Ф.* Масляная неделя // Молодость Сибири. 1992. № 10. С. 8; и др.

сыну необходимых для брака 18 лет¹. Зимние бракосочетания были удобны по нескольким причинам: продажа хлеба и мяса давала к этому времени денежные средства; заканчивались осенне-зимние хозяйственные работы и еще не начались весенние; к новому хозяйственному сезону в дом приходили молодая работница (при патрилокальном браке) или работник (при матрилокальном). Зимнее зачатие детей считалось в крестьянской среде оптимальным, поскольку они рождались в таком случае осенью, за зиму подрастали, и с весны «баба могла впрячься в работу и не ойкнуть ... малец мог обходиться хлебной соской и меньше тянул мать»².

Вторым, менее ярко выраженным пиком «свадебной активности» был период октябрь-ноября, когда венчалось до 1/5 всех браков. С Покрова Богородицы (1 октября по старому стилю) начинался осенний сезон сватовства и свадеб, достигавший разгара в Казанскую (22 октября) и прекращавшийся с наступлением Филипповок 14 ноября. К этому периоду заканчивались основные уборочные работы, появлялись продуктовые припасы и свободное время для гулянок.

Во время постов в марте-апреле, августе, декабре браки у православных венчать было не принято совсем, действовали и законодательные запреты. Интенсивные полевые работы в апреле-сентябре тоже не позволяли заниматься брачными делами, да и средств на свадьбу у «нехватных» крестьян в это время не было. Как и во многих других местах, в Сибири избегали играть свадьбы в мае в соответствии с поверьем: «В мае жениться — век маяться», т. е. скверно жить между собою³.

Как уже говорилось, ни по закону, ни по обычному народному праву запрещений для вступления во **второй и третий брак** в случае развода и вдовства в русской деревне не было: общественное мнение осознавало и его хозяйственный, и физиологический смысл. Официально разведенных в деревнях было очень мало. Что же касается вдовых, то далеко не все из них вступали в новый брак. Мужчины это делали чаще, чем женщины, поскольку именно они по традиции выступали инициаторами сватовства. Вдовцы женились преимущественно на девицах, а не на вдовах. Очевидно, при этом принимались в расчет не очень благоприятный возраст многих вдов, обремененность их малолетними детьми. Впервые вступавшие в брак холостяки еще реже женились на «вдовухах».

По данным Ю. Д. Талько-Грынцевича, в Забайкалье из вошедших в выборку 1598 женатых мужчин женилось на девушках 95,7 %, на вдовах по первому мужу 4,1 и по второму мужу 0,2 %⁴. По станице Стретенской и ее окрестностям (Восточное Забайкалье) за очень длительный

¹ РГИА, ф. 796, оп. 187, д. 3673, л. 1; д. 4022, л. 1; ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 29, д. 2202, л. 85, 118, 149; и др.

² Филоненко И. Е. Хлебопашец: Документ. повесть. М., 1984. С. 18.

³ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 5; Шамаев И. Общий тип деревенской свадьбы в Тюкалинском уезде // ЕТГМ. 1902. Вып. 13. Отд. 2. С. 25.

⁴ Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении... С. 20—21.

период 1840—1920 гг. имеются более полные сведения о бракосочетавшихся. На каждые 100 браков здесь венчалось холостых с девицами — 83,0; холостых со вдовами — 4,6; вдовцов с девицами — 8,0; вдовцов со вдовами — 4,4¹. Статистика по некоторым другим регионам, относящаяся к началу XX в., обобщена в таблице 4. В совокупности все имеющиеся материалы свидетельствуют, что значительная часть вдов, еще не вышедших из детородного возраста, вынуждена была выбирать: либо отказываться от половой жизни и деторождения, либо вступать в незаконный брак, либо вести сексуальную жизнь вне брака и рожать «суразят», «зауголышей», как называли в деревне внебрачных детей.

Таблица 4

Количество браков, заключенных мужчинами с различным семейным положением, в селениях (1902–1903 гг.)*

Семейное положение женихов	Женилось				Всего, абс.
	на девицах		на вдовах		
	абс.	%	абс.	%	
<i>Тобольская губ.</i>					
Холостые	23642	96,8	790	3,2	24432
Вдовы	2638	63,0	1546	37,0	4184
Итого	26280	91,8	2336	8,2	28616
<i>Енисейская губ.</i>					
Холостые	9219	97,3	255	2,7	9474
Вдовы	720	63,3	418	36,7	1138
Итого	9939	93,7	673	6,3	10612

* Подсчитано по источникам: *Статистика Российской империи*. Вып. 66. С. 255; Вып. 70. С. 255.

«Дети для крестьян всегда желательны: они для них опора и надежда на лучшие дни», — утверждал в 1897 г. известный этнограф из ссыльных А. А. Макаренко². «У здорового человека дети должны быть у всякого, а то какой же это человек, который дитю не имеет?» — так формулировала народные воззрения деревенская лекарка Е. А. Виноградова (Тулунская вол. Нижнеудинского уезда Иркутской губ.)³. Судя по всему, осознавался и экономический, и воспроизводственный (демографический) смысл деторождения: «Дети отцу — помога, матери — замена»⁴. «Детные» супруги могли рассчитывать, что через некоторое время в доме будет достаточное количество работников для успешного ведения хозяйства, ведь в основе экономической деятельности большинства домохозяйств лежала рабочая сила семьи домохозяина. Даже у богатых мужиков, активно использовавших наемную рабочую силу, трудовым ядром домохозяйства, обеспечившим первоначальное накопление капитала, чаще всего были люди «домашние», «семейные», в том числе жены и подростки дети. Родители

¹ Белявский А. К. Рождаемость... С. 665.

² Макаренко А. А. Материалы по народной медицине Ужурской вол. Ачинского окр. Енисейской губ. // ЖС. 1897. Вып. 2. С. 233.

³ Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири // ЖС. 1915. Вып. 4. С. 376.

⁴ Арефьев В. С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губ. // Изв. ВСОРГО. 1901. Т. 32. № 1/2. С. 107.

хотели на старости лет иметь «замену» на хозяйстве, прожить в своем доме «при кормильцах» без голода до смерти, понянчить внучат.

В большинстве семей частые **зачатия и рождения детей** рассматривались не только как желательное, но также как естественное и неизбежное событие: «Рыба да утка от старанья, а дети от Бога», «Бог дает, куда их девать?»¹.

В то же время в условиях социального разложения крестьянства в нижнем социальном слое складывалось убеждение, что большое количество детей — обуза и разорение для дома: их трудно было «поднять» (физически сохранить и воспитать) в «упадающем» домохозяйстве. Наблюдателям приходилось слышать сетования тех родителей, которых «дети одолели»: «Ну их к Богу — и детей, забота с имя одна»². В начале века в Бухтарминской долине на Алтае записана такая примета: «С какого конца заходишь за стол, с того же и уходи; если будешь выходить с другого конца, много у тебя народится детей»³. В Зауралье фольклор зафиксировал недовольство крестьян рождением двойни: «Беда на беду, два ребенка на году», «Что год, то ребенок, худой год — два»⁴. В Сибири постепенно формировалась ситуация, сходная с положением, отмеченным при капитализме в некоторых районах Европейской России, где многодетность осознавалась частью семей как несчастье⁵.

Уже во время свадьбы и после нее родные и друзья молодых с интересом гадали, сколько у них «найдется» детей, какого пола будет первый ребенок и т. д. Забайкальские казаки, например, использовали такой способ: чтобы узнать число будущих детей, сумму морщин на лбах мужа и жены делили пополам⁶. В Приенисейском крае после рождения первого ребенка считали сучки на березовом шесте («очипе»), к которому подвешивалась зыбка: «Примета есть, что сколько сучков окажется на доспето (недавно изготовленном. — В. З.) очипе, столько в семье будет детей»⁷.

«Осемьянившись», молодница обычно стремилась исполнять свои детородные обязанности, по словам врача С. Арканова, «со рвением и неукоснительно»⁸. Однако через некоторое время обнаруживалось бесплодие части супружеских пар (7—8 %, по данным о Забайкалье и Приишимье)⁹. Причиной бесплодия сибирские крестьяне, прежде всего, весьма разумно считали болезнь одного из супругов, чаще жены. Но нередко причины отыскивали в области иррационального: бездетность якобы могла быть следствием «порчи» жены злым человеком,

---

¹ Там же.

² *Виноградов Г. С.* Самоврачевание... С. 376. См. также: *Попова А. М.* Семейские... С. 16.

³ *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы // Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРГО. 1911. Вып. 5. С. 93.

⁴ *Урал* в его живом слове: Дореволюц. фольклор. Свердловск, 1953. С. 131.

⁵ См.: *Мартынова А. Н.* Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор. М.; Л., 1975. С. 153.

⁶ См.: *Логинковский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков. Владивосток, 1904. С. 26.

⁷ *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине... Вып. 1. С. 97. См. также: *Красноженова М. В.* Из свадебных обычаев Енисейской губ. // Изв. ВСОРОГО. 1907. Т. 38. С. 24—25.

⁸ *Арканов С.* К антропологии сибирячки...

⁹ Там же; *Талько-Грынецвич Ю. Д.* К вопросу об изучении... С. 42—43.

«наказанием Божиим» за грехи и т. п. Случалось, что отсутствие детей приводило к ссорам между супругами и фактическому распаду семей.

Бездетность рассматривалась обычно как большое несчастье семьи. С ней многие пытались бороться: в народной медицине были способы «лечения» импотенции и бесплодия, как рациональные, так и бесполезные и даже вредные для организма¹. Кроме того, для обретения способности к деторождению практиковались церковные обеты, по которым женщины ходили иногда за десятки и сотни верст на поклонение особо чтимым иконам. Применялись и магические приемы. В Забайкалье, например, советовали так: «Если у кого нет детей, тому нужно найти в лесу мертвую (лежачую) деревину с сучком. Отрубить этот сук и положить его под супружескую постель, тогда будут дети»².

Народные лекари могли отыскать также и средства к ограничению деторождения. Их применяли в основном девушки, вдовы и «брошенки» для предотвращения внебрачного деторождения, а некоторые замужние женщины — «чтобы не носить робят» слишком часто. В источниках нашли отражение следующие способы уменьшения числа зачатий и рождений: 1) искусственное, до трех-четырех лет, удлинение периода лактации — выкармливания детей грудью; 2) употребление в пищу и питье препаратов корня некоторых растений; 3) половое воздержание на определенный срок³. Религиозные правила предписывали плотское воздержание во все посты, в том числе в еженедельные среды и пятницы. Кроме того, считалось грехом «спать с женой» накануне больших церковных праздников (Благовещение, Рождество Христово и пр.), а в некоторых местностях — и перед началом главных хозяйственных работ (перед уходом в тайгу на соболиный промысел в Верхоленье, например)⁴. Многие сибирские крестьяне соблюдали эти запреты и ограничения, судя по всему, не слишком строго, либо вовсе их игнорировали.

Об этом свидетельствуют, в частности, имеющиеся данные о годовом распределении рождаемости по месяцам в Томской губ. (табл. 5), а также в казачьем населении Пресногорьковской линии и Восточного Забайкалья⁵. Они показывают, что минимальное количество рождений падало на сентябрь и декабрь, и это в целом соответствовало относительно редким зачатиям в декабре и марте, когда, отмечались Филипповский и Великий посты; однако падение рождаемости в сентябре и декабре не выглядит столь уж большим.

---

¹ См.: *Виноградов Г. С.* Самоврачевание... С. 376; *Кытманов А. И.* Материалы к народной медицине Енисейского окр. // Отчет О-ва врачей Енис. губ. за 1892—1893 гг. Красноярск, 1893. С. 166; *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине... Вып. 2. С. 241; и др.

² *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии... С. 27.

³ См.: *Костров Н. А.* Первоначальное физическое воспитание детей в населении Томской губ. // Сибирь. 1881. 24 мая; *Кытманов А. И.* Материалы к народной медицине... С. 166; *Черневский И. Ф.* Народная ботаника и лекарственные растения крестьян д. Ершовой Карапчанской вол. // Отчет О-ва врачей Енис. губ. за 1890—1891 гг. Красноярск, 1892. С. 56—57; и др.

⁴ *Г.* Экономический быт верхоленьского крестьянина // ВО. 1884. 19 июля; *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии... С. 23; *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь... С. 176—177; *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. ЗСОРО. 1903. Кн. 30. С. 66.

⁵ См.: *Белявский А. К.* Рождаемость... С. 663; *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк... С. 146—148.

Всплеск рождений в январе был тоже не слишком ярко выраженным. Соответствующее ему учащение зачатий в апреле было связано с приходом поздней сибирской весны, активизировавшей жизненные силы организма, а также с окончанием Великого поста и наступлением праздника Пасхи, когда население предавалось отдыху и переходило к мясной пище.

Таблица 5

**Количество рождений в различные месяцы года у православного сельского населения
Томской губ. (1870—1880 гг.)***

Месяц	Абс.	На 1000 рождений в год
Январь	3519	88,6
Февраль	3132	78,6
Март	3323	83,7
Апрель	2985	75,2
Май	3352	84,4
Июнь	3784	95,3
Июль	3655	92,0
Август	3401	85,6
Сентябрь	2901	73,0
Октябрь	3371	84,9
Ноябрь	3368	84,8
Декабрь	2926	73,7

* Подсчитано по источнику: *Ефимов А. И.* Православное население... С. 11—12.

Собиравшие указанный статистический материал очевидцы отмечали, что на годовое распределение зачатий и рождений в большей степени воздействовали не посты, а соотношение хозяйственных, особенно полевых работ. Повсеместно сравнительно немного зачатий происходило в период с мая по август включительно (рождения в феврале-мае), в разгар полевых сельскохозяйственных работ, отходничества на прииски и пароходы, лагерных казачьих сборов. Напротив, продолжительным временем усиленных зачатий был полугодовой период с сентября по февраль, с перерывом в декабре. В это время заканчивалась страда, у сельчан появлялся досуг и улучшалось питание, игрались свадьбы, казаки возвращались из полка после длительного отсутствия. Биологические ритмы человеческого организма также обуславливают наибольшую вероятность зачатий в конце осени — начале зимы. Результатом было некоторое увеличение рождаемости в июне-ноябре (без сентября). Если среднемесячное количество рождений взять за 100, то в летне-осеннем полугодии за месяц рождалось у православных крестьян Томской губ. в 1870—1880 гг. 106 младенцев, а у казаков Пресногорьковской линии в 1873—1887 гг. — 110 «челяденков»¹.

В сельской местности Сибири дооктябрьского периода крестьяне редко и только тайным образом прибегали к **прерыванию беременности**. Наиболее распространенными аборты были

¹ Подсчитано по источникам: *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк... С. 146; *Ефимов А. И.* Православное население Томской губ. по данным 1870—1880 гг. СПб., 1890. С. 11—12.

при внебрачном зачатии, обычно на той стадии, когда его факт еще не был обнаружен публично. Помогали иногда мать или другие женщины, которым доверялась девица. В источниках нашло отражение немало использовавшихся крестьянками рвотных, слабительных, кровогонных и иных средств, предназначенных для вытравливания плода и провоцирования выкидыша, в том числе опасных для здоровья. Наиболее радикальными и часто просто варварскими были хирургические методы: поднимание через силу больших тяжестей, битье по животу кулаками и бутылками, операции с помощью веретена или заостренной палочки от веника и т. д.¹ Не удивительно, что результатами такого вмешательства нередко становились общее отравление организма, серьезные физические травмы, потеря способности к деторождению, а то и смерть подвергнутой «лечению» молодой женщины.

Общественное мнение деревни сурово осуждало аборты и иногда случавшиеся детоубийства. «Это уже не мать, а змея, которая выживает ребенка. Этак только бар[дельны]е (городские проститутки. — В. З.) делают», — говорили в Нижнеудинском уезде Иркутской губ. в начале XX в. Здесь считалось, что такие женщины сильно мучаются в аду после смерти: «Дети — все, сколько оне должны были принести, — глядят через ребры и говорят: “Мать наша ... сгубила нас ... на белый свет ... не пустила нас...”»². Отражая господствующие в русской деревенской среде воззрения, знаменитый социальный философ-утопист, ссыльный крестьянин из д. Иудиной Бейской вол. Минусинского окр. Енисейской губ. Т. М. Бондарев считал «главнейшими в свете делами» и «священнейшими обязанностями» для мужчины — «хлеб работать», а для женщины — «людей в свет рожать». Бондарев писал в 1897 г.: «Я слышал стороной, что есть такие жены, которые пьют какой-то яд, чтобы детей не родить, или зачавши во чреве, истребляют, или по рождении оных убивают; теперь спрашиваю: какому суду и какому осуждению достойна та жена, которая данную ей от Бога епитимию спровергла и уничтожила?»³.

В период беременности женщине предписывалось принимать специальные меры к сохранению жизни и здоровья будущего ребенка. Считалось, что ей угрожает много опасностей: «порча» злыми людьми с последующим «скидыванием» плода; обмен младенца чертом на своего крикливого, неопрятного, непослушного ребенка или на полено; вынимание недоноска ведьмой или «вещицей» (женщиной-оборотнем), поедающей плод или заменяющей его посторонними предметами; рождение «недобрых» – увечных, болезненных детей и т. д.⁴

---

¹ См.: *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский окр. ... Т. 2. С. 6; *Р-ва.* Из дневника окружной акушерки // Сибирь. 1887. 31 мая; *Спиров В. Е.* Аборт в деревне // Сиб. мед. журнал. 1926. № 2. С. 43—44; и др.

² *Виноградов Г. С.* Самоврачевание... С. 377; *Он же.* Смерть и загробная жизнь... С. 314.

³ *Бондарев Т. М.* Спасение от тяжкой нищеты // Ежемес. журнал. 1914. № 5. С. 75.

⁴ См.: *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии... С. 11—12; *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи... С. 55; *Скалозубов Н. Л.* Материалы к вопросу о народной медицине // ЕТГМ. 1904. Вып. 14. С. 17.

Чтобы избежать подобных напастей, женщины «на сносях» не должны были принимать на себя обязанности крестной матери и свахи (посаженной матери), они старались не ходить далеко в лес, не пинать собак и свиней, не переступать через оглоблю и веревку. Мужу предписывалось спать ночью, положив на беременную жену «для оберега» ногу или руку, а жене, в отсутствие мужа, — подпоясываться его поясным шнуром¹.

В русском народном, в том числе сибирском, календаре существовало множество женских праздников и «бабьих дней» с обязательными правилами поведения для женщин, особенно замужних, а среди последних — для «детных» и беременных, а также для бабок-повитух. Это были дни молений и обетов святым покровителям для больных и бездетных женщин — ради зачатия, для рожениц — «чтобы роды были легки», «чтобы дети рождались живучи»². Приближение родов и самые «родины» старались тщательно скрывать не только от посторонних, но и от членов своей семьи: «Если много людей узнает — роды будут тягостными для родильницы»³.

При обилии таких магических ухищрений реальные условия жизни крестьянки в предродовой, родильный и послеродовой периоды нельзя назвать благоприятными для нормального деторождения и сохранения детей. Действительно, забеременеть («поносить брюхо», «ходить в тягости, чижолой») для женщины вовсе не означало быть освобожденной от тяжелых хозяйственных работ. Чаше всего трудовая семья и не могла бы позволить такую «поблажку» — в ней не было свободных рабочих рук. Кроме того, в народной медицине не было эффективных средств для точного определения сроков беременности, и роженица работала «до последнего часу», пока «почнут муки брать»⁴. В каждой деревне были известны случаи, когда бабы «растрясались», «распрастывались» в поле на полосе, под кустом или в телеге по дороге с работы, в хлеву во время доения коров, а принимала ребенка сама роженица. Кстати, еще одну причину летне-осеннего максимума рождаемости в селениях писатель-сибиряк Г. Д. Гребенщиков объяснял так: «Летняя страда для матерей была вдвойне изнурительной — надо жать, и косить, и молотить, когда ребенок уже на сносях. Поэтому рождались прежде времени, как раз к зиме»⁵.

Из-за ненормальных условий предродового периода в изучаемой среде был довольно высокий процент преждевременных родов, выкидышей и мертворождений. Судя по отрывочным данным, относящимся к некоторым местностям и категориям сельского

---

¹ См.: *Костров Н. А.* Первоначальное физическое воспитание...; *Савельев А. А.* Народная медицина в Приангарском крае // Сиб. врач. 1915. 19 апр.

² См.: *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь... С. 109—110, 114—115; 118, 122—123, 125, 127, 183, 186—187, 222—223, 224—246; *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи... С. 85; и др.

³ *Зобнин Ф. К.* Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // ЖС. 1898. Вып. 2. С. 151; *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 319; *Виноградов Г. С.* Самоврачевание... С. 359; и др.

⁴ КККМ, о/ф. 7886, п. и. 209, л. 67; ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 29, д. 2096, л. 53; *Мисюрев А. А.* Сибирские сказы, предания, легенды. Новосибирск, 1959. С. 123—124; *В верховьях Илама* // ВО. 1902. 22 янв.; и др.

⁵ *Гребенщиков Г. Д.* Егоркина жизнь // Сиб. огни. 1984. № 12. С. 83.

населения Сибири, доля выкидышей и мертворождений колебалась здесь от 5 до 10 %, причем чаще недоношенными и мертвыми рождались мальчики¹. По сведениям красноярского врача В. М. Крутовского, такие показатели были меньшими, чем число выкидышей у рожениц на западе России. Автор объяснял это материальными факторами: лучшим питанием и меньшей распространенностью тяжелого женского труда в крестьянских семьях Сибири².

Основную часть **родов** в нормальных ситуациях принимали повитухи из числа самих крестьянок. Имевшие специальную подготовку акушеры были большой редкостью в сельской местности. Их деятельность затрудняли слишком большая величина участков, стесненность в правах (по инструкции они могли помогать только при «правильных» родах, когда меньше всего были нужны), недоверие к ним значительной части населения. Крестьянки так объясняли, почему не зовут акушерку или доктора: «Где уж нам, это для господ», «Привыкли [без них]», «Старшие не велят», «Чтобы не обидеть бабушку-повитуху»³. Там, где была возможность, к помощи акушерок все-таки обращались, но в самых тяжелых, крайних случаях. В итоге в 1880-х гг. одна из акушерок в Верхотурском окр. Иркутской губ. за три года приняла всего 11 новорожденных, другая (в Тюменском окр. Тобольской губ.) за четыре года — 13 из общего числа 693 рождений, третья (в Чернавской вол. Курганского окр. Тобольской губ.), за два года — ни одного, и т. д.⁴

Солиднее была поставлена помощь роженицам на территории казачьих войск: в 1909 г., например, акушеры приняли 1581 роды у казачек Забайкалья⁵. Со временем улучшалось положение и в крестьянском населении, но в целом засилье доморощенных повитух было характерным для всего изучаемого периода.

В деятельности «бабок», разумеется, имелись позитивные моменты: обладая немалым опытом, большинство из них успешно справлялось с обязанностями в стандартных ситуациях; положительно воздействовала на роженицу и ее окружение психологическая атмосфера доверия к повитухе со стороны односельчан. В тоже время в приемах и средствах, применяемых в народном акушерстве, было много не только бесполезного, но прямо вредного для роженицы и новорожденного. Очевидцы писали: «Кому не известно, каким мучениям подвергают бабушки трудную роженицу, начиная с подвешивания к матице потолка, перекалывания через порог, и кончая столь излюбленной баней, в которой зачастую измученная и обессиленная больная испускает дух»⁶.

---

¹ Подсчитано по источникам: *Арканов С. К антропологии сибирячки...; Крутовский В. М. К материалам... С. 18; Талько-Грынцевиц Ю. Д. К вопросу об изучении... С. 26.*

² См.: *Крутовский В. М. К материалам... С. 12—13.*

³ *Р-ва. Из дневника... 1886. 16 марта; 1887. 31 мая.*

⁴ Там же. 1886. 16 марта; *Материалы для изучения ... Западной Сибири. 1889. Вып. 2. С. 102; Крестьяне и медицинская помощь в Тобольской губ. // ВО. 1887. 19 нояб.*

⁵ РГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 445, л. 162.

⁶ *Вопрос народно-медицинской помощи в Сибири // ВО. 1887. 16 апр.*

Конечно, здоровый организм молодой крестьянки чаще всего справлялся и с трудными родами, но все же немало женщин умирало во время родов или вскоре после них из-за неоказания квалифицированной помощи, неправильных действий повитух. Так, в слободе Усть-Ницинской Тюменского окр. Тобольской губ. за период 1873—1884 гг. «от родов» умерло 11 женщин¹.

При анализе прокреативного поведения необходимо выяснить возраст женщин, при котором происходило рождение первого и последнего ребенка, **продолжительность репродуктивного периода**, среднее количество рожденных одной сельчанкой детей, т. е. те параметры, которые непосредственно сказывались на показателях рождаемости и естественного прироста населения. Обратимся к этой стороне демографической реальности, воспользовавшись, прежде всего, данными медицинского учета по ряду местностей.

В Красноярской амбулаторной лечебнице в 1891—1892 гг. и медицинских учреждениях г. Троицкосавска в 1894—1902 гг. были собраны довольно представительные сведения о возрасте рождения первого ребенка частью окрестных сельских жительниц (табл. 6). При анализе этих материалов выясняется, что средние показатели (мода, медиана, среднее арифметическое) этого возраста падают на 20—21 год. Обращает на себя внимание очень короткий промежуток времени между вступлением сельчанки в брак и рождением первенца. Так, в Забайкалье у казачек этот промежуток составлял в среднем 11 месяцев 23 дня, у крестьянок — 1 год 1 месяц и 4 дня, у семейских староверов — 1 год 5 месяцев 27 дней. Более 9/10 женщин рожало в конце первого и на втором году после замужества². Из данных амбулаторного журнала Ишимской сельской лечебницы Тобольской губ. за 1909 г. тоже следует, что «спустя год после замужества женщина большею частью благословляется приращением семейства»³.

Таблица 6

Распределение женщин по возрасту рождения первого ребенка в селениях во второй половине XIX — начале XX вв., абс.*

Возраст, лет	Красноярский окр. Енисейской губ.	Забайкальская обл.
15	-	1
16	4	1
17	7	17
18	28	80
19	31	107
20	26	102
21	19	60
22	20	49
23	21	33
24	6	34

¹ Зобнин Ф. К. Усть-Ницинская слобода... Вып. 2. С. 157.

² Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении... С. 32, 35.

³ Арканов С. К антропологии сибирячки...

25	6	34
26	5	17
27	9	15
28	2	12
29	8	5
30	2	6
31 и старше	2	3
Итого	193	606

* Подсчитано по источникам: *Крутовский В. М.* К материалам по вопросу о половой деятельности женщин Красноярского окр. // Отчет О-ва врачей Енис. губ. за 1892—1893 гг. Красноярск, 1893. С. 16 (табл. 4); *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении... С. 29.

Названные выше источники позволяют выяснить и средний возраст последних родов у женщин в Забайкалье: он составлял у казачек 36 лет 8 месяцев и 19 дней, у крестьянок — 139 лет 3 месяца 29 дней, у семейских — 38 лет 7 месяцев 6 дней¹. После этого сельчанки становились физиологически стерильными, хотя прекращение менструаций (менопауза) наступало у них в разных местностях Сибири чаще всего в 45—50 лет, колеблясь у отдельных женщин в более широких пределах². Таким образом, средняя продолжительность половой жизни от появления менструаций в 15—16 лет до менопаузы, судя по имеющимся данным, составляла более 30 лет. В то же время период активного деторождения длился существенно, на треть, короче — около 20 лет, простираясь в диапазоне между возрастaми 19—20 и 36—40 лет. К Сибири поэтому полностью применим вывод, сделанный историком Б. Н. Мироновым на материалах Европейской России: «... тяжелые условия жизни и громадные физические нагрузки преждевременно лишали женщину способности к деторождению»³.

Конечно, в отдельных местностях и категориях сельского населения могли быть и существенные отклонения от средних показателей, тем более, что они вычислены на основе хронологически и территориально разрозненных материалов. Так, А. П. Щапов на основе собственных наблюдений писал, что в 1860—1870-х гг. в приленских селениях Иркутской губ. русские женщины «почти сплошь и рядом родят до 45 лет, а нередко и до 50»⁴.

Б. Н. Миронов произвел подсчет **количества детей**, которые рождала за свою жизнь сельчанка Европейской России в эпоху капитализма при относительно благоприятных условиях. При примерной физиологической плодовитости в 10—11 детей реальное среднее число рождений у крестьянок (всех, включая бесплодных) в разных губерниях колебалось от 6 до 9⁵. Привлеченные нами врачебно-статистические материалы по Сибири дают близкие к этому показателю или чуть бóльшие цифры. Выделив особо 146 сельских женщин, находившихся в браке и уже окончивших по возрасту половую жизнь, по данным Ю. Д.

¹ *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении... С. 41.

² Там же. С. 23; *Арканов С.* К антропологии сибирячки...; *Крутовский В. М.* К материалам... С. 17.

³ *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX вв. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 95.

⁴ *Щапов А. П.* Физическое развитие верхоленского населения // Изв. СОРГО. 1876. Т. 7. № 2/3. С. 59.

⁵ *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение... С. 96.

Талько-Грынцевича можно установить, что на каждую из них, включая бесплодных, в Забайкальской обл. приходилось за жизнь 6,7 родов, а за вычетом нерожавших – 7,2¹. С. Арканов опросил 75 женщин, тоже вошедших по возрасту в менопаузу, и выяснил, что в Приишимье на каждую роженицу приходилось в среднем по 10,6 рождений, вместе с выкидышами и мертворождениями². Величину в диапазоне 6—11 рождений от менархе до менопаузы дает и экстраполяция данных по Красноярскому окр. о деторождениях у всех женщин, в том числе еще не вышедших из детородного возраста³.

Сказанное как будто противоречит распространенным в этнографической литературе утверждениям о еще более высокой плодовитости сибирячек. Фигурируют такие цифры: в среднем 12—20 детей на одну женщину по Приангарью, от 10 до 24 у семейских старообрядцев Забайкалья, до 22—24 в Верхоленском крае и т. д.⁴ Нам представляется, что такие утверждения нуждаются в критической оценке. Возможно, конечно, что в отдаленных и относительно изолированных, слабее втянутых в капиталистическое развитие районах вследствие распространенности ранних замужеств, максимального уровня брачности, особо здорового образа жизни «детность» женщин была выше, чем на основной части территории России. Наряду с этим не исключено, однако, что имеет место абсолютизация не самых типичных для изучаемого периода случаев очень большого числа рождений у некоторых женщин. Каких-либо массовых статистических выкладок по периоду второй половины XIX — начала XX вв. о количестве детей, рождаемых одной крестьянкой, этнографы-сибиреведы не приводят.

Данные о рождаемости по многим местностям Сибири за все периоды изучаемой эпохи иллюстрируют хорошо известную в демографии закономерность: мальчики рождались несколько чаще, чем девочки. На сотню девочек рождалось 103—106 мальчиков⁵, но затем вследствие более высокого уровня смертности лиц мужского пола в реальном поколении ровесников устанавливался половой паритет. Половая диспропорция, отмечавшаяся в селениях Сибири, складывалась в изучаемую эпоху в основном за счет притока переселенцев, семьи которых содержали больше мужчин.

Имеющиеся источники позволяют распространить на всю Сибирь сделанный Л. М. Сабуровой применительно к Приангарью вывод о том, что «крестьяне с большей радостью относились к рождению сына, чем дочери»⁶. В ходу были пословицы: «Мальчик родится на

---

¹ Подсчитано по источнику: Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении... С. 21, 25.

² Арканов С. К антропологии сибирячки...

³ Крутовский В. М. К материалам... С. 18.

⁴ См.: Болонев Ф. Ф. О некоторых способах охраны здоровья у семейских Забайкалья в XIX — начале XX вв. // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филол. и философ. 1989. Вып. 2. С. 17; Сабурова Л. М. Культура и быт... С. 185; Щапов А. П. Физическое развитие... С. 59.

⁵ См.: Ефимов А. И. Православное население... С. 4, 8; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 90—91; и др.

⁶ Сабурова Л. М. Культура и быт... С. 185. См. также: ОПИ ГИМ, ф. 476, оп. 1, д. 12, л. 29; Загоскин М. В. Ответы на

подмогу, а девочка — на потеху», «Растить дочку — что воду лить в дырявую бочку», «Отца кормить — долг платить, сына кормить — в долг давать, а дочь кормить — на ветер пустить»¹. Впрочем, эта позиция была более характерна для мужчин. Женщины меньше внимания обращали на пол ребенка. Еще до рождения дочери были для них желанными, во-первых, потому, что считалось: девочек легче родить, парнишек труднее. Во-вторых, именно девочки до полного их «возрастания» и выхода замуж становились помощницами матерей в многочисленных хлопотах по дому и хозяйству. Крестьяне понимали, что за пол младенца роженица не отвечает: «Баба — как мешок, что положат, то и несет»².

В заключение рассмотрим показатель, обобщенно выражающий **итоги репродуктивного поведения крестьян** — уровень рождаемости сельского населения. Следует сразу оговориться, что вследствие плохого статистического учета коэффициенты рождаемости для периода 1860—1880-х гг. высчитываются лишь приблизительно.

По данным А. И. Ремезова, пользовавшегося официальными источниками, в первые пореформенные десятилетия в разных округах Западной Сибири рождаемость была слишком резко отличной, колеблясь между 28 и 73 на 1000 человек населения, что вряд ли может соответствовать действительности³. Скорее всего, к истине ближе усредненные цифры в диапазоне 43—67 ‰. Они могут быть подкреплены другими источниками по региону. В казачьем населении Акмолинской обл. и Томской губ. учет был наилучшим, и он давал показатели рождаемости за 1857—1885 гг. в 45—51 ‰⁴. В. П. Гедройц-Юраго обработал данные метрических книг 25 селений Пресногорьковской линии и утверждал, что рождаемость за десятилетие 1878—1887 гг. составляла здесь 57,2 ‰. Каждый год из ста казачек независимо от возраста приносило детей 11,6, из пяти женщин детородного возраста (15—50 лет) рождала одна⁵. В Каинском окр. Томской губ. в среднем за десять лет (середина 1860-х — начало 1870-х), по данным авторитетного статистика Н. А. Кострова, ежегодное число родившихся равнялось 50,3 на 1000 человек населения⁶. А. И. Ефимов высчитал примерные коэффициенты рождаемости сельского православного населения всей Томской губ. за 1881 г. — 48 ‰ у мужчин и 43 ‰ у женщин⁷.

Перейдем к Восточной Сибири. По данным губернской статистики, в 1866 г. сельское православное население Иркутской губ. имело рождаемость 50,8 ‰⁸. Аналогичные источники

программу РГО для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891. С. 22; и др.

¹ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 20—21; *Фольклор казаков Сибири*. Улан-Удэ, 1969. С. 204—205.

² РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 3, л. 7; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... 1905. Вып. 15. С. 5.

³ См.: *Ремезов А. И.* Очерк санитарного состояния... С. 43, 106, 142, 182.

⁴ *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк... С. 142; *Усов Ф. Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 83.

⁵ *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк... С. 39, 149.

⁶ *Костров Н. А.* Каинская Бараба // ТГВ. 1874. 8 нояб.

⁷ *Ефимов А. И.* Православное население... С. 39.

⁸ *Чураев А.* Население Восточной Сибири. М.; Иркутск, 1933. С. 31—34.

по Енисейской губ. обработал А. Р. Шнейдер и установил, что в сельском населении в период 1861—1895 гг. рождаемость колебалась от 49 до 53 ‰, в 1896—1905 гг. она повысилась до 53—54, в 1906—1914 гг. — до 56—59 ‰¹. Применительно к 1880-м гг. данные текущего учета подкреплены материалами массового подворного обследования, показавшего рождаемость в русских селениях равной примерно 50 ‰ в Иркутской губ. и 52 ‰ в Енисейской². По западной части Забайкальской обл. Ю. Д. Талько-Грынцевич подсчитал данные метрических книг одиннадцати церквей за 1869—1891 гг. и установил коэффициент рождаемости в 43,4 ‰³. Однако применительно к деревенскому населению эту цифру нужно увеличить, поскольку 1/3 выборки Талько-Грынцевича составили горожане, а в городах рождаемость повсеместно была ниже, чем в селениях.

С течением времени статистический учет численности и естественного движения сельского населения заметно улучшался. У нас есть возможность высчитать рождаемость в деревнях на территории всей Сибири за некоторые годы конца XIX в. и за длительный период 1902—1914 гг., а также произвести сравнение полученных, результатов с данными по сельской местности Европейской России. Воспользуемся для этого материалами официальной медицинской статистики Министерства внутренних дел. Выясняется, что в 1889 г. общий коэффициент рождаемости в сибирских селениях составил 46,0 ‰, в 1892 г. — 46,6, в 1894 г. — 49,8 ‰⁴. В начале XX в. картина по периодам, выглядела следующим образом (табл. 7). Показатели рождаемости были весьма высокими, причем наличествовала слабо выраженная тенденция их дальнейшего повышения. В деревнях Европейской России по крайней мере с конца XIX в. рождаемость была меньшей, чем к востоку от Урала, причем в начале XX в. она имела тенденцию к сокращению.

Таблица 7

Естественное движение населения в крупнейших регионах России на 1000 человек*

Годы	Сибирь			Европейская Россия		
	Родилось	Умерло	Естеств. прирост	Родилось	Умерло	Естеств. прирост
<i>В целом по региону</i>						
1892-1896	49,2	34,2	15,0	46,4	27,0	19,4
1897-1901	49,9	32,0	17,9	46,8	30,0	16,8
1902-1905	47,6	31,2	16,4	45,8	29,4	16,4
1906-1910	52,7	33,9	18,8	44,1	28,3	15,8
1911-1914	50,9	31,5	19,4	40,2	24,6	15,6

¹ Шнейдер А. Р. Население Приенисейского края. С. 19.

² Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1892. Т. 2. Вып. 6. С. 9—10; 1893. Т. 4. Вып. 2. С. 82.

³ Талько-Грынцевич Ю. Д. Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основе смертности в одиннадцати приходах за 23 года (1869—1891). М., 1898. С. 7.

⁴ Подсчитано по источникам: Отчет Медицинского департамента МВД за 1889 г. СПб., 1891. С. 20—21; ... за 1892 г. 1896. С. 10—11; ... за 1893—1895 гг. 1898. С. 134—135. При расчете среднего населения за соответствующий год использовался также отчет за предыдущий год. Необходимые данные о среднем населении в селениях Акмолинской обл. за 1889 и 1892 гг., Забайкальской обл. за 1889, 1892, 1894 гг. рассчитаны приблизительно путем экстраполяции на эти местности данных о темпах прироста сельского населения в остальной части Сибири.

В том числе в селениях						
1902-1905	48,0	30,9	17,1	47,1	29,8	17,3
1906-1910	53,1	33,5	19,6	45,2	28,5	16,7
1911-1914	52,2	31,9	20,3	41,6	25,0	16,6

* Подсчитано по источникам: *Отчет* Медицинского департамента МВД за 1891 г. СПб., 1894. С. 11; ... за 1892 г. 1896. С. 10—11; ... за 1893—1895 гг. 1898. Ч. 1. С. 134—135; *Отчет* о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896—1901 гг. СПб., 1905. С. 74—91; ... за 1902 г. 1904. С. 28—29; ... за 1903 г. 1905. С. 28—29; ... за 1904 г. 1906. С. 28—29; ... за 1905 г. 1907. С. 28—29; ... за 1906 г. 1908. С. 30—31; ... за 1907 г.: Таблицы. 1909. С. 34—35; ... за 1908 г.: Таблицы. 1910. С. 34—35; ... за 1909 г. 1911. С. 34—35; ... за 1910 г. 1912. С. 34—35; ... за 1911 г. 1913. Ч. 2. С. 66—67; ... за 1912 г. 1914. Ч. 2. С. 66—67; ... за 1913 г. Пг., 1915. С. 66—67; ... за 1914 г. 1916. С. 34—35. Рождаемость и смертность измерены отношением годового числа живорожденных и умерших к средней численности населения за соответствующий год. Показатели за 4—5-летние периоды равны средней арифметической всех годовых показателей за данный период.

В контексте анализа взаимосвязи репродуктивного поведения с матримониальным интересно сравнить количество рождений с числом браков. На сто ежегодных бракосочетаний в 1902—1903 гг. в селениях Тобольской губ. приходилось 600 рождений, в Енисейской губ. — 623. Соответствующие показатели в городах были заметно ниже: 591 и 588¹.

Уровень рождаемости при капитализме не был устойчивым, на его колебание оказывало воздействие множество факторов. Известно, например, что он увеличивался, с одной стороны, вслед за наиболее урожайными годами (улучшение жизненного уровня населения приводило к учащению зачатий), а с другой стороны — за годами сильных эпидемий (природа как бы стремилась компенсировать людские потери). Рождаемость падала во время войн — в 1904—1905, 1915—1917 гг.

В годы Первой мировой войны в сельском населении Сибири наблюдалось наиболее резкое сокращение рождаемости. Призыв армию большого количества мужчин, ухудшение положения оставшихся «за главных» в хозяйстве женщин и подростков, учащавшиеся эпидемии, плохое питание сокращали количество родившихся детей, повышали вероятность смерти. Исследователь Д. Мерхалев установил, что уже в 1915 г. в селениях Сибири рождаемость составила лишь 82 % от уровня трех предыдущих лет. В 1916 и 1917 гг. падение рождаемости продолжалось, она равнялась соответственно 67 и 65 % от довоенного уровня. Общий коэффициент рождаемости, составлявший в 1912—1914 гг. в Енисейской губ. 57 ‰, сократился здесь в 1915 г. до 47, в 1916 г. — до 37, а в 1917 г. опустился до 36 душ на каждую 1000 человек населения².

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ

Рождавшиеся в крестьянских семьях многочисленные дети при условии успешного их сохранения являлись основой возобновления жизни, формирования новых поколений

¹ Подсчитано по источникам: *Статистика* Российской империи. Вып. 66. С. 250; Вып. 70. С. 250.

² Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сб. Сиб. стат. упр. Новониколаевск, 1922. Т. 2. С. 100—110. Сибирь здесь взята в границах Иркутской, Енисейской и Алтайской губерний.

сельских жителей. Этот факт отражался в общественном сознании деревни. Существовало, например, большое количество примет, связанных с предсказанием продолжительности жизни и вероятности смерти, состояния здоровья конкретного человека или кого-либо из членов его семьи, жителей данного селения и т. д.¹ В крестьянской среде бытовало убеждение в предопределенности судьбы человека, главных обстоятельств его жизни и смерти — крепости брачного союза, количества детей, потери или обретения здоровья, долговечности жизни — высшими и потусторонними силами. В то же время роль личности в своей и чужой судьбе не мыслилась как сугубо пассивная. Признавалась возможность влияния, на судьбу — личной и общественной активности в демографической сфере, но в ограниченных пределах и зачастую в иррациональных магических формах.

Витальное поведение крестьян исходило из представления об особой ценности для человеческого сообщества в целом, для сельского домохозяйства в частности, жизни и здоровья близких. «Что мне пять коров, был бы сам здоров», «Обери все, Господи, только бы дети (или муж, жена. — В. 3.) остались», — такие присловья можно было зачастую услышать в деревне². В витальном поведении, подобно брачному и репродуктивному, были сильны элементы фатализма: как не одобрялись безбрачие, попытки регулирования рождаемости, так неизбежными признавались высокая детская смертность, неизлечимыми некоторые вполне излечиваемые заболевания и т. д. Исходя из задач данного исследования, на характеристике детской смертности и отношении к ней сельчан следует остановиться подробнее.

Многочисленные источники не только указывают на факт очень **высокой смертности детей**, но также отражают ее количественные параметры. Некоторые исследователи — врачи и этнографы — в 1860—1890-х гг. обрабатывали данные метрических книг и таким образом устанавливали долю детей в общем числе умерших сельских жителей; для периода начала XX в. аналогичные расчеты по некоторым губерниям позволяют сделать сводки официальной статистики. Выясняется, что удельный вес детей, не доживших ко дня рождения до года, среди всех умерших в «нормальные» годы в сибирских селениях колебался в диапазоне 40—55 %. Процент младенцев в возрасте от рождения до пяти лет в общем количестве умерших округленно составлял уже 55—70, доля же детей до 10 лет достигала в ряде местностей 3/4, а в среде недавних переселенцев бывала и выше этого показателя³.

---

¹ См., например: *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь... С. 265—269; *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии... С. 19, 21; *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь... С. 49—50, 121.

² АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 345, л. 12; *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы. С. 84; *Михайлов К. П.* Общинный быт у крестьян Забайкальской обл. Восточной Сибири // *Рус. мысль.* 1885. № 12. С. 24.

³ Подсчитано по источникам: *Статистика Российской империи.* Вып. 66. С. 262—275; Вып. 70. С. 262—275; Вып. 74. С. 262—275. См. также: *Ровинский П. А.* Между Ангарой и Леной // *Изв. СОРГО.* 1871. Т. 2. № 4. С. 17; *Зобнин Ф. К.* Усть-Ницинская слобода... С. 1, 56; *Колбасенко И. С.* Станица Стретенская (Забайкальской обл.), ее народонаселение и санитарный быт. Хабаровск, 1899. С. 116.

Самыми уязвимыми для болезни и смерти были только что родившиеся малютки, с возрастом же количество умиравших детей сокращалось. Порядок вымирания реального поколения – очень важный показатель в демографии. В Верхоленском окр. Иркутской губ. в 1860—1863 гг., не дожив до года, умирало более половины всех новорожденных¹. В станице Стретенской и ее окрестностях (Восточное Забайкалье) в 1840—1920 гг. до пятилетнего возраста вымирало в среднем 416 из каждой тысячи родившихся². В казачьих семьях Пресногорьковской линии в 1878—1887 гг. к году оставалось в живых 606 ‰, к пяти годам — всего 454, к десяти — 433³. Данные о порядке вымирания детей по Томской губ. обобщены в таблице 8. Все имеющиеся материалы показывают, что в возрасте 10—15 лет показатели смертности становились сравнительно небольшими. Это был наиболее «безопасный», самый «здоровый» период жизни человека.

Таблица 8

Количество детей в реальном поколении, доживавших до определенного возраста в селениях Томской губ. (1870—1880 гг.), из 1000 рожденных данного пола*

Возраст дожития	Мальчики	Девочки
Месяцы: 1	944	954
3	876	897
6	819	846
Годы: 1	764	793
2	720	752
3	697	729
4	680	713
5	669	702
6	661	694
7	655	689
8	651	685
9	647	682
10	644	679
15	636	669

* Составлено по данным: *Ефимов А. И.* Православное население... С. 22–23. Показатели для возраста 15 лет подсчитаны приблизительно по сведениям на с. 38.

Чтобы составить верное представление о причинах непомерной смертности детей, введем в оборот данные о распределении всех фактов смерти в некоторых регионах и категориях населения Сибири по месяцам (табл. 9). Рассматривая календарное распределение смертности независимо от возраста умерших по православному населению Томской губ. (1870—1880 гг.) и сибирскому казачеству (1878—1887 гг.), исследователь не может не обратить внимание на очень большое число умиравших в период июня-сентября с пиком в июле-августе, когда оно было в 1,4—1,6 раза выше средних годовых показателей. Приняв в расчет возраст умерших (сведения о нем приведены по Пресногорьковской линии), нетрудно установить, что летний

¹ *Шперк Ф. Ф.* Верхоленский окр. Иркутской губ. // Мед.-топогр. сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 154.

² *Белявский А. К.* Рождаемость... С. 668.

³ *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк... С. 153 (табл.).

пик смертности во всем населении формировался почти исключительно за счет младенцев до года. В этом возрасте на период июня-сентября (третья часть года) приходилось больше половины, 57,2 % умерших, а в июле-августе количество смертей превышало среднегодовой показатель для данной возрастной группы в 2,2 раза.

Таблица 9

Распределение умерших в сельском населении по различным месяцам года (70—80-е гг. XIX в.), на 1000 случаев смерти в год*

Месяц	Томская губ.	Пресногорьковская казачья линия			
		Всего	В т. ч. в возрасте, лет		
			До 1	1-5	Старше 5
Январь	77,7	72,9	52,3	97,2	94,3
Февраль	67,0	66,4	46,2	91,8	86,4
Март	82,9	74,4	53,9	90,3	102,3
Апрель	79,5	76,8	58,8	84,8	105,1
Май	79,7	73,2	54,5	81,0	103,4
Июнь	92,2	78,0	85,7	65,6	72,3
Июль	123,4	111,9	150,8	71,8	66,7
Август	113,3	153,2	216,2	97,2	73,4
Сентябрь	80,7	94,7	119,9	71,8	63,3
Октябрь	71,5	65,6	62,2	65,6	72,3
Ноябрь	65,4	60,2	49,5	84,1	63,3
Декабрь	66,7	72,7	50,0	98,8	97,2

* Подсчитано по источникам: *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878—1887 гг.) // Протоколы Омского мед. о-ва. Омск, 1890. № 8. С. 162; *Ефимов А. И.* Православное население... С. 12—13.

Факт формирования динамики смертности всего сельского населения под воздействием громадной младенческой смертности в летний период констатируется во многих авторитетных источниках не только по Томской губ. и Сибирскому казачьему войску 1870—1880-х гг., но также по Тобольской губ. 1851 — середины 1860-х гг., Восточному Забайкалью 1840—1920 гг. и т. д.¹ Поэтому с полным основанием можно говорить об общей закономерности, действовавшей на территории Сибири на всем протяжении периода середины XIX — начала XX вв. Эта закономерность была известна и в прочих регионах нашей страны, в других странах. По некоторым данным, в Европейской России она ярче проявлялась по мере продвижения на восток и усиления континентального климата, а в Сибири в южных местностях была выражена сильнее, чем в северных. На юге летний подъем смертности начинался раньше, был выше и длился дольше, чем в холодных регионах. Таблица 9 показывает, что смертность детей в возрасте 1—5 лет тоже была высока в августе, но все же в целом они умирали чаще не летом, а в холодные месяцы. За полгода, с ноября по апрель, на Пресногорьковской казачьей линии их умирало 54,7 %. В возрастной группе старше 5 лет пик

¹ См.: *Анучин Е. Н.* Смертность в Тобольской губ. // Памятная книжка для Тобольской губ. на 1864 г. С. 312—314; *Абрамов Н. А.* Город Ялуторовск с его округом // Тобол. губерн. ведомости. 1864. 4 июля; *Белявский А. К.* Рождаемость... С. 667—668; и др.

смертности приходился на весну: за четверть года в марте-мае уходило из жизни 31,1 % умерших.

Источники указывают основную причину высокого уровня смертности летом и в начале осени: «... дети и преимущественно грудные младенцы до 1 1/2 года включительно подвергались в летние месяцы простым и кровавым поносам, от которых и была значительная смертность»¹. Ежегодно летом сельскую местность охватывала сильнейшая эпидемия дизентерии, которая в обычные годы, по некоторым подсчетам, являлась причиной 1/4 всех смертей в деревнях и почти половины случаев гибели младенцев в возрасте до года². Эпидемия дизентерии летом зачастую дополнялась вспышками и других заразных болезней.

Росту заболеваемости и смертности от эпидемий в июне-сентябре способствовали, кроме «внешних» факторов (летняя жара, передвижение мигрантов, плохое санитарное состояние населенных пунктов и жилищ, практическое отсутствие квалифицированной медицинской помощи, летне-осенний рост рождаемости), некоторые **особенности образа жизни** крестьянства.

Во-первых, это неудовлетворительное в гигиеническом отношении содержание роженицы и ребенка в крестьянской среде. «Уже в утробе матери на ребенке отражаются те лишения, которым подвергается его мать от непомерной стужи, худой одежды и не менее плохого помещения, а иногда и от дурной пищи или непосильной работы», — писал в начале изучаемой эпохи исследователь Туруханского края П. И. Третьяков³. В работе повитух обычным делом было отсутствие тщательного осмотра и обмывания новорожденного, физические повреждения от «правления», «ровнения» его головки и тельца, занесение инфекции при небрежном перерезании и перевязывании пуповины. Простужавшиеся после частого парения в бане, крещения в холодной купели или в речной проруби, содержавшиеся постоянно в душной атмосфере крестьянской избы без прогулок на воздухе, дети были физически ослаблены и восприимчивы к инфекции.

Во-вторых, большую роль играло нецелесообразное питание детей. Наряду с чересчур длительной лактацией, крестьянки практиковали с первого дня жизни младенца искусственное вскармливание через тряпицу жеваным хлебом и конопляным семенем, тертыми овощами. Питание быстро включало в себя все, «что едят большие»⁴. Коровье молоко, к тому же по недосмотру часто скисшее и прогорклое, начинали давать тоже слишком рано, и кишечные заболевания были в этих условиях практически неизбежными. Редко в зажиточных семьях

---

¹ РГВИА, ф. 330, оп. 6, д. 30, л. 8.

² Белявский А. К. Рождаемость... С. 671; Гедройц-Юраго В. П. Санитарно-статистический очерк... С. 169; Колбасенко И. С. Станица Стретенская... С. 117—118.

³ Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871. С. 123.

⁴ Двадцатипятилетие Общества врачей Восточной Сибири // ВО. 1888. 11 сент.; Костров Н. А. Первоначальное физическое воспитание...; Штерк Ф. Ф. Верхоленский окр... С. 166; и др.

имелись стеклянные или металлические молочные рожки с резиновыми сосками; почти всегда применяли обыкновенный коровий рог, на который надевали кожаный сосок от вымени. Рожки плохо промывались и тоже были источником заразы.

Дети постарше в летнее время ели много невымытых и недозрелых овощей, ягод и плодов. В итоге заболеваемость дизентерией резко возрастала в начале июня «после продолжительных жаров и преимущественно с появлением разных ягод и огородных овощей, которые как сами матери грудных детей, так и вообще все дети, по обыкновению в крестьянском быту, употребляли ... в непомерно большом количестве и частовременно», — как указывал в отчете за 1865 г. томский окружной врач¹.

Третьим «деятельностным» фактором высокой летней смертности детей являлся плохой уход и присмотр за младенцами в период интенсивных полевых и огородных работ в июле-сентябре. Роженице чаще всего «некем было заместиться на хозяйстве», и она уже на другой день после родов начинала исполнять свои обычные обязанности, стараясь только на первых порах не поднимать большие тяжести. Руки матерей редко доходили до «водни» — кормления, перепеленания, лечения грудных детей, до присмотра за теми, кто постарше. Очевидцы отмечали: «Смертность маленьких детей в деревне больше летом, чем зимою, объясняется отчасти беспризорностью их. Немало по этой причине и увечных на всю жизнь...»². «Догляд за ребятами в бедных семьях, где одинокое хозяйство, т. е. одна женщина, на семью ... плохой, а потому с ребятами случается много приключений несчастных», — констатировала этнограф М. В. Красноженова на основе своих наблюдений начала XX в. в Красноярском окр. Она рассказывала о ребенке, заболевшем оттого, что мать носила его на пашню и «под куст клала», о детях, которые утонули в лохани от недосмотра, коих повредили домашние животные и т. д.³

«Маленькой» обычно оставался летом на почти полном попечении бабушки, малолетней сестры или соседской девочки, нанятой для этой цели. В. П. Гедройц-Юраго в 1888 г. при разъездах по своему врачебному участку собрал сведения о том, кто ухаживал за 310 грудными детьми, страдавшими поносом. Более 3/5 из них были лишены материнского молока и находились на руках 60—80-летних старух и стариков (в половине случаев), либо малолетних нянек, нередко не справлявшихся со своими обязанностями⁴.

Наряду с дизентерией, в раннем детском возрасте были очень распространены другие инфекционные заболевания, но смертность от них в обычные годы была меньшей. Например,

---

¹ ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 130, л. 66. См. также: л. 70—71; РГВИА, ф. 330, оп. 43, д. 1404, л. 29—30; и др.

² Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 54. С. 229. См. также: Абрамов Н. А. Город Ялуторовск... 4 июля; Попов Т. Слобода Такмыцкая // Тобол. губерн. ведомости. 1866. 12 февр.; Этнологическая секция в 1924 г. // СЖС. 1925. Вып. 3/4. С. 198; и др.

³ КККМ, о/ф. 7886, п. и. 100, л. 18—19; п. и. 110, л. 24—25.

⁴ Гедройц-Юраго В. П. Санитарно-статистический очерк... С. 173.

в Восточном Забайкалье 1840—1920 гг. смертность от инфекций, исключая дизентерию, составила 17,4 % общего количества умерших¹. В периоды сильных эпидемий соответствующих болезней положение складывалось по-иному. Оспа в некоторые годы уносила треть всех умерших, 25-месячная эпидемия дифтерита в 1880—1881 гг. в одной из местностей Красноярского окр. дала половину всей смертности и т. д.²

Как правило, среди детей, к двум годам вышедших из грудного возраста, было больше всего как раз подвергнувшихся инфицированию оспой, корью, скарлатиной, дифтеритом. Эти болезни давали более 2/3 всех случаев смерти в возрастной группе 1—5 лет (см. табл. 9). Болели и умирали от таких инфекций в большей степени уже не летом, а зимой и в смежные с ней переходные месяцы. Дело в том, что холода заставляли население скучиваться и проводить много времени в тесных жилищах, лишенных вентиляции, и это благоприятствовало распространению вирусов. Перепады температуры ранней весной и поздней осенью вели к простудам, различным осложнениям у недавно перенесших болезнь, а каких-то специальных приемов оберегания детей от рецидивов болезни не применялось.

В возрасте после пяти лет, когда дети уже меньше времени проводили в помещении, становилась максимальной опасность простуды на улице в переходное время года. Весной распространялись болезни дыхательных путей. Ситуация усугублялась плохим питанием: в бедных семьях съестные припасы к этому времени уже истощались. Поэтому именно в марте-мае наблюдался пик смертности в старшей возрастной группе, отмеченный в таблице 9. В эту группу входили также и взрослые, весенняя смертность которых была связана с началом годового цикла сельскохозяйственных работ.

Избежав смерти в наиболее опасном возрасте до 10 лет, дети не были, конечно, застрахованы от болезней и различных несчастий в последующие годы. Часть случаев заболеваемости и смертности подростков была связана с привлечением «малолетков» к хозяйственным операциям, отнюдь не всегда безвредным для здоровья и безопасным. В источниках мы находим многочисленные жалобы на родителей, заставляющих дочерей с ранних лет по многу часов ежедневно прясть («на гребешках душили»); описания несчастных случаев, происходивших с «борноволоками» — мальчиками и девочками 6—12 лет, падавшими с лошадей и попадавшими под бороны, с детьми-возчиками, задавленными телегой и т. п.³ На основе многолетних наблюдений в центральной части Енисейской губ. М. В. Красноженова писала: «Очень тяжело достается в бедных семьях, когда нет больших работников, отца или старшего брата, тогда вся тяжелая крестьянская работа ложится

---

¹ *Беляский А. К.* Рождаемость... С. 671.

² *Оспопрививание* в Сибири // ВО. 1887. 24 дек.; *Крутовский В. М.* Дифтерит в Красноярском окр. // СГ. 1863. 23 янв.

³ НГПИ, д. 6, л. 69; ОПИ ГИМ, ф. 475, оп. 1, д. 1, л. 13; *Из Бийского окр.* // ВО. 1884. 5 янв.; *Шерганд.* Опыт медицинской статистики по Енисейской губ. за 1863 г. // Архив судебн. медицины и обществ. гигиены. 1867. № 3. С. 81; и др.

непосильным бременем на 12-летнего подростка. Такой мальчик вырастает “заморышем”, с надорванным здоровьем»¹.

Некоторые наблюдатели сельского быта утверждали, что население «вполне свыклось с громадной рождаемостью и таковою же смертностью детей, считает это чем-то вполне обыкновенным и довольно равнодушно относится к болезням своих малюток; взрослые же охотно ищут медицинской помощи у врачей и фельдшеров...»². Однако внимательное изучение комплекса источников показывает другое. Точнее было бы говорить не о равнодушии, а об осознании трагической неизбежности большого количества детских болезней и смертей в реальных условиях сибирской деревни. «Молодостью не жить, а старостью не помереть», — так выражалась мысль о том, что не всегда умирает старик, оставляя на земле место молодому, что чаще, к сожалению, бывает наоборот³. Пытались утешить себя и других: «Земля не сдержит, если помирать не будут», «Заревутся (дети без присмотра. — В. З.), так другие заведутся», «Бог сохранит ее (дочь. — В. З.) — жива будет; а умрет — на то Господня воля... Еще двое останутся. Родители молоды, еще наживут»⁴.

Однако утешение было слабое, и случаи острого заболевания, потери ребенка, особенно единственного, тяжело сказывались на самочувствии членов семьи. Этнограф А. А. Макаренко, много лет проживший среди крестьян на Ангаре и среднем Енисее, с уважением писал: «Материнское чувство, с одной стороны, сознание ужасности положения одинокой старости, с другой, побуждают крестьянку-мать “трястись” над ребенком. Она нянчится дни и ночи, во время болезни его страдает одинаково с ним; изыскивает средства лечения; отыскивает “знатких людей”, верит их советам и выполняет, что предлагается ими». И далее: «А для чего припасать “хлеб-богатство”, когда “часует” последнее (из многих) дитя, и с его смертью для родителей рухнет последняя осмысленная цель, ради которой стоило бы жить?»⁵. Другой авторитетный исследователь, сам родившийся и выросший в крестьянской семье, Г. С. Виноградов, вторил Макаренко: «По мере сил (а бывает, и сверх сил) и разума воспитывают, заботятся о сохранении жизни и поддержании здоровья» детей сибиряки-сельчане⁶.

Представляют интерес **магические способы оберегания** детей, активно применявшиеся в деревнях. Стараясь не допустить «сглаза», после рождения ребенка недели две не показывали посторонним, кормили грудью где-нибудь в укромном месте. Если представлялась к тому возможность по календарю, новорожденным старались давать имена тех святых, которые, по

¹ КККМ, о/ф. 7886, п. и. 110, л. 43—44.

² *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк... С. 173. См. также: *Неклепаев И. Я.* Народная медицина в Сургутском крае. СПб., 1900. С. 23.

³ *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь... С. 265.

⁴ Там же. С. 275; *Из мира прокаженных и сифилитиков* // ВО. 1902. 12 апр.; *Урал* в его живом слове. С. 131; и др.

⁵ *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине... Вып. 1. С. 58.

⁶ *Виноградов Г. С.* Самоврачевание... С. 368; *Загоскин М. В.* Деревенские письма // ВО. 1889. 23 апр.

подсчетам крестьян, «сохраняли» большее число детей. Предпочитали также имена дедушки и бабушки, ибо «ребята живучи бывают и сохраняются родово имя»¹. По свидетельству И. Я. Неклепаева, в Сургутском крае нередко крестили в память умерших ранее детей, а имена деда и отца мальчикам присваивали и для того, «чтобы ребенок, когда вырастет, мог помнить свой род... Вообще больше норовят давать имена своих родственников, чтобы эти имена переходили из рода в род и не забывались в нисходящем потомстве»².

В некоторых местах Сибири практиковалась фиктивная передача тяжело больного ребенка второй крестной матери или в чужую семью как средство сохранения его жизни. В д. Яркиной-на-Чадобце Енисейского уезда одноименной губернии в начале XX в. зафиксирован обряд «приобретения кумовой»: «У кого дети не выживают, тот при рождении ребенка выходит на улицу и первой встречной женщине говорит, например: “Мария Дмитриевна, будь мне кумой”»³.

Если в семье «ребята не стояли» (умирал один ребенок за другим), то в других местах поступали и так: мать обмывала очередного покойника сама и притом на голых коленях; вбивали в землю на могиле к его ногам осиновый кол, лишая этим возможности «приходить» за любимыми братьями и сестрами⁴. В Прибайкалье в случае смерти первого ребенка отец и мать не участвовали в похоронах, чтобы не умирали и другие их дети⁵. Повсеместно считались недопустимыми проклятие или пожелание смерти ребенку, особенно материнское, даже сделанное шутя или в игре, — крестьяне не сомневались, что они могут исполниться. Боясь «худых последствий», вообще старались не браниться «черным словом» на ребятишек. Хорошими профилактическими мерами от всех напастей считались служение молебнов, ношение на шее ладанки.

Различные магические приемы лежали в основе и всей народной санитарно-медицинской практики, либо сопровождали ее. В **народной медицине** можно выделить профилактические меры против болезней, в том числе детских (очерчивание магическим кругом, карантины, словесные заговоры и др.) и собственно лечебную часть. В этнографической и медицинской литературе накоплен огромный массив сведений о способах и средствах лечения детских болезней, применявшихся в русской деревне Сибири. Его разработка в полном объеме — дело специалистов, медиков и культурологов. Здесь можно отметить лишь, что имевшие дело с народной медициной врачи нередко отмечали в ней «ценные перлы для научной медицины, сравнительно незначительная часть которых уже научно обследована, разработана и

---

¹ Макаренко А. А. Материалы по народной медицине... Вып. 1. С. 98.

² Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи... С. 84.

³ Деревенские суеверия // ВО. 1902. 17 июля.

⁴ См.: Зобнин Ф. К. Усть-Ницинская слобода... Вып. 2. С. 153; Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь... С. 278—279.

⁵ Станиловский А. М. Записки. Иркутск, 1912. С. 175.

представляет в настоящее время ценный вклад во врачебную фармакопею»¹. Приведем некоторые примеры.

Бийский окружной врач Михайловский докладывал в 1865 г. в Томскую врачебную управу о своих действиях по ликвидации эпидемии дизентерии в с. Белоглазовском Чарышской вол.: «... мною была употребляема трава, известная в простонародии под именем кашкары, которая местными жителями около черни (леса. — В. З.) единственным считается средством против поноса, что узнал случайно. Я хотел испытать действие ее в данном случае и деятельно видел большой весьма быстрый успех, даже не встречая неудачи»². Вообще в Сибири крестьянам было известно более 250 видов лекарственных растений, и фитотерапия считается главным достижением русской народной медицины³.

В Верхоленинском крае крестьяне очень давно обнаружили особые свойства воды в р. Анге, которой лечились от зоба; в целебных озерах и теплых минеральных ключах сибиряки исцеляли многие другие телесные недуги. В Сургутском крае приспособлялись к экстремальным условиям севера (непривычное соотношение дня и ночи, дополнительные нагрузки на организм), приучали детей рационально строить режим сна и бодрствования, понимая, что «сон – первое условие здоровья»⁴. Повсеместно в профилактике и лечении взрослых и детей, даже грудных, использовались физиотерапевтические свойства парной бани.

Наряду с положительными сторонами, в народной педиатрии было много несовершенного и неправильного, как с точки зрения научной медицины того времени и современной, так и просто по причине неэффективности применяемого лечения, даже вреда от него. Некоторое представление об этом аспекте народной педиатрии могут дать следующие примеры. Типология детских страданий включала «уроки», «призоры», «порчи», «колотья» и тому подобные напасти; многие детские болезни, особенно судорожные, почитались чем-то святым и неприкосновенным, зоб же в местах его наибольшего распространения вообще не считался за болезнь. Бытовало убеждение, что «врачи не могут лечить дитя как существо, не имеющее языка передать свои страдания». Загрязненные раны, по представлениям крестьян, не нужно было трогать, и потому они обычно не промывались и не перевязывались. При ночном энурезе полагалось колотить ребенка чулком или «голяшкой» от сапога на горячей заслонке, при «сухотке» сажать на лопату и трижды всовывать в горячую печь над хлебами и т. д.⁵

---

¹ Крутовский В. М. Материалы к изучению способов народного врачевания в Восточной Сибири // Отчет О-ва врачей Енис. губ. за 1890—1891 гг. С. 21.

² ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 130, л. 53.

³ См.: *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма*. Новосибирск, 1983. С. 334; *Лебедева А. А.* Использование дикорастущих растений и минералов русскими Сибири в XVIII — начале XX вв. // СЭ. 1988. № 2. С. 84.

⁴ *Неклепаев И. Я.* Народная медицина... С. 28—29.

⁵ См.: *Вопрос народно-медицинской помощи...*; *Гандельсман В. О.* Способы народного врачевания в Идринской вол. Минусинского окр. // Отчет О-ва врачей Енис. губ. за 1890—1891 гг. С. 26; *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский окр. ... Т. 2. С. 1—12; и др.

Особый интерес представляет сравнительное отношение в сибирской деревне к народной и официальной медицине. Оно не было однозначным и неизменным в течение динамичной капиталистической эпохи.

В большом количестве источников, особенно относящихся ко второй половине XIX в., отразилось равнодушное, настороженное, иногда даже враждебное **отношение сельчан-сибиряков к деятельности медицинских учреждений**, врачебного персонала, а также к рекомендуемым властями и медиками мероприятиям по улучшению санитарно-гигиенического состояния населенных пунктов, дворов и жилищ. Типичным нужно признать отчет нарымского окружного врача, который пытался наладить оспопрививание в 1864–1865 гг.: «Но мера эта встречала неодолимое препятствие со стороны народа, то прямо, то под разными предлогами не дававшего детей для прививки до прекращения эпидемии. <...> Предохранение детей от простуды, удаление от больных и другие гигиенические меры выполнялись нередко тоже с крайней небрежностью»¹. В меньшей степени это было присуще казачеству, в наибольшей — старообрядческой среде. Старообрядческие идеологи — уставщики — порой под угрозой отлучения «от веры», изгнания из общины запрещали своей пастве пользоваться помощью медиков, принимать «поганые» лекарства².

Причины такого отношения кроются, с одной стороны, в особенностях традиционного общественного сознания, мало восприимчивого к инновациям, а с другой — в слабом развитии и очень плохой постановке медицинского и санитарного дела, при которой лечение зачастую было делом дорогим, но бесполезным. С развитием капитализма наметился кризис традиционной культуры под влиянием прогресса производительных сил, развития миграционных процессов, расширения круга общения и грамотности крестьян; в данном случае определенную роль играло и улучшение медицинского обслуживания. В результате мы наблюдаем развитие рациональных элементов сначала в индивидуальном и групповом, затем в общественном сознании, в демографическом поведении сибирского крестьянства. Наблюдатели замечали, что «молодое поколение понемногу бросает более грубые привычки и суеверия»; причем относилось это и к изучаемой сфере образа жизни.

В 1879 г. после оспенной эпидемии старообрядцы Бийского окр. Томской губ. «в первый раз сами заявили желание привить своим детям предохранительную оспу»³. Народная фармакопея пополнялась лекарствами, закупаемыми из аптек и лавок. Постоянно росла обращаемость населения за медицинской помощью к специалистам. Так, по официальным данным, в Красноярском окр. она выросла с 60—65 случаев на 1000 человек населения в

---

¹ ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 130, л. 38.

² РГВИА, ф. 330, оп. 43, д. 1404, л. 31—32; *Полищук Н. С.* Быт и культура семейских // *Быт и искусство русского населения Восточной Сибири.* Новосибирск, 1975. Ч. 2. С. 103.

³ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 672.

1908—1909 гг. до 444—489 в 1911—1912 гг.¹ Усиливается поток жалоб с мест на неудовлетворительную постановку медицинского дела, прошений об открытии в селениях фельдшерских пунктов и больничек, присылке медперсонала. Крестьяне и сами активно участвовали в развитии сельской медицины, на свои средства создавая и поддерживая необходимые им учреждения².

В результате в селениях складываются контуры «трехступенчатой» системы лечения болезней, в том числе детских. Все более или менее легкие случаи излечивались домашними способами, почти у любой хозяйки имелись для этого традиционные навыки и «средства». Если собственное лечение не давало результатов и страдания усиливались, то «ладить» больного приглашали людей, пользовавшихся в данной местности славой умелых знахарей, колдунов, шептуний, костоправов (в ряде местностей русские охотно прибегали в таких случаях и к помощи «инородческих» шаманов, лам). Наконец, в самых экстраординарных случаях, если традиционная народная медицина оказывалась несостоятельной или подходящего лекаря поблизости найти не удалось, а больной начинал «часовать», искали возможность привлечь к лечению официальных медиков. Это было нелегко: чтобы привезти, скажем, ребенка в лечебницу из дальней деревни, нужно было оставить других детей, потерять рабочее время, иметь лошадь и т. д.

Н. А. Вигдорчик, анализируя «лечимость по полу и возрасту» во 2-м врачебном участке Красноярского окр. за 1898—1902 гг., статистически установил, что детей, а также взрослых женщин и стариков относительно часто лечили в амбулатории жители центральных, ближайших к ней сел. Из более отдаленных же населенных пунктов привозили к врачу лечить преимущественно взрослых мужчин — людей, наиболее ценных на данный момент в экономическом отношении для крестьянского домохозяйства. В с. Есаулове (центре врачебного участка) количество обращений в амбулаторию для лечения детей в возрасте до пяти лет составляло 1/4 от обращаемости взрослых, в более удаленной зоне участка — 1/5, а в самых дальних и недоступных селениях — лишь 6 %. Сиюминутная экономическая ценность подростков 5—18 лет была выше, и для их лечения обращались чаще — на уровне 30—40 % от количества обращений взрослых на всей территории участка³.

Повсеместно главным контингентом больных, приезжающих в сибирские сельские лечебницы или привозивших сюда своих «домашних», были сравнительно зажиточные крестьяне, а также деревенская «аристократия» — старосты, священники, торговцы и др.

---

¹ Красноярский окр.: сравнительные данные о естественном движении населения и заболеваемости его заразными болезнями // Сиб. мед. журнал. 1928. № 9. Вклейка.

² См., например: Вигдорчик Н. А. Заметки сибирского врача. Ниж. Новгород, 1905. С. 51—53; Крестьяне и медицинская помощь...; Кузминский А. К. О гипотетическом врачебном пункте в с. Каргасоке Нарымского края Томской губ. / Сиб. врач. 1917. 19 марта; и др.

³ Вигдорчик Н. А. Заметки сибирского врача. С. 97—99.

Иначе говоря, получал медицинскую помощь часто не тот, кто в ней больше всего нуждался, а тот, кому она была доступнее. Интересно, что посетителей в амбулаториях было сравнительно много зимой и ранней весной, тогда в деревнях у людей было больше свободного времени. Летом же, начиная с апреля, – в период интенсивных полевых работ – число посещений было минимальным¹. Женщины из бедных семейств, лишенные возможности полечить детей в амбулатории, поджидали случая обратиться к врачу хотя бы во время его разъездов по вызовам. «Стоит только кому-либо из медицинского персонала заехать в какое-либо селение для перемены лошадей, как тотчас же словно из земли вырастают 2—3 бабы с больными ребятами», — рассказывает Н. А. Вигдорчик².

Значительная часть усилий, предпринимавшихся крестьянами и медиками для сохранения жизни детей, давала свои результаты, и смертность не являлась стихийным процессом в той степени, в какой почти неуправляемым образом осуществлялась рождаемость. И все же в итоге из большого количества родившихся **до зрелых лет доживало** не так уж много. Приведем некоторые из имеющихся данных на этот счет.

В момент обследования, проведенного В. М. Крутовским в Красноярском окр. Енисейской губ. в 1891 г., из всех родившихся у опрошенных 312 деревенских женщин оставалось в живых только 42 % детей (у городских жительниц — 3,6 %) ³. В с. Ужур Ачинского окр. той же губернии на 247 родившихся во второй половине XIX в. в 21 семье к 1897 г. оставалось в живых 70, т. е. на каждую семью приходилось в среднем 3,2 выживших и 8,4 умерших⁴. С. Арканов в Ишимской сельской лечебнице Тобольской губ. в 1909 г. опросил 19 женщин, по возрасту уже вышедших в менопаузу, и выяснилось: после 226 родов (вместе с мертворождениями и выкидышами) к старости у них осталось в живых 55 детей — четверть родившихся, или по 2,9 человека в среднем на каждую, включая оставшихся совсем бездетными⁵.

Этнограф Н. А. Лебедева использовала для выяснения вопроса о соотношении **семей с различным числом детей** первичные материалы похозяйственного обследования в 1897 г. деревенской местности Забайкалья. Данный источник позволяет установить лишь общее количество детей в домохозяйствах; вовсе не представляется возможным подсчитать детей, принадлежащих отдельным брачным парам в неразделенных семьях. Автором были взяты для анализа все домохозяйства трех казачьих селений (Мангут, Верхний Ульхун и Ульхун-Партия), а также четырех старообрядческих семейских сел — Хонхолая, Никольского, Большого Куналея и Бичуры. По нашему расчету, сделанному на основе данных Лебедевой

¹ См.: *Корреспонденции* // ВО. 1888. 18 дек.

² *Вигдорчик Н. А.* Заметки сибирского врача. С. 83.

³ *Крутовский В. М.* К материалам... С. 13.

⁴ *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине... Вып. 2. С. 231.

⁵ Подсчитано по источнику: *Арканов С.* К антропологии сибирячки...

(табл. 10), в среднем на сельское семейное домохозяйство Забайкальской обл. приходилось 3,2 ребенка, а за вычетом бездетных дворов — 3,4 человека. Обращает на себя внимание такой факт: более половины всех домохозяйств и у крестьян, и у казаков содержали в своем составе всего от одного до трех детей. Семейские имели неразделенные семьи чаще, чем казаки, и это, по-видимому, было главной причиной несколько большего количества в их среде многодетных дворов, значительно меньшей доли вовсе бездетных.

Таблица 10

**Распределение домохозяйств с различным количеством детей в селениях
Забайкальской обл. (1897 г.)***

Число детей в домохозяйстве	Казаки		Крестьяне-семейские		Всего в выборке	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
0	74	16,7	159	6,5	233	8,0
1	62	14,0	306	12,5	368	12,7
2	94	21,2	441	18,0	535	18,5
3	70	15,7	516	21,1	586	20,3
4	43	9,7	463	18,9	506	17,5
5	43	9,7	291	11,9	334	11,5
6	26	5,8	152	6,2	178	6,1
7	20	4,5	72	2,9	92	3,2
8	11	2,5	32	1,3	43	1,5
9 и более	1	0,2	19	0,7	20	0,3
Итого	444	100	2451	100	2895	100

* Подсчитано по источнику: *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX вв.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 161 (табл. 5).

Нами использован и другой источник — первичные посемейные карточки Всероссийской переписи населения 1897 г. Были обработаны данные по 46 сельским обществам восьми округов Тобольской губ. Учитывались только дети, принадлежащие главе домохозяйства и его супруге (супругу), независимо от того, являлась ли эта брачная пара полной или второй супруг уже умер. Усыновленные дети приравнивались к родным.

Больше всего в полученной выборке из 6267 домохозяйств оказалось однодетных ячеек — 24,0 %. Два ребенка учтено в 19,1 % случаев, три — в 16,6, четыре — в 11,1, пять — в 7,1, шесть и более — в 5,4 %. Имелось 16,7 % вовсе бездетных брачных пар домохозяев. Таким образом, многодетные ячейки находились в явном меньшинстве. В среднем на каждую брачную пару, вошедшую в расчет, включая бездетных, приходилось 2,3 ребенка, а на одну нуклеарную семью с детьми — 2,7¹. Разумеется, в данном случае, как и в работе А. А. Лебедевой, вычисленные показатели обозначают не число детей, рожденных супругами или всеми членами семьи в течение детородного периода жизни матерей. Они лишь отвечают на

¹ Подсчитано по источникам: ТФ ГАТюмО, ф. 417, оп. 2, д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 107, 125, 149, 154, 164, 166, 176, 180, 181, 184, 192, 193, 211.

вопрос: сколько детей к моменту переписи (обследования) уже родилось, выжило и еще не успело обзавестись собственным хозяйством и отделиться.

Как известно, демографическая перепись 1897 г. не содержит данных о доходности или хозяйственной состоятельности семей и потому не позволяет дифференцировать сведения о количестве детей по социальным слоям и группам крестьянства. Однако нам удалось в сделанной выборке вычленив 323 сельских пролетарских (батрацких) домохозяйств. В их среде фиксируется гораздо более низкий уровень «детности», чем в целом у сельского населения. В Тобольской губ. более 1/3 семей сельских батраков (очень маленьких по величине) вообще не имело детей, еще столько же включало в свой состав одного ребенка, 1/4 — двух или трех. На брачную пару в среднем приходилось лишь 1,3, а за вычетом бездетных ячеек — 1,9 детских душ¹.

В предыдущем параграфе говорилось о том, что минимальное количество детей, которое рождалось в средней крестьянской нуклеарной семье, было близким к шести. Теперь мы установили, что из 6—11 рождавшихся детей выживало до совершеннолетия и могло «заменить» собой родителей всего около трех, в грубом округлении. Отсюда ясным становится один из аспектов смысла устойчивой формулы поговорки: «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — весь сын». Поговорка зафиксирована в изучаемую эпоху в самых разных местах Сибири, России в целом². На шестерых по законам биологии приходилось примерно поровну (по три) мальчиков и девочек, и это был тот минимум детей, после рождения которых можно было считать свою детородную миссию на земле выполненной.

Считалось, что из трех сыновей уж один-то доживет до совершеннолетия и обеспечит родителям спокойную старость, а из трех дочерей одну можно будет выдать замуж «полюдски». Родители изо всех сил заботились поэтому о сохранении жизни и здоровья хотя бы двух-трех ребятешек. При наличии относительно большого количества детей в небогатой семье возникала экономико-демографическая «перегрузка», которая иной раз приводила к попыткам лечиться «от частых родов» и даже к мольбам Богу, чтобы он «прибрал» очередное дитя.

Наряду с приемами охраны жизни детей, в источниках отразились немногочисленные, правда, факты тайного умышленного убийства младенцев матерями вскоре после рождения. Расследование таких случаев обычно вскрывало следующие причины злодеяния: стремление

---

¹ Подсчитано по тем же источникам.

² См.: *Абрамов Н. А.* Город Ялуторовск... 11 июля; *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ, 1939. Т. 1. С. 379; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... Вып. 15. С. 20; *Виноградов Г. С.* Самоврачевание... С. 376; *Пословицы и поговорки русского народа: Из сборника В. И. Даля.* М., 1987. С. 302; и др.

девицы скрыть внебрачное сожитие; очень напряженные отношения между супругами или членами домохозяйства; крайняя бедность семьи¹.

В заключительной части параграфа рассмотрим вопрос о количественном значении и типовых характеристиках того **естественного прироста населения**, который осуществляется в селениях Сибири через демографическое поведение крестьян и казаков.

Историки медицины Т. И. Мендрина и Н. П. Федотов, опираясь на немногие территориально и хронологически локальные данные, пришли в своих работах к выводу, что для Сибири всей дооктябрьской эпохи были «характерны очень высокая рождаемость и смертность при низком, а иногда и отрицательном коэффициенте естественного прироста. Воспроизводство населения здесь протекало на основе быстрой смены поколений. Такой тип воспроизводства обусловлен положением Сибири как экономической колонии Российской империи»². Попытаемся оценить этот вывод на основе мобилизованных нами более массовых и систематических данных.

Действительно, по некоторым местностям Сибири официальная статистика и обследования фиксировали в отдельные годы или даже два-три года подряд преобладание смертности населения над рождаемостью³. Однако в целом по сельской местности Сибири и по ее достаточно обширным регионам ни в пореформенный период, ни в конце XIX — начале XX вв. отрицательный прирост не наблюдался и, более того, плюсовые показатели прироста были достаточно большими. По данным А. И. Ремезова, в 1870—1876 гг. в селениях всей Западной Сибири, включая Семипалатинскую обл., естественный прирост составлял 16,8 ‰⁴. Посемейные списки Сибирского казачьего войска 1857—1876 гг., обработанные Ф. Н. Усовым, дали коэффициент естественного прироста, равный 15 ‰⁵. На Пресногорьковской казачьей линии в 1878—1887 гг. он составил 14,4 ‰. Как и в других местах, естественный прирост здесь сильно колебался в разные годы, главным образом, за счет изменения величины коэффициента смертности; показатель рождаемости являлся величиной более устойчивой⁶. В Каинском окр. Томской губ. за десятилетие середины 1860-х — начала 1870-х гг. ежегодное прибавление населения за счет высокой рождаемости составило 22,6 ‰⁷. По всему сельскому православному населению Томской губ. за 1881 г. естественный прирост был у мужчин примерно 21, у женщин – 20 ‰⁸.

---

¹ См.: *Костров Н. А.* Юридические обычаи... С. 69—70; *Швецова М. В.* Из поездки в Риддерский край // Зап. ЗСОРГО. 1898. Кн. 25. С. 11—12; *Корреспонденции* // ВО. 1902. 4 окт.; и др.

² *Федотов Н. П., Мендрина Г. И.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 117.

³ См., например: *Отчет* Медицинского департамента МВД за 1886 г. 1888. С. 3; ... за 1887 г. 1889. С. 6; ... за 1888 г. 1891. С. 4; *Отчет* о состоянии народного здоровья ... за 1905 г. 1907. С. 5; ... за 1906 г. 1908. С. 6; и др.

⁴ *Ремезов А. Л.* Очерк санитарного состояния... С. 232—233.

⁵ *Усов Ф. Н.* Статистическое описание... С. 83.

⁶ *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк... С. 139.

⁷ *Костров Н. А.* Каинская Бараба. 2 нояб.

⁸ *Ефимов А. И.* Православное население... С. 39.

Сходным было положение и в Восточной Сибири. По данным текущей губернской статистики, в Иркутской губ. 1866 г. естественный прирост сельского православного населения составил 14,1 души на тысячу жителей¹. Результаты разработки А. Р. Шнейдером аналогичных источников по Енисейской губ. таковы. В период 1861—1895 гг. естественный прирост деревенского населения колебался здесь от 9 до 15 ‰, в 1896—1905 гг. он поднялся до 15—19, а в 1906—1914 — до 21 ‰². Применительно к 1880-м гг. указанные цифры близки к результатам обследования крестьянских хозяйств (12,7 ‰ по основной части Енисейской губ., около 11 ‰ — в Иркутской)³. Годовой естественный прирост в период 1869—1891 гг. в Западном Забайкалье, по подсчетам Ю. Д. Талько-Грынцевича, составлял 12,2 ‰, а в Забайкальском казачьем войске был особенно высоким (18,1 ‰ в 1883 г.)⁴.

Историки отмечают следующие особенности динамики естественного прироста населения во всей Сибири. В целом ему были присущи характерные для традиционного типа воспроизводства почти предельно высокая для тогдашней возрастной и половой структуры населения рождаемость и высокая смертность. В первые три пореформенные десятилетия разность этих двух величин в Сибири была небольшой, и естественный прирост колебался в отдельные годы от 6 до 15 ‰, зачастую уступая Европейской России. Минимумы прироста приходились на малоурожайные или захваченные сильными эпидемиями 1864, 1867, 1870, 1874, 1884, 1888, 1891—1892, а также на некоторые непосредственно следующие за ними годы. Поскольку горожан было немного, указанные закономерности, очевидно, формировались в сельском населении. С середины 90-х гг. в условиях некоторого повышения уровня развития крестьянского хозяйства естественный прирост населения существенно вырос в основном за счет сокращения смертности, хотя были заметны его спады в неурожайные 1896 и 1900 гг.⁵

В конце XIX и особенно в начале XX в. несколько сокращалась смертность крестьянства Сибири. Одновременно стала расти рождаемость, и Сибирь по рождаемости и естественному приросту вышла на ведущее место в стране, обогнав как Европейскую Россию, так и другие регионы⁶.

Сгруппировав данные об естественном движении населения Европейской России и Сибири по 4—5-летним периодам, мы получили возможность увидеть некоторые из указанных выше закономерностей более наглядно (см. табл. 7). Хорошо видно, что и во всем, и в отдельно

---

¹ Чураев А. Население Восточной Сибири. С. 34.

² Шнейдер А. Р. Население Приенисейского края. С. 21.

³ Материалы по исследованию ... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Вып. 6. С. 9—11; Т. 4. Вып. 2. С. 83.

⁴ Талько-Грынцевич Ю. Д. Продолжительность жизни... С. 7—9.

⁵ См.: Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863—1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 63—64.

⁶ См.: Там же. С. 64—65; Горюшкин Л. М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 78—80; Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. С. 158—160, 178; и др.

взятом сельском населении Сибири и Европейской России, начиная с 1890-х гг., действовали противоположно направленные тенденции. К западу от Урала шло сокращение естественного прироста: рождаемость сокращалась быстрее, чем смертность. В Сибири же прирост увеличивался одновременно с некоторым ростом рождаемости при наличии нечетко выраженной тенденции к сокращению смертности.

Военные действия в 1904—1905 гг. и особенно Первая мировая война нарушили обычное течение демографических процессов, оказали дезорганизующее воздействие на демографическое поведение крестьян. Отмеченное нами в параграфе «Брачное и репродуктивное поведение» сокращение рождаемости стало доминировать среди факторов, определявших уровень естественного прироста. Оно привело, в частности, к значительному сокращению смертности: не родившись, дети не могли и умереть, а ведь именно высокая детская смертность обуславливала непомерно высокий уровень смертности всего населения в изучаемую эпоху. В 1917 г. в деревнях и селах Томской губ. (без Алтая) естественный прирост составил лишь 12,4 ‰, при рождаемости в 29,1, смертности в 16,7 ‰¹.

ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Сохранение жизни и здоровья дополняется в современном обществе специальными усилиями взрослых по телесному развитию потомков и физическим саморазвитием растущих и формирующихся людей. В традиционном по своей основе обществе русской деревни середины XIX —начала XX вв. не существовало каких-либо специальных институтов, предназначенных для физического воспитания и развития молодежи. Мы имеем дело в основном со стихийным процессом, а не с целенаправленной деятельностью. Наиболее слабые дети умирали в раннем возрасте, оставшиеся в живых самой природой, а также ежедневным деятельным образом жизни как бы приуготовлялись к тяжелому труду взрослого крестьянина, к физически нелегким детородным обязанностям крестьянки. Телесные силы, воля и характер человека были условиями успешного участия в труде, но и сами они формировались и совершенствовались по мере включения ребенка во все более разнообразные виды трудовых операций.

Подготовительными же этапами к физическому развитию в процессе труда были, во-первых, первоначальные приемы физического развития самых младших детей, применявшиеся взрослыми, и, во-вторых, многочисленные и разнообразные игры, бытовавшие в селениях, — здесь были задействованы уже немного подросшие дети.

---

¹ Подсчитано по источнику: *Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губ. за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг.* Томск, 1928. С. 185—186.

Врачи и чиновники, работавшие в сельской местности Сибири, в целом невысоко оценивали стремление и умение пестуний-крестьянок дать детям **первоначальное физическое воспитание**. Акцентировалось внимание на небрежности пеленания, ведущей нередко к кривобокости и косолапости, на несовершенстве слишком плоской колыбели, из которой дети часто выпадали, причиняя себе ушибы и вывихи. Отмечалось, что для обучения сидению, ползанию, ходьбе никаких специальных приемов не применяется, кроме поддержки детей за руки, обкладывания их подушками или одеждой в начале сидения: «Развитие этих актов предоставляется природе»¹. Констатировалось, что личной гигиене, состоянию здоровья детей вообще уделялось недостаточное внимание. «Небрежность в одежде как плохая защита от неблагоприятных атмосферных явлений, дурное кормление и неопрятное содержание детей сокращают их жизнь не только в раннем, но и в дальнейшем их возрасте», — отмечал врач Н. И. Кашин; таково же было мнение ряда, других компетентных наблюдателей².

Признавая, что свой резон в этом мнении есть, абсолютизировать его было бы все же неправильно. «Гоить» ребенка — содержать в чистоте и заботиться о его здоровье считалось в деревне одной из важных задач родительской семьи, в первую очередь матери. Другое дело, что на это слишком часто не оставалось ни времени, ни сил; этот факт иногда осознавался и самими крестьянами как трагедия.

Приемы первоначального физического воспитания не фиксировались наблюдателями «со стороны», потому что не вычленились из повседневного процесса ухода за детьми — укладывания спать, переодевания, пеленания, мытья и т. д. Однако фольклорист-сибиревед М. Н. Мельников, внимательно анализируя поэзию пестования, установил: колыбельная песня вместе с ритмическим покачиванием колыбели была хорошим способом безболезненного перевода ребенка из состояния бодрствования в сон, а ведь длительный спокойный сон в первые месяцы жизни — неременное условие быстрого роста и развития. Поддержка в часы бодрствования радостных эмоций обеспечивалась на первых порах с помощью пестушек, словесный ряд в которых сопровождался некоторыми физическими приемами, напоминающими физзарядку и массаж. При этом восстанавливалось кровообращение после тугого пеленания, укреплялись мышцы, удовлетворялось стремление к движению и закреплялись двигательные навыки, развивались смелость, волевые качества младенца и т. д. Первоначальной школой игры, начинавшейся на втором году жизни, был еще один жанр фольклора — потешки, особые забавы взрослых с детьми, в которых задействованы различные части тела ребенка и взрослого³. Трудно не согласиться с выводом Мельникова: «В

---

¹ Костров Н. А. Первоначальное физическое воспитание...

² Кашин Н. И. Эндемия зоба и кретинизма в Приленской долине и по другим местностям Иркутской губ. // Мед.-топогр. сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 265. См. также: Шперк Ф. Ф. Верхоленский окр. ... С. 165; Загоскин М. В. Деревенские письма. 1889. 19 марта; Григоровский Н. П. Очерки Нарымского края // Зап. ЗСОРГО. 1882. Кн. 4. С. 1—60.

³ Подробнее см.: Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970. С. 24—73.

жанрах поэзии пестования, при строгом учете физических, физиологических и психических возможностей и потребностей ребенка ... сконцентрирован ... веками отобранный, эмоционально действенный и тщательно выверенный материал, закреплены формы его введения и приемы дозирования. Значение поэзии пестования для развития, воспитания ребенка трудно переоценить»¹.

Самостоятельно сидеть дети начинали «смотря по крепости и силе» примерно с трех месяцев, ползать с шести, а ходить обычно с девяти месяцев или с года, но в некоторых случаях — только на третьем году. С этого момента почти все свободное время детей занимали **игры**. Среди забав, бытовавших в сибирской деревне, было множество игр «спортивного» типа, немало способствовавших физическому становлению и развитию детей.

В собранных нами воспоминаниях сами сельчане чаще всего называют в качестве любимых и памятных летние игры в «мечик» (мяч) у девочек, в лапту, городки и бабки у мальчиков. Мяч делали из войлока или ветоши, обшитых кожей, или из бересты. На полянке у деревни, на речном угоре затевалось множество игр, подразумевавших необходимость убежать и догнать, высоко прыгать, развивать глазомер, физическую силу и выносливость, другие телесные качества (догонялки и прятки, чехарда, игры «в ворота», «в дядюшку Трифона», «в кони», «в коршуна», «чижик», «в медведя» и др.). Распространенной забавой мальчиков была стрельба из лука².

Игры на вольном воздухе иногда стихийно становились способом оздоровления организма детей, имевших врожденные или приобретенные физические недостатки. Писатель В. П. Астафьев, выросший в д. Овсянке под Красноярском, вспоминает, что от рождения страдал одышкой и поэтому был слабее сверстников, но полностью изжил («избегал») свою болезнь в каждодневных спортивных забавах, особенно — упорно «пластаясь до беспамятства» при замечательной игре в лапту³. Правда, детство Астафьева пришлось уже на 1920—1930-е гг., но тогда в деревнях еще сохранялись многие черты традиционной системы социализации детей.

Вместе с родителями еженедельно, а то и дважды в неделю подросшие дети проходили полезнейшую физиотерапевтическую процедуру — парились в бане. После бани было принято окатываться холодной водой или окунаться в реку, и оздоровительный эффект процедуры таким образом усиливался. Сельчане говорили: «Баня лечит, баня парит — баня все исправит»⁴.

---

¹ Мельников М. Н. Русский детский фольклор. М., 1987. С. 53.

² НГПИ, д. 1, л. 78—79, 95; д. 3, л. 69; д. 6, л. 12, 29—30, 35—36; ИРЛИ, разр. V, к. 87, п. 1, № 11, л. 4; КККМ, о/ф. 7886, п. и. 100, л. 7; п. и. 123, л. 1—140; *Зобнин Ф. К.* Игры (в слободе Усть-Ницинской Тюменского окр.) // ЖС. 1896. Вып. 3/4. С. 538—542; *Попова А. М.* Детские игры и забавы в сибирской деревне // СЖС. 1923. Вып. 1. С. 106—120; и др.

³ Астафьев В. П. Собр. соч.: В 6 т. М., 1992. Т. 3. С. 222—242.

⁴ Майничева А. Ю. Про свой дом // Молодость Сибири. 1992. № 1. С. 12.

Весной и летом ходили ребята на большие расстояния в поле и лес, собирая грибы и ягоды, багульник, сарану, дудки для «свистелок». Лазили по речным обрывам, на высокие деревья — «выдирали» яйца из птичьих гнезд. В теплый сезон каждодневным занятием детей и подростков было также купание; если была возможность, в воде и на улице находились подолгу. Водные, воздушные и солнечные процедуры хорошо закаляли организм. Маленькие купались у берега, старшие присматривали за ними, но все же несчастные случаи на воде были нередким явлением.

Зимой практически в каждом селении крестьяне устраивали снежные и ледяные горы — «катушки». Случалось, прямо во дворе старшие дети строили небольшие горки своим младшим братьям и сестрам. Санок у многих не было, с гор катались на дощечках, скотских шкурах, на лубе (снятой с дерева коре), лотке, просто на больших обледеневших коровьих лепешках — «ледянках», так что «дух захватывало». По замерзшей речке во многих местах катались на самодельных коньках. Коньки делали деревянные, гвоздем прожигали отверстия для крепления, полозья обивали жостью. В некоторых местностях жители устраивали для детей постарше и молодежи «столбик-бешенку» — простейшую карусель. К колесу, надетому на столб, крепились шести; одни ребята крутили колесо, а другие катались на «ледянках» по ледяной же площадке, держась за шести¹.

Интересно, что многие игры, сейчас считающиеся исключительно детской забавой, в изучаемую эпоху привлекали к себе и взрослых людей. «Молодяжник» — холостая молодежь старшего возраста — охотно играла вместе с детьми или неподалеку от них и в мяч, и в городки, и в бабки. Н. М. Ядринцев в конце 1870-х гг. наблюдал в одной из алтайских деревень, как «девицы играли с парнями в лапту, огромными стягами (палками. — В. З.) ударяя мяч так, что он исчезал из виду, они были сильно физически развиты; эти девицы также играли в чехарду»². Случалось, что представители разных поколений чередовались в игре: начинали старшие, а потом их заменяли маленькие или наоборот. К игре подключались иногда и пожилые мужчины. «В праздники по всем улицам и большие и малые “галят” мяч», — свидетельствует очевидец жизни зауральской деревни 1860-х гг.³

Таким образом, дети всегда имели перед глазами примеры для подражания, образцы силы, ловкости, сметливости в игре, как и в труде. Нередко в такой обстановке проявлялись и элементы специального научения младших взрослыми с помощью подсказки, собственного показа и другими способами. Родители и старшие подростки зачастую помогали младшим в изготовлении простейшего инвентаря для игр и забав — мячей, шаров, городков и др. Сложный инвентарь и стационарные сооружения (санки, лыжи, коньки, «катушки», карусели,

---

¹ НГПИ, д. 2, л. 55—56.

² Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский окр. Омск, 1880. С. 37.

³ РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 43, л. 7.

столбы для лазанья во время ярмарочных игр) взрослые обычно изготавливали сами целиком.

Дети подключались к таким «взрослым» забавам, которые, давая физическое развитие, в то же время сохраняли с давних времен обрядовый, сакральный смысл. Так, катание с ледяных гор на снях являлось частью масленичного обряда, но парни устраивали необходимые сооружения уже после Святков в январе-феврале и катали здесь девушек задолго до Масленицы, особенно по воскресеньям и праздникам. Молодожены любили веселиться в медовый месяц, катаясь на ледяных горках. В Верхнем Приобье зафиксирован обычай «прокатывать» на катушках в Масленицу девиц, уже вошедших в брачную пору, но не «осемьянившихся» в истекшем году («Кто не вышел замуж, на ней и катались»). Этнографы усматривают здесь не только развлечение и спортивную забаву, но и древнейший магический прием, построенный на вере: соприкосновение полных жизненной энергии молодых людей с землей заставит лучше плодоносить ее и, наоборот, придаст молодым силу, необходимую для продолжения рода. Тот же смысл имело шутивное зарывание в снег молодых людей во время других зимних забав¹. В Масленицу к катаниям молодежи подключались и все остальные жители деревни. Ребята же использовали для катания во всю зиму не только искусственные горы, но и всякие естественные склоны — холмы, овраги, берега водоемов.

В качестве составной части масленичного обряда в некоторых местностях Сибири сохранялось «взятие снежного городка» — игровое действие, имевшее, наряду с уже забываемым ритуальным значением, еще и спортивно-оздоровительный смысл. Для того чтобы «изломать город» — захватить и разрушить сооружение из льда и снега, требовались хорошее владение конем, боевой характер, недюжинная сила и здоровье².

На масленичной неделе, а также в праздник Крещения во многих местностях Сибири устраивались конные бега — «бегава». Мальчики-подростки обычно задолго готовили семейных лошадей к соревнованиям, а на бегах с 8—9 до 15—16 лет выступали в качестве ездоков, что требовало от них самих хорошей физической подготовки. Г. С. Виноградов писал о бегах в Иркутской губ.: «Ребята принимают активное участие — одни в роли наездников, другие — в роли беспристрастных наблюдателей или “посаливающих глазами” завистников»³. В иных местах «бегаву» устраивали в течение всего года, приравливаясь к затишью в основных хозяйственных работах, причем соревнования самых «славных бегунцов» собирали зрителей со всей округи диаметром в 40—50 верст⁴.

---

¹ См.: Фурсова Е. Ф. Масляная неделя.

² Там же; Красноженова М. В. Взятие «снежного городка» в Енисейской губ. // СЖС. 1924. № 2. С. 21–37.

³ Виноградов Г. С. Этнография в курсе школьного краеведения // Вопросы новой школы. Иркутск, 1925. Вып. 9. С. 13.

⁴ Титов Е. Конские бега в Восточном Забайкалье // СЖС. 1924. №2. С. 38–54.

Под вечер накануне Крещения практиковалось купание мужчин в проруби — считалось, что все водные источники в такой день обладают очистительными и исцеляющими свойствами. Родители поощряли при этом и купание детей, имеющее закаливающий эффект.

Весной на Пасху почти на каждой улице села обязательно устраивались простые или круговые качели. Катание на качелях считалось исключительно женским развлечением от Пасхи до Вознесения, а также в Петров день, но дети качались без усталости с ранней весны до поздней осени. Соревновались, кто выше раскачается. Качели очень хорошо тренируют вестибулярный аппарат человека.

На Пасху же, а затем и на многие другие праздники весенне-осеннего сезона в сибирских селениях устраивались, среди прочего, состязания в силе среди парней: тяжба на палках и борьба. Во время ярмарок, престольных праздников из деревень в крупные села съезжались гости, и соревнования часто проходили между жителями разных селений, улиц, деревенских «концов». В качестве зрителей и рьяных болельщиков выступало немало пожилых крестьян и стариков. Самый сильный, ловкий и выносливый парень мог «унести круг», т. е. одержать абсолютную победу, которая служила предметом гордости не только для самого борца, но и для его земляков и сородичей.

Вот как описывает эту богатырскую забаву в Южном Зауралье 1865 г. приезжий купец Е. А. Горшенев: «Борцов обыкновенно сводят сначала насильно; долго уговаривают. Но вот двое, наконец, выходят как бы нехотя, их тотчас окружают зрители. Кушаки опоясывают через плечо под мышку и стягивают туго; берут друг друга за кушак правой рукой позади шеи, а левой под мышкой и таким образом начинают ходить. Победивший останавливается в кругу в самой скромной позе, потупивши глаза в землю, и ожидает охотника. Побежденный же, вставши, спешит развязать кушак и передать его следующему борцу, тут охотники выходят на состязание уже без принуждения. Борьба продолжается, пока не переборются все желающие, а их бывает почти все зрители»¹.

Таким образом, прослеживается определенная преемственность тех форм, которые доминировали по их роли и вкладу в традиционное физическое развитие сельского жителя по мере его взросления: первоначальное гигиеническое обслуживание и физическое воспитание до двух лет; игра в возрасте от 2—3 до 12—14 лет; посильное участие в трудовом процессе в будни, праздничные оздоровительные и спортивные забавы в последующие годы.

Наряду с традиционными формами, в эпоху капитализма начинают применяться **инновационные школьные способы** физического воспитания. Среди дисциплин, входивших в программу начальных общеобразовательных сельских училищ, имелся специальный (необязательный) предмет — «Гимнастика и военный строй». Он преподавался «по

---

¹ РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 43, л. 7.

возможности» и не очень умело в относительно небольшом количестве школ. Согласно данным Всероссийской школьной переписи 1911 г., таких школ на всю деревенскую Сибирь, включая Семипалатинскую и Якутскую области, насчитывалось 584, или 12 % от общего числа училищ¹. Учитывая, во-первых, что среднее количество учеников в официальной школе равнялось в это время 46 человекам, во-вторых, что приведенные цифры относятся к территории более обширной, чем выделенная нами для исследования, можно подсчитать: преподаванием элементов физической культуры в той или иной степени было охвачено в начале XX в. до 20—25 тыс. сельских детей Сибири. Это составляло ничтожную часть – около 1,5 % ребят школьного возраста².

Несколько по-иному обстояло дело только в начальных училищах военного ведомства — станичных и поселковых казачьих школах. Гимнастика, конный и пеший строй там преподавались с целью подготовки к строевой службе в качестве одного из основных предметов, для чего полагалось иметь учителя из числа казачьих военных чинов (обычно это были урядники).

На практике требования к урокам не всегда соблюдались. Инспекции школьного дела в Сибирском и Забайкальском казачьем войсках часто выявляли неудовлетворительную постановку преподавания физической и военной культуры. Так, во время осмотра казачьих школ весной 1910 г. наказной атаман Сибирского войска редко имел основание выразить похвалу. В его записках мы находим в основном такие пометки: «Лошади оседланы не хорошо, дети бегают плохо», «Пешим строем с казачатами не занимались», «Урядник Атаманов очень мало занимается военной гимнастикой, маршировкой и поворотами, у детей нет шашек», «Военной гимнастикой занимались один лишь раз в неделю; повороты плохо, строй плохо». Иногда делались и организационные выводы: «Сменить поселкового атамана за необучение мальчиков гимнастике» (пос. Песчаный на Бийской казачьей линии)³.

Что касается **трудового процесса**, главной школы физического развития в подростковом возрасте старше 12—14 лет, то подросткам старались по возможности поручать посильные для них операции, набор которых сформировался издавна в прочную традицию. Однако конкретная экономическая и демографическая ситуация в домохозяйстве зачастую требовала «досрочного» привлечения детей к труду. В результате «недоросточек», «неусилок» иногда физически не мог хорошо справляться с порученным ему делом. В. В. Клепикова, жившая в начале XX столетия в д. Юдиной Каинского уезда Томской губ., была «приставлена» к корове

---

¹ Подсчитано по источнику: *Одnodневная перепись начальных школ Российской империи*, произведенная 18 января 1911 г. Пг., 1916. Вып. 16. С. 29.

² Рассчитано относительно численности сельского населения на 1 января 1911 г. с учетом его возрастной структуры, зафиксированной Всероссийской переписью 1897 г. См: *Отчет о состоянии народного здоровья ... за 1910 г.* 1912. С. 66—67, 91—94; *Зверев В. А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991. С. 47 (табл. 9).

³ ГААК, ф. 216, оп. 1, д. 99, л. 34—41.

с семи лет. «Пойду доить, тяну, тяну, а молоко не течет», — вспоминает она¹. С шести лет вынуждена была исполнять обязанности борноволака П. С. Колесникова (с. Верх-Сузун Барнаульского уезда Томской губ.), и ее приходилось привязывать к коню, чтобы она не упала². Такое положение, с одной стороны, приводило некоторых к физическим травмам, физиологическим и психологическим срывам, но, с другой стороны, стимулировало усилия маленького работника по укреплению своего физического состояния. Ребенок тянулся к выполнению своей роли и в ходе усиленной тренировки часто добивался своего.

Наличие возрастной ступени, характеризующейся неполным еще развитием физических, волевых (как и умственных) качеств подростков, хорошо осознавалось в крестьянской среде. В экономическом и народно-юридическом быту довольно четко выделялась категория «полурабочников» — парней в возрасте от 14—15 до 18 лет, девушек 12—16 лет. Они включались уже в «производительный класс» деревни, но юноши не облагались еще в полной мере платежами и повинностями и в местностях с наделно-душевым землепользованием не наделялись по полной норме землей, поскольку не могли работать на равных с «бойцами» — работниками зрелых лет³. В казачьем населении наряду с этим вычленялись две категории «малолетков»: подготовительного (к войсковой службе) разряда 16—18 лет и приговорительного возраста в рамках служилого состава войска — 18—21 года. Достижение официального совершеннолетия в 21 год одновременно было основанием для призыва части крестьянских юношей на воинскую службу, а у казаков — зачисления в строевой разряд служилого состава⁴.

Вообще же на сходах при раскладке платежей и повинностей домохозяева — крестьяне и казаки — делили мужское население, начиная с полурабочей «поры», на разряды в зависимости от трудоспособности. Принимали во внимание главным образом возраст, но иногда также, независимо от возраста, — физические и умственные возможности человека. Количество таких разрядов на Алтае, например, колебалось в разных местах от 2—3 до нескольких десятков⁵.

Рассмотрим теперь в качестве своеобразных результатов физического воспитания молодых людей объективные показатели их **состояния здоровья и телесного развития**.

Одним из первых начал обследовать «физические свойства» сибирского населения в Верхоленском крае конца 1860-х — начала 1870-х гг. А. П. Щапов. Измерив ручную,

---

¹ НГПИ, д. 3, л. 76.

² Там же, д. 6, л. 69.

³ См.: *Девятков Ф. Ф.* Хозяйственный быт сибирского крестьянства // Лит.сборник. СПб., 1885. С. 318; *Материалы по исследованию ... Иркутской и Енисейской губерний*. М., 1890. Т. 2. Вып. 5. С. 135; и др.

⁴ См.: *Материалы для статистики населения в Забайкальском казачьем войске*, собранные из данных, доставленных переписью, произведенною 1 января 1883 г. Иркутск, 1885. Вып. 2. С. XVI; *Усов Ф. Н.* Статистическое описание... С. 71—72.

⁵ См.: *Голубев П. А.* Платежи и повинности // Алтай: Ист.-стат. сборник по вопросам экономич. и гражд. развития Алт. горн. окр. Томск, 1890. С. 150; *Ефимов А. И.* Статистические заметки о быте крестьян Алтайского окр. // СГ. 1882. 9 мая; и др.

плечевую, грудную силу нескольких десятков мужчин, он смог отнести к группе «наиболее сильных» почти треть русских крестьян, около четверти «оседлых инородцев» (обрусевших бурят) и немногим меньше кочевых бурят¹. Антропологические обследования небольших групп сибирского населения по разным программам осуществлялись и позже, но весьма спорадически. Наиболее представительные материалы давали медицинские освидетельствования парней, призываемых в армию.

Сводные статистические материалы рекрутских (воинских) присутствий позволяют сравнивать ситуацию в Сибири и других регионах страны за многие годы. Правда, в большинстве случаев военно-медицинская статистика не дифференцирует сведения по селу и городу, но при их интерпретации следует исходить из установленного факта: «Сравнительное благосостояние сибирского крестьянина, отсутствие городской скученности жилищ и более чистый воздух, более здоровая, хотя, быть может, и более суровая обстановка и образ жизни — все это вместе взятое может вырабатывать из сельского населения, рассматриваемого во всей совокупности, расу более крепкую и здоровую, чем население городское»². Для того, чтобы представить положение в сельской местности, данные Сибири в целом следует корректировать в сторону некоторого «улучшения».

В течение второй половины XIX — начала XX вв. медики отмечали благоприятное сочетание относительно высокого по тем временам роста и хорошего здоровья у новобранцев из Сибири. В 1863–1868 гг. из представленных к набору было забраковано за малый «неуказный» рост на каждую 1000 в среднем по стране 25,5, а в Сибири — 9,9 человек. По причине «телесных недостатков» было не призвано в империи 78,4 %, а по Сибири только 42,1 %; по хроническим болезням, соответственно, — 81,8 и 45,8 %. По основным показателям здоровья и росту населения Сибирь уступала в это время в России только Области войска Донского³.

По данным 1875 г., средний рост призывников из Сибири составлял 165,7 см при окружности грудной клетки 897 мм. В 1884—1885 гг. рост новобранцев-сибиряков равнялся в среднем 165,5 см, тогда как во всей стране — только 164 см. Высокорослых призывников было все же больше в Прибалтике и казачьих районах юга России. В течение десятилетия 1874—1883 гг. во всех сибирских губерниях и областях высокорослых юношей (выше 173,4 см) оказывалось при осмотре от 15 до 24 %, а малорослых (ниже 153,4 см) — не более 11 %. Доля не призванных из-за малого роста в Сибири была в этот период невысокой — от 0,6 до 2,5 % в разных губерниях и областях. Не было принято в армию «по невозможности» тоже немного, сравнительно с центральными российскими губерниями, — от 7 до 11 %. Процент изъятия из

---

¹ Шапов А. П. Физическое развитие... С. 64.

² Ефимов А. И. Православное население... С. 28.

³ Военно-статистический сборник. СПб., 1871. Вып. 4. С. 32—34.

призыва по болезням и физическим недостаткам следует в то же время признать более значительным: в Акмолинской обл. — 23,6, в Тобольской губ. — 13,7, Томской — 9,3, Енисейской — 13,6, Иркутской — 18,1, в Забайкальской обл. — 12,4¹.

В этнографической литературе высказывалось мнение, что особо хорошим здоровьем и физическими данными в Сибири обладали семейские — старообрядцы Забайкалья, главным образом за счет здорового образа жизни, слабого распространения в их среде пьянства и курения табака². Посмотрим, так ли это. В течение 1894—1896 гг. врач Ю. Д. Талько-Грынцевич собирал данные об антропологии семейских, обследовав 232 молодых мужчины в основном во время армейских призывов. Средний рост их оказался действительно несколько выше, чем у россиян вообще и у сибиряков в частности, — 166,9 см. Окружность груди в среднем равнялась 869 мм, а у достигших 21 года — 882 мм; окружность живота — 749 мм³. Такие физические данные не могли слишком сильно выделять семейских среди других групп великорусского населения Сибири.

Накануне Первой мировой войны в России было улучшено медицинское освидетельствование призывников и тем самым усилены достоверность и сравнимость получаемого статистического материала. При врачебном осмотре явившихся на призыв теперь относили к одной из следующих групп: 1) негодные к военной службе — имеющие физические недостатки и заболевания, которые не могут быть устранены или требуют для устранения продолжительного времени, серьезной операции и т. д.; 2) годные к службе на нестроевых должностях — лица, имеющие небольшие физические недостатки; 3) подлежащие отсрочке в отбывании воинской повинности как еще недостаточно физически окрепшие; 4) годные по состоянию здоровья и физической крепости к службе в строю.

Врач А. И. Собкевич в свое время подверг анализу данные о 4436 юношах 20—22 лет, освидетельствованных в 1913 г. во время призыва в сельской местности Томского уезда одноименной губернии. Выяснилось, что по состоянию здоровья 16,6 % явившихся на осмотр было отнесено здесь к первой группе и 3,2 % ко второй, получило отсрочку на год 9,7 %, а полностью годилось для службы 70,5 %. Иначе говоря, почти треть крестьянских юношей нельзя было считать по тем или иным причинам полностью здоровыми. У 1/10 обнаружилась общая телесная слабость (недоразвитость) или глубокое расстройство общего питания организма, а у 1/5 — физические недостатки и определенные заболевания. Чаще всего (у 5,8 % призывников) встречались болезни конечностей, их повреждения топором, сельскохозяйственными орудиями и машинами. Далее по степени распространения (4,2 % рекрутов) шли заболевания глаз — трахома и ее последствия, лейкома как результат

¹ Подсчитано по источнику: П. Г. Некоторые данные о росте мужского населения в Сибири // ВО. 1889. 5 нояб.

² См., например: Болонев Ф. Ф. О некоторых способах... С. 17—22.

³ Талько-Грынцевич Ю. Д. К антропологии великорусов. Томск, 1898. С. 1—52.

перенесенной в детстве натуральной оспы, ослабление зрения. Затем — ушные болезни, в большинстве являвшиеся застарелыми осложнениями после инфекции (2,6 %). В списке фигурируют также душевные и нервные страдания, хронические кожные, сердечные болезни, грыжа, нарушения в развитии мочеполовых органов и пр.¹

О физической крепости молодых людей позволяют судить также сравнительные данные о росте, весе и окружности груди. А. И. Собкевич определял физическую крепость призывников Томского уезда в 1913 г., используя три разных метода комбинирования этих показателей. В итоге телесная организация средняя и выше средней была отмечена им у 80–85 % парней. Требованиям, предъявляемым к физически крепкому человеку, не удовлетворяло, по разным подсчетам, от 15 до 20 %².

В том же 1913 г. по Сибири в целом (в селениях и городах) было признано совершенно негодными к военной службе 16,3 % явившихся на призыв мужчин; полностью годными к службе в строю оказались 46,2 %; 6,2 % призывников было зачислено в ополчение 2-го разряда по болезням и недостаткам и 31,3 % подлежало переосвидетельствованию. По всей Российской империи названные группы призывников количественно распределялись так: 14,4; 45,2; 8,0 и 32,4 %³.

Приведенные данные показывают: несмотря на выигрышность некоторых аспектов ситуации в сельской местности Сибири по сравнению с сибирскими городами и селениями Европейской России, в здешней деревне было немало юношей, вступавших в самостоятельную трудовую и семейно-брачную жизнь со слабым здоровьем. Не следует думать, будто избежавшие смерти в раннем детстве люди были исключительными здоровяками: на организме многих из них осталась печать несытого детства, перенесенных болезней. Не были совершенными и гигиенические навыки молодежи. Неопрятный образ жизни подвергался в деревне общественному осуждению, но чистоплотность жителей была относительной. Чиновник Н. К. Зинин, участвовавший в призывных кампаниях конца 1880-х гг. в Мариинском окр. Томской губ., в своих воспоминаниях жалуется на специфический запах от одежды и тел новобранцев. Во многих случаях призывной комиссии приходилось отправлять парней перед осмотром помыться в бане⁴.

Относительно состояния здоровья и физического развития девушек каких-либо массовых систематических данных в источниках нет. Из разрозненных этнографических описаний складывается впечатление, что большинство девушек вступало «в самую пору» (цветущий возраст, время замужества) с хорошим запасом жизненных сил. Здоровье, телесная

---

¹ Собкевич А. И. К вопросу о физической крепости населения Сибири // Сиб. врач. 1916. 10 июля.

² Там же.

³ Подсчитано по источнику: *Отчет* о состоянии народного здоровья ... за 1913 г. 1915.

⁴ Зинин Н. К. Воспоминания из сибирской жизни 1887–1892 гг. СПб., 1895. С. 90.

выносливость, наряду с трудолюбием, находились в ряду самых основных требований, предъявлявшихся невесте. «Девушки не выходят замуж иногда по крайней слабости сил, “уродцы”, “чахоточные”»; «Хворые и больные обыкновенно бракуются», — писали знатоки крестьянского быта и цитировали распространенную поговорку: «Брат сестру любит богатую, муж жену любит здоровую»¹. При сватовстве старались принимать в расчет родовую наследственность жениха и невесты, и некоторые выходцы из семей с хроническими болезнями также оставались «бобылями» и «вековухами».

После выхода замуж на женщину наваливалось столько работы и забот, что она довольно скоро, быстрее мужчины, начинала «скудать здоровьем». Наблюдатели отмечали, что непосильный труд, болезни, вечное недосыпание, издевательства мужей уже к 30—40 годам приводили крестьянок к тому, что они «порядочно блекнут», «опускаются, становятся неряшливее», «смотрят уже старухами»². При общем преобладании в селениях мужской смертности повсеместно в детородном и трудоспособном возрасте женщин умирало больше, чем мужчин. Это прежде всего объясняется повышенной смертностью во время родов или вскоре после них. В сельском православном населении Томской губ. 1870—1880 гг. умерших в возрасте 15—50 лет женщин было в 1,4 раза больше, чем мужчин³. В Западном Забайкалье 1869—1891 гг. в возрасте 16—40 лет на сотню умиравших мужчин в среднем приходилось 112 скончавшихся женщин⁴.

Различные обследования и переписи фиксировали в русских селениях Сибири немалое количество людей с ограниченной физической дееспособностью или вовсе не способных к труду в связи с врожденными уродствами, прижизненным покалечением. Так, в 1886—1894 гг. среди лиц рабочего возраста калеки составляли в обследованных округах Восточной Сибири, в Ялуторовском окр. Тобольской губ. 11—18 % у здешних крестьян-старожилов и вольных новоселов обоего пола. При этом за «калечество» принимались только такие физические недостатки, что препятствовали правильному земледельческому труду, «легкие» же недостатки вроде глухоты, хромоты, отсутствия одного глаза, а также временные болезни в расчет не принимались⁵.

Всероссийская перепись населения 1897 г. дает наилучшую возможность учесть количество и удельный вес сельских жителей, имевших самые тяжелые телесные недостатки: слепых от рождения, ослепших, глухонемых, немых и умалишенных (табл. 11).

¹ Загоскин М. В. Ответы на программу... С. 4; Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи... С. 144.

² Арефьев В. С. Письма с Ангары. 2 нояб.; Загоскин М. В. Деревенские письма. 1889. 19 марта; Латкин Н. В. Крестьяне Восточной Сибири // Русская земля: Природа, страны, население и его промыслы. 2-е изд. СПб., 1899. Т. 10. С. 82; Ростовцев И. Г. На краю света. М., 1985. С. 183—184; и др.

³ Ефимов А. И. Православное население... С. 10.

⁴ Талько-Грынцевич Ю. Д. Продолжительность жизни... С. 10—11.

⁵ Материалы по исследованию ... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Вып. 2. С. 70—73; Т. 4. Вып. 2. С. 90—91; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского окр. Тобольской губ. М., 1897. Т. 1. С. 801. Проценты по Ялуторовскому окр. подсчитаны нами.

**Количество лиц, имевших тяжелые физические недостатки, в сельском населении
Сибири различного возраста (1897 г.)***

Возраст, лет	Мужчины		Женщины		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
До 10	966	1,3	674	0,9	1640	1,1
10-20	2137	3,9	1474	2,7	3611	3,3
20-30	1969	5,1	1607	3,9	3576	4,5
30-40	1533	4,5	1234	3,8	2767	4,2
40-50	1335	4,7	1275	5,0	2610	4,9
50-60	1260	6,2	1324	7,3	2584	6,7
Старше 60	3700	16,6	4031	20,4	7731	18,4
Не указан	17	12,4	10	9,7	27	11,3
Итого	12917	4,8	11629	4,4	24546	4,6

* Подсчитано по источникам: *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904—1905. Т. 73. С. 18, 102; Т. 74. С. 20, 104; Т. 75. С. 18, 96; Т. 78. С. 26, 136; Т. 79. С. 24, 136; Т. 81. С. 18, 74.

Обращает на себя внимание повышение числа калек с возрастом, а также рост числа инвалидов в наиболее активном возрасте 20—30 лет. Значительная часть людей, серьезно повредивших свое здоровье в этом возрасте, затем быстро умирает.

Статистические данные показывают, что состояние здоровья членов домохозяйства и экономическое благосостояние крестьянского двора были довольно тесно взаимосвязаны. Например, в Барнаульской вол. одноименного округа (уезда) Томской губ., согласно сплошному похозяйственному обследованию 1897 г., в бедняцких хозяйствах «лица с такими недостатками, которые должны вполне или отчасти лишать человека нормальной работоспособности», составляли 6,4 % всего наличного населения, а в средних и зажиточных предпринимательских дворах — 3,9 %. По материалам обследования 1905 г. соответствующие цифры были таковы: 7,2 % в нижнем социальном слое, 4,8 во дворах середняков и 4,5 % в верхнем социальном слое¹.

Приведенные выше материалы показывают, что некоторые важные аспекты физического воспроизводства населения на восточной окраине России выглядели предпочтительнее по сравнению с Европейским центром страны, по крайней мере в конце XIX — начале XX вв. Однако демографическая ситуация и состояние здоровья населения и в центре, и в Сибири не давали оснований для успокоенности. Поэтому в стране складывается **движение врачей и педагогов** за здоровое физическое развитие и физическое воспитание народа.

В рамках этого движения доктор В. С. Пирусский создал в 1895 г. третье в стране Томское общество содействия физическому развитию. Для нас не подлежит сомнению, что теоретические основы и практика деятельности данного общества во многом строились с

¹ Подсчитано по источнику: *Треубов Н. М.* Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906. С. 70–71, 78–79. Домохозяйства отнесены к социальным слоям в соответствии с площадью засеваемых ими сельскохозяйственных культур. См.: *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976. С.

учетом как негативных сторон народного, в том числе крестьянского, быта, так и позитивного опыта крестьянства Сибири в деле охраны здоровья и физического воспитания детей. Сам Пирусский, работавший в 1890-х гг. врачом в Каинском и Томском округах и потому хорошо знавший сельскую жизнь, говорил позже о массовой неграмотности, невежестве крестьян в борьбе с эпидемиями и другими заболеваниями как о «мрачной фоне» своей подвижнической работы. «Без культурности, я понимал, нельзя быть автоматически здоровым», — писал он в автобиографии¹.

В то же время из народного опыта были почерпнуты Пирусским, а затем осмыслены с учетом достижений науки и передовой мировой практики и внедрялись в жизнь следующие принципы деятельности Томского общества содействия физическому развитию: 1) физические развитие и воспитание мыслились не как самоцель, а только в неразрывном единстве с общим оздоровлением жизни, с умственным, волевым и эмоциональным развитием личности и социальной группы; 2) считалась недопустимой всякая «неестественность», «искусственность» в профилактике болезней, в физическом воспитании: огромное значение придавалось здоровому общению с природой, режиму и культуре естественных движений, в том числе характерных для сельскохозяйственного труда. В арсенале работы с детьми у Томского общества главными были формы, издавна применявшиеся русским крестьянством: подвижные коллективные игры, купание в реке (были устроены специальные купальни), бег на лыжах и коньках (два катка на Томи), экскурсии по родному краю и здоровый физический труд — работа в огороде, чистка снега, пиление и рубка дров и т. д. Характерно, что общество организовало летние колонии в нескольких деревнях, где жизнь детей проходила в окружении сельской природы, в соответствии со здоровым режимом сельскохозяйственного труда². К сожалению, единственное на всю Сибирь, Томское общество содействия физическому развитию смогло охватить только небольшую часть городских детей. В других городах Сибири педагоги и врачи мало знали об опыте В. С. Пирусского и даже в сельской местности редко использовали в своей работе сильные стороны народной оздоровительно-педагогической практики.

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

157—172.

¹ ГАТО, ф. 438, оп. 1, д. 1, л. 3.

² Подробнее см.: *Шамахов Ф. Ф.* Школы дореволюционного Томска (с 60-х гг. XIX в. до свержения самодержавия в России) // Уч. зап. Томского пед. ин-та. Томск, 1954. Т. 12. С. 51—54.

В настоящем параграфе рассматриваются некоторые стороны миграционного поведения той части русского крестьянства, которая во второй половине XIX — начале XX вв. переселялась в Сибирь на постоянное жительство.

Миграционное поведение, взятое в широком смысле, включает в себя в данном случае всю ту совокупность действий (поступков), которые обеспечивали подготовку к переселению, само передвижение из Европейской России за Урал и устройство на новом месте, а в случае неудачи такого устройства — вынужденное возвращение на родину или смену местожительства в пределах Азиатской России (прямое, обратное и вторичное переселение). Миграционное поведение в любом случае есть разновидность демографического поведения, поскольку его результатом является изменение многих характеристик народонаселения и на местах выхода, и в районах вселения мигрантов. Однако демографический смысл многих поступков потенциальных переселенцев, собственно мигрантов, осуществляющих переезд, и новоселов Сибири не всегда выходил на первый план. Эти поступки непосредственно включались в ткань и экономической жизни деревни (распродажа имущества на родине, обзаведение новым хозяйством), и общественной активности крестьянства (борьба за уравнивание в правах на землю со старожилами, участие в церковно-школьном строительстве), и его познавательной активности (изучение ходами условий жизни на месте возможного поселения), и общения. Рассмотрение этих сторон миграционного поведения непосредственно не входит в задачи нашего исследования.

Мы обратимся лишь к анализу собственно демографических аспектов миграционного поведения (демографических в узком смысле) — к особенностям и результатам брачно-семейного, репродуктивного и витального поведения переселенцев. Наличие этих аспектов в миграционном поведении позволяет сказать, что переселенцы участвовали в физическом воспроизводстве сельского населения Сибири не только «механически» — фактом своего включения в это население после переезда, но также «естественным» путем — через регулирование величины и структуры семьи, рождение детей, сохранение их жизни и здоровья.

Своеобразным отражением и обнаружителем особенностей демографического поведения могут служить **объективные демографические характеристики** населения. Поэтому начнем с рассмотрения в сравнительном плане ряда демографических показателей в среде переселенцев и крестьян, остававшихся на жительство к западу от Урала (табл. 12).

Таблица 12

Состав семьи у различных категорий крестьянства России в 1897 г.*

Категория хозяйств	Величина семьи, чел.	На 100 мужчин приходится женщин	Доля среди мужчин, %			Доля среди женщин, %		
			Детей и подростков	Работников	Стариков	Детей и подростков	Работниц	Старух
Живущие в Европейской части	5,6	109,7	49,1	45,3	5,6	47,5	47,3	5,2
Переезжающие в Сибирь	6,1	94,6	50,8	47,5	1,7	48,4	49,9	1,7
В т. ч.								
По разрешению	7,1	94,1	51,0	47,1	1,9	48,8	49,4	1,8
Самовольно	5,0	95,5	50,5	48,3	1,2	47,6	51,0	1,4

* Подсчитано по источникам: *Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный путем регистрации переселенцев, проходивших в Сибирь и возвращавшихся из Сибири через Челябинск в 1897 г. М., 1901. С 84—85; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 16—17.*

Таблица 12 содержит данные Всеобщей переписи населения 1897 г. о семейной структуре «частных хозяйств лиц, связанных родством», в сельской местности Европейской России. Состав переселенческих семей характеризуется по данным регистрации семейных хозяйств, проходивших в том же году из Европейской России в Азиатскую через Челябинский переселенческий пункт по разрешению властей и без такового (самовольно). За год здесь были зарегистрированы 11 074 переселенческие семьи, из них 5841 передвигались по проходным свидетельствам и 5233 — самовольно. В категорию детей и подростков включены в данном случае лица до 18 лет, работниками и работницами считаются мужчины и женщины 18–60 лет, стариками и старухами — старше 60 лет.

Анализ таблицы показывает, что на рубеже XIX–XX столетий в «законном порядке» по проходным свидетельствам переселялись крестьяне, имевшие значительно более крупные, чем у основной массы крестьянства Европейской России, семьи. Именно за счет этой категории переселенцев у всех мигрантов, взятых в целом, размер семьи оказался несколько большим, чем у крестьян, остававшихся на родине. В переселенческих семьях обеих категорий наблюдалось значительное превышение числа мужчин над количеством женщин. Анализ возрастного состава семей показывает, что у всех переселенцев было относительно больше работников и работниц, а также детей и подростков, чем у крестьян, живших «оседло». Стариков и старух в семьях мигрантов было очень мало; меньше всего — у «самовольцев». Вообще обращает на себя внимание наибольшая степень концентрации в семьях, шедших без проходных свидетельств, населения в рабочем возрасте, а у «законных» переселенцев — в детском и подростковом.

Эта ситуация главным образом вытекала из тех общественных отношений, которые господствовали в сельском хозяйстве Европейской России пореформенного периода. Вследствие сохранения помещичьего землевладения надельный земельный фонд и фонд земли, доступный для покупки, которым располагало крестьянство, был ограничен, аренда же

земли практиковалась преимущественно на кабальных условиях. Поэтому во многих крестьянских хозяйствах было большое количество работников, не обеспеченных «своей» землей для ее обработки. Искусственные затруднения процесса раскрестьянивания со стороны правительства и помещиков, плохие заработки в отходе, вековые традиции хозяйствования на наделной земле, трудности дальних, в отрыве от семьи, переездов затрудняли применение рабочей силы «на стороне». А ведь рождались и подрастали новые поколения детей, надежда на землеустройство которых в ходе «настоящего, а не обманного освобождения» еще держалась у многих крестьян в 1860–1870-х гг., но уже в начале 1880-х гг. изживала себя¹. Выход все чаще видели в переселении. Именно крупные «многоработные» семьи, плохо обеспеченные землей, в первую очередь решались на переселение в Сибирь, «на земельный простор», надеясь восстановить там подорванный аграрным кризисом земледельческий образ жизни.

Отвечая в конце XIX в. на вопросы анкеты статистического бюро Полтавского губернского земства, респонденты из числа тамошних жителей объясняли нарастающее переселенческое движение сочетанием малоземелья с «многосемейственностью». При этом беднота стремилась изжить уже сложившееся в их хозяйстве бедственное положение, а численно преобладавшие среди переселенцев до 1890-х гг. середняки и даже некоторые относительно зажиточные крестьяне — пресечь начавшееся складывание такого положения или не допустить его в перспективе. В любом случае думали о будущем не только своем, но и своих детей, внуков. Респонденты Полтавского земства связывали стремление части земляков к миграции с «неправильным представлением о тех местах, куда они переселяются, и заботой о будущем детей своих», с «многочисленностью семейства и боязнью сделать детей бедняками вследствие раздробленности хозяйства на малые участки» и т. д.²

Наблюдателем записаны во время остановки переселенческой партии в Иркутске слова пожилого переселенца (1888 г.): «Семьяные все идем ведь, семьяные. Сам знаешь, барин, одинокому зачем идтить: ему не для кого стараться, а наш брат — семьяный — всячески должен о детях заботу иметь, — для них пропитание припаси, чтобы жить потом могли. Наш брат-мужик работы не бегаёт, ему работы сколько хошь подавай, лишь бы хлеб был, а его-то у нас и нет, — потому [что] земли всего четверть тридцатки на душу во всех полях. Над чем же они — ребята-то наши — пахать будут, как подрастут, чего они есть будут? Нас же ведь укорят, зачем земли не припасли...»³.

Наряду с социально-экономическим и демографическим положением на родине, семейную структуру мигрантов в известной степени определяли специфические природные условия

---

¹ См.: Гурвич И. А. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888. С. 76.

² См.: Переселения из Полтавской губ. с 1861 по 1 января 1901 г. Полтава, 1900. Вып. 1. С. 255, 367—368.

³ Н. Переселенцы в Иркутске // ВО. 1888. 14 авг.

Сибири (необходимость раскорчевки тайги, распашки целинных земель и т. п.), социальная, обстановка на местах вселения (неизбежность сочетания хотя бы на первых порах обзаведения собственным хозяйством с работой по найму). Те и другие объективные факторы требовали, чтобы состав мигрирующей семейной ячейки был достаточно большим молодым и перспективным, физически сильным и здоровым, энергичным и работоспособным. Немаловажно, что и «регулирующая» политика властей заключалась, в частности, в допущении выселения в Сибирь преимущественно «многорабочих» семейств.

Теперь становится понятным, почему основная масса переселенцев решалась идти в Сибирь лишь семьей, одиночек среди них было очень мало. «Один горюет, а семья воюет», — говорили русские крестьяне¹. За период с 1896 по 1914 г. включительно бессемейные одиночки составили в общем числе мигрирующего в Азиатскую Россию населения только 5,0 % (3,7 у самовольных и 6,8 % — у «законных»)².

Однако семья семье рознь. Можно выделить несколько способов, с помощью которых **потенциальные мигранты** обеспечивали (или надеялись обеспечить) такую людность и структуру своего семейства, чтобы, во-первых, не встретить формальных препятствий к переезду, во-вторых, быть готовыми во всеоружии бороться с объективными трудностями пути и устройства на новых местах.

1. *Искусственное увеличение людности семейного домохозяйства.* Поскольку и реальная обстановка предполагала наличие в переселенческой ячейке немалого количества «бойцов», и администрация часто не разрешала переселение «малодушных» и «малоработных» семей, последние иногда «сообщались» по две-три, чтобы собрать необходимое количество членов. Соединялись в реальные договорные или же фиктивные семьи обычно братья или другие близкие родственники, жившие перед переселением в разделе. Такое соединение иногда позволяло, кроме всего прочего, собрать минимально необходимую на каждого члена семьи денежную сумму.

В результате земские статистики констатировали: в 1882—1893 гг. семья у переселявшихся в Сибирь из Полтавской губ. насчитывала 6,4 человека при средней людности крестьянской семьи в губернии в 5,6 душ. Семьи, получившие разрешение на переселение за 1897—1900 гг., состояли в среднем из 8,7 человек, а действительно выселившиеся в 1894—1900 гг. — из 6,3, и были тоже заметно крупнее оставшихся на родине (5,8 душ в 1899 г.). Обнаруживалась даже зависимость размера семьи от избираемого ею направления миграции: чем дальше предполагали крестьяне переселиться, тем больше среди них было многолюдных дворов³.

---

¹ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 344, л. 6; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... Вып. 15. С. 26; и др.

² Подсчитано по источнику: *Турчанинов Н., Домрачев А.* Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916. С. 26, 42.

³ См.: *Переселения из Полтавской губ.* ... Вып. 1. С. 38, 236; 1902. Вып. 2. С. 96.

Сходным было положение и в других губерниях, и в более поздний период. Так, в 1898—1904 гг. в Харьковской губ. получившие разрешение на переселение семьи объединяли в среднем 9,5 человек, или в 1,4 раза больше столкнувшихся с отказом от выдачи проходного свидетельства, и еще больше тех, которые не собирались переселяться¹.

Следует помнить, что между моментами ходатайства о разрешении на переселение, посылкой ходока и самим семейным отъездом могло пройти 2—3 года. Иногда реальные крупные семьи за это время успевали разделиться, искусственно составленные – просто распасться, если даже и собирались в совместное путешествие. И все же даже в пути – в момент регистрации на переселенческом пункте — совместные ячейки переселенцев оказывались в целом сравнительно людными, как показывают не только цифры таблицы 12 за 1897 г., но и статистические данные за более длительный период. В 1896—1914 гг. идущие из Европейской России за Урал семейные домохозяйства насчитывали в среднем 6,1, в том числе шедшие по проходным свидетельствам — 6,9 душ², тогда как средняя семья в селениях Европейской России, по данным Всеобщей переписи 1897 г., содержала лишь 5,6 человек (см. табл. 12).

2. *Сосредоточение в миграционной ячейке большого количества рабочей силы.* Вообще-то мигрирующей ячейке важно было обеспечить не столько общие большие размеры, сколько благоприятное соотношение трех возрастных категорий домоладцев: наличных работников зрелого возраста, потенциальных работников — старших детей и подростков, а также «непроизводительной» части семьи (маленьких детей и стариков, больных людей).

Обеспечивался (в некоторой степени) нужный состав семьи так. Во-первых, частью «естественным» путем, в результате переписки с родными и знакомыми, уехавшими в Сибирь раньше, общения со знающими людьми на родине, чтения пропагандистской литературы и т. д., а частью искусственно (с помощью невыдачи властями разрешений) происходило своеобразное «просеивание» наличных домохозяйств. К переселению чаще начинали готовиться более подходящие по реальному составу семейства, а иные отказывались от своего намерения. Во-вторых, в ходе подготовки домохозяйства всячески стремились избавиться от непроизводительной части семьи: от тех, чьи расходы на переезд не смогут себя окупить, и кому было опасно пускаться в трудный путь.

Например, девушек в предбрачной и брачной «поре» собиравшиеся на переселение отцы стремились выдать замуж и оставить на родине. «К чему девку везти, когда она не сегодня — завтра все равно выскочит замуж», — рассуждали они в таких случаях³. У родственников

---

¹ Подсчитано по: *Переселения* крестьян Харьковской губ. Харьков, 1910. Вып. 2. С. 59.

² Подсчитано по источникам: *Турчанинов Н. В.* Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). СПб., 1910. С. 48, 58, 60; *Турчанинов Н., Домрачев А.* Итоги переселенческого движения... С. 48, 58, 60.

³ *Материалы для изучения ... Западной Сибири.* 1892. Вып. 17. С. 66.

оставляли иногда и стариков, а также больных, увечных членов двора: брать их с собой в очень трудную дорогу решались лишь достаточно зажиточные хозяева. К тому же и сами престарелые крестьяне, особенно женщины, крайне неохотно расставались с родными местами, предпочитая «умереть на родине». При возможности старались оставить «у своих» на время и малолетних детей, но все же основная масса родителей брала их в путь с собой.

Девочки для мигрирующей семьи считались не столь желательными, как мальчики, но все же в составе дворов, решившихся на переселение, было немало и тех, и других. Мальчики были не только «земельными душами», но и потенциальными «бойцами» (работниками и тяглецами), а девочки – завтрашними «стряпухами». Многие из них уже в момент переселения готовы были помочь родителям, старшим братьям и сестрам в их хозяйственных и прочих делах. Играла свою роль сравнительно большая доля молодых семей среди переселенцев. В них мало кто из детей успел вырасти, отделиться и завести свое собственное хозяйство.

Результаты таких действий можно проследить статистически. Земская статистика по Рязанской, Полтавской, Харьковской, Черниговской и другим губерниям показывает: в составе готовящихся к миграции и уже пустившихся в дорогу семей была заметно больше, чем в остальном сельском населении Европейской России, доля лиц старшего детского и «полурабочего» (подросткового) возраста. Напротив, удельный вес стариков и старух был намного меньшим. Состав мигрирующей семьи становился за счет этого как бы омоложенным, а значит — работоспособным и перспективным в репродуктивном отношении. Доля младших детей и лиц рабочего возраста в общей структуре семьи была примерно одинаковой у «оседлых» жителей и переселяющихся. Если взять не относительные, а абсолютные показатели, то выяснится: в среде мигрантов почти не было семей без взрослых работников и без детей, преобладали «многоработные» и многодетные ячейки¹.

Полтавские статистики особо отметили, что средняя людность переселенческих семей превышала таковую у всего местного населения главным образом благодаря большому количеству у мигрантов детей старше шести лет. Был сформулирован важный вывод: «Таким образом, переселяются в Сибирь семьи, состав которых позволяет домохозяйствам надеяться на то, что через некоторое время по прибытии в Сибирь у них будет достаточное число рабочих...»².

3. *Усиленная концентрация в семейном домохозяйстве мужчин.* НУЖНО иметь в виду два объективных обстоятельства, обусловивших такую концентрацию. Во-первых, именно мужчины («земельные души», «бойцы»), а не женщины должны были получить на сибирском просторе земельные участки из переселенческого фонда или из владений старожильческих

---

¹ См.: Гурвич И. А. Переселения... С. 111—112; *Переселения* из Полтавской губ. ... Вып. 1. С. 235, 240; Вып. 2. С. 99—100; Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. С. 30—31.

² *Переселения* из Полтавской губ. ... Вып. 2. С. 99.

общин. Во-вторых, семьям с преобладанием «мужского полка» было легче осилить физические трудности переселения и водворения на далекой окраине.

Женщины, эмоционально сильнее привязанные к дому, родным и знакомым, сильно опасавшиеся за жизнь и здоровье детей, меньше мужчин были склонны к переселению. Порою они всячески отговаривали от него мужей, до самого последнего момента сами пытались остаться «на старине» даже с риском фактического распада брака и семьи¹. В такой обстановке оставление части «женского балласта» обычно не требовало больших усилий в психологическом смысле. Выше уже был назван один из способов: ускоренная выдача замуж девушек, вошедших в брачный возраст или приблизившихся к нему. Очевидец движения переселенческих партий по Сибири писал в дневнике 1888 г.: «Нам не раз пришлось быть невольными свидетелями тяжелых сцен, как бабы (вообще неохотно покидающие родные гнезда и относящиеся крайне скептически к разного рода переселениям) при каждой неудаче или беде набрасывались на своих мужиков, осыпая их упреками и укорами самого тяжелого свойства: “На голодную смерть нас ведете! Дома-то маялись, да все жили, а теперь-то вон: ребятишкам и кусать нечего!”»².

Итак, выселялись с родины семейства с преобладавшим мужским составом. Например, в Полтавской губ., по данным 1899 г., на 100 мужчин во всем населении приходилось 98,4 женщины. В то же время у домохозяйств, ходатайствовавших о переезде в 1900 г., соотношение мужчин и женщин было 100 : 86,4, а у получивших разрешение на переселение в 1895—1896 гг. — 100 : 91,0³. Аналогичная ситуация сохранялась в течение всей изучаемой эпохи и в других районах выхода. В итоге для переселенческой среды была характерна ярко выраженная половая диспропорция. По данным обследования, проведенного в 1911—1913 гг. в переселенческих поселках и селениях старожилов Томской губ., в момент отъезда из Европейской России здешние приписанные новоселы имели в семьях в среднем 3,3 мужчины и только 3,0 женщины, а неприписные, соответственно, — 2,8 и 2,6. При этом наибольшая диспропорция наблюдалась в самых зажиточных и многолюдных дворах мигрантов⁴. Одиноким переселенцам, а также ходоки, многие из которых не имели намерения возвращаться на родину, вообще почти все были мужчинами. Хотя в момент миграции такое половое распределение переселенцев было в значительной степени оправданным, в будущем оно должно было затруднить физическое воспроизводство новых поколений.

---

¹ См., например: *Беляков И. Е.* Переселенец о Сибири // Рус. богатство. 1899. № 3. С. 5.

² *Шипицын А. Н.* У переселенцев // ВО. 1889. 21 мая.

³ *Переселения* из Полтавской губ. ... Вып. 2. С. 100.

⁴ Подсчитано по источникам: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927. С. 214; *Сборник* статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. Томск, 1913. Вып. 2. С. 194.

Все сказанное выше о формах регулирования крестьянами людности и структуры своего семейства накануне переезда относится в основном к тем, кто искал возможности мигрировать «законным» способом, получив разрешение и полагавшиеся льготы и ссуды. Что же касается самовольных переселенцев, то здесь ситуация была несколько иной.

Весьма малый размер семей самовольных мигрантов, зафиксированный в таблице 12, в значительной степени был следствием переселенческой политики. Без санкции властей уходили с родины в основном крестьяне, не получившие разрешение на переселение или не посмевшие искать его «за малосемейностью» и по прочим причинам. Заранее прикидывая, как лишь собственными силами, без помощи властей одолеть дорогу и трудности первоначального устройства на новых местах, «самовольцы» не решались идти в Сибирь при наличии слишком большой семьи с маленькими детьми и стариками. Источники свидетельствуют, что на переселение уходила иногда семья в неполном составе. Часть ее временно или навсегда оставалась на родине.

Перейдем теперь к характеристике демографических изменений, происходивших в переселенческой среде непосредственно **в период передвижения из Европейской России в Сибирь**. Главный фактор этих изменений — очень высокий уровень заболеваемости и смертности в пути. Он обуславливался низким благосостоянием большинства мигрантов, не имевших средств на комфортные условия переезда, на хорошее питание, прочную обувь, теплую одежду. Неблагоприятные гигиенические условия передвижения, питание нерегулярное и всухомятку, многочисленные простуды и травмы приводили к крайнему изнурению организма переселенцев, предрасполагали к тяжелым заболеваниям. Ужасная скученность людей летом на переселенческих пунктах, в железнодорожных вагонах, на палубах пароходов вела к постоянным вспышкам эпидемий, которые уносили в могилу больше всего самых слабых — малых детей, стариков, беременных и многодетных женщин.

Как показывают источники, вообще издавна передвижения вольных и невольных мигрантов были главным каналом занесения в Сибирь многих эпидемий. Начиная с 1860-х гг., по отчетам врачебных управ и губернаторов прослеживается распространение в Сибири пересыльными арестантскими командами, партиями ссыльных, кочующими цыганами возвратного, сыпного и брюшного тифа, холеры, дизентерии, дифтерита, кори, сифилиса и «прочей заразы». Начиная с 1883 г., роль основных переносчиков выполняют становящиеся все более людными партии аграрных переселенцев¹. Желудочно-кишечные заболевания один ачинский обыватель довольно метко назвал в 1896 г. «переселенческой болезнью»: время их массового распространения среди детей совпадало с летним пиком переселенческого

---

¹ ГАТО, ф. 3, оп. 13, д. 1221, л. 18—19; оп. 48, д. 175, л. 114; Мартынов С. Санитарно-медицинская часть на Алтае // Алтай. С. 213—214; Отчет Медицинского департамента МВД за 1883 г. 1886. С. 110, 120, 137; ... за 1887 г. 1889. С. 52—53; ... за 1902 г. 1904. С. 56—61; и др.

движения. Редкая партия мигрантов не привозила с собою на очередную стоянку по несколько «челяденков», умерших в дороге от «кровоавого поноса»¹.

По оценкам людей, занимавшихся медицинской помощью переселенцам, к началу 1890-х гг. общая заболеваемость в пути (в промежутке между выходом с родины и отъездом на участок из Томска) составляла около 200—250 ‰, т. е. серьезно болел каждый четвертой или пятый. Переезд мог длиться иногда три-четыре месяца, но обычно не превышал 10 недель. Приняв последний срок за среднюю величину, можно увидеть, что масштабы заболеваемости в пересчете на год достигали огромной цифры — до 1500 больных на тысячу регистрируемых здоровых. Смертность же в пути составляла в пересчете на год 91 случай на тысячу зарегистрированных больных².

По данным А. А. Кауфмана, смертность за время в пути среди всех переселенцев, прибывших в Сибирь в 1880—1894 гг., составляла 33 ‰. У новоселов северной половины Томской губ. случаи смерти в дороге до 1894 г. имели место в 14,2 % мигрирующих семейств, в указанном году их доля повысилась до 23,0 %. На каждые 100 вышедших с родины ячейки приходилось соответственно 19,1 и 31,9 умерших членов. За 1886—1893 гг. в дороге умерло 31,5, в 1894 г. — 58,0 из каждой тысячи переселенцев³. «Если вообразить себе какую-либо местность с подобною заболеваемостью и смертностью в поселениях, то нужно признать, что ей грозит очень быстрое вымирание», — отмечал Н. М. Ядринцев⁴. Большого воображения, впрочем, и не требовалось: некоторые вполне реальные семьи и даже целые партии в пути «ополовинивались» (выражение самих переселенцев), а то и вымирали почти полностью.

В конце XIX — начале XX вв. по мере облегчения передвижения в Сибирь в связи с постройкой Транссибирской железной дороги, устройством врачебно-питательных пунктов, вообще вследствие развития переселенческой медицины и материальной помощи мигрантам смертность в пути стала заметно сокращаться. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы обследования в 1911—1913 гг. селений Томской губ. Количество семей со случаями смерти в пути в группе новоселов, приписанных в поселках Сибири свыше 18 лет, составляло 14,7 ‰. У более поздних переселенцев оно последовательно снижалось, и в группе прибывших три года назад равнялось 2,7 ‰. Соответственно, и число умерших в пути людей в упомянутых семьях сократилось от 33,0 до 5,1 ‰⁵. Но даже с учетом сокращения смертности

---

¹ Бенедиктов Н. Г. Краткие сведения о больных переселенцах Ачинского врачебно-продовольственного переселенческого пункта в 1896 г. // Протоколы и труды О-ва врачей Енис. губ. за 1896—1897 гг. Красноярск, 1897. Вып. 3. С. 34—39. См. также: Куркутов А. Г. Деятельность врачебно-питательных пунктов на пути следования переселенцев в Енисейскую губ. // Отчет О-ва врачей Енис. губ. за 1894—1895 гг. 1895. С. 83.

² См.: Обозненко П. Е. Очерки санитарного состояния селений переселенцев-новоселов Омского уезда Акмолинской обл. // Врач. 1898. 9 мая; Ядринцев Н. М. Вопросы переселения и настоятельные нужды переселенческого дела // Путь-дорога: Науч.-лит. сборник в пользу О-ва для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб., 1893. С. 587.

³ Подсчитано по источнику: Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губ. СПб., 1896. Т. 2. Ч. 1. С. 235, 243.

⁴ Ядринцев Н. М. Вопросы переселения... С. 587.

⁵ Подсчитано по источнику: Сборник статистических сведений ... Томской губ. Вып. 2. С. 345, 364.

мигрантов в пути она оставалась непомерно высокой и в годы Столыпинской аграрной реформы, и в период Первой мировой войны.

В. Я. Нагнибеда определял общую смертность переселенцев в пути для периода кануна мировой войны как равную 60 %, или в переводе на годовую — 108 %. Эта величина превышает обычную смертность переселенцев, уже устроившихся на участках в Томской губ., примерно в 4 раза¹. Из больных мигрантов, попавших во время переезда в переселенческую больницу, в период 1906—1913 гг. умирало 119—123 на каждую тысячу, при средней смертности в 45—48 % среди больных переселенцев, уже водворенных на участках, и в 56 % среди здешних заболевших старожилов².

Объективные обстоятельства, обусловившие столь тяжелое положение, было трудно и зачастую просто невозможно преодолеть. И все же переселенцы искали и порою находили способы предотвратить беду, сохранить во время переезда жизнь и здоровье домашних, особенно детей — свою надежду на лучшие дни. Можно, выделить *несколько способов такого сохранения*.

1. Чтобы переезд был менее болезненным, семьи иногда перебирались на новое место по частям. Регистрация 1897 г. в Челябинске показала, что 31 % семей мигрантов прошел в неполном составе. В их числе примерно половина оставила часть своих членов на родине, около 2/5 — отправила заранее в Сибирь, остальные имели своих «домашних» и на местах выхода, и в районе вселения одновременно. Мужчины чаще, чем женщины, задерживались дома для окончательной распродажи хозяйства. В Сибирь заранее «на разглядыв», для улаживания квартирных дел и посева хлебов на первую зиму также отправлялись преимущественно мужчины³. Женщины, связанные детьми, в целом менее грамотные и предприимчивые, были не так мобильны.

2. Отправляясь в путь, крестьяне старались выбрать такое время, такие маршруты и способы передвижения, чтобы, во-первых, обеспечить соблюдение хозяйственных интересов домохозяйства (сэкономить средства, успеть до зимы не только определиться с жильем, но даже сделать яровые или озимые посевы) и, во-вторых, уберечь семью от людских потерь. Уже в 1880-х гг. И. А. Гурвич задавал себе и другим исследователям вопрос о том, не объясняется ли, в частности, людностью и возрастным составом каждой конкретной семьи избираемый ею способ и порядок передвижения⁴. Положительный ответ является очевидным в свете накопленных позже данных о переселениях в России.

---

¹ Нагнибеда В. Я. Положение переселенцев и колонизационная практика в Сибкрае // Тр. Первого Сиб. краевого науч.-исслед. съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 160; *Экономический статистический обзор Томской губ.* Томск, 1924. С. 43—44.

² Нагнибеда В. Я. Положение переселенцев... С. 160; П. Ч. Медицинская помощь населению Томской губ. в лечебницах переселенческого ведомства // Сиб. врач. 1916. 26 июня.

³ Подсчитано по источнику: *Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный путем регистрации переселенцев в 1897 г. М., 1901.* С. 84—85.

⁴ Гурвич И. А. Переселения... С. 143.

При любом маршруте и порядке передвижения над детьми «тряслись»: старались уберечь от простуды, инфекции, давали лучшую из имевшейся одежду и пищу, отводили поудобнее место в повозке, вагоне, на палубе парохода. В путь старались пускаться не одиночными семьями, а группами семейств (партиями) из родственников, односельчан или жителей определенной местности, чтобы в случае необходимости можно было поддержать друг друга советом, деньгами и пищей, подвезти на своей лошади и т. д.

3. Немалое число крестьян, если была такая возможность, обращалось на переселенческих, лечебно-питательных и медицинских пунктах за помощью к медикам для лечения детей и других членов семьи. Радовались, если удавалось пообедать самим и покормить детей в пунктовых столовых. Скучный, столовский рацион был все же богаче собственной пищи мигрантов по содержанию белка и жиров¹.

Однако помощь на пунктах далеко не всегда бывала бесплатной, в городских же больницах обязательно требовали плату за лечение, и большинство переселенцев за неимением средств даже при тяжелых заболеваниях неохотно ложилось в больницу, не отдавало туда своих близких. Здесь сказывалось также нежелание делать длительную остановку в пути — она отрывала семью от «своей» переселенческой партии, хоронила надежду на сносное устройство в текущем сельскохозяйственном году и т. д. Если больной ребенок все же попадал в больницу, некоторые переселенческие семьи продолжали путь без него. В безвыходных случаях — если убеждались, что до места поселения всей семьей дойти не удастся, оставляли по дороге и здоровых детей. Надеялись на судьбу: «Это — “Божьи дети”, которых кто-нибудь вскормит»². Маленьких отдавали на усыновление, старших — в срочный наем и не чаяли, «приведет ли Бог увидеться до гроба»³.

Наблюдая, как переселенцы «бросают» ребят в пути, скрывают больных от лечебного персонала (бывало, детей на пунктах отправки проносили в вагоны или на пароходы в мешках, как контрабанду), некоторые очевидцы делали категорические выводы о темноте, непонимании, беспечности, даже бесчувственности крестьян к детским страданиям и смерти. Так, А. А. Исаев писал: «Большинство отцов и даже матерей относится к болезни и смерти детей с большим хладнокровием; переселенцы неоднократно говорили мне: “Вот Бог прибрал у меня, а все-таки нет убыли, потому что другой народился”»⁴. Такие выводы правильны лишь отчасти. Можно согласиться с Н. М. Ядринцевым, когда он признает: «Трудно видеть здесь бессердечие и бесчувственность. Матери очень горько оставлять больное дитя, но

---

¹ См.: Куркутов А. Т. Деятельность лечебно-питательных пунктов... С. 70—72.

² Ядринцев Н. М. Переселенческие семьи и дети // Путь-дорога. С. 66.

³ Н. Переселенцы в Иркутске.

⁴ Цит. по: Ядринцев Н. М. Переселенческие семьи... С. 65—66.

страшная необходимость и интересы других членов семьи, может быть, их спасение требуют идти и оставить на жертву одного»¹.

Многие из оставленных переселенцами в пути больных детей умирали. Выздоровевшие частью усыновлялись местными обывателями или попадали в сиротские приюты, частью пополняли появившуюся в Сибири конца XIX — начала XX вв. категорию беспризорных подростков.

Перейдем теперь к рассмотрению особенностей демографического поведения новоселов **в период устройства и развития хозяйства на новых местах**. Прежде всего, проследим за изменением людности семейств после их переезда на восток. Для этого привлечем материалы выборочного обследования 447 переселенческих поселков в Акмолинской обл., Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, которое было произведено в 1911—1912 гг. На его основе нами вычислено среднее количество членов хозяйства в момент обследования и при водворении на участке сразу по прибытии. Оказывается, в годы после миграции в целом происходило общее увеличение людности дворов крестьян-новоселов. У приписанных переселенцев число членов домохозяйства увеличилось после водворения к моменту переписи в среднем от 5,3 до 6,2 человек, или на 17 %, у неприписных — с 5,0 до 5,5 человек (на 10 %)².

Использованный в данном случае источник верно фиксирует генеральную тенденцию расширения в Сибири и общей людности домохозяйств переселенцев, и количества в них рабочей силы, а также связанную с этим тенденцию роста посевных площадей, поголовья скота, покупки улучшенных сельскохозяйственных орудий и т. д. Однако он имеет крупный недостаток: при выборе так называемых «типических» поселков для обследования во всех губерниях, кроме Томской, совсем исключили селения, образовавшиеся за последние три года, и тем самым затушевывали картину бедствий новоселов в первое время после поселения. Поэтому мы предприняли дополнительную разработку материалов по Томской губ., где в 1911—1913 гг. было обследовано около 1/5 всех семей новоселов, в том числе и в новых поселках (табл. 13).

Таблица 13

**Изменение людности домохозяйств приписанных новоселов Томской губ.
по материалам обследования 1911—1913 гг., человек***

Место приписки новоселов	Группа хоз-в по посеву, дес.	Людность хозяйства			Изменение людности		
		на родине	В Сибири		при водворении по сравнению с родиной	при обследовании по сравн.	
			при водворении	при обследовании		с моментом водворения	с родиной

¹ Там же.

² Подсчитано по источникам: *Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири*. СПб., 1912. Вып. 2. С. 122, 126—128, 132—133; Вып. 3. С. 152, 156—158, 162—164, 168—170, 174—175; Вып. 4. С. 108, 112—113; *Сборник статистических сведений ... Томской губ.* Вып. 2. С. 173, 194.

Селения старожилков	0	5,1	4,6	4,3	-0,5	-0,3	-0,8
	До 1	4,5	3,7	4,4	-0,8	+0,4	-0,1
	1-3	4,9	4,5	4,9	-0,4	+0,4	-
	3-9	6,0	5,5	6,2	-0,5	+0,7	+0,2
	Свыше	7,5	6,9	8,5	-0,6	+1,6	+1,0
Переселенческие поселки	0	5,3	5,0	4,9	-0,3	-0,1	-0,4
	До 1	4,9	4,8	4,7	-0,1	-0,1	-0,2
	1-3	5,3	5,2	5,1	-0,1	-0,1	-0,2
	3-9	6,5	6,3	6,5	-0,2	+0,2	-
	Свыше	7,5	7,4	8,1	-0,1	+0,7	+0,6
В среднем	-	6,3	6,1	6,2	-0,2	+0,1	-0,1

* Подсчитано по источникам: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927. С. 193—194, 212, 214; *Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ.* Томск, 1913. Вып. 2. С. 173—174, 192, 194. Источник освещает положение в Барнаульском, Каинском, Маринском и Томском уездах.

Полученные нами данные показывают: 1) в период переезда в Сибирь происходило сокращение людности во всех категориях мигрирующих семей (механизм этого сокращения мы проследили выше); 2) после водворения на новых местах средняя людность хозяйств несколько повышалась, но семьи бедноты, по крайней мере в начальный период своего проживания в Сибири, продолжали уменьшаться, что негативно сказывалось на общих результатах (при обследовании итоговая людность хозяйств новоселов оказалась несколько меньшей, чем на родине, хотя и большей, чем в момент водворения). Как показывает анализ ситуации, незавидный демографический итог определялся главным образом высоким уровнем заболеваемости и смертности переселенческой бедноты, а также наличием семейных разделов.

Источники и литература рисуют яркие картины бедствий переселенцев, по крайней мере, в первые годы обустройства в Сибири¹. Весьма неблагоприятные социальные и бытовые условия, экологическая неприспособленность, тяжелая работа от зари до зари без отдыха подрывали здоровье. Врач П. Е. Обозненко вел в период с 1 сентября 1896 г. по 1 марта 1897 г. учет заболеваемости на переселенческих участках Омского уезда Акмолинской обл. Им было зафиксировано 1230 обращений к медикам, что составляет в пересчете на год 364 случая заболевания на каждую тысячу «здоровых» (не обращавшихся за медицинской помощью) новоселов². Это показатель меньший, чем заболеваемость мигрантов в пути, но все же очень высокий. При этом следует помнить, что и в дороге, и на местах вселения к медикам обращались далеко не все заболевшие переселенцы.

По оценке доктора М. Л. Айзина, к концу XIX в. среднегодовая смертность переселенцев в первый год после отъезда с родины (в дороге и на новых местах) составляла около 60—100 %,

¹ См.: *Материалы для изучения ... Западной Сибири.* Вып. 17. С. 87; *Отчет о состоянии народного здоровья ... за 1903 г.* 1905. С. 98—99; ... за 1908 г. 1910. С. 178; *Степынин В. А.* Колонизация Енисейской губ. в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. С. 502—508; *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* С. 238; и др.

² Подсчитано по источнику: *Обозненко П. Е.* Очерки санитарного состояния... 2, 9 мая.

причем она определялась главным образом смертностью детей¹. На казенных землях Томской губ. в 1886—1893 гг. в первый год по прибытии на новое место жительства умирали члены в 12,9 % семей, в 1894 г. — в 18,1 %. Умирало, соответственно, 28,5 и 40,4 человек на каждую тысячу новоселов, 17,3 и 22,2 — на каждые 100 ушедших с родины семей. Смерть косила преимущественно бедняков, у них умирало по несколько членов семьи. На каждые 100 семей, в которых были случаи смертности, в первый год по прибытии умерло в 1886—1893 гг. 134, а в 1894 г. — 122 человека².

По данным обследования в 1903—1904 гг. 233 поселков, населенных переехавшими в Акмолинскую обл., Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии крестьянами, 80,8 % всех людей, умерших на новом месте, были дети в возрасте до 10 лет. Среди переселенцев, прибывших в 1903 г., в первый год по прибытии уровень смертности составил 42,6 ‰ и превысил рождаемость на 15,3 ‰. На каждые 100 умерших родилось лишь 64 человека³. При этом детская смертность была выше, чем у крестьян-старожилов. По данным 1911—1913 гг. (Томская губ.), у старожилов особенно много было умерших до года в основном из-за отсутствия правильного медицинского обслуживания рожениц и младенцев. У новоселов же были примерно равными доли умерших до года и в возрасте от 1 до 10 лет⁴. Это может быть объяснено только тяжелыми условиями жизни семей, оказавшихся не в силах прокормить и сберечь здорового ребенка, выжившего в первые месяцы, труднейшие для него с биологической точки зрения. По мере устройства хозяйства в Сибири смертность в переселенческом населении сокращалась. Накануне Первой мировой войны в Томской губ. среди всех переселенцев, независимо от давности приезда, она составляла 25,7 ‰, при смертности у здешних старожилов в 24,3 ‰⁵.

Чтобы сохранить жизнь и здоровье членов семьи, новоселы предпринимали значительные усилия. Обозначим *основные из применявшихся способов*.

1. *Обращение за медицинской помощью*. Источники отмечают, что новоселы Сибири, в отличие от многих старожилов, «охотно идут» за советом и медпомощью к врачам, фельдшерам, акушеркам⁶. В то же время для них была характерна меньшая «доверчивость» к знахарям и прочим народным лекарям.

---

¹ Айзин М. Л. Медико-санитарное обслуживание переселенческого движения // Сиб. мед. журнал. 1925. № 2. С. 65.

² Подсчитано по источнику: Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев... Т. 2. Ч. 1. С. 235, 243.

³ Подсчитано по источнику: *Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях*. СПб., 1905. Ч. 1. С. 18—19, 52—63, 64—65, 98—101. Показатели измерены отношением годового числа рожденных и умерших к численности населения в момент обследования.

⁴ Подсчитано по источнику: *Переселенцы, приселившиеся к старожилам...* С. 567, 586—587, 614—615.

⁵ Подсчитано по источникам: *Переселенцы, приселившиеся к старожилам...* С. 194—195; *Сборник статистических сведений ... Томской губ.* Вып. 2. С. 174—175. Смертность измерена отношением числа умерших за предшествовавший обследованию год к численности населения в момент обследования.

⁶ ГААК, ф. 81, оп. 1, д. 76, л. 11; ГАТО, ф. 3, оп. 40, д. 102, л. 108; *Бенедиктов Н. Г.* Краткие сведения... С. 42.

Дело здесь, во-первых, в том, что в Европейской России с ее значительно лучшим развитием медицинской сети будущие переселенцы пользовались услугами земской медицины и позитивно настроились по отношению к медикам. Во-вторых, оказывалась «невключенность» на первых порах в сибирские народно-медицинские отношения — незнание здешних лекарей, недоверие к незнакомым средствам и способам лечения и т. д. К сожалению, далеко не всегда «навозные» сибиряки могли получить квалифицированную медицинскую помощь из-за слабого развития на окраине сети здравоохранения.

2. *Повышение благосостояния домохозяйства.* Главные усилия новоселов сосредоточивались, конечно, на постоянном улучшении экологических, социальных и бытовых условий своей жизни в Сибири. При первой возможности устраивали жилище получше, запасались пищей, шили одежду и обувь, перенимая во всех этих делах опыт «чалдонов». В значительной степени с прибытием в конце XIX — начале XX вв. в Сибирь массы новоселов связаны успешные попытки улучшения санитарно-гигиенического состояния селений: разбивка палисадников, садов и цветников при домах¹.

3. *Отдача детей на время в чужие домохозяйства ради прокормления и заработка.* Вообще переселенческие семьи были главным источником поступления рабочей силы на рынки труда в сельской местности Сибири. Наряду со взрослыми работниками, домохозяйства отдавали в наем и малолеток, причем зачастую фактически бесплатно, только лишь «из хлеба» (за питание). Если не удавалось отдать детей зимой на проживание и работу в более зажиточные хозяйства, бедноте приходилось иногда кормить их «Христовым именем» — подавниями добрых людей.

«Многосемейность» большинства переселенцев была, конечно, источником дополнительных трудностей при устройстве в Сибири, многочисленных трагедий в случае смерти детей. Однако, чуть окрепнув, дети и подростки начинали приносить в дом дополнительный заработок, становились серьезным подспорьем в своем хозяйстве в горячие хозяйственные сезоны.

Способы сохранений жизни и здоровья «домашних», а тем самым — «многосемейности» смыкаются со специальными приемами, призванными поддержать, восстановить или сформировать оптимальную людность, половозрастной и рабочий состав семейного домохозяйства. С этой целью новоселы, во-первых, стремились хотя бы на первых порах предотвратить семейные разделы. По словам корреспондента Общества любителей изучения Алтая Н. Овчинникова, переселенческие дворы были меньше склонны к разделам, чем

---

¹ См.: *Липинская В. А.* Русское население Алтайского края. М., 1987. С. 37—38; *Швецов С. П.* Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском окр. // Алт. сборник. 1899. Т. 4. Вып. 2. С. 7—8.

старожильческие, потому, что «в большей своей части еще не укрепились экономически, и потому более ... дорожат соединением сил нескольких работников в одной семье»¹.

Действительно, по данным обследования 1911—1913 гг., в Томской губ. количество переселенческих дворов, образовавшихся путем выдела, было меньшим, чем соответствующее число хозяйств старожилов, хотя средняя величина семьи переселенцев была заметно крупнее (речь идет о доле выделившихся ячеек в общем количестве домохозяйств соответствующей категории)². В переселенческих поселках всей Сибири в промежутке между моментами водворения и обследования образовалось путем выдела лишь 3,4 % наличных хозяйств приписанных и 2,5 % дворов неприписных новоселов, хотя при выходе с родины соответствующие показатели равнялись 18,6 и 9,4 %³. Новоселы не хотели делиться, потому что вместе общими силами крупной семьи было легче вести расчистку участка для поселения и пашни, зарабатывать средства, «присматривать» и воспитывать детей. Неделившаяся семья сравнительно быстро набирала людность и нужный ей рабочий состав.

Если все же своей рабочей силы не хватало, зажиточные хозяйства нанимали батраков. Некоторые трудовые операции выполнялись супругой или помощью — совместными усилиями членов нескольких дворов. Изредка создавали и сложные (составные, договорные) хозяйства из двух-трех семей. Материалы обследования 1911—1912 гг. зафиксировали в переселенческих поселках Сибири (исключая Томскую губ.) 462 сложных домохозяйства, или 1,6 % от общей численности обследованных дворов⁴.

Еще одним способом оптимизации людности и демографической структуры переселенческого домохозяйства в Сибири было привлечение в него людей из числа родственников и свойственников. Обзаведясь хозяйством, новоселы старались поскорее женить своих подросших сыновей, чтобы иметь в доме побольше молодой женской рабочей силы. Многие начинали писать письма на родину («на старину»), убеждая оставшихся там родственников — сестер, теток, племянников и других — приезжать с кем-нибудь из переселяющихся.

Однако разрастание семей переселенцев сдерживало установленное властями правило, согласно которому за ходок закреплялось столько земельных долей, сколько душ мужского пола значилось в его ходаческом свидетельстве или паспорте, а прирост числа мужчин (тем

---

¹ ГААК, ф. 81, оп. 1, д. 51, л. 23.

² Подробнее см.: *Зверев В. А.* Изменения образа жизни крестьянства в ходе сельскохозяйственного освоения Сибири при капитализме // *Земледельческое и промышленное освоение Сибири (XVII — начало XX вв.)*. Новосибирск, 1985. С. 99—101; *Он же.* Особенности демографического поведения крестьян-новоселов в Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // *Социально-демографическое развитие сибирской деревни в XVII — начале XX вв.* Новосибирск, 1987. С. 68—69.

³ Подсчитано по источникам: *Сборник статистических сведений ... Сибири*. Вып. 2. С. 122, 126—128, 132—133; Вып. 3. С. 152, 156—158, 162—164, 168—170, 174—175; Вып. 4. С. 108, 112—113; *Сборник статистических сведений ... Томской губ.* Вып. 2. С. 173, 194.

⁴ Подсчитано по источникам: *Сборник статистических сведений ... Сибири*. Вып. 2. С. 122—123; Вып. 3. С. 152, 158—159, 164—165, 170; Вып. 4. С. 58, 114.

более, женщин) в семье в период после зачисления на участок права на увеличение числа этих долей не давал¹. Переселенцы с многолюдной семьей, стремившиеся получить наделы для родившихся после водворения в Сибири, для дополнительно прибывших родственников, были недовольны этим правилом. Приехавшие «на голос родных» постоянно писали прошения о совместном с родственниками и свойственниками устройстве на участке: «... мы можем помогать друг другу на чужой стороне во всех недостачах и нуждах», «... без поддержки своих я был бы не в силах устроить свое хозяйство» и т. д.²

Обратившись к **обратному переселению из Сибири** в Европейскую Россию, нужно также отметить наличие у него демографических причин. Если семья ушла на восток с недостаточным количеством средств, да к тому же в неблагоприятном для самостоятельного ведения хозяйства составе; если к тому же состав этот за время переселения ухудшился; если уже в самой Сибири после многочисленных попыток семейство не смогло оптимизировать свою людность и структуру или как-то компенсировать демографические недостатки, оно часто вынуждено было отказаться от поселения и вернуться обратно.

Материалы массовых экономико-статистических обследований, регистрации мигрантов на переселенческих пунктах, земская статистика выделяют в качестве одной из важнейших причин обратных переселений «отсутствие или недостаток рабочих сил в семье»³. За период 1906—1911 гг. на переселенческих пунктах было зарегистрировано 2346 семей «обратников», возвращавшихся из Сибири на родину в Черниговскую губ., из них 8,6 % объясняло свое возвращение именно «неблагополучным составом семьи, болезнями и смертями членов ее»⁴.

Хранящиеся в архивах ходатайства крестьян об обратном переселении конкретизируют названные выше причины. В числе возвращавшихся были те, что схоронили всех детей по дороге в Сибирь или на участке и не имели теперь «ни одного наследника»; у которых умерла жена, и не было теперь присмотра за малолетними детьми и «женской» частью хозяйства; потерявшие здоровье и потому не могущие «доставить себе и своей семье дневного пропитания» и т. д. Было немало желающих воссоединить свою «ополовиненную» семью с оставшимся на родине отцовским, братским или иным родственным семейством⁵.

Посмотрим теперь, как выглядела людность и демографическая структура переселенческих хозяйств в Сибири в сравнении с хозяйствами старожилов, т. е. каковы были общие **итоги демографического поведения** переселенцев⁶.

---

¹ РГИА, ф. 391, оп. 3, д. 1445, л. 4; оп. 6, д. 5, л. 14.

² ГАТО, ф. 3, оп. 46, д. 503, л. 347, 367, 441, 426, 471 и др.

³ См.: *Сборник статистических сведений ... Томской губ.* Вып. 1. С. 138—145; *Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г.* СПб., 1899. С. 13; *Ямзин И. Л.* Переселенческое движение... С. 147—150; и др.

⁴ *Переселение из Черниговской губ. в 1909—1911 гг.* Чернигов, 1913. С. 47.

⁵ ГАТО, ф. 3, оп. 44, д. 561, л. 1, 38, 50; д. 3081, л. 12, 14, 32, 47, 138, 148, 202, 234, 263—264; оп. 46, д. 518, л. 28; и др.

⁶ Подробнее см.: *Зверев В. А.* Семейное крестьянское домохозяйство... С. 18—29, 42—55.

Уже в пореформенный период выявились яркие особенности переселенческих дворов разных категорий в основных районах освоения на востоке страны: относительно большая людность их у приписанных новоселов, малая — у неприписных. Поскольку приписанные имели численное преобладание, в среднем переселенческие хозяйства были заметно крупнее старожильческих. Определилась также динамика: по мере увеличения срока проживания в Сибири средние величины семейств неприписных и приписанных сближались друг с другом и со средней людностью дворов местных старожилов. Все указанные особенности и закономерности можно проследить, например, по материалам обследования мест водворения переселенцев в Алтайском горном окр. 1894 г. Здесь причисленные новоселы имели в домохозяйстве 6,71 души, непричисленные — 5,78, в сумме обе категории недавних переселенцев — 6,37 человека. В то же время переселенцы-староселы обладали домохозяйствами средней людностью в 5,85, а местные старожилы — в 5,81 человека¹.

В конце XIX — начале XX вв. выявленные особенности продолжали сохраняться. В момент обследования 1911—1913 гг. переселенческий двор в Томской губ. был больше старожильского на 0,4 человека, насчитывая в среднем 6,2 души². То же самое было в других земледельческих и активно заселяемых районах Западной Сибири и Енисейской губ. Лишь в некоторых окраинных местностях на севере и востоке Сибири, где условия для колонизации были особенно трудными, переселенческое хозяйство оказывалось в целом малолюднее давно укоренившегося здесь старожильского семейства, но относительно хорошо в то же время обеспеченным мужской рабочей силой.

Удельный вес переселенческих дворов в населении Сибири становился все больше, и это способствовало общему повышению средней людности крестьянских домохозяйств или, по крайней мере, нейтрализовало процесс сокращения людности семей, связанный с усиливавшимися при капитализме разделами крупных домохозяйств (особенно у старожилов).

Для переселенческих дворов в Сибири была характерна также половая диспропорция — численное преобладание мужчин над «женскими». Как и повышенная людность семьи, половая диспропорция складывалась в период подготовки к миграции; на новых местах поселения она постепенно изживалась. Однако прибывали все новые волны мигрантов с перевесом мужчин, и поэтому преобладание мужского населения над женским сохранялось в переселенческой среде Сибири в течение всей эпохи второй половины XIX — начала XX вв. Половая структура всего сельского населения складывалась под сильнейшим влиянием указанного фактора: в отличие от селений Европейской России, в сибирских деревнях жило больше мужчин, чем женщин.

---

¹ Подсчитано по источнику: *Швецов С. П.* Материалы по исследованию... Вып. 1. С. 18.

² Подсчитано по источникам: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам... С. 193—194; *Сборник статистических сведений ... Томской губ.* Вып. 2. С. 173—174.

Только в годы Первой мировой войны интенсивный призыв мужчин в войска привел к тому, что в наличном (оставшемся на месте) населении крестьянских и казачьих хозяйств не только исчезло преобладание числа мужчин над «женским полком», но возникла резкая диспропорция в обратную сторону. Уже Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. выявила такую картину: в различных сибирских губерниях и областях на 100 мужчин в наличном населении приходилось от 109 до 121 женщины¹. В период до октября 1917 г. положение усугублялось — взрослых мужчин в деревенских дворах становилось все меньше.

Переселенческое население Сибири было в целом более молодым и более трудоспособным, чем старожильческое, поскольку содержало относительно своей общей численности меньше стариков, лиц с хроническими заболеваниями, физическими уродствами и т. д. Например, согласно данным обследования 1886—1892 гг., в довольно активно колонизируемой сельской местности Енисейской губ. среди лиц мужского пола в рабочем возрасте неспособных к земледельческому труду у новоселов было 11 %, тогда как у крестьян-старожилов — 17 %. Данные о наиболее тяжелых физических недугах показывают ту же закономерность. В среде новоселов было 1,7 % слепых, глухонемых, слабоумных, парализованных, страдающих расслабленностью и припадками, а в старожильческом населении — 7,9 %². Как мы показали выше, такое положение определялось, во-первых, более молодым, энергичным и здоровым составом семей, пускавшихся на переселение, во-вторых, — «отмиранием» в пути и в первые годы на новых местах физически слабых и нетрудоспособных.

По данным обследования 1911—1913 гг. в Томской губ., на каждые 100 «годных» (физически здоровых и не находящихся в длительной отлучке) мужчин рабочего возраста в приписанном переселенческом населении приходилось 452 члена домохозяйства («едока»), в неприписном — даже 439, в то время как в старожильческом — 466 человек. Соотношение трудовой и потребительской части населения у переселенцев было наиболее благоприятным. Характерно в то же время, что значительную часть «едоков» в переселенческих дворах составляли дети — будущие работники и активные участники воспроизводства населения. На ту же сотню годных работников-мужчин у приписных новоселов насчитывалось 185 детей (мальчиков в возрасте до 14, девочек — до 12 лет), у неприписных — 177. У старожилов же соответствующий показатель равнялся лишь 171 человеку³. Специфика рабочей и возрастной структуры переселенческого населения активно сказывалась на возрастном и трудовом составе всего сельского населения Сибири.

---

¹ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг., 1917. Вып. 3. С. 78, 96.

² Материалы по исследованию ... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 4. Вып. 2. С. 90—91.

³ Подсчитано по источникам: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам... С. 193—194; *Сборник статистических сведений ... Томской губ.* Вып. 2. С. 173—174.

В заключение выделим **особенности рождаемости и естественного прироста** переселенческого населения деревенской Сибири.

При традиционном типе демографического поведения, когда рождаемость почти не регулировалась сознательно, она в основном зависела от разницы в соотношении мужского и женского населения, от доли в населении лиц, по возрасту и состоянию здоровья способных к деторождению, а также от масштабов «отходничества», уровня брачности населения и особенностей его генофонда. Характерная для Сибири половая диспропорция населения в условиях моногамного брака была фактором, негативно влиявшим на рождаемость. Однако воздействие данного фактора нейтрализовало и сильно перевешивало совокупное воздействие нескольких других.

Высокий уровень брачности (переселялись в основном семейные, в Сибири молодых женили при первой возможности), молодой и физически здоровый состав населения обуславливали большое количество ежегодных рождений у новоселов. В том же направлении действовал высокий уровень «оседлости»: в дальний отход члены получивших землю переселенческих семей уходили редко, ибо были заняты обустройством своего хозяйства. Нужно еще обратить внимание на генетический фактор: среди переселенцев находились выходцы из многих местностей, в том числе с юга России, где были приняты ранние браки и имела место высокая рождаемость. Смешанные браки людей, имевших разный генофонд («расейских» из разных исторических областей между собой и с «природными» сибиряками, русских с представителям других этносов) давали многочисленное и жизнестойкое потомство.

В итоге, по данным обследования 1911—1913 гг. (Томская губ.), переселенцы всех категорий имели рождаемость, равную 50,5 ‰, в то время как старожилы – только 42,3 ‰. Смертность у переселенцев была тоже в целом выше, чем у старожилов, но она заметно сокращалась уже со второго года жизни на новом месте. Превышение рождаемости над смертностью (естественный прирост населения) у новоселов Томской губ. в начале XX в. составляло 24,8 ‰, а у старожилов – лишь 18,0 ‰¹. Коэффициент естественного прироста у томских новоселов был также выше, чем в сельском населении Европейской России².

Сходное положение было и в других активно заселяемых новоселами земледельческо-животноводческих местностях Сибири. Обследование «типичных» переселенческих поселков в четырех губерниях региона и в Акмолинской обл. обнаружило, что за семь предшествующих лет среднегодовой естественный прирост жителей составлял у новоселов около 33 ‰ (при условии включения в обследование самых недавних поселений коэффициент прироста был бы

---

¹ Подсчитано по источникам: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам... С. 194–195; *Сборник* статистических сведений ... Томской губ. Вып. 2. С. 174—175. Рождаемость и смертность измерены отношением числа рожденных и умерших за предшествовавший обследованию год к численности населения в момент обследования.

² См.: *Сборник* статистических сведений ... Томской губ. Вып. 1. С. 79.

несколько меньшим, близким к показателю Томской губ.). В Забайкальской обл. за 1910—1911 гг. среднегодовой естественный прирост переселенческого населения равнялся 30 ‰¹. Подобные показатели были в 1,5 раза выше, чем средний уровень естественного прироста населения по России в целом. Поэтому увеличение доли новоселов среди деревенских жителей нашего края не могло не сказываться на общем уровне естественного прироста населения. Очевидно, что отмеченный в первых двух параграфах данной главы факт последовательного увеличения рождаемости и естественного прироста в населении Сибири конца XIX — начала XX вв. был теснейшим образом связан с усиленным притоком сюда переселенцев.

---

¹ Воробьев В. В. Формирование населения... С. 178.

Глава III. ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИИ И СОЗНАНИЯ: СОЦИАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ КРЕСТЬЯН

ЭТАПЫ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

«Сравнительно-историческое изучение стиля социализации детей у разных народов и на разных стадиях развития предполагает ... дифференцированный анализ: 1) целей и задач воспитания; 2) его средств и методов; 3) агентов и институтов социализации, и 4) ее результатов и эффективности», — указывает академик И. С. Кон¹. В настоящем параграфе мы будем в основном следовать этому плану. Опираясь на многочисленные исследования, тот же автор убеждает: «В каждом обществе, на каждом этапе его развития существуют разные стили воспитания, в которых прослеживаются многочисленные сословные, классовые, региональные, семейные и прочие вариации»². Это всецело относится и к разным сторонам воспитательного процесса у русских крестьян Сибири второй половины XIX — начала XX вв. Нужно учитывать также присущие народу теоретическую неоформленность и противоречивость педагогических представлений.

Цели и задачи воспитания, будучи элементами соционормативной культуры сельского сообщества, были производными от его представлений о природе и возможностях новорожденного человека. В этих представлениях сосуществовали, причудливо переплетаясь, три различные мировоззренческие тенденции, три взгляда: 1) природный детерминизм, согласно которому основы характера и возможности человека predeterminedены уже при рождении: «Я с им и с добром, и по-всякому — дак ежли он уродился такой. Кому как на роду написано»³, «Кому на ком жениться, тот в того и родится», «Черт в черта и родится»⁴; 2) социально-педагогический детерминизм, при котором ребенок предстает в виде «чистой доски», где воспитатели могут написать что угодно: «Ребенок как воск — что хочешь, то и сольешь»; 3) традиционный христианский взгляд: новорожденный несет на себе печать первородного греха и спасти его можно лишь подавлением воли, подчинением родителям и духовным пастырям (этот взгляд был больше присущ старообрядческой среде).

¹ Кон И. С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988. С. 136.

² Там же. С. 137.

³ Распутин В. Г. Повести. Новосибирск, 1988. С. 234—235.

⁴ Пословицы и поговорки приводятся в первом и втором параграфах настоящей главы по следующим источникам: АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 69, л. 14; д. 344, л. 2, 3, 6; д. 345, л. 3, 4, 11, 12, 17, 18; ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 4, № 640, л. 2, 7, 27, 33; п. 7, № 640, л. 11, 12, 17; РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 3, л. 7—9; АГО, разр. 61, оп. 1, д. 37, л. 184; *Абрамов Н. А.* Город Ялуторовск с его округом // Тобол. губерн. ведомости. 1864. 11 июля; *Арефьев В. С.* Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губ. // Изв. ВСОРГО. 1901. Т. 32. № 1/2. С. 104—106; *Болонев Ф. Ф.* Семейские. Улан-Удэ, 1985. С. 100; *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы // Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРГО. 1911. Вып. 5. С. 81, 83, 85, 86; *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ, 1939. Т. 1. С. 331, 336—338, 374, 390; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губ. // ЕТГМ. 1905. Вып. 15. С. 6, 12, 13, 18—20, 32, 33; 1912. Вып. 22. С. 11, 14, 21, 26; *Кузнецов Е.* Пословицы и поговорки жителей Тобольского окр. // Тобол. губерн. ведомости. 1866. 3 дек.; *Урал* в его живом слове. Свердловск, 1953. С.

Традиционный тип социализации в деревенском сообществе, сложившийся еще в предшествующую эпоху, как бы примирял эти различные взгляды в рамках общей ориентации на «жизнь по старине». Старшие учили детей, и младшие сами стремились думать и поступать так, как думали и поступали предки¹. В хозяйственной, общественной, семейной жизни, в демографическом и социализирующем поведении крестьяне твердили: «Наши отцы, деды и прадеды делали все так же, как мы делаем, и изжили века еще лучше нас... Что же мы будем выдумывать и грешить?»². Сопrotивляясь зачастую даже назревшим нововведениям, заявляли: «На это у нас нет закона, обычая и примеров»³.

Ориентация «на старину» как на образец логично влекла за собой большое внимание всех субъектов воспитания к тому, чтобы ребенок рос «послухмянный» — *почтительный по отношению к старшим* — главным носителям и трансляторам культуры. Местный уроженец учитель Ф. К. Зобнин в конце XIX в. записал в словнике, приложенном к «Сборнику наблюдений над народной жизнью в Тобольской губ.»: «Царство небесное. Его могут удостоиться, между прочим, только те, которые почитают отца-мать, стариков и старух (это — неперемные атрибуты “праведной жизни”, по понятиям крестьян)»⁴. Родителей среди старших нужно было выделять особо: «До поту бейся, а родителей уважай».

В обычном праве и алтайских крестьян, и жителей Восточной Сибири довольно четко фиксируются требования к детям повиноваться родителям, поддерживать их пищей и одеждой в старости и болезни, хоронить по христианскому обряду и поминать после смерти⁵. Можно констатировать особую жизнестойкость этих норм даже в условиях растущего рассогласования между устаревшей в целом традиционной соционормативной системой и практикой реальной сельской жизни.

С другой стороны, необходимость воспитания детей признавалась одной из важнейших обязанностей родителей: «Кто грешит, тот и молится, а кто родит, тот и водится», «Детей носить — не ветку заломить», «Не строй семь церквей, а пристрой семь детей». Было понимание, что воспитание — ответственное и нелегкое дело, требующее немалых знаний и умений, терпения и здоровья, но в итоге необходимое обществу и семье, приносящее удовлетворение самим родителям: «С детьми горе, а без них вдвое», «С маленьким не поводишься — большого не увидишь».

Известный этнограф М. В. Красноженова, специально изучавшая этот вопрос в начале XX

131.

¹ См.: Миненко Н. А. Старики в русской крестьянской общине Западной Сибири XVIII — первой половины XIX вв. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири, XVIII — начало XX вв. Новосибирск, 1955. С. 89—104.

² Несколько слов об экономическом положении восточносибирских земледельцев // Сибирь. 1882. 22 авг.

³ МКМ, оп. 1а, д. 52, л. 10.

⁴ АГО, разр. 61, оп. 1, д. 37, л. 105.

⁵ Там же, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 18; Загоскин М. В. Ответы на программу РГО для собиpания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891. С. 124; Чудновский С. Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного окр. // Рус. богатство. 1894. № 7. С. 69.

в. в селениях Енисейской губ., пришла к выводу, общезначимому для всей Сибири: «Деревня тоже по-своему старается ребят воспитывать. Крестьяне говорят: “Вырастить хорошего человека трудно, надо ему с детства указывать, как следует поступать”. В старину при воспитании детей прибегали больше к суровым мерам физического воспитания и наказания, поэтому и пословица была: “Учи дитё, пока оно поперек лавки лежит, а как вдоль ляжет, поздно будет”. Также давали ребятам наставление: “Не слушай, где собаки лают, а слушай, где люди добры речи говорят”, “Спи по ночам, расти по часам, давай матери дело делать”. Конечно, и сейчас многие еще придерживаются старинных методов воспитания, иногда забывая и запугивая ребят до крайности, но все же в настоящее время отношение к детям значительно мягче и заботливее, больше ласки и внимания видят ребята со стороны старших»¹.

Степень осознания различных целей воспитания в народной педагогике была неодинаковой. Наиболее отчетливо у русских крестьян Сибири среди этих целей, наряду с уважением к родителям и старшим, формулировалось *трудолюбие*. Эмоциональное отношение к физическому труду как неперенной обязанности всякого человека, возложенной на него Богом («Без труда — спасенья нет»), как суровой жизненной необходимости для крестьянина, главному источнику благосостояния («Гулявши много смолоду, умрешь под старость с голоду», «Кто рано встает, тому Бог подает»), способность волевым усилием выдерживать тяжелые и длительные трудовые нагрузки — вот основные аспекты трудолюбия как цели воспитания в крестьянской среде. В таком воспитании был жизненный смысл. В семье «возрастал» необходимый помощник в хозяйстве, который затем должен был стать «припасителем», «бойцом» — основным работником и одновременно домохозяином и, наконец, «призрителем» — кормильцем стариков-родителей в последние их годы.

В программу воспитания осмысленно закладывалась *идея трудовой дифференциации и неравенства полов*: «Не пой курица петухом, не будь баба мужиком», «Бабыя дорога от печи до порога», «Мужик да собака во дворе, а баба и кошка — завсегда в избе». В сознание и чувства «сызмалетства» внедрялось представление, что назначение женщины — быть послушной работницей сначала в хозяйстве родителей, затем в семье мужа. Молодица должна быть работающей и хозяйственной, бережливой, терпеливой, некрикливой, послушной, гостеприимной; у казаков допускалась большая степень ее «бойкости».

В среде казачества среди важнейших целей воспитания находились *воинские качества* — храбрость, верность присяге. В этой связи характерны наказания старого казака Никиты Иванова (пос. Тулатинский Чарышской станицы Бийского уезда Томской губ.), высказанные в письме

---

¹ КККМ, о/ф. 7886, п. и. 110, л. 25—26.

сыну Ефиму, мобилизованному на войну в 1914 г.: «Не забывай мой отцовский завет: помни бога и данную пред богом Клятву. Что ты клялся служить верой и правдой, выполняй в точности Присягу. Моли только бога, чтобы бог дал тебе здоровья, но не заботься о нас (об оставленных дома родных. — В. З.). А заботься о данной Клятве»¹.

Среди наиболее осознаваемых целей воспитания у сельчан находилось также *приличное поведение в обществе*. Человеку полагалось расти «очесливым» — вежливым, деликатным, соблюдающим правила приличия. А вот о любви к прекрасному как об осознанной цели воспитания в крестьянской среде речь вряд ли может идти. Из анализа источников складывается впечатление, что цели *эстетического воспитания* ясно не формулировались. Формирование эстетико-эмоционального отношения к миру и человеку происходило в основном стихийно, хотя и довольно эффективно, мало направляясь и контролируясь субъектами воспитания.

Цели *нравственного воспитания* зачастую облекались в религиозную форму, в одних группах крестьянства в большей, в других — в меньшей степени. В интерпретации выходца из крестьян-старообрядцев Тюменского окр. Тобольской губ, Н. М. Чукмалдина, «нравственная, суровая простота» деревенского быта «была чиста и выражалась заповедью физического неустанного труда, молитвой Богу и воздержанностью от всяких излишеств»². Наблюдавший жизнь бухтарминских староверов Б. Г. Герасимов констатировал в 1911 г.: «В основу нравственного воспитания кладутся требования религиозного характера. Детей учат с уважением относиться к старшим, почитать храм, с благоговением относиться к церковным книгам и т. п. Тихий, послушный и религиозный ребенок является идеалом хорошего дитяти»³.

Существовали своеобразные народные переложения Божьих заповедей, соблюдать которые с юных лет должен был человек. Знаменитый сибирский хлебороб Т. С. Мальцев гордится, что всегда соблюдал отцовские наказания, усвоенные на заре XX столетия в родной д. Мальцевой (Южное Зауралье): «1. Не пей. 2. Не кури. 3. Не играй в карты. 4. Не бери в руки охотничьего ружья». Поясняя по просьбе писателя В. И. Белова последнюю заповедь, Мальцев говорит: «Да ведь живое жалеть надо, всему живому хочется жить». Сам Белов, хорошо знающий традиционную русскую народную культуру, свидетельствует, что три первые заповеди «существовали по всей России, от Амура до Ладоги»⁴. Четвертая заповедь, конечно, могла существовать только в земледельческой деревне, ей не место было в среде крестьян-«промышленцев» — охотников и рыболовов.

---

¹ ГААК, ф. 216, оп. 1, д. 103, л. 10.

² Чукмалдин Н. М. Записки о моей жизни. М., 1902. С. 48.

³ Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 57.

⁴ Дорожи званием хлебороба: Т. С. Мальцев о себе и слово о Мальцеве // Правда. 1985. 5 нояб.

Во многих источниках проглядывает стремление сибирских крестьян воспитывать детей «в страхе Божиим», но формируемая *религиозность* даже в наиболее ортодоксальной старообрядческой среде проявлялась преимущественно в стихийном обожествлении более сильных, чем человек, природных и социальных феноменов, христианский же слой сводился больше к «букве и обряду»¹. Нет оснований утверждать, что целью основной массы сельчан было приобщение детей к наиболее глубоким и специфическим основам христианского православного вероучения и нравственности (крестьянство даже слабо знало эти основы). Кроме того, многие вполне признаваемые христианские нравственные ценности не осознавались как ценности абсолютные: «Поп свое, и черт — свое», «В мире жить — мирское творить».

Приведем лишь некоторые примеры ограниченности, непоследовательности и даже противоречивости нравственных установок, выраженных, в частности, в фольклоре. Крестьяне считали: хорош послушный ребенок, но «в тихих озерах все черти сидят»; нужно быть честным, но только среди «своих» — близких и знакомых людей, обманывать же представителей иной социальной среды вполне можно, а чиновников даже обязательно нужно, иначе они с шеи не слезут. Нужно трудиться не покладая рук, однако смысл труда размыт: «От работы не будешь богат, а только горбат», «Честным трудом хоромы не наживают». Очень важно поддерживать добрые отношения со всеми родственниками, помогать им («Брат брату головой в уплату»), но новые торговые и конкурентные начала в отношениях заставляют все чаще внушать себе и детям: «Брат мой — ум свой», «Брат — братом, сват — сватом, а деньги — никому».

Средства и методы, а также агенты и институты воспитания серьезно различались на разных этапах социализации детей и молодежи. Они избирались не всегда осознанно, с одной стороны, с учетом возрастных особенностей воспитываемого человека, с другой стороны, в соответствии с существующими в общественном сознании традиционными «комплексными эталонами» качеств личности и социальной группы для представителей разных возрастных когорт.

По достижении определенного возраста от человека ждали соответствующей перемены его поведения и социального положения. «К двадцати годам не умен, к тридцати не женат, к сорока не богат — всю жизнь так [будет]», — в таких словах лаконично выражали существо этого принципа. То, что было позволено в детстве и юности («Молодость не без глупости», «Молодо — зелено, погулять велено»), считалось недопустимым для взрослого солидного человека. В зрелых годах тоже существовала определенная градация. Так, в общественном сознании крестьян Приангарья бытовало представление о трех возрастных и частично

---

¹ См.: Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае // Сев. вестник. 1890. № 9. Отд. 2. С. 47.

имущественных категориях взрослых мужчин: «полный», или «настоящий» мужчина от 20 до 35—40 лет, человек «в средних годах» и «больша голова» — пожилой крестьянин, глава многолюдной семьи¹.

Возрасту «полноты» — полной зрелости человека в 20—21 год предшествовало несколько категорий детства и юности, довольно явственно выделявшихся во взглядах крестьянской среды и в реальном процессе социализации.

Самый ранний этап воспитания детей (до 2—3 лет) крестьяне обозначали терминами «пестование», «водня»². Осуществлялся небогатый набор необходимых операций: кормление ребенка грудью или из рожка, мытье, пеленание, лечение, укачивание до года в колыбели, а потом в подвешенной к потолку зыбке. Из поколения в поколение передавалась и шлифовалась поэзия пестования (колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки и докучные сказки) — эффективное средство первоначального умственного, эстетико-эмоционального и волевого развития ребенка.

Однако позитивный опыт народной педагогики в условиях капиталистической деревни далеко не всегда мог быть успешно реализован. Большая занятость матери в летне-осенний сезон в своем хозяйстве, работа батрачек от темна до темна по найму позволяли им заниматься воспитанием малолетков лишь урывками. Это было не только важнейшей причиной высокой детской заболеваемости и смертности, но также наносило большой ущерб делу воспитания.

Некоторые недавно образовавшиеся малодетные родственные семьи в горячее время сенокоса и страды кооперировались, и женщины пестовали своих и соседских ребят по очереди, а не имевшие такой возможности крестьянки были вынуждены брать с собой младенца в огород или на поле. На этот же сезон семьи побогаче, не имевшие своих стариков и подростков, нередко принимали в качестве няньки чужих детей. В некоторых кулацких домохозяйствах были и постоянные няньки, обычно девочки-подростки, нанятые из семей бедноты или специально принятые в дом с этой целью³.

Важнейшим средством воспитания на **втором этапе** (в возрасте примерно с 3 до 7 лет) являлись детские игры, много десятков которых бытовало в сибирской деревне. Старшие обеспечивали детей лишь небольшой частью игрушек и инвентаря для игр, предоставляя им возможность остальное находить и изготавливать самим.

В качестве игрушек часто использовались просто разнообразные предметы, подобранные в

---

¹ См.: *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX — XX вв.). Л., 1967. С. 183.

² См.: *Азадовский М. К.* Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925. С. 140—141; *Молотилов А.* Говор русского старожилото населения Северной Барабы (Каинского уезда Томской губ.) // Тр. Том. о-ва изучения Сибири. Томск, 1913. Т. 2. Вып. 1. С. 177.

³ НГПИ, д. 6, л. 16—17; д. 7, л. 9; *Бородкина М. В.* Деревня Иткара Томского края. Томск, 1927. С. 11; *Гущина С. Ф.* Краткий отчет о поездке в Забайкалье летом 1925 г. // СЖС. 1926. Вып. 1 (5). С. 173; и др.

лесу, на поле, во дворе и доме: палочки, камышовые шишки, сушеная трава, камушки, перышки, разноцветные стеклышки, кусочки фольги от чайной упаковки и др. Кукольные изображения людей и животных делали обычно неразъемными из натуральных природных материалов — глины, дерева, бересты, шерсти, шили из тряпочек, очень схематично намечая лишь некоторые черты реального облика. Такие куклы ощущались детьми как ласковые, теплые. Их внешность и характер можно было досочинять по-своему, как бы оживляя творческими усилиями. У них нельзя было отвинтить ни голову, ни руку, зато можно было любить, жалеть. Сделанные игрушки дети очень ценили, берегли, вырастая, передавали младшим.

Делая игрушки («чечи»), дети познавали и учились использовать свойства природных материалов, выделять существенные атрибуты окружающих людей, животных и предметов. Они внимательно наблюдали за многообразной жизнью деревни и имитировали ее в своих играх в пахоту и в жатву, сенокос, охоту, обозы, торговлю, в свадьбу, «в клетки» (т. е. в домашнюю, семейную жизнь). «Куклы [в играх] ведут такой же образ жизни, как родители и знакомые играющих детей»; «Имена [куклам] выбираются не случайно, а в честь той или другой родни или подруги», — отмечали наблюдатели¹. Вроде бы забавляясь, дети многократно «примеривали» на себя, «разыгрывали» свои будущие семейные и общественные роли, совершенствовались в этикете, приобретали навыки общения, глубже вникали в особенности деревенских обрядов.

В спортивных играх выковывались эмоции и волевые качества — терпение, выносливость, упорство, умение постоять за себя и за друга, коллективизм, стремление к победе, великодушие по отношению к побежденному и др. Писатель-сибиряк В. П. Астафьев вспоминает, что однажды три дня подряд не мог «отголиться» при игре «в кол» (разновидность «пряталок»). Даже будучи нездоровым, бросить игру он не мог: неписанными правилами за это предусматривалось суровое наказание — катание на колу и колотушке. Среди сверстников не было бы ему потом прохода, ведь «должником жить на селе не полагается, из должника не выйдет и хозяина-мужика»². «И поныне, когда я вспоминаю игры детства, вздрагивает и сильнее бьется мое сердце, обмирает нутро от знобяще восторженного предчувствия победы, которая непременно следовала, если не следовала, то ожидалась в конце всякой игры, — пишет Астафьев в книге «Последний поклон». — И когда мне в жизни становилось и становится неважно, я вспоминаю игру в кол и, стиснув зубы, одолеваю беду или преграду...»³.

---

¹ Попова А. М. Детские игры и забавы в сибирской деревне // СЖС. 1923. Вып. 1. С. 10; Станиславский А. М. Записки. Иркутск, 1912. С. 172—173.

² Астафьев В. П. Собр. соч.: В 6 т. М., 1992. Т. 3. С. 222.

³ Там же. С. 196, 222.

Старшие, иногда непосредственно вмешиваясь в детские игры, обычно старались присматриваться к ним и таким образом изучали свойства ума и характера, физические возможности своих и соседских детей. Глубокий педагогический смысл имел контроль взрослых за игровым репертуаром. Так, в Тулунской вол. Нижнеудинского уезда Иркутской губ. детям не позволялось играть «в могилки» — считалось, что таким образом можно наворожить смерть родителям¹.

Важнейшую роль играло совместное со старшими проведение досуга. В моменты перерывов в хозяйственных и общественных делах, в праздничные дни проходили в крестьянских избах и на деревенских улицах красочные обрядовые действия, в которые вовлекались все от мала до велика. Длинными зимними вечерами члены семьи, собравшись вместе и не оставляя индивидуальных занятий, пели, рассказывали сказки, былички и бывальщины, загадывали друг другу загадки. Здесь ребята продолжали приобщаться к богатствам народного искусства, а заодно впитывать те культурные нормы, которые пропагандировал фольклор. Нравственные наставления взрослых приобретали, таким образом, опосредованный характер, облекались в высокохудожественную форму и потому были очень действенными. На всю жизнь врезались в сознание детей такие поговорки: «Как заживешь, так и заслынешь», «Живи для людей, поживут и люди для тебя», «Живи так, чтобы ни от Бога греха, ни от людей стыда», «Не так живи, как хочется, а так живи, как Бог велит». По существу, они представляли собой кратко выраженную нравственную программу всей жизни. Лучше понять себя и людей, сориентироваться в самовоспитании тоже помогала народная мудрость: «Добро-то не в селе, а в себе», «Учись доброму, так худое на ум не пойдет», «Своих друзей наживай, а отцовых не теряй».

Третий этап воспитания детей, начинавшийся примерно с 7—8 лет, был настоящей школой крестьянского труда. Конечно, еще раньше в большинстве семей ребята привлекались к тем или иным работам в доме, во дворе или огороде. Известны, например, многочисленные случаи, когда уже на плечи 3—5-летних детей ложилась забота о младших братишках и сестренках². Однако именно в 7—8 лет, когда немного окрепли физические силы и «доспели сметки» ребенка, его участие в хозяйственной жизни семьи становилось делом повседневным и обязательным, причем со временем это участие последовательно усиливалось.

В деревне было большое количество работ, которые выполнялись исключительно старшими детьми и подростками определенного возраста. В земледелии первыми по времени становились обязанности «копновоза» на сенокосе, «борноволока» во время боронования

---

¹ Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилото населения Сибири // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркут. ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 278.

² НГПИ, д. 6, л. 20—21; ИОЦДНИ, ф. 393, оп. 5, д. 528, л. 3—4; *Этнологическая секция* в 1924 г. // СЖС. 1925. Вып. 3/4. С. 198; и др.

пашни и заделки семян. И в той, и в другой операциях мальчик или девочка, сидя верхом на лошади, управляли ею. В отличие от земледельческого и животноводческого хозяйства, промысловый (охотничий и рыболовный) крестьянский двор начинал использовать более или менее самостоятельный труд старших детей в основном после 10—12 лет, сначала на сравнительно легких видах промысла неподалеку от деревни. Дело в том, что промысловая охота и рыболовство требовали большой предварительной выучки и немалых физических сил.

На данный возраст приходилось также начало самостоятельного труда детей обоего пола при кошении трав, девочек при доении коров, при уходе за младшими детьми. Поэтому можно согласиться с теми исследователями, которые при характеристике трудового воспитания у сибирского крестьянства выделяют в старшем детском возрасте две ступени: *формирующую и основную*, причем Н. А. Миненко считает началом второй ступени 10 лет, а Т. И. Березина — 11—12¹. Как и все другие возрастные границы внутри периода социализации, эта грань может быть проведена в значительной степени условно и приблизительно, но она имеет обоснование и в прямых указаниях источников. Например, бийский окружной исправник Томской губ., представляя сведения о благосостоянии населения за январь 1897 г., писал: «Родители детей своих до 10-летнего возраста держат в послушании; а от 10 до 20-летнего возраста дети образ жизни ведут трудолюбивый и из повиновения родителей не выходят, семейные же несогласия если и случаются в крестьянских семьях, то с детьми, перешедшими этот возраст (20 лет. — В. З.)»².

Игры продолжали оставаться средством воспитания и в старшем детском, а также подростковом возрастах, но значение их сужалось. У многих прибавившиеся заботы вообще не оставляли времени, чтобы играть со сверстниками.

Естественно встает вопрос: являлось ли раннее привлечение детей к труду в крестьянских домохозяйствах только объективной экономической необходимостью или это был своеобразный педагогический прием, призванный обеспечить успешное трудовое воспитание подрастающего поколения. Имеющиеся источники и литература показывают, что оба эти момента определенным образом сочетались. Объективные потребности многопрофильного крестьянского хозяйства требовали привлечения детей, как и всех прочих трудоспособных членов, к труду. В процессе последнего частично стихийно, частично целенаправленно, путем сознательных усилий старших и младших, осваивались производственные навыки, отношения, нравственные ценности трудовой среды.

В то же время было бы ошибкой сводить трудовое воспитание в крестьянской семье только

---

¹ См.: Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII — первая половина XIX вв. М., 1991. С. 112; Березина Т. И. Трудовое воспитание в народной педагогике русских крестьян Сибири (1861–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991. С. 18.

² ГАТО, ф. 3, оп. 44, д. 481, л. 21.

к подражанию детей и подростков взрослым. В ткань реальной хозяйственной жизни и общения членов домохозяйства взрослые вплетали специальные педагогические средства и действия. Этим, в частности, объясняется привлечение детей даже к тем работам, в которых можно было бы «обойтись свободно и без детской помощи»¹.

Сибирские крестьяне в своих прошениях по поводу усыновления или отдачи им на воспитание детей односельчан иногда брали на себя специальные обязательства по их подготовке к трудовой жизни. Так, в 1898 г. житель с. Семилужного Томского уезда Илья Иванов просил губернское управление отдать ему на воспитание внуков, оставшихся сиротами после гибели их матери — дочери просителя. Иванов писал: «Мальчики уже взрослые — одному 15, а другому 13 лет, и вполне уже могут приучаться к земледелию, к чему я их обязуюсь приучать, так как они дети еще не избалованные и сами просят со слезами, дабы я об этом ходатайствовал»². В описании юридического быта Казачинской вол. Енисейского уезда (около 1897 г.) читаем: «Опекун обязан малолетних детей приобщать молитвам и страху Божию, а также и труду, заменять во всем умерших родителей»³.

Старшим детям на второй ступени их трудового воспитания уже поручались обязанности, которые, кроме них, некому было выполнить, и они в реальной практике познавали меру своей ответственности за благосостояние всех «домашних», за жизнь и здоровье «маленьких», за порядок в избе. Предъявляя жесткие требования к объему и качеству работы, срокам ее выполнения, старшие проявляли последовательность и настойчивость. В народной педагогике вообще считалось недопустимым «потакание» детским слабостям: «Отец али мать дитю люби, но не оказывай»⁴. Будучи не «понарошку», а всерьез введенными в семейное и общественное производство, в реальные семейно-экономические, а через них — в общественно-экономические отношения, дети «сызмальства» усваивали не только технологию трудовых процессов, но и свое место, позицию своей семьи, артели, общины в производственных отношениях.

К моменту вступления в подростковый возраст дети обычно уже владели основами большинства знаний и умений, необходимых для того, чтобы быть «хлебопашцем» и «промышленцем», вести дом и т. д. Однако опыта, навыка хозяйственных работ у них имелось еще маловато, физические возможности были небольшими. Лишь в самых общих чертах разбирались дети во внешних, в том числе рыночных связях семейного хозяйства, в его бюджете⁵.

---

¹ Плотников А. Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 365.

² ГАТО, ф. 3, оп. 37, д. 287, л. 118.

³ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 12.

⁴ Виноградов Г. С. Народная педагогика // СЖС. 1926. Вып. 1 (5). С. 12—13, 27; Молотиллов А. Говор... С. 206; и др.

⁵ См.: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2. Вып. 5. С. 178; Шлихтер А. Г., Исаченко В. Л. Экономическое положение крестьян Туруханского края. Красноярск, 1914. Ч. 1. С. 2.

Четвертый этап социализации новых поколений, приходящийся на подростковый возраст, можно назвать временем созревания и тренировки.

Подростки продолжали входить во все тонкости тех дел, которые им поручались с детства. Но теперь они приобщались и к таким трудовым операциям, которые требовали большой физической силы, выносливости, длительного расставания с домом. Обязанностью мальчиков-подростков время от времени становилась работа взрослых мужчин — пахота, охота в дальних «ухожьях», серьезный рыбный промысел, трудоемкие операции в обрабатывающих промыслах. Девочек-подростков в некоторых семьях привлекали к приготовлению пищи на всю семью. Крестьянка А. М. Михалева, вспоминая о своем детстве в семье родителей — переселенцев с Тамбовщины в с. Ершово Барнаульского уезда Томской губ. в начале XX в., рассказывает: «Готовить-то меня мать учила. И как квашню поставить, и как тесто замесить. Говорила: “Анютка, припоминай всё. Пойдешь замуж — всё стодится. Да каждый день одно и то же не готовь, надоест”. Я все перенимала у матери. Из одного теста могла десять блюд сготовить»¹. Однако в некоторых местностях, во многих семьях девочек и девушек до замужества к приготовлению пищи не допускали, — они учились кулинарному искусству у свекрови и старших снох уже в доме мужа, только помогая им на первых порах².

Уже на подростковом этапе социализации начиналась подготовка к будущей свадьбе и супружеской жизни молодых. Девочкам нужно было изготовить большое количество приданого — в основном «тканины» и вышивки разного рода. Пряли, вышивали, ткали холсты девочки зачастую на своих коллективных «посиденках». Здесь же иногда присутствовали девушки постарше, взрослые женщины со своим «заделем», и было много разговоров о любви, женитьбе, семейной жизни. Сами подростки, в свою очередь, часто посещали посиделки и вечерки молодежи, были неременными зрителями на всех свадьбах, внимательно наблюдали за отношениями в брачных парах и семьях своих старших братьев и сестер, других родных и знакомых.

Внимательно прислушиваясь к разговорам «домашних» и соседей о семейной жизни, подростки как бы «примеряли на себя» обсуждавшиеся ситуации или случаи, которые постоянно возникали на их глазах. Часто родители специально заводили разговоры на тему о женитьбе. Крестьянка М. М. Швидкая, жившая в начале XX в. в с. Александровском Каинского уезда Томской губ., вспоминает, что ее мать рассказывала подраставшим дочерям «о своей жизни до замужества, как ее сватали, везли в дом мужа... Говорила, что девчатам надо готовить приданое, как вести себя в доме мужа, как угождать свекрови — вовремя подать, приготовить вкусно обед, расшить рубаху мужу и т. д. Мать рассказывала девочкам,

---

¹ НГПИ, д. 5, л. 46.

² См.: *Литинская В. А.* Русское население Алтайского края. М., 1987. С. 188, 192.

сколько много ей приходилось работать у свекрови...»¹. Но вопросы половой гигиены, интимной супружеской жизни ни матери с дочерьми, ни отцы с сыновьями, как правило, не обсуждали.

Хотя по закону совершеннолетними молодые люди считались с 21 года, к 18 годам парни и к 15—16 годам девушки уже почти во всех отношениях были готовы к выполнению тех ролей, которые им уготовила судьба: родителей и воспитателей своих детей, работников, членов деревенского «общества», коллективных творцов народного искусства и пр. Для значительной части молодежи **выход из подросткового возраста** в молодежный совпадал со вступлением в брак и затем — созданием собственной семьи. У большинства же до брака оставалось еще некоторое время. Оно проходило обычно в неустанном труде в домохозяйстве родителей или старшего брата, а с 21 года у многих парней — на армейской или казачьей службе.

Крестьянские представления о качестве труда молодежи, ее сравнительном вкладе в благосостояние двора, в общественный бюджет нашли отражение, в частности, в приговорах сельских сходов о раскладке оброчной подати. В 1904 г. в Томской губ. многие общества «годовую доходность» от личного труда «годного» работника-мужчины в возрасте 15—16 лет определяли в 30 руб., в возрасте 16—18 лет — в 40, в 18—21 год — в 50 руб. У «полного мужчины» 21—35 лет доходность труда считалась максимальной — 70 руб. в год. Затем она снижалась до 50 руб. в 35—40 лет, до 40 руб. в 40—50 лет и 20 руб. — в критическом для работоспособности крестьянина возрасте 50—60 лет².

Достижение сыновьями совершеннолетия в крестьянской среде «ничем особым не отличается, а также и дочь невеста не отличается перед прочими сестрами, как в домашнем быту, так равно на работе и вечеринках», — отмечал в 1897 г. информатор из Казачинской вол. Енисейского окр. одноименной губернии³. Эти слова можно отнести ко всей деревенской Сибири. По закону достижение 21 года могло повлечь ослабление зависимости от родителей, домохозяев вообще: появлялась возможность вступить в брак без родительского благословения, получить отдельный паспорт на жительство, окончательно выйти из отношений общественной опеки и т. д. На практике же власть домохозяина, как и общины, над личностью молодого крестьянина оставалась значимой. Правда, в хороших семьях к голосу выросшего сына прислушивались чаще, чем раньше. Домохозяин советовался с ним во многих делах: «Право голоса в домашнем совете получает член семьи тогда, когда он вполне может самостоятельно производить крестьянские работы без руководства старших»⁴.

Совершеннолетний сын вполне мог заменить домохозяина на сельском сходе при решении

---

¹ НГПИ, д. 3, л. 46-47.

² ГАТО, ф. 200, оп. 1, д. 173, л. 32—33 и др.

³ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 21.

⁴ Там же, л. 25.

большинства вопросов. Однако «старика» (пожилые домохозяева) на сходах обычно не склонны были предоставлять право голоса «малолеткам» — лицам, не обзаведшимся еще собственным домохозяйством, хотя бы они носили уже окладистые бороды, перевалили за 30 лет и имели свою нуклеарную семью в составе отцовского двора¹.

Вступление в брак для молодого человека означало одновременно вступление в **завершающий этап социализации**. О вышедшей замуж девушке в приангарских селениях говорили: «осемьянилась»². Замужество приводило, как правило, к выходу из сферы воспитательного воздействия родителей под власть мужа и в сферу влияния свекра и его «домашних». Составной частью свадебного обряда были наставления дочери-невесте о том, как жить в новой семье: нужно почитать мужа, свекра и свекровь, не лениться работать, жить честно и т. п.³ Материальным напутствием девице служило приданое — скот, другое имущество, которым ее «басловили» (благословили, наделили) родители. Но зачастую из отчего дома молодуха уносила только то, что «она приобрела сама — или денежными заработками на летних работах, или пряжей и тканьем...»⁴. В течение примерно двух-трех лет происходила психологическая и культурно-бытовая адаптация и ассимиляция невестки в новой семье. «Хвали молоду на третьем году [замужества]», — говорили крестьяне, подразумевая, что раньше нельзя судить об успешности или неуспехе брака и возможности совместной семейной жизни. Нарбатывались навыки общения с многочисленными свойственниками, приобреталась психологическая и сексуальная совместимость с мужем. С учетом стиля жизни и вкусов новой семьи корректировались уже имевшиеся навыки ведения домашнего хозяйства, завершалось обучение приготовлению пищи.

Момент обычного в крестьянской среде выдела новой семьи из отцовской семейной ячейки обычно наступал не сразу, а через некоторое время после брака. «Мало взмотатся (не успеет устать, работая на семью свекра. — В. З.) стряпка, научится стряпать, — так уходит»; «Своя стряпка заведется, и врозь», — в таких выражениях сетовали С. Л. Чудновскому пожилые алтайские крестьяне в 1880-х гг. на учащение семейных разделов⁵.

Женившиеся и выделившиеся в самостоятельное хозяйство («замужиковавшиеся») сыновья первое время обычно прибегали к помощи семей отцов и братьев, но постепенно эта связь слабела. С целью ее сохранения многие крестьяне стремились поселить отделяемого «осибе» сына поблизости от своей усадьбы. В Забайкалье во второй половине XIX в. отмечены поравнения усадебных земель с этой целью: сельские общества отбирали часть земли у

---

¹ См., например: *Зинин Н. К.* Воспоминания из сибирской жизни 1887—1892 гг. СПб., 1895. С. 163—164.

² *Сабурова Л. М.* Культура и быт... С. 183.

³ См.: *Красноженова М. В.* Описание крестьянской свадьбы в д. Лапиной // Изв. ВСОРГО. 1905. Т. 36. С. 80; *Некленаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. ЗСОСГО. 1903. Кн. 30. С. 157.

⁴ *Осипов Н. О.* Ритуал сибирской свадьбы // ЖС. 1893. Вып. 1. С. 100.

⁵ *Чудновский С. Л.* Алтайская поземельная община // Сев. вестник. 1888. № 11. С. 186.

бездетной семьи и передавали многодетной. Строя здесь дом для сына, крестьянин хотел, чтобы новая семья «начала жить “на глазах”, чтобы там, где не хватит силы у этой молодой семьи, он мог бы вовремя придти ей на помощь»¹. В тех же семьях, в которых отцы стремились предотвратить выдел «возросшего» сына, постройка для него дома рядом с отцовским способствовала сохранению единого хозяйства. Строительство или покупка для отделяющихся сыновей жилых домов и всех надворных построек в любом случае признавались обязанностью родителей, но далеко не все из них имели такую возможность.

При разделах крестьянских семей родители обычно оставались «до смерти» с одним из сыновей. Существовало традиционное правило, по которому это был младший сын: считалось, что он больше других нуждается в наставлениях со стороны родителей, будучи еще «не вполне развитым по домашнему хозяйству»². Но местами эта традиционная норма считалась устаревшей и соблюдалась далеко не всегда. В Иркутской губ., скажем, отцы оставались чаще жить просто «у любимого сына» или у того из сыновей, кто соглашался на это. В среде бедноты распространилось обыкновение давать приют и пропитание родителям поочередно у всех сыновей³.

В неразделенной семье первое время сохранялось главенство отца или свекра («пока мог работать»), подразумевавшее и его воспитательное воздействие на младших членов. Но по мере старения домохозяина и возмужания сыновей роли менялись. В некоторых семьях такая смена сознательно готовилась: отец предоставлял старшему сыну иные из своих прав и давал возможность пробовать силу, проявлять инициативу, в необходимых случаях вмешиваясь и поправляя его. Затем стареющий отец, «чувствуя себя в невозможности быть материально полезным семейству, передает власть свою старшему сыну и сам подчиняется ему, ограничивая свое влияние на него одними советами»⁴.

Обычным было почтительное отношение к старикам-родителям со стороны более молодых членов семьи, внимательное отношение к их советам. Однако бывали случаи притеснения стариков, ставших обузой для хозяйства, даже изгнания их сыном или зятем из собственного дома⁵. Общественное мнение сурово осуждало такие поступки. Если дело доходило до волостного суда, тот обязывал детей кормить и призрывать родителей или давать им средства к содержанию. Когда сын по своей бедности был не в силах давать содержание, старики передавались на попечение сельского общества⁶. Стремясь избежать такого финала, некоторые из сельчан сохраняли за собой права домохозяина до самой смерти, обязывая

---

¹ Михайлов К. П. Общинный быт у крестьян Забайкальской обл. Восточной Сибири // Рус. мысль. 1885. Кн. 12. С. 12.

² АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 32–33.

³ См.: Загоскин М. В. Ответы на программу... С. 38.

⁴ Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876. С. 29.

⁵ См., например: Загоскин М. В. Ответы на программу... С. 43–44; Попова А. М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. С. 15.

⁶ См.: Материалы по исследованию ... Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 163.

остальных членов семьи жить «из-под своей руки».

ВКЛАД СЕМЬИ И ОБЩИНЫ В ДЕЛО ВОСПИТАНИЯ

Комплекс имеющихся в нашем распоряжении источников показывает, что воспитание новых поколений осознавалось как одна из важнейших своих обязанностей всем крестьянским сообществом. Важнейшую роль в этом деле играла семья, а в ней — **родители**. Традиционное народное право вменяло родителям в обязанность кормить, обувать и одевать детей, приучать их к труду и воспитывать в уважении к старшим и «в страхе Божиим»¹. Преследуя в процессе воспитания своих детей личные и групповые (семейные) цели, родители удовлетворяли здесь и общественный интерес в воспроизводстве сельского населения — субъекта хозяйственной деятельности, общественной и познавательной активности. Поэтому невозможность передачи детям полноценного хозяйства или неудача в деле воспитания детей воспринимались как трагедия. «Живем не жители, а умрем – не родители», — говорили в подобных случаях².

Руководящая роль отца в воспитании обуславливалась, прежде всего, высоким авторитетом умелого работника, заступника семьи перед посторонними, уважаемого члена сельского общества. У него обычно не было необходимости в наказании детей как воспитательном средстве — они были постоянно «на глазах» и любое указание выполняли беспрекословно. В большинстве семей воспитание проходило в атмосфере заботливого, ласкового отношения к детям. Не видя привычных им «специально-воспитательных» сцен, не очень внимательные наблюдатели приходили даже к ошибочному выводу о «полном небрежении к первоначальному воспитанию» со стороны родителей в сибирской деревне³.

Авторитет отца был связан не только с решающей ролью в материальном обеспечении семьи, но и с тем, что домохозяин был основным собственником средств производства и имущества во многих дворах. Привилегированный статус по отношению к другим женщинам семьи имела жена домохозяина. Тут крылась возможность подмены авторитета авторитарностью, применением насилия, в частности, по отношению к младшим членам домохозяйства, и такая подмена в изучаемую эпоху часто имела место. «Старших не всегда уважали, но боялись и не возражали, так как находились от них в полной зависимости», — пишет о патриархических семьях в Забайкалье этнограф А. А. Лебедева⁴. О том же

---

¹ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 18—19; *Загоскин М. В.* Ответы на программу... С. 154; *Попов Т.* Слобода Такмыцкая // Тобол. губерн. ведомости. 1866. 12—19 февр.

² РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 739, л. 2.

³ См., например: *Григорьевский Н. П.* Крестьяне-старожилы Нарымского края // Зап. ЗСОРГО. 1879. Кн. 1. С. 1—16.

⁴ *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX вв.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 162.

свидетельствуют материалы А. В. Сафьяновой по Алтаю, другие исследования и источники¹.

Большое значение имела воспитательная роль представителей самого старшего поколения в семье – **дедушек и бабушек**. Их сильное влияние на детей часто объяснялось душевной чуткостью, умением наладить психологический контакт. Они умели лучше других взрослых, подолгу «находясь в детской среде, не мешать ребятам, оставаться незамеченными, (“бытта их нету!..”)²». До самых зрелых лет молодые с наслаждением слушали и запоминали сказки и предания «о старине», которые мастера были рассказывать старики, а вместе с тем впитывали нравственный опыт и язык предков.

Можно выделить ряд **педагогических принципов**, которыми руководствовались крестьяне (часто по традиции, неосознанно), воспитывая детей в семье и семейном домохозяйстве.

1. Наиболее универсальным принципом народной педагогики, который выделяют многие исследователи, является *слабая расчлененность воспитания с другими сферами социализации и образа жизни людей вообще*. Воспитуемые не готовятся к предстоящей жизни с помощью специальных приемов и институтов в определенное время и в конкретном месте, а непосредственно включаются в жизнь семьи, фамильного гнезда, сообщества сверстников (возрастной «рощи»), деревенского конца, селения в целом. По существу, основная роль воспитателей заключается здесь в «определении, отыскании или получении возможности использовать ту или иную среду, нужную для тех или иных педагогических целей»³. Такой естественной средой с актуальными заботами и бывала ласковая атмосфера родительской семьи, игровое сообщество сверстников, трудовые будни крестьянского домохозяйства и артели, праздничная обстановка церковных и традиционных народных обрядов.

Наиболее умелые и чуткие из воспитателей в то же время находили возможность педагогически инструментировать воздействие естественной жизненной среды. Очень важно, например, было создать атмосферу радости, успешности, нужности труда всех членов семьи и двора: эта атмосфера становилась мощным подспорьем в трудовом воспитании. По воспоминаниям А. П. Кайгородовой, выросшей в начале XX столетия в с. Конево Каинского уезда Томской губ., завершение весной очень трудоемкой работы по изготовлению холстов было большим праздником для детворы: «Наверно, потому, что видели, что сделано с нашим немалым участием. Да и родители наш праздник старались поддержать: для всех к этому дню заранее готовились подарки — пряники, леденцы, а кое-кому и новый сарафан»⁴.

2. Очень важным принципом было сочетание педагогических усилий взрослых с

---

¹ См.: Сафьянова А. В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX — начале XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 97; Гребенщиков Г. Д. Река Уба и убинские люди // Алт. сборник. Барнаул, 1912. Т. 11. С. 24—25; НГПИ, д. 1, л. 21, 41, 95, 105; д. 2, л. 70—71; д. 5, л. 70; и др.

² Виноградов Г. С. Детский фольклор и быт: Программа наблюдений. Иркутск, 1925. С. 80.

³ Виноградов Г. С. Народная педагогика. С. 11.

⁴ НГПИ, д. 5, л. 108.

самовоспитанием детей. Лишь в самом раннем возрасте происходило почти исключительно одностороннее влияние старших: ребенок выступал как объект воспитательного воздействия. На последующих этапах повышалась роль самостановления и самовоспитания личности юных участников хозяйственной, познавательной, общественной деятельности и общения, которые объективно выступали в данном случае как воспитательные формы жизненной активности. В целом оптимистически оценивая возможности воспитательного воздействия, крестьяне в то же время понимали, что многое зависит от встречной активности ребенка, саморазвития его способностей: «Глупому сыну отцовский живот (жизненный опыт. — В. З.) не в помощь».

Самовоспитанию благоприятствовали относительная самостоятельность детей при проведении досуга, их полная ответственность за порученные участки в работе в старшем детском и подростковом возрасте. «Принцип детской самодеятельности в народной педагогике осуществлен едва ли не в максимальной мере», — констатировал Г. С. Виноградов¹. Он приводит слова своих земляков — крестьян Тулуновской вол. Нижнеудинского уезда Иркутской губ., так объяснявших свое нежелание давать детям много игрушек: «Сам может, дак я чо ему буду потакать: пушай сам делат... Я не была поташница: ну подучишь, не боле што, каку куклу там, коня ли ... бабку запречь»; «У кого много всего, тот балуется, ничего не хочет: хоть в ученье ... хоть в игре ... да хоть и где»².

3. Необходимо выделить принцип *максимального развития и использования потенциальных возможностей возраста ребенка* при воспитании. Осуществляя переход от одного этапа становления воли, характера, эмоциональной сферы ребенка к другому, обычно немного «опережали природу»: давали детям возможность приобщиться к таким делам и такой среде, к которым их уже сильно тянуло, но всерьез заниматься которыми было еще вроде бы рано. Скажем, привлечь к определенному виду труда нужно было, пока к нему был интерес как к «занятию старших», и уже в процессе этого труда завершать формирование всех необходимых для него качеств.

Осуществлять этот принцип в семейном трудовом воспитании было тем легче, чем бóльшая необходимость существовала в раннем использовании труда детей ввиду недостатка рабочей силы в домохозяйстве. Во многих случаях все же не соблюдалась необходимая мера опережения возрастных возможностей, что приводило к психологическим и физическим травмам, другим негативным последствиям.

4. Для правильного воспитания чрезвычайно важным считалось *участие в этом деле обоих родителей.* В сельской семье существовала своеобразная психологическая взаимодополняемость воздействия матери и отца на детей. В ряде воспоминаний отец (в

---

¹ Виноградов Г. С. Народная педагогика. С. 11.

² Там же. С. 12—13.

неразделенном дворе иногда домохозяйин) описывается как человек суровый, заставляющий бояться детей; мать же — как добрая покровительница¹. Такое распределение ролей позволяло эффективно реализовать известную заповедь народной педагогики: «Где строгость (или гнев, гроза. — В. З.), там и милость».

Имели место и определенные отличия воспитательной роли родителей на разных возрастных этапах социализации. В грудном и младшем детском возрасте и сыновей, и дочерей «досматривала» в основном мать, а приучение к хозяйственным работам в школьной и подростковой «поре» было дифференцировано: сын находился под влиянием отца, дочь — при матери.

Ранняя смерть одного из родителей тяжело отзывалась на семействе, в частности, и потому, что уходил человек, призванный приобщить детей к жизненно важному для них делу, сформировать у них определенные качества характера. Стремясь вступить во второй брак, вдовцы зачастую резонно объясняли этот шаг именно нуждами детского воспитания. Мужчины писали в прошениях: «Постигшее меня вдовство заставляет особенно внимательно отнестись к участи оставшихся после матери детей моих...»; «Овдовев ныне и не имея возможности обходиться без жены при пятерых детях и отце вдовце же, я вознамерился жениться...» и т. п.² В свою очередь, например, крестьянка с Сычевского Бийского уезда Томской губ. Наталья Дымова «и в замужество по 2-му браку выходила ради только воспитания 3-х малолетних детей от первого брака, на что согласился и обязался воспитать их до совершеннолетия» ее второй муж Яков Дымов³.

С одной стороны, значение матери для воспитания как такового признавалось как бы первостепенным. В ходу были такие поговорки: «Кто остался без отца — полсироты, а без матери — полный сирота», «Отцовско благословенье до порогу, а материно — во всю дорогу». Однако, с другой стороны, чисто материнское воспитание «без отцовского глазу» признавалось неполноценным. Женихам, искавшим хорошую невесту, напоминали: «Не купи у попа корову, не бери у вдовы дочь (потому что обе избалованы. — В. З.)».

5. Одним из важнейших принципов народной педагогики было *опосредование влияния родителей на меньших детей старшими братьями и сестрами*. «Большаки» и «большухи» заботились о маленьких, защищали их от обид, передавали им свои игры, помогали изготовить игрушки и инвентарь, подавали пример и в поведении. Обладая в принципе правом наказания младших, старшие дети сравнительно редко пользовались им по-настоящему: не было нужды, да и родители, бывало, предостерегали («сами разберемся»)⁴. После смерти родителей именно

---

¹ НГПИ, д. 2, л. 71; д. 3, л. 22–23; д. 5, л. 44–45; д. 6, л. 92–93, 102–103 и др. О том же применительно к городским «низам» см.: Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. С. 183.

² ГААК, ф. 184, оп. 1, д. 207, л. 2; ТФ ГАТюМО, ф. 156, оп. 29, д. 2202, л. 161, 195 и др.

³ ГААК, ф. 184, оп. 1, д. 207, л. 2.

⁴ НГПИ, д. 2, л. 59.

«большаки» обязаны были полностью взять на себя призрение, прокормление и воспитание младших до обретения ими самостоятельности, а не вышедших замуж сестер призрывать и в зрелые годы в своем домохозяйстве.

Нельзя переоценить роль старших детей и в трудовом воспитании. Фактически именно они вводили меньших в «трудовую школу» родителей и были там лучшими учителями: братья у братьев, сестры у сестер. Имея таких помощников, родители осуществляли преимущественно общее руководство их воспитательной деятельностью «А чуть дети подрастут — сами друга поднимают», — это правило, зафиксированное в Приангарье¹, действовало повсеместно в сибирской деревне. Этнограф С. Ф. Гущина так описывала результаты своих наблюдений в детской среде Забайкалья: «Заметно, что младшие находятся в подчинении у средних, а те, в свою очередь, у старших. Тут, кажется, и производится передача знаний от одной группы в другую»².

Указанный здесь воспитательный (и образовательный тоже) принцип можно было бы назвать «принципом шестидетной семьи». Во второй главе уже частично разъяснялся смысл традиционной формулы «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — весь сын». В данном случае она означает также, что не может быть полноценного воспитания в семье с одним и даже двумя детьми. Супруги должны родить не менее трех мальчиков и трех девочек, только таким образом обеспечивалось эффективное воспитание младших детей средними, а тех — старшими под общим контролем родителей и при участии прочих старших членов семьи. Три поколения детей одного пола при этом число не случайное. Возрастной интервал между ними в 6–8 лет как раз настолько велик, чтобы «возросший» ребенок мог опекать и воспитывать маленького, но в то же время настолько мал, что отсутствует психологический порог, неизбежно существующий между представителями разных поколений и затрудняющий взаимопонимание.

6. Отметим еще одно значимое требование семейного воспитания: *равное в материальном и эмоциональном плане отношение взрослых ко всем детям*. Героиня повести В. Г. Распутина старуха Дарья Пинигина так передает смысл этого традиционного, принципа: «В старину как говаривали... Мать, ежли она одного ребенка холит, а другого неволит, — худая мать»³. В речи о детях, которые, несмотря на их различные личностные достоинства и разный «вес» в хозяйстве, для матери были одинаково дороги, слышались такие присловья: «Охо-хо! Об одном вздохну, всех жалко», «Какой перст ни укуси, тот и болит».

В реальной жизни и воспитательной практике данный принцип, как и любой другой,

---

¹ Горелов В. А. Структура и численный состав семьи // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971. Ч. 1. С. 98.

² Гущина С. Ф. Краткий отчет... С 173—174.

³ Распутин В. Г. Повести. С. 249.

конечно, соблюдался далеко не всегда. В отличие от матери отец и другие старшие члены домохозяйства меньше заботились о равенстве младших. Мальчик как пожизненный член домохозяйства, наследник семейного имущества, будущая «земельная душа», часто получал преимущество перед девочкой. Дифференциацию вносили также состояние здоровья, качества характера детей и другие факторы.

Как и в предшествующий период, в эпоху капитализма у крестьян почти «не было воспитательных средств, отличных от отношений реальной жизни»¹. Такое положение имело и свой негативный аспект: не только светлые, но и темные стороны семейной и личной жизни взрослых «проходили перед глазами детей, не прикрытые почти ничем»². Исследователь А. Д. Ермолаев, посетивший Приангарье в 1911 г., писал: «Я не раз бывал свидетелем семейных разговоров за едою или после нее, темой которых служили иногда самые грязные подробности отношений между лицами, часто присутствовавшими тут же. Грубые, скабрёзные шутки, замечания вставляются, то и дело все смеются, смеются и дети, которые находятся здесь же...»³. Неспособность или нежелание взрослых осознать в какой-то момент воспитательный аспект своих действий делали возможными такие «забавы», когда мужчины «ради смеха» учили малышей ругаться бранными словами, курить, пить вино.

«Протест женщин против подобных опытов не ведет ни к чему», — с горечью замечает М. В. Красноженова, проводившая наблюдения в начале XX в. в центральной части Енисейской губ.⁴ Та же исследовательница выделила еще ряд недостатков воспитательной практики тамошних крестьян: 1) запугивание маленьких еще с люльки «букой», «бабаем», «медведем», «что более нервных детей делает боязливыми, они боятся остаться дома одни, боятся темноты и т. д.»; 2) распространенность неоправданно частых и жестоких физических наказаний во многих семействах; 3) наоборот, в других семьях перерастание обычного мягкого и ласкового обращения в «баловство детей»: выполнение их капризов, отказ от дисциплинирования, что вело иной раз к появлению «маленьких тиранов, перед которыми пасуют старшие»⁵.

Источники по другим регионам Сибири и по более ранним периодам подтверждают, что эти и иные недостатки были явлением довольно распространенным. Священник Н. П. Григоровский в 1879 г. особенно акцентировал внимание на том, что крестьяне-старожилы Нарымского края слишком «нежат и балуют» ребят, стараются им угождать, потакают упрямству и своеволию особенно последних детей в семье⁶. Некоторые наблюдатели отмечали, что родители старались пресекать употребление детьми нецензурных выражений,

---

¹ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX вв.). Новосибирск, 1979. С. 121.

² Козьмин Н. Н. Очерки прошлого... С. 183.

³ КККМ, о/ф. 7886, п. и. 209, л. 70. См. также: п. и. 110, л. 36.

⁴ Там же, п. и. 110, л. 26.

⁵ Там же.

⁶ См.: Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы... С. 2–4, 15–16.

однако сами часто «уснащивали крепкими словечками» свою речь в присутствии детей¹. Это было прямым нарушением постепенно забывавшегося традиционного запрета на ругань в присутствии детей, зафиксированного ранее у русских и украинцев в Сибири². В качестве пугала для малолетков в разных местностях служили, наряду с «букарицей» и «бабаем», также обитающая в огороде «полудница», «шулюканы», «кикимора» и домовая-«соседка», будто бы живущий в подполье или под печкой, другая нечистая сила³. Грозя ее приходом, старшие добивались послушания, но иногда оказывали негативное воздействие на неокрепшую психику детей.

Характерно, что среди страшилищ народной «воспитательной мифологии» находил место и православный «батюшка». Священник Т. Попов сетует в своих записках о быте слободы Такмыцкой Тарского окр. Тобольской губ. в середине XIX в.: «На священника [маленький ребенок] смотрит как на пугало или страшилище, потому что родители еще в люльке успели застрашать его “попом”. Очень часто при входе в избу доводилось слышать: “Никишка! Замолчи, а то вот те батюшка-то перекрестит, а не то в сумку посадит”»⁴. Такое отношение к священнику могло причудливо сочетаться со стремлением нагнать на ребенка «страх Божий». Детям внушалось, что от Бога ни днем, ни ночью нигде не спрячешься он все видит, слышит, знает и за все «провинки» и грехи, даже помысленные, обязательно последует страшное наказание свыше.

Результатом воспитательного воздействия со стороны семьи обычно бывало успешное перенимание детьми лучших качеств своих предков. «В родову свою удалась. Мать-то у нее была женщина сильно хорошая. И уважительная, и обходительная, и хозяйка, каких мало», — говорили, бывало, о соседке в деревне⁵. Перенимались и недостатки. В селениях это замечали, и рождались такие пословицы: «Каков корень, таковы и отрастилия», «Ворона сокола не принесет», «От худого семени не жди доброго племени». Крестьянам было известно, что индивидуальные качества ребенка тоже влияют на результаты социализации: «Один отец и мать, а дети разны», «От одной матки, да не равны детки».

Общественное окружение семьи не было безразличным к воспитательному процессу. Будучи связующим звеном между личностью крестьянина, семьей как малой контактной группой и большими социальными группами (класс-сословие, этнос, конфессиональная и региональная общности), **сельское и волостное общество** как бы контролировало от имени последних и корректировало воспитание в семье, дополняли его. Однако у «мира» имелись и

---

¹ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2703, л. 15, 16; Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 58; Хромовских И. С. Из заметок собирателя // СЖС. 1925. № 3/4. С. 47—50; и др.

² См.: Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Л., 1930. Ч. 2. С. 29.

³ АГО, разр. 61, оп. 1, д. 37, л. 89; ИРЛИ, разр. V, к. 87, п. 1, № 11, л. 5; ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 693, л. 4.

⁴ Попов Т. Слобода Такмыцкая. 12 февр.

⁵ Ростовцев И. Г. На краю света. М., 1985. С. 125.

собственные специфические функции в деле воспитания молодежи. Очень мощным средством для этого было общественное мнение. Оно склонно было одобрять поведение, ориентированное на традиционные образцы: «Как наши старики жили». Эти образцы фиксировались в рассказах стариков о жизни «в досельные времена», в фольклоре, отыскивались в повседневной жизни деревни. В процессе общения «мир» давал оценку качеств личности всех своих членов, каждому их поступку. Приведем примеры таких оценок, записанных в начале века в Барабинской лесостепи: «Вот это дети: вот как ублажают стариков»; «Всё-то хлопочет да старается дядя Иван, мотри, как славно он свое хозяйство наладил! За етаким мужиком бабе не житье, а Масленица»; «У ей золоты руки: мотри, какой обиход в избе у ей»¹. Старательная чистоplotная хозяйка слыла «чистоткой», «обиходкой». Стремясь отметить в женщине сильное материнское чувство и семейные добродетели, сравнивали ее с «серой утицей» величественную красоту и супружескую верность — с «лебедью белой»². В то же время подвергались насмешкам лень, бестолковость, спесь, неопрятность, пристрастие к выпивке и прочие негативные нравственные качества. В деревне смеялись над теми родителями, которые оберегали своих детей от труда, и дети рвались к работе, чтобы не быть посмешищем в глазах своих сверстников, как вспоминает Т. С. Мальцев³.

Непосредственное вмешательство выборных общинных институтов в дело семейного воспитания в Сибири в нормальных условиях не было распространенным явлением. Община не являлась здесь всеподчиняющим механизмом. Она признавала ведущую роль родителей и особую ответственность отца-домохозяина в деле воспитания. Описывая обычное право алтайских жителей, С. Л. Чудновский констатировал: «Мир редко вмешивается во внутренний строй семьи, признавая власть родителей над детьми безграничную. <...> Для мира вполне понятно право “поучать детей”, но вступаться за детей и идти наперекор “родительской власти” он не считает себя вправе»⁴. И на Алтае, и в других местностях Сибири *непосредственное вмешательство сельского «мира»* происходило только в следующих ситуациях: 1) при явной неспособности домохозяина возглавлять воспитательный процесс и в целом жизнь двора (беспробудное пьянство, сильное мотовство и т. п.) общество предоставляло семье возможность заменить его другим лицом; 2) в редких случаях прямой жалобы домохозяина миру о неповиновении выросших детей вопрос решался с учетом реальной ситуации, но чаще всего в пользу отца; 3) в случае таких изменений в людском составе домохозяйства, которые приводили к его полной неспособности осуществлять

---

¹ Молотилов А. Говор... С. 117, 140—141, 180, 209, 215.

² Там же. С. 215.

³ Мальцев Т. С. Раздумья о земле, о хлебе. М., 1985. С. 9.

⁴ Чудновский С. Л. Алтайская поземельная община. № 11. С. 185—186.

социализирующую функцию (смерть родителей, например), назначалась общественная опека.

О состоянии **института общественной опеки** следует сказать чуть подробнее. Попечительство над сиротами было старинной русской общинной традицией, но в изучаемое время при установлении ее сельские сходы должны были руководствоваться гражданским законодательством и указаниями начальства. Опека устанавливалась над малолетними сиротами и имуществом, оставшимся после умерших родителей, если в семье не было взрослых сыновей. В качестве опекуна назначался чаще всего кто-нибудь из родственников, а за их неимением — достаточно зажиточный односельчанин с хорошей репутацией, по его согласию. В идеальных представлениях сельчан попечитель обязан был «малолетних детей приобщать молитвам и страху Божию, а также и труду, заменять во всем умерших родителей», «пещись о здоровье малолетнего, стараться о его воспитании, вкоренять в его сердце страх Божий, беспредельную преданность Государю и повиновение», принимать все меры к охране духовных и материальных интересов опекаемых¹. Полагалось ежегодно давать обществу отчет о состоянии имущества и успехах воспитания, причем в случае нерадения к обязанностям опекун мог быть заменен. Выросшие дети вводились во владение их имуществом с 18 лет, иногда позже — в 21—22 года, а из-под личностной опеки выходили с достижением официального совершеннолетия — в 21 год.

Опек учреждалось в селениях довольно много: в одной Тобольской губ. в 1897 г. их было оформлено 836². В то же время внимательный анализ источников показывает, что контролируемое обществом индивидуальное попечение устанавливалось далеко не во всех необходимых случаях. Если имущества от родителей не оставалось, то желающий взять сирот под опеку объявлялся с большим трудом (в основном — из бездетных), и приходилось прокармливать «зауголышей» общими усилиями всей деревни, при первой возможности сдавать в батраки или в приют. Так, при сборе соответствующих сведений по Марковской вол. Киренского уезда Иркутской губ. в 1916 г. в списке сирот, нуждающихся в помещении в приют, оказалось 17 человек. В их числе Елена Маркова (15 лет) «жила на попечении своих братьев ... но последних призвали в ряды войск по мобилизации 1914 и 1915 года, и она осталась на произвол своей судьбы»; Мефодий Трифонов (12 лет) «вследствие отказа родственниками в помощи содержания, учение прекратил ... и поступил в работники»; Анатолий и Марфа Булькины (3 и 9 лет) «находятся в очень бедственном положении, и жизнь их очень печальная, так как никого из родственников у них не осталось, а из посторонних никто не желает принять их к себе на бесплатное воспитание, и они находятся на попечении всего деревенского общества — “прокорменыши” ...» и т. д.³

¹ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 27; ГАТО, ф. 3, оп. 37, д. 287, л. 105—106; Чудновский С. Л. Очерки... № 8. С. 185—186.

² Статистический обзор Тобольской губ. за 1897 г. Тобольск, 1898. С. 67.

³ ГАИО, ф. 734, оп. 1, д. 28, л. 11—14.

Итак, складывается противоречие, отмеченное еще М. В. Загоскиным в 1891 г. при описании быта с. Грановского Урикской вол. под Иркутском: «... сироту и безродного приютить считается долгом, но об общественном призрении нет ясных представлений, и во взаимных отношениях заметно больше эгоизма, чем альтруизма»¹. Н. А. Костров тоже указывал: правила об опеке крестьяне Томской губ. исполняют плохо, имущество сирот нередко проматывается, и в 1860—1870-х гг. были «нередки случаи, что находящиеся в опеке, достигнув совершеннолетнего возраста, являются настоящими нищими»². О том же говорят массовые источники и результаты их разработки по Алтайскому горному окр. за 1880-е гг., по Тобольской губ. за 1897 г. и др. Выводы же обследования сельского быта Восточной Сибири второй половины 1880-х — начала 1890-х гг. звучат вовсе безрадостно: «Правильные опеки, с учетом и контролем опекуна со стороны общества, составляют редкие исключения...»³.

Сиротство объективно наносило непоправимый ущерб делу воспитания подрастающего крестьянина, и редкое сельское общество оказывалось способным возместить ущерб своим вмешательством на удовлетворительном уровне. В начале XX в. ситуация усугубилась: количество сирот в населении стало быстро нарастать в связи с гибелью отцов на фронтах Русско-японской и Первой мировой войн, а также из-за высокой смертности переселенцев в пути и новоселов в первые годы на местах вселения. В официальных отчетах администрации по губерниям и областям Сибири, начиная примерно с 1905—1906 гг., речь идет о многих сотнях и тысячах только крестьянских сирот — детей воинов и переселенцев⁴. Деревенские общества даже при желании не могли бы их всех взять на воспитание и попечение, и стала складываться проблема детского беспризорничества.

Частично эту проблему призваны были решить устраиваемые государственными учреждениями и общественными фондами детские сиротские приюты, но их было очень мало. Официально на 1 января 1914 г. в пределах Сибири было учтено 30 «заведений закрытого призрения детей» в том числе 4 — в сельской местности. В них воспитывалось и обучалось 1329 человек, в том числе деревенских ребят всего 521, из них более 2/3 — в возрасте от 2 до 12, остальные — 12—17 лет. Приведенные данные не имеют исчерпывающего характера, но реальные цифры не могли сильно отличаться от них. В 1914—1915 гг. было, кроме того, открыто или предполагалось открыть в 1916 г. еще 23 заведения, в том числе в селах, деревнях и переселенческих поселках — 20. Общее количество детей, на которых были рассчитаны эти новые приюты, достигало лишь 560 душ⁵.

---

¹ Загоскин М. В. Одна из сибирских общин (с. Грановское). Иркутск, 1891. С. 69.

² Костров Н. А. Юридические обычаи... С. 37—38.

³ Материалы по исследованию ... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Вып. 2. С. 170. См. также: Статистический обзор Тобольской губ. за 1897 г. С. 67; Чудновский С. Л. Очерки... № 8. С. 187.

⁴ РГИА, ф. 1284, оп. 194, д. 48, л. 4; д. 70, л. 4; д. 74, л. 4; д. 79, л. 4; и др.

⁵ Подсчитано по источнику: Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения. Пг., 1916. С. 4, 10, 364—367. См. также: Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. Пг., 1916. С.

Таким образом, приюты принимали только небольшую часть сирот. Стремясь «внести значительную экономию», власти постоянно акцентировали внимание заинтересованных организаций на необходимости организовать призревание преимущественно «путем отдачи сирот благонадежным семьям, которые согласятся за небольшую плату их принять и содержать в своей семье...»¹. Конечно, здесь учитывался и тот факт, что только в крестьянском домохозяйстве и под контролем мира ребенок мог получить адекватное его будущим социальным ролям воспитание.

Кроме охарактеризованных главных институтов и агентов воспитания (семья и домохозяйство, сельское общество), отметим еще некоторых, игравших немаловажную роль. Во-первых, это **купельные крестные**. Они пользовались обычно большим моральным влиянием на своих крестников, тем более, что зачастую одновременно являлись наиболее авторитетными родственниками. Согласно описанию И. Я. Неклепаева, в Сургутском крае крестные считались в некоторых отношениях даже важнее родных отца и матери: «И на том свете, по словам сургутян, за грехи детей спросят не родителей их, а крестных, и они должны будут дать ответ за тех, кого “произвели” в крещеную веру, причем за мальчика ответ будет держать крестный отец, а за девочку — крестная мать»².

В старообрядческой среде ключевую позицию при социализации детей зачастую занимал **духовный наставник** местной религиозной общины. Характеризуя эту фигуру, источники для исследования весьма противоречивы. В некоторых случаях акцентируется внимание на реакционности общественной и педагогической позиции уставщиков и начетчиков, на их ханжестве и лицемерии в деле социализации молодежи («Учили своих детей у частных учителей и прививали им оспу, но строго, грозя проклятием, запрещали это делать другим») ³. Однако абсолютизировать такие односторонние характеристики нам представляется неправомерным.

С большим уважением описывают воспитательную и образовательную роль духовных наставников некоторые мемуаристы. Все же утвердиться в позиции наставников своих единоверцев и земляков наибольшие шансы имели люди наиболее авторитетные по уму и нравственности. Так, «староверческого» наставника деда Омеляна в зауральской д. Мальцевой «чтили не как пустопорожного человека, стоящего между Богом и людьми, а как справедливого, рассудительного и отзывчивого на чужую беду человека: и пожурит, если оплошал в чем, и посоветует, с обществом поговорит, когда в том нужда являлась»⁴.

51.

¹ Доклад бюджетной комиссии Государственной думы общему собранию по смете Переселенческого управления на 1912 г. // Вопр. колонизации. 1912. № 11. С. 330.

² Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи... С. 84—85.

³ Попова А. М. Семейские... С. 26—27. См. также: Полицук Н. С. Быт и культура семейских // Быт и искусство.. 1975. Ч. 2. С. 102—103; и др.

⁴ Филоненко И. Е. Хлебопашец. М., 1984. С. 15. См. также: Чукмалдин Н. М. Записки... С. 17.

Воспитательное воздействие на подрастающее поколение наставники осуществляли, главным образом, через старших членов семьи, консультируя в трудных педагогических случаях и задавая общие установки целей и смысла воспитания, регламентируя его средства в соответствии с текстами Священного писания и «заветами святых отцов», с национальной, местной, конфессиональной традицией, а также с жизненным опытом и здравым смыслом.

Во второй половине XIX — начале XX вв. к делу воспитания новых поколений сельских жителей начинают активно подключаться **сельские начальные школы**. Если в «домовых» школах учителя (зачастую они сами были местными жителями) реализовали педагогические установки, задаваемые родителями, то официальные училища были призваны осуществлять программу воспитания, формулируемую вне крестьянской среды представителями правящей элиты и ведомственными чиновниками. Далеко не все в этих программах устраивало крестьянство в целом, его отдельные категории, и это было одной из главных причин настороженного отношения к официальным школам. В то же время сельчане одобряли усилия школы, направленные на формирование некоторых общекультурных поведенческих навыков (соблюдение правил личной гигиены, аккуратность, порядок и бережливость в обращении со школьным имуществом, почтение по отношению к родителям и старшим и др.). В целом поддерживался и курс школы на нравственное воспитание детей посредством приобщения к христианским ценностям. Хотя уже в дооктябрьский период в крестьянскую среду проникло убеждение в необязательности Закона Божия как учебного предмета¹, даже через несколько лет после революции решительное и полное изгнание религии из стен школы воспринималось многими сибирскими крестьянами как падение привычных моральных устоев, как большой ущерб для нравственного воспитания, «пробуждения в детях добрых чувств к людям»².

В начале XX в. в сельской местности Сибири стали открываться первые детские ясли. Необходимость в их появлении определялась сокращением состава крестьянской семьи при одновременном усилении интенсивности сельскохозяйственного производства, ростом занятости женщин и подростков в хозяйстве, все большими масштабами продажи ими рабочей силы «на сторону», что затрудняло осуществление матерями и старшими детьми воспитательного процесса внутри семьи.

В июне 1902 г. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах открыло первые ясли в Минусинском уезде Енисейской губ. — в селах Абаканском, Курагинском и переселенческом поселке Карабеллыке. Они действовали как учреждения сезонные, летние. Судя по сообщениям сибирской прессы, в курагинских яслях дела обстояли «во всех отношениях очень хорошо». Об абаканских же известно, что в них первоначально

---

¹ См., например: *Сборник о земстве в Сибири*. СПб., 1912. С. 94.

² *Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.)*. Новосибирск, 1983. С. 37.

призревалося 24 ребенка из бедных семей, главным образом в возрасте от 2 до 4 лет. «Был почти единственный случай, что более состоятельный мужик принес своего ребенка, и он сейчас же стал у всех притчей во языцех», — пишет корреспондент «Восточного обозрения»¹. В дальнейшем, несмотря на усиление потребности во внесемейных формах призрения и воспитания сельских детей, заметного распространения детские ясли, сады, тире и общие столовые в селениях Сибири не получили. Среди причин такого положения, наряду с бюрократизмом, неимением средств и кадров, можно назвать и непривычность для большинства крестьян таких учреждений.

Итак, развивавшийся капитализм вел не только к прогрессивной реорганизации системы воспитания крестьянских детей через расширение круга агентов и институтов социализации, корректировку ее целей, задач и смысла, но также к дезорганизации ряда довольно эффективных ранее элементов традиционной системы. Выше мы отметили рост сиротского беспризорничества и складывание сезонной безнадзорности детей. Следует иметь в виду также деформацию, которую испытывало воспитание в результате социальной дифференциации деревни. Если в верхнем социальном слое появлялись экономические возможности для дополнения традиционного воспитания инновационным, для более сознательного выбора молодыми людьми будущей профессии и судьбы, то в нижнем слое воспитательные возможности предстают резко зауженными.

Во-первых, проявляется тенденция третирования детей из бедных семей сообществами сверстников. В конце XIX в. в Змеиногорском окр. Томской губ. 15-летняя девочка говорила исследовательнице М. В. Швецово: «Мы на Успенье свою компанию богатых собираем, а бедных мы не принимаем — нам не нужно таких»². Во-вторых, разорение домохозяйства подрывало материальные и «кадровые» возможности семейной социализации, в сущности, лишало ее смысла. «Про крестьянина, который отдал в наем свой надел, а сам, имея детей, пошел в работники, говорят, что он продал жизнь своих детей», — свидетельствует В. В. Берви-Флеровский, изучавший жизнь крестьян Кузнецкого окр. Томской губ. в 1860-х гг.³

Дети, отданные с малых лет в батраки, частично или совсем выпадали из той традиционной системы социализации, что описана выше, но равноценной замены ей российский капитализм не создал. Крестьяне говорили о лишенных «родительской школы» подростках: «Уж если парнишка с малых лет пошел по чужим людям, то не жди, чтобы из него вышел настоящий крестьянин. Каждый работник норовит, как бы побольше поспать, полежать, да меньше работы сробить, а не то, так и стащить что-нибудь у хозяина. Редко поэтому выходят

---

¹ *Корреспонденции* // ВО. 1902. 28 июля; 13 сент. См. также: Федотов Н. П., Мендрина Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 136—137.

² Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского окр. // Зап. ЗСОРГО. 1899. Кн. 26. С. 65.

³ Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России // Избр. эконом. произведения. М., 1958. Т. 1. С. 117.

порядочные крестьяне из тех, что с малолетства живали в работниках»¹.

Впрочем, «редко» совсем не значит «никогда». Исследовательница Т. И. Березина справедливо усматривает и воспитательные плюсы в том, что «часть детей из бедных семей профессиональную подготовку получала в буржуазных производственных объединениях, которые были оснащены передовой по тому времени техникой и технологией земледелия, лучшими породами скота и т. д.»².

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Если воспитание ориентировано на формирование, развитие и тренировку эмоциональной и волевой сфер личностного и группового поведения, то образование направлено на *передачу и усвоение интеллектуальной информации, а также практических умений и навыков*. И. С. Кон вычленяет в структуре этого явления две составные части: «Образование ... включает в себя целенаправленное, специализированное и более или менее формализованное по своим методам обучение и более широкое просвещение, процесс пропаганды и распространения культуры, предполагающий относительно самостоятельный и свободный отбор индивидом сообщаемой информации»³. Нам кажется целесообразным выделить еще третий аспект — *самообразование*, чтобы оттенить специфику активной деятельности в процессе образования не только носителей и трансляторов культуры, но также ее «открывателей» и «освоителей». Дети и подростки в любом обществе выступают не только объектами, но в той или иной степени и субъектами своего образования.

Интеллектуальные способности и знания человека, умение ими правильно распоряжаться были в чести у сельского сообществ Сибири, о чем свидетельствуют поговорки: «Дай Бог дитя, да дай и ума», «Счастье без ума — дырявая сума», «Знай больше, говори меньше» и др.¹ В структуре этих знаний и способностей применительно к изучаемой среде и историческому периоду явно обнаруживается «базовый» массив — более или менее определенно очерченный круг информации, умений и навыков, которыми должен был обладать любой здоровый член сельского сообщества для нормальной жизни, любая социальная группа для своего повседневного функционирования. В ходе образования младшим обязательно нужно было овладеть этой первоначальной жизненной основой. **Объектом межпоколенной трансляции** при образовании были, во-первых, разнообразные знания, накопленные в общественном, групповом и индивидуальном сознании крестьян за годы хозяйствования,

---

¹ Варначье семья // Сибирь. 1884. 5 февр. См. также: *Особый вид рабства в Забайкалье* // ВО. 1904. 20 мая; ИОЦДНИ, ф. 300, оп. 1, д. 489, л. 32; МКМ, оп. 4, д. 108/47, л. 25—27.

² Березина Т. И. Трудовое воспитание... С. 14.

³ Кон И. С. Ребенок и общество... С. 134.

участия в общинной жизни и общественном движении, результаты наблюдений за природной и социальной средой, углубленного «умствования» над старинными книгами, общения с аборигенами, ссыльными и вольными переселенцами из многих мест. Во-вторых, передавались умения и навыки плодотворной деятельности во всех сферах образа жизни и, прежде всего, образцы экономической деятельности — земледелия и животноводства, промыслов, переработки и хранения продуктов, торговли ими.

Многие наблюдатели и исследователи-специалисты давали высокие оценки эмпирически-научного уровня знаний крестьян-сибиряков, их практических умений в области хозяйства, самоуправления, изобразительного искусства и т. д. Вот только несколько примеров из сферы народной агрономии. П. И. Соколов, обследовавший сельский быт в Мариинском окр. Томской губ. в конце XIX в., пришел к выводу, что местные жители обладают «тонким практическим знанием физических (т. е. природных. — В. З.) условий» своей жизни². Организаторы других обследований (С. Е. Филимонов, Н. Бутович и др.), будучи знакомы с основами научного почвоведения, оставили нам едва ли не восторженные оценки уровня «познания о почве отдельных хозяев-крестьян — познаний, накопленных долгим опытом и постоянным общением этих хозяев со своей землей»³. Знаменитый агроном Т. С. Мальцев помнит, что крестьяне Южного Зауралья, предвосхищая более поздние выводы агрономической науки, объясняли падение плодородия старопашотной почвы неразумным вмешательством человека в природные процессы: земля «выпахалась» и требует отдыха от обработки⁴.

Обобщая такие свидетельства и оценки, известный сибирский агроном и общественный деятель Н. Л. Скалозубов писал в 1912 г.: «Вековое общение народа с природою открыло ему знания, которые только позднее открываются уму, дисциплинированному наукой»⁵. Соглашаясь с этим, следует все же признать, что во второй половине XIX — начале XX вв. крестьянство в целом не обладало таким методологическим и техническим инструментарием, который позволял бы сделать все результаты его познавательной активности отвечающими тогдашнему уровню развития «большой» науки и национальной культуры. Достижения опыта и научной мысли сочетались в селениях с громадными наслоениями вненаучных, а также антинаучных представлений.

Скалозубов отметил еще, что наиболее ценные результаты опытничества и «умствования»

---

¹ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 344, л. 2, д. 345, л. 3, 5, 13; РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 3, л. 7.

² *Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири.* СПб., 1893. Вып. 19. С. 62.

³ Там же. 1892. Вып. 17. С. 93. См. также: *Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской обл.: Материалы.* СПб., 1898. Вып. 11. С. 2, 34—35; *Петропавловский Н. Е.* По Ишиму и Тоболу // *Зап. ЗСОРГО.* 1886. Кн. 8. Вып. 1. С. 8—9; и др.

⁴ См.: *Мальцев Т. С.* Раздумья о земле... С. 196.

⁵ *Скалозубов Н. Л.* Организация общественных сил в целях изучения Сибири. СПб., 1912. С. 19.

приобретаются «отдельными выдающимися наблюдателями и только постепенно распространяются в массах, становясь достижением народа»¹. В деревне всегда могли указать наиболее «толковых» жителей местности, аккумулировавших в своей памяти и применявших на практике обширные сведения из сокровищницы народных знаний в области агрономии, медицины и ветеринарии, метеорологии, метрологии, хронологии, педагогики, географии, исторического краеведения, теологии, фольклористики, этики и права. Были известны и «знаткие люди» — знатоки магического, иррационального мира.

Эти специализированные, превышающие «базовую основу» знания и способности активно востребовались окружением. Скажем, при общественных переделах земельных и лесных угодий доверенными лицами на сходах избирались лучшие сельские «агрономы». Особые «раскладчики» (в больших селах Алтая — до 12 человек) для составления проектов раскладки повинностей между плательщиками выбирались из числа пожилых людей, хорошо знавших местные обычаи и состояние домохозяйства своих односельчан². Краевед И. Шамаев рассказал об одном дружке в Тюкалинском уезде Тобольской губ., который «отвел» уже сто свадеб³. Дружка («вежливец») на русской свадьбе — это знаток и хранитель установленных искони вековых свадебных обычаев, порядков и обрядов. Он же считался «вражним» — знающим с нечистой силой и потому могущим уберечь от порчи участников церемонии и будущую супружескую жизнь.

Господство традиционных механизмов культуры и образа жизни в среде крестьянства означало, в частности, что «базовое» образование молодого поколения слабо выделялось в качестве самостоятельной сферы жизненной активности и старших, и младших. Подобно физическому развитию и воспитанию, такое образование в основном происходило как бы само собой — в процессе совместной общественно значимой деятельности и общения в разновозрастных первичных объединениях — в общине, семье, артели, возрастной группе и др.

Важнейшим институтом образования являлась семья, старшее поколение которой было непосредственно заинтересовано в том, чтобы передать свои познания и навыки младшим. Интересно, что известные нам записи норм обычного права сибиряков совсем не упоминают обязанность родителей и опекунов давать детям «профессиональную» подготовку (учить их земледелию, ремеслу) и вообще какое-либо образование. Очевидно, это считалось само собой разумеющимся делом.

Приобщение ребенка к вековому опыту крестьянствования, знакомство с кладезью

---

¹ Там же. С. 20.

² См.: Голубев П. А. Платежи и повинности // Алтай: Ист.-стат. сб. по вопросам эконом. и гражд. развития Алт. горн. окр. Томск, 1890. С. 151; Зобнин Н. М. Салаирская горнозаводская вол. // Там же. С. 158.

³ См.: Шамаев И. Общий тип деревенской свадьбы в Тюкалинском уезде // ЕТГМ. 1902. Вып. 13. 2-й отд. С. 29.

народных знаний начиналось *в раннем детстве*. Уже в колыбельных песнях и детских потешках сибирские «пестуньи» знакомили «дитю» с тем, что делается в доме и во дворе, что окружает человека в природе. В ходу были сюжеты о распределении обязанностей между членами семьи в соответствии с их полом и физическими возможностями, о проделках разных животных и т. д.¹ Однако в грудном возрасте упор делался не на вербальную слуховую и зрительную информацию, а на тактильную (осязательную). Многочисленные похлопывания, пощипывания малыша, столь свойственные каждой матери, фактически были не просто проявлением нежности, а запрограммированным природой необходимым процессом настойчивого и осторожного пробуждения мозга. Манипуляции с пальцами младенца в некоторых пестушках развивали его речь. В народной педагогике до этого дошли стихийно-эмпирически, и развитие подвижности, чувствительности пальцев было предметом специальной заботы хороших родителей².

В детском и подростковом возрасте просвещение молодого сельчанина главным образом происходило в ходе совместного семейного труда и при разговорах членов домохозяйства между собой и с соседями. «Еще мальчиком, почти ребенком, он (крестьянин. — В. З.) слышит, почему на одном участке родилось хорошо, на другом плохо; почему в одном месте хорошо растет овес, а в другом рожь или пшеница; когда и как нужно пахать одну землю, когда и как — другую, и т. д.», — рассказывает один из участников обследований сельского быта³. В полевых дневниках этнографов и фольклористов часто упоминается, что тот или иной корреспондент «помнит много старинных песен, рассказов, примет, слышанных в детстве», «знания получила от матери ... и из своего многолетнего опыта», «это все от стариков слышал», или ему «отец рассказывал»⁴.

В получении и закреплении знаний была *велика роль игр*. А. А. Макаренко поделился такими своими наблюдениями: «Дети-девочки в своих играх часто принимают на себя роль матерей и повторяют те же стереотипные объяснения, касающиеся появления “дети” (услышанные от матери: “нашла под листом капусты”, “вынула из-за пазухи” и др. — В. З.); свою «дитю» оне пеленают и кормят, в точности подражая старшим. Так сперва шутя, в детских играх, потом в роли нянек, чисто опытным путем, девочки приобретают навык, необходимый для ухода за детьми, и усваивают в то же время понятия и предрассудки своей среды»⁵.

Многие сведения, необходимые для жизни, молодые получали в **общении с посторонними**

---

¹ См.: Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970. С. 71–74.

² См.: Волков Г. Н. Педагогика жизни. Чебоксары, 1989. С. 127.

³ Материалы для изучения ... Западной Сибири. 1898. Вып. 22. С. III–IV.

⁴ ОР РГБ, к. 542, п. 38, № 8, л. 34; п. 39, № 5, л. 11–12; п. 78, № 6, л. 4; Приходько П. Т. К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края // Тр. Том. краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 112–113; и др.

⁵ Макаренко А. А. Материалы по народной медицине Ужурской вол. Ачинского окр. Енисейской губ. // ЖС. 1897. Вып. 1. С. 97.

для семьи лицами из старших поколений — соседями, гостями, проезжающими. Для получения новых впечатлений и информации молодежь охотно посещала те места скопления свежих для деревни людей, которых со временем становилось все больше, — торговые точки, мелкие промышленные предприятия, постоялые дворы и др. Знаменитая сказочница из Верхоленского края Н. О. Винокурова, по ее словам, перенимала фольклор «отовсюду: где от кого услышит», но главным образом у «знающих людей» из местных жителей и проезжих, а также в мещанской среде — в ранней молодости она жила в городе в прислугах¹. Среди сказочников Тункинской долины в Иркутской губ. выделялся С. Л. Истомина, который научился своему искусству на действительной службе в армии, там же перенял и немало сюжетов².

Вообще годы армейской службы, когда молодой сельчанин был вырван из гомогенной культурной среды и поставлен лицом к лицу с большим миром, были для многих временем активного пополнения и пересмотра своих знаний и представлений о мире. Наблюдатели констатировали, что «сотни людей, возвращаясь со службы, несут домой новые понятия, новые привычки», уже не хотят следовать старым порядкам в деревне и «быть в подчинении у своих старших братьев — мужиков»³.

Имело место самообучение в ходе **общения сверстников между собой**, хотя оно и играло вспомогательную роль. Делились знаниями и умениями, приобретенными в своей семье, у взрослого окружения. Девушки на вечерках и посиделках помогали друг другу совершенствовать навыки вязания, прядения, разучивали новые песни. По воспоминаниям А. С. Решиковой из с. Ермолаевки Каинского уезда Томской губ., она училась вышивать у своей подружки⁴. А. Н. Михалева вспоминает о компании своих приятелей: «Еще учились друг у друга молитвам. Кто какую знает, научился от родителей. <...> Попа мы боялись, ему исповедовали свои грехи. Вот и старались учить молитвы, чтобы не рассердить батюшку»⁵.

Можно сказать, что первый путь появления выдающихся носителей народного знания в деревнях — это как раз способность некоторых подростков реализовать свои природные интеллектуальные качества (любопытность, сообразительность, аналитичность ума и др.), дополнив их эмоциональными и волевыми, и в интенсивном общении со взрослыми и сверстниками, в раздумьях над увиденным и услышанным заполучить, закрепить и развить большие познания и способности. В Сибири бытовала любопытная поговорка: «Незнайка на печке лежит, а знайка вперед (или по дорожке. — В. З.) бежит», признающая плодотворность

---

¹ ОР РГБ, к. 642, п. 1, № 11, л. 37—39.

² Там же, к. 542, п. 39, № 5, л. 24.

³ Новоселов А. Е. Умирающая старина // Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРГО. 1915. Вып. 10. С. 7; Загоскин М. В. Ответы на программу... С. 2.

⁴ НГПИ, д. 6, л. 11.

⁵ Там же, д. 5, л. 47.

познавательной активности молодого человека¹.

Все сказанное относится, прежде всего, к относительно стабильному населению, давно живущему в Сибири. Между тем особую проблему в колонизируемых районах составляло обустройство здесь переселенцев, предполагавшее сравнительно быстрое **овладение новоселами** теми знаниями, умениями и навыками, прежде всего экологическими и социальными, без которых нельзя было успешно вести хозяйство в новых условиях. Это овладение происходило двумя основными способами, которые часто дополняли друг друга: 1) накопление и осмысление знаний и опыта в процессе собственной деятельности на новых местах; 2) заимствование у ранее устроившихся переселенцев, у крестьян-старожилов. Известны даже многочисленные факты найма новоселов в хозяйства старожилов с целью ознакомления с особенностями местной экономики. Так, из 72 семей, заселивших в 1888—1893 гг. пос. Владимирский Боготольской вол. Мариинского окр. Томской губ., сразу же завело вполне самостоятельное хозяйство всего 12. Остальные сначала работали по найму у окрестных старожилов. В их числе были и «некоторые такие, которые могли бы обойтись и собственными средствами — шли к старожилам, чтобы присмотреться к местным хозяйственным приемам»². Жители переселенческого пос. Самаринского Крутинской вол. Тюкалинского окр. Тобольской губ., имея необходимые средства для более обширного посева, засеяли в первый год по прибытии «немного, только для опыта, а свободным временем пользовались на заработках у старожилов, зарабатывая деньги и присматриваясь к сибирскому хозяйству»³.

Однако и для культуры старожилов *общение с переселенцами не проходило бесследно*. Ознакомление с непривычными способами ведения хозяйства, орудиями труда, рассказы мигрантов о жизни на родине позволяли многим сибирякам по-новому взглянуть на собственные знания и опыт, скорее находить пути перехода к новым порядкам в тех районах, где такой переход в условиях развивавшегося капитализма стал необходимостью. Авторы военно-географического и статистического описания Омского военного округа в 1909 г. писали, что в ходе миграции «коренные сибиряки сознательно идут на сближение, заимствуя у новоселов более интенсивные способы ведения хозяйства и, в свою очередь, поучая их бороться с незнакомыми условиями сибирского климата и вообще особой жизни»⁴. Взаимовлияние культуры и образа жизни старожилов и переселенцев (в частности, взаимообразование, взаимопросвещение) облегчалось в том случае, когда новоселы приселялись в старожильческие селения или несколько семей «чалдонов» попадало в

---

¹ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 345, л. 14; Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 83.

² Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губ. СПб., 1895. Т. 1. Ч. 1 С. 5—6.

³ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. Тобольск, 1898. Вып. 1. С. 290.

⁴ РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 175.

переселенческий поселок.

Наряду со спонтанным процессом просвещения и самообразованием молодежи, отчасти и взрослых, в деревнях происходило и намеренное, **целенаправленное воздействие обучающихся** на обучаемых. Важнейшим механизмом обучающего воздействия, передачи специализированных «профессиональных» качеств тоже оставалась семья. Среди основного массива семей выделялись ячейки, обладавшие экстраординарной информацией и специфическими секретами. Передача их по наследству — еще один путь появления народных умельцев и знатоков.

В Сибири было известно большое количество потомственных мастеров того или иного дела. Во второй половине XIX — начале XX вв. отмечены фамильные гнезда или семьи с несколькими поколениями хороших кузнецов в Салаирской вол. Кузнецкого окр. Томской губ., в селениях под Томском — Федосеевке, Батурине, Спасском, Богашеве, в Абаканской и Новоселовской волостях Минусинского окр. Енисейской губ. и других местах¹. В с. Есаулове Красноярского окр. Енисейской губ. жители долго помнили большую семью резчиков по дереву Поповых (уличное прозвище у них было соответствующее — Рещиковы), «которые оставили следы своей работы во многих церквях Красноярского округа и даже в городе Красноярске»². В обширных округах славились потомственные «былинники», сказочники, знахари и лекари, гадатели и т. д.

Существуют многочисленные свидетельства того, что старшие в семье не просто заставляли ребят участвовать в труде, а зачастую прямо обучали их производственным операциям. Вот как в начале века учились косить А. В. Трифонова и ее младший брат в с. Хаихта Нижнеудинского уезда Иркутской губ.: «Отец идет впереди, за ним я, за мной братишка... Стараемся и мы с братишкой косить как отец, но косы наши плохо слушаются... Смотрит на нас отец и смеется: “Горе мое, а не косари”, — и начинает показывать, как держать косы, как плавно к земле двигаться. День-два, постепенно науку косьбы мы осваиваем, только силенок мало, устаем быстро...»³. В других воспоминаниях читаем: «Отец даст указание, а мы делаем. Братья помогали, рассказывали и показывали, как делать»; «Лет с 7 я уже помощник — стерегли скот и т. д. Что делал старший брат, смотрел и делал так же. Отец тоже рассказывал и показывал...»; «Мать показывала, как правильно мыть пол: должны промывать каждую щель, вымыть плинтуса. Как правильно держать косарь (нож для скобления пола и лавок. — В. З.), чтобы на плахе не осталось полос... При побелке учила, как правильно держать кисть, водить ею по стене, правильно обмакнуть ее в известь»⁴.

¹ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 637, л. 54; *Корреспонденции* // ТГВ. 1882. 8 июля; *Мисюрев А. А.* Сибирские сказы, предания, легенды. Новосибирск, 1959. С 99, 213.

² КККМ, о/ф. 7886, п. и. 107, л. 5.

³ ИОЦДНИ, ф. 393, оп. 5, д. 528, л. 7.

⁴ НГПИ, д. 2, л. 54—55; д. 6, л. 33—34.

Никто не мог заменить собой старших членов семьи, особенно родителей, в деле обучения «сарыни». Поэтому в своих причитаниях по умершим родителям дети на Верхней Лене повторяли: «Как-то мы будем работочку работать, кто-то нам ее покажет, что-то нам расскажет? Ничо-то мы не знаем, ничо-то мы не умем. Кто-то нас наставит, кто-то нас научит?»¹. М. Н. Леликова, жительница Каратузской вол. Минусинского уезда сетовала позже, что не научилась в детстве ни прясть, ни ткать, так как мать у нее рано умерла, и учить было некому².

На старших в семье по нормам церковного права, а также по государственным законам России возлагались обязанности крестить детей в церкви своего вероисповедания, а по достижении семилетнего возраста приводить туда же на исповедь и причащение, обучать основам христианского вероучения и молитвам³. Но сибирские церковники были единодушны в своем недовольстве паствой на этот счет. В ее среде «понятия об истинной вере сбивчивы и смутны», «мало найдется таких людей, которые могли бы дать правильный ответ на вопрос о вере, надежде и уповании»⁴, а потому и детям старшие мало что могли передать. Правда, в старообрядческих семьях на эту сторону обучения подрастающего поколения обращали значительно большее внимание. «С 2—3 лет детей приучают творить на себе крестное знамение, причем обращают внимание, чтобы крест клали твердо. Лет с 4-х детей учат молитвам — Иисусовой, молитве Господней, Богородице и др.», — свидетельствует Б. Г. Герасимов относительно бухтарминцев⁵.

При целенаправленном обучении в семье, неразрывно связанном с воспитанием и физическим развитием, реализовались в основном те же педагогические принципы, что были названы в предыдущем параграфе. Кроме того, можно выделить *еще несколько принципов*, действовавших преимущественно в данной сфере социализации.

1. Взаимодополняемость педагогического воздействия отца и матери, отмеченная выше, сочеталась с известной *половозрастной специализацией* в деле обучения «мужским» и «женским» работам и при передаче соответствующей специфической информации.

В раннем детстве все «челяденки» находились на попечении матери (бабушки и старшие сестры выступали в качестве ее помощниц), отцу же «по его хозяйственным делам мало приходится быть дома при детях»⁶. Мать старалась опекать детей и в последующее время, но все-таки с 7—8 лет мальчики поступали в «хозяйственную школу» отца. В деле же семейного обучения дочери существовала некоторая автономия матери. В Енисейской губ. в 1912 г.

---

¹ Азадовский М. К. Ленские причитания. Чита, 1922. С. 53.

² ОПИ ГИМ, ф. 476, оп. 1, д. 12, л. 36.

³ См.: Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 232—233.

⁴ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2121, л. 32; д. 1837, л. 67—69; д. 2640, л. 23; АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 18; Мисюров А. А. Сибирские сказы... С. 133—134; Обручев В. А. В старой Сибири. Иркутск, 1958. С. 196.

⁵ Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 57—58.

⁶ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1835, л. 17.

записана поговорка: «Сказала папаше: дело не Ваше, мамаша придет — все дела разберет»¹. Конечно, частыми были случаи, когда старшим в семье дочерям приходилось выполнять «мальчишечьи» работы, а мальчикам, за неимением дочерей в семье, исполнять их хозяйственные обязанности. Тогда мать и отец выступали наставниками в «своей» сфере хозяйства, независимо от пола ребенка.

Знания и навыки, необходимые для овладения важнейшими производственными процессами, детям передавали главным образом родители, обычно через посредство старших братьев и сестер. Представители же «третьего поколения» — бабушки и деды, мало участвуя в хозяйственных делах, помнили: «Надо еще кой-чего знать, чтобы вести дом и хозяйство»². От них перенимали дети элементы крестьянской философии, медицины, этики, эстетики, народной теологии и демонологии — тех отраслей мировоззренческого действительного и мнимого знания, которые были в значительной мере автономны от производства. «Космогония интересует больше стариков. Молодежь только повторяет философию старых, позволяя себе иногда усумниться в непогрешимости прадедовской точки зрения», — писал священник Б. Г. Герасимов, наблюдавший быт крестьян Южного Алтая в начале XX в.³

2. Важным в народной педагогике был *принцип возрастной иерархии*, трансляции знаний от старших к младшим, но не наоборот. Этот принцип был действителен для всех случаев обучения, но особенно его требовалось соблюдать лекарям-знахарям и колдунам. Считалось, что вообще «польги (пользы. — В. З.) не будет от наговора, коему научишь старше себя»⁴. В некоторых же местах думали: если младший возрастом передает содержание наговора старшему, то первому из них помогать эти слова уже не будут, а старший способности его переймет. Имелись и дополнительные требования к передающим: врачевные и оккультные знания молодым ученикам: не передавать их людям «ззорным» — с дурными намерениями и поведением; количество учеников не должно превышать девяти и т. п.⁵

Знахарь как народный лекарь и полезный человек довольно легко находил себе учеников, чаще всего среди потомков по прямой линии. Колдунам же, по народному представлению, было труднее. Им приходилось прибегать в таких случаях к некоторому насилию, и в случае неудачи, не сумев передать кому-нибудь из молодых свои познания, они умирали в тяжелой агонии (считалось, что несколько суток за их душу боролись ангелы и дьявол)⁶.

3. Одним из важнейших требований в деле передачи хозяйственного опыта была

---

¹ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 18.

² *Виноградов Г. С.* Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сиб. архив. 1915. № 3. С. 114.

³ *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы. С. 77.

⁴ *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине... Вып. 3/4. С. 382. См. также: *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири // ЖС. 1915. Вып. 14. С. 389; *Шперк Ф. Ф.* Верхоленский окр. Иркутской губ. // Мед.-топогр. сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 205.

⁵ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 299, л. 31; *Арефьев В. С.* Материалы по этнографии... С. 132; *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков. Владивосток, 1904. С. 30; и др.

⁶ См.: *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии... С. 30—31.

поэтапность этого процесса при учете возрастных особенностей, умственных и физических возможностей детей. Крестьяне старались не слишком форсировать этот процесс («Вырастут детки, доспеют и сметки»¹), но в то же время и не задерживать его искусственно: «Чему смолоду не научишься, того и под старость не будешь знать»². Приобщение младших членов семьи к тем или иным работам происходило по достижении «поры» — определенного возраста, когда можно было рассчитывать на их интерес к делу и способность его осваивать под руководством и с помощью взрослых. Например, на Алтае самых способных девочек матери начинали обучать прядению, а затем и ткачеству уже с 4—5 лет, а менее понятливые подключались в 8—9 лет³.

Народная педагогика, таким образом, интуитивно ориентировалась не на вчерашний, а на сегодняшний и завтрашний день становления ума и личности в целом. Обучение в его лучших образцах вызывало к жизни те функции интеллекта, воли и характера, которые лежали в «зоне ближайшего развития» человека.

4. Если какие-либо познания, умения и навыки, необходимые в крестьянском быту, нельзя было передать и приобрести в рамках семейного домохозяйства, считалась допустимой *передача детей на обучение посторонним лицам*. Впрочем, в Сибири это не было массовым явлением. В 1891 г. М. В. Загоскин отмечал в своих материалах об обычном праве крестьян Иркутской губ.: «В обучение детей отдают очень редко и условия отдачи не выработаны»⁴. Со временем при капитализме необходимость в институте ученичества у мастеров усиливалась. Желание хлебопашцев хотя бы обеспечить семью, а по возможности — иметь приработок в условиях развития рынка заставляло искать возможность учить детей «рукомеслу»: «Кто не учит детей ремеслу, тот учит их воровству»⁵. Как показала Г. А. Бочанова, обучение подростков у мастеров и в начинающих возникать специальных учебных ремесленных мастерских в небольших масштабах практиковалось в начале XX в. в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности Сибири⁶.

Рост потребности в грамоте привел к развитию в деревне системы частного обучения детей и на этой базе — к созданию института «домовых» школ, а затем — ускоренному становлению сети официальных общеобразовательных начальных училищ. Образование детей «на стороне» — еще один, третий путь появления в некоторых селениях людей с необычными для данной местности, данной категории населения знаниями, умениями и жизненными

---

¹ Урал в его живом слове. С. 131.

² ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 4, № 640, л. 21; *Виноградов Г. С.* Народная педагогика. С. 13; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... Вып. 15. С. 20; и др.

³ См.: *Сафьянова А. В.* Внутренний строй... С. 100.

⁴ *Загоскин М. В.* Ответы на программу... С. 84.

⁵ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 637, л. 231.

⁶ См.: *Бочанова Г. А.* Возникновение и деятельность ремесленных учебно-показательных мастерских в Сибири начала XX в. // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVI — начало XX вв.). Новосибирск, 1990. С. 92—115.

установками.

Оговоримся: отношение русских крестьян Сибири к упомянутой *проблеме обучения детей грамоте* требует особого рассмотрения. В некоторых источниках отразилось настороженное, если не враждебное отношение определенной части сельских жителей к перспективе распространения гражданской грамоты в деревнях. Мемуарист И. Г. Ростовцев приводит типичные рассуждения некоторых своих односельчан в начале XX в.: «Подалась теперь всем эта грамота. А для чего она нам, мне так и невдомек. Для чего мне, к примеру, грамота за сохой ходить али сено косить? Что у меня от этой грамоты, силы прибудет? Паши, жни, молоти. Не посеешь — и кусать нечего будет. Это и без грамоты ясно»¹.

Особенно слабо прививалось осознание пользы обучения грамоте девочек. «Для чего девкам учиться? Парень хоть на службу пойдет, а девкам только письма женихам писать»; «Прижмись к прялке и сиди, прясть можно и неграмотной. Вон [брат] Федя еще распишется где, а тебе не нужно», — такие взгляды были преобладающими в крестьянской среде даже к концу изучаемой эпохи².

На состояние культурных потребностей отрицательно влияла в деревне традиция не учить детей гражданской грамоте, сформировавшаяся в предшествующий период и являвшаяся надстроечным фактором, неизбежным в условиях существования пережитков натурального хозяйства, патриархальности во всех сферах образа жизни. «Наши отцы неучены были — лучше нас жили», «Не надо нам этого (грамотности. — В. З.), жили мы и без школы, да целы были», — так объясняли крестьяне-сибиряки свою приверженность устаревшей традиции³.

В основе отказа части крестьянства от обучения детей грамоте лежала также невозможность обойтись в хозяйстве без систематического использования детского труда. Вот как рассуждали, например, жители д. Кульчек Комской вол. Минусинского уезда в начале XX в.: «... как ни мал парнишка, а в семье он уж все-таки подмога. Осенью, когда начинается ученье, он еще может ходить подпаском на заимке, зимой управляться со скотом, подсоблять на гумне. Ну а весной, известно, ребята боронят. Как ни прикидывай, а такой клоп заменяет в хозяйстве взрослого человека, особенно у малосемейных, и отрывать его на три года от дома нет никакого расчета. А о девчонках и говорить не приходится. Без них матерям как без рук. <...> Разве тут до ученья»⁴. Очевидцы отмечали, что труднее всего прививалось осознание необходимости учить детей в школе в тех районах, где были развиты обрабатывающие и добывающие промыслы, требующие именно зимой, в учебное время, большого количества рабочей силы подростков⁵.

---

¹ Ростовцев И. Г. На краю света. С. 86—87.

² НГПИ, д. 6, л. 76, 93—94.

³ ГАИО, ф. 609, оп. 1, д. 62, л. 4.

⁴ Ростовцев И. Г. На краю света. С. 78.

⁵ ТФ ГАТюмО, ф. 2, оп. 1, д. 400, л. 40; *Материалы для изучения ... Западной Сибири*. 1888. Вып. 1. С. 323; 1889. Вып. 4.

Мотивировки крестьянами своего отношения к просвещению показывают, что развитие потребности в нем шло в тесной взаимосвязи с эволюцией общего уровня самосознания. Одна из распространенных в Сибири формулировок: дети, выучившись, «отстанут от сельских работ, перестанут уважать родителей», и потому их вряд ли стоит учить¹. Например, Т. С. Мальцев вспоминает, что отец не хотел учить его грамоте, не пускал в школу: «Неграмотный мужик крепче держится за соху»². Мнение, согласно которому «грамотей — не пахарь», имело реальные основания: различные источники отмечают, что получившие более или менее сносное образование подростки редко возвращались к сельскохозяйственному труду. Они могли занять должности сначала «подписаренков», потом писарей в сельских и волостных правлениях, другие мелкие канцелярские должности, при возможности продолжали обучение в городах, перебирались туда на службу и т. д. Иные родители приветствовали такой поворот в судьбе потомков, но большинство стремилось избежать его³.

Охарактеризованное выше негативное или индифферентное отношение части сельского населения к обучению детей грамоте нельзя считать безраздельно господствующим элементом общественного сознания крестьянства. Советские историки установили, что даже в XVII — первой половине XIX вв. овладение такими культурными навыками, как умение читать (в первую очередь вероучительные и богослужебные книги), писать и считать являлось насущной потребностью относительно широкого слоя русского крестьянства Сибири⁴. Эпоха капитализма была временем, когда потребность крестьян в обучении детей продолжала развиваться, захватывая все более обширный круг сельских жителей.

Уже в начальный период изучаемой эпохи, по убеждению томского губернатора, грамотность «вообще пользуется в народе почетным доверием. Большинство сельского населения вполне чувствует, что надо учиться, что учение необходимо в жизни и для жизни»⁵. Многие наблюдатели сходятся на том, что стремление крестьян учить детей в это и последующее время вытекало преимущественно из утилитарных нужд экономической жизни, общественного самоуправления, богослужебной практики в селениях, из возможности получить для сына льготы при отбывании воинской службы и т. д.⁶ Предусматривалось формирование практических навыков чтения печатных и рукописных текстов, обучение «чистому» гражданскому письму, устному счету и «хождению на счетах», основам

С. 143; *Материалы по исследованию ... Иркутской и Енисейский губерний*. Т. 2. Вып. 2. С. 214.

¹ ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 19, л. 6.

² *Мальцев Т. С.* Раздумья о земле... С. 6.

³ ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 3, л. 15; НГПИ, д. 1, л. 95; РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 84, л. 127; *Обручев В. А.* В старой Сибири. С. 196—198; и др.

⁴ См.: *Миненко Н. А.* Советские историки о грамотности русских крестьян Сибири в период феодализма // *Изучение Сибири в советскую эпоху*. Новосибирск, 1987. С. 105—116.

⁵ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 50, 108.

⁶ ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 3, л. 1—11; *Загоскин М. В.* Десять лет в сибирской деревне // *Сиб. сборник*. СПб., 1890. Вып. 1. С. 22; *Материалы для изучения ... Западной Сибири*. Вып. 1. С. 322; *Материалы по исследованию ... Иркутской и Енисейской губерний*. Иркутск, 1893. Т. 4. Вып. 2. С. 17, 32.

христианского вероучения и богослужения, основам священной истории. Соответствующая совокупность навыков и знаний постепенно внедрялась в «базовый» массив, подлежащий усвоению молодежью в процессе образования, а затем в этом массиве начала передвигаться от периферии к центральному ядру. По мере возрастания роли факторов, усиливавших стремление к полноценному образованию, само представление о смысле грамотности существенно углублялось. Показателем этого можно считать зафиксированное в источниках мнение части крестьян, что грамотность и чтение книг благоприятно влияют на нравственный облик молодежи, помогают направить ее «на добрый путь», имеют религиозно-просветительное значение¹. Грамотность, основанное на ней приобретение новых личностных качеств можно рассматривать в таком случае уже как средства совершенствования человеческой личности и межличностных, а также общественных отношений.

Издавна в русской, в том числе и сибирской деревне сложилась практика **индивидуального обучения** детей грамоте в домашних условиях — мало-мальски грамотными родителями, другими родственниками или нанятыми учителями². Она продолжала существовать и в эпоху капитализма, составляя подготовительный этап в деле развития школьной системы.

На дому учили детей в старообрядческих семьях как по причине «излюбленности» этого способа, так и из-за слабой доступности для «раскольников» официальных школ. По анкетным данным начала XX в., в том числе сибирским, подробно описано семейное обучение у крестьян-старообрядцев. Старшие учили младших, прежде всего, духовному чтению по Псалтыри, Часослову и богослужебным книгам: с указкой, последовательно псалом за псалмом, канон за каноном, пока не достигалась беглость чтения. Полученные навыки использовались при семейной и общинной молитве и в богослужении. Религиозные нужды призвано было удовлетворять и домашнее обучение духовному пению.

Что касается гражданской грамоты, то она в старообрядческой среде была известна хуже, и потому возраставшие потребности в ней «домашним» образом было удовлетворить затруднительно. В целом домашняя учеба имела несистематический и неглубокий характер, но для особо способных и любознательных детей все же давала первоначальный толчок в деле самообразования. «Занятые личным трудом, заботами и хлопотами по домашнему хозяйству, родители, старшие в семье могли заниматься с детьми лишь урывками, между делом. Обучение растягивалось на слишком большой срок, время уходило, дети вырастали, и практическая жизнь преждевременно отвлекала их от книги и учения, заронив однако в них жажду учения и потребность религиозного и умственного просвещения», — отмечают авторы

---

¹ ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 294, л. 13; *Вопросы народного образования среди старообрядцев*. М., 1909. С. 31; *Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности*. СПб., 1904. Т. 56. С. 274—275; и др.

² См.: *Миненко Н. А.* Культура русских крестьян... С. 119—134.

анкетного обследования образовательного дела у старообрядцев¹.

Среди православных крестьян Сибири обучение грамоте в семье было распространено слабее. В начале 1890-х гг. К. К. Кокоулин отметил только два известных ему случая на территории Киренского окр. Иркутской губ., но заметил при этом: «Прежде такие явления были чаще, особенно на Тунгуске среди монастырских крестьян»². Во время поездки по епархии в 1905 г. архиепископ Томский и Барнаульский Иннокентий беседовал с крестьянкой, которая научилась читать «самоучкой», но детей своих, по ее словам, «сама научила читать, и молитвам их выучила, и слава Богу»³. «В семье грамоте, а именно азбуке, учил отец, буквы писал на стене углем», — вспоминает А. И. Никишков, живший в начале XX столетия в пос. Оренбургском Каинского уезда⁴.

Кроме семейного, у старообрядцев довольно широко практиковалось и обучение на дому у местных наставников — уставщиков и начетчиков, как индивидуальное, так и групповое — по 2—5 человек и более. Наставники «научали» детей «духовному чтению и пению, насколько сами знали и умели»⁵. Например, в середине XIX в. в большой деревне Кулаковой неподалеку от Тюмени детей учили два старых наставника — Скрыпа (А. Лазарев) и Якуня, а также начетчица — старая дева Аннушка⁶. Старообрядческим наставникам иногда отдавали детей для обучения и православные «никониане», в массе своей не склонные абсолютизировать и преувеличивать конфессиональные различия, а то и просто не разбиравшиеся в них.

Вне старообрядческой среды чаще практиковалось привлечение наиболее зажиточными крестьянами частных наемных учителей. Зачастую нанимали «грамотеев» из ссыльных, сильно нуждавшихся в заработке и соглашавшихся на небольшую плату. Иногда обязанность учить хозяйских детей оговаривалась как дополнительная при найме ссыльнопоселенцев на хозяйственные работы. Наем ссыльных с указанными целями в наибольшем масштабе отмечен в Восточной Сибири — основном районе ссылки⁷. В конце XIX — начале XX вв. услугами частных учителей некоторые богатые сельчане пользовались в дополнение к школьному обучению своих детей из-за плохих успехов учеников в официальной школе или для дополнительной подготовки к поступлению в средние учебные заведения, на службу.

Поскольку спрос на образовательные услуги со временем быстро усиливался, а количество грамотных — потенциальных учителей — в селениях росло медленно, происходила своеобразная концентрация учебного дела. Немаловажным фактором здесь служила также

---

¹ *Вопросы народного образования...* С. 67—68.

² *Кокоулин К. К.* Школы и грамотность в Киренском окр. Иркутской губ. Иркутск, 1895. С. 56.

³ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2121, л. 36.

⁴ НГПИ, д. 6, л. 43.

⁵ *Вопросы народного образования...* С. 69.

⁶ *Чукмалдин Н. М.* Записки... С. 18, 56.

⁷ ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 2, л. 7—10, 20—26; д. 3, л. 7; *Дело начального образования в Восточной Сибири* // ВО. 1888. 21 февр.; *Ш-в.* Сибирский странствующий учитель // Сибирь. 1887. 7 июня; *Шперк Ф. Ф.* Верхоленинский окр. С. 164; и др.

«нехватность» большинства крестьянских дворов, не располагавших собственными грамотными членами и в то же время по бедности не могущих воспользоваться услугами наемного учителя в одиночку. Крестьяне кооперировались несколькими семьями и, совместно нанимая учителя, создавали так называемые «домовые», «домашние», или «вольные» школы. Учитывая существующий в деревне спрос, инициативу в образовании такой школы мог проявить и будущий учитель — местный причетник, писарь, ссыльнопоселенец, пришедший из армии грамотный односельчанин и др. В среде старообрядцев учителями домовых школ обычно становились уставщики, певчие, священники, начетчики и читалки. «Домовые» школы, возникшие на базе частного индивидуального и группового обучения детей грамоте, можно считать первым этапом собственно школьной системы образования в сибирской деревне.

Если индивидуальное обучение бывало зачастую бесплатным, то учителю «домовой» школы всегда платили «по уговору» — деньгами, мукой, мясом — кто чем мог. Учитель, как правило, столовался в семьях своих учеников. Занятия проходили обычно по очереди в избах у каждого из родителей, но иногда — в одном наиболее просторном родительском доме или в арендуемом помещении. Ребенок посещал домовую школу одну-две, редко три зимы. Занятия, как правило, начинались после окончания основных полевых работ с Покрова или даже в ноябре (до снега в некоторых местностях ребята пасли скот на жнивах), а заканчивались на Пасху с началом весеннего хозяйственного цикла. Это устраивало учителей, иные из которых вели собственное хозяйство, и особенно родителей: в теплый сезон подростки очень нужны были для помощи в поле и огороде, для присмотра за малышами. Но бывали и исключения. «Иные состоятельные крестьяне учат детей целый год, не отвлекая их на полевые работы, и учитель остается на лето при одном, трех учениках, лишь бы прокормиться; у иных дети по малолетству пригодны к одной бороньбе и только на время прекращают ученье», — сообщал осведомленный наблюдатель из Восточной Сибири в 1887 г.¹

По наличию средств обучения и его качеству большинство домашних школ находилось на невысоком уровне. Программа занятий зависела в равной степени от пожеланий родителей и возможностей учителя. Учитель воспринимался крестьянами именно как нанятый работник, обязанный отдать нанимателям возможно больше своего труда. Кроме того, отданные в ученье дети не должны были празднично проводить время. Поэтому уроки шли не менее 6—7 часов в день с перерывами, а то и всю светлую часть суток по 10—12 часов. Исследователь В. Ю. Григорьев, обобщавший опыт работы домашних школ в Иркутской губ. 1880-х гг., так описывал содержание и порядок обучения в них: «Предметы проходятся один за другим. Чтению учат большею частию по старинке, знакомят детей сначала с буквами (бе, ве, ге),

---

¹ III-в. Сибирский странствующий учитель.

далее со складами и т. д. По арифметике главное внимание обращается на решение задач и усвоение механизма действий. Учение письму начинается с палочек и кончается прописями и списыванием с печатных книг. По Закону Божьему ученики заучивают употребительнейшие молитвы, иногда библейские рассказы из Ветхого Завета. Родители требуют, чтобы дети хорошо знали двенадцатые праздники»¹.

Обычно неграмотные сельчане не особенно вникали в методику преподавания, но известны случаи, когда и эта сторона учебного дела в домашней школе довольно жестко контролировалась родителями. Так, в 1883—1884 гг. в д. Большая Иня Минусинского окр. Енисейской губ., где работал хороший учитель из ссыльных, «10—12 детей сидели за тремя разными столами ... за одним столом учились по славянской азбуке и Часовнику, ибо так хотели их родители, иначе они учить не позволяли, за другим столом учились по методу Зотова, они прежде так учились у другого учителя, за третьим сидели учившиеся по звуковому методу Ушинского — этих учитель взял неграмотными, и как ни доказывал на их примере пользу звукового метода, не мог убедить почитателей кириллицы»². Учить детей чаще всего приходилось по случайным пособиям, купленным родителями подешевле во время поездок на ярмарки или в город на базар.

Результаты учения в «домовых» школах сильнее всего зависели от квалификации учителей. У малограмотных наставников (а таких было большинство) подростки едва разбирали печатный текст, могли «руку приложить» — расписаться в документе, записать что-нибудь «по домашности», написать двух- или трехзначное число³. Иным селениям везло больше. «По отзывам близко стоящих к делу народного образования лиц, в некоторых домашних школах дело поставлено замечательно хорошо и ведется с большим умением...», — констатировал В. Ю. Григорьев⁴. Наиболее подготовленные учителя пользовались уважением у окружающего населения, их нарасхват звали во многие деревни, а после отъезда или смерти долго вспоминали добрым словом.

Часть домашних школ возникала для удовлетворения профессиональных потребностей старообрядческой среды. «Обучение в этих школах поставлено на узкой почве начитанности в церковных книгах и творениях церковных писателей, и главною задачею их служит приготовление начетчиков и чтецов при общих молениях. Во многих таких школах даже не дается ознакомление с гражданской азбукою, не говоря уже о других предметах начального обучения», — отмечала редакция «Восточного обозрения» в специальной передовой статье, посвященной обучению детей «раскольников»⁵. Кроме последних, свои домашние училища

---

¹ Григорьев В. Ю. О школах грамотности в Иркутском окр. // Изв. ВСОРГО. 1888. Т. 20. № 5. С. 81.

² Грамотность и школы в Минусинском окр. // ВО. 1889. 19 февр.

³ ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 2, л. 10; МКМ, оп. 4, д. 108/48, л. 55; Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы... С. 10—11.

⁴ Григорьев В. Ю. О школах грамотности... С. 81.

⁵ Церковные школы и раскольники // ВО. 1899. 14 янв.

устраивали христиане-сектанты и иудео-христиане (субботники), при социализации подростков также делавшие упор на конфессиональную специфику.

В источниках можно найти только отрывочные сведения о количестве домашних школ в сельской местности Сибири. Приведем такие данные по округам (уездам) двух губерний — Иркутской и Томской. На рубеже 1880—1890-х гг. в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском округах Иркутской губ. было выявлено 107 домовых школ и примерно 1020 учеников в них, в Верхоленском окр. — 40 частных школ¹. В Киренском окр. Иркутской губ. в период 1884—1894 гг. число известных лиц, занимавшихся домашним обучением детей, колебалось в диапазоне 37—48, зимой 1893/94 г. у них училось 297 человек². В 1895—1896 гг. в Мариинском окр. Томской губ. было зарегистрировано 38 домовых школ, в Барнаульском окр. — более 316³. В Бийском окр. той же губернии на январь 1897 г., по официальным данным, числилось на 71 крестьянское и 25 «инородческих» селений 96 таких школ; в Каинском уезде в 1898 г. — 114, причем в них учились 1832 подростка⁴.

Следует сразу оговориться: точное количество домашних школ неизвестно, тем более оно не может быть прослежено в динамике по нескольким причинам. Во-первых, эти училища были неустойчивым образованием, быстро возникали и распадались. Во-вторых, сельчане часто скрывали их существование, опасаясь, что начальство запретит педагогическую деятельность ссыльному или старообрядческому «расколоучителю», откроет в данной местности официальную школу, на содержание коей придется вносить дополнительные подати. Саму категорию «домовых» училищ в официальных кругах поэтому называли еще «тайными» школами — они нигде официально не регистрировались и не подчинялись никаким утвержденным свыше «уставам», «положениям» и циркулярам. По некоторым оценкам, количество домашних школ превышало число официальных училищ, в зависимости от местности и периода, от 1,5 до 6 раз⁵.

Несомненно, что в период 1861 — середины 1880-х гг., когда официальных школ было еще очень мало, большинство грамотных крестьян-сибиряков получало грамоту именно в «домовых» школах. Со временем доля грамотных, выучившихся в домашних условиях, сокращалась. В ходе массового обследования крестьянского быта во второй половине 1880-х — середине 1890-х гг. были получены данные об удельном весе учеников вольных школ среди всех учащихся детей в приписном населении. Их доля оставалась высокой, равнясь в основной части Енисейской губ. (Минусинский, Ачинский, Канский, Красноярский округа) 37

---

¹ *Материалы по исследованию ... Иркутской и Енисейской губерний*. М., 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 194—195; Иркутск, 1892. Т. 2. Вып. 6. С. 31.

² *Кокоулин К. К.* Школы и грамотность... С. 55.

³ Подсчитано по: ГАТО, ф. 146, оп. 1, д. 3, л. 62—77; д. 7, л. 494—509.

⁴ Там же, д. 6, л. 34; ф. 3, оп. 44, д. 481, л. 22—23.

⁵ См.: *Юрцовский Н. С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. Вып. 1. С. 190—191; *Кривенко С. Н.* На распутье. 2-е изд. М., 1901. С. 165.

%, в Иркутском, Нижнеудинском и Балаганском округах Иркутской губ. — 35 %, в Забайкалье — до 20 % и т. д.¹ Обнаружились еще целые волости без официальных училищ, где уровень грамотности жителей в результате долгой работы «домовых» школ оказался выше, чем в иных волостях с одной-двумя недавно открытыми официальными школами.

В 1894—1895 гг. К. К. Кокоулин проверил с помощью сплошной подворной переписи грамотность в 80 селениях Киренского окр. Иркутской губ., расположенных в разных естественно-исторических, экономических и культурных зонах. При этом выяснилось, что в среде собственно крестьян, «миную разные звания и поселенцев», в возрасте старше 7 лет из общего числа грамотных (умевших хотя бы с трудом читать и писать) 784 человека, или 42,2 %, получили грамотность частным образом и в «домовых» школах, 850 (45,7 %) — в училищах МНП, а еще 224 человека (12,1 %) — в других учебных заведениях и на армейской службе².

В конце XIX — начале XX вв. в связи с прогрессом официальной просветительной сети относительное значение вольных школ в деле распространения грамотности заметно упало. Создав предпосылки для развития системы официальных училищ, «домовые» школы были потеснены последними, но все же сохранились как форма обучения и даже вряд ли сократили свое общее количество. Вплоть до октября 1917 г. официальная школьная сеть в сибирской деревне и по количественным, и по качественным показателям не могла удовлетворить потребности населения, и поэтому по-прежнему «домашним способом» вынуждены были учить детей грамоте те крестьяне, которые жили в удаленных от училищ селениях, получили отказ в приеме ребенка в школу «за недостатком места» и пр.

Однако жизнеспособность и даже известная **конкурентоспособность вольных школ** объясняется не только этим. Они имели, с точки зрения значительной части крестьян, *следующий ряд преимуществ* перед официальными училищами:

1. Наибольшая приспособленность к потребностям и особенностям крестьянского хозяйства, всего сельского образа жизни: подходящие сроки и программы обучения, возможность их варьирования, тесная связь с «родительской школой» — системой воспитания, физического развития и образования в семье.

2. Некоторые организационные преимущества. Домовые школы не могли быть территориально удалены от крестьянского двора, в них обучалось немного детей, в основном от 3 до 10³, и это облегчало учебный процесс. Сами родители могли подбирать «подходящего» учителя, не было повседневного бюрократического и регламентирующего

---

¹ *Материалы по исследованию ... Иркутской и Енисейской губерний*. Т. 2. Вып. 2. С. 194; Т. 4. Вып. 2. С. 29—31; *Комиссия для исследования...* Вып. 3. С. 398; *Адрианов А. В.* Очерки Минусинского края. Томск, 1904. С. 38.

² Подсчитано по источнику: *Кокоулин К. К.* Школы и грамотность... С. 57—59.

³ НГПИ, д. 3, л. 79; ТФ ГАТюмО, ф. 417, оп. 1, д. 643, л. 92; *Кокоулин К. К.* Школы и грамотность... С. 55; *Ш-в.* Сибирский странствующий учитель; и др.

вмешательства чиновничества в школьные дела.

3. В условиях «разноверности» населения представители немногочисленных конфессиональных групп предпочитали иметь свои домашние школы, чтобы не отправлять детей в официальные училища, особенно принадлежащие ведомству православного исповедания, где насаждалась «казенная» религия («Худа грамота — душе пагуба»)¹.

4. Создание «домовых» школ позволяло сельчанам избежать больших расходов на обучение детей грамоте в тех случаях, когда официальная школа находилась в другом селении и родителям нужно было платить за наем здесь квартиры, за питание ученика и т. д. Расходы на содержание помещения и оплату труда учителя в «домовых» школах не были слишком высокими, можно было не тратиться даже на новую одежду и обувь и учить школьников в «обуденной» одежде. Правда, денежные соображения отнюдь не всегда играли решающую роль: содержание «домовой» школы отнюдь не освобождало крестьян и от уплаты податей на официальные училища.

Важные исторические заслуги сельских вольных школ, длительная приверженность к ним крестьянства заставляют нас в целом присоединиться к выводу В. Ю. Григорьева, высказанному в специальном докладе в 1888 г.: «Явление это включает в себе жизненное начало, ибо возникло оно и развилось без посторонней инициативы. <...> Частная инициатива, как это нередко бывает, и по этому вопросу оказалась впереди органов, специально ведающих народную грамотность»². В то же время не следует преуменьшать недостатки домовых школ, которые было трудно преодолеть в тогдашней политико-правовой и культурной обстановке.

Исследованные нами материалы показывают: для изучаемой эпохи характерно расширение общепризнанного в селениях круга «базовых» знаний, который нужно было усваивать в ходе образования новым поколениям. Требования крестьянства к объему и качеству грамотности росли, и это вызвало необходимость дополнения традиционной семейно-общинной системы обучения детей школьным каналом обучения. Большой заслугой крестьянства перед национальной и региональной культурой можно считать создание исключительно собственными силами системы «домовых» школ, что стало одной из важнейших предпосылок развития официальной образовательной и просветительской сети.

Официальные школы разной ведомственной принадлежности можно считать вторым этапом в развитии системы начального школьного образования в селениях Сибири, как и России в целом. В конце XIX — начале XX вв. официальная училищная сеть по своему значению для образования сельских ребят выходит на передний план. Происходила переориентация все более значительной части населения с домашней школы, имевшей наряду

---

¹ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 344, л. 7.

² Григорьев В. Ю. О школах грамотности... С. 82—83.

с внешними препятствиями и определенный внутренний предел своего качественного совершенствования, на официальную — потенциально способную дать лучшее образование. «Жители не избегают училища и, раз оно открыто, считают необходимым обучать детей в нем, а не на дому», — такая позиция становится все более распространенной¹.

Абсолютное и относительное количество детей, отдаваемых родителями на учебу в официальные школы, год от года росло, но в итоге все же не достигло доминирующих величин. Наш подсчет по данным школьных переписей показывает: в 1894 г. в целом по Сибири доля учащихся среди детей школьного возраста равнялась 8,0 %, в том числе в сельской местности — 6,9 %. В 1911 г. общесибирский показатель составил 19,6, а в селениях — 16,5 %. В качестве «школьного» здесь учтен возраст у мальчиков 7—13 и девочек 7—11 лет включительно².

Среднее и высшее образование вообще не получило заметного распространения в российской деревне дооктябрьской эпохи. Конечно, теоретически можно было, перейдя из начальной школы низшего типа в «высшую» начальную школу и успешно окончив ее, а потом еще дополнительно позанимавшись с учителем, поступить в специальное начальное учебное заведение (по современной терминологии — неполное среднее профессиональное): учительскую или духовную семинарию, фельдшерскую или фельдшерско-акушерскую, ветеринарную школу, училище сельскохозяйственного или промышленного профиля. Не был полностью закрыт и путь в среднее учебное заведение (гимназию, городское коммерческое или реальное училище и др.), а потом в университет. На практике же такую судьбу для своих детей крестьяне избирали очень редко по следующим причинам: 1) у большинства родителей на длительное обучение детей в отрыве от дома не было материальных средств; 2) мешало слабое развитие сети начальных училищ высшего типа в селениях, крайне малое количество специальных начальных, средних и высших учебных заведений в Сибири; 3) большинство крестьян-сибиряков стремилось сохранить связь своих потомков с сельским хозяйством, не допустить их ухода из деревни, разрыва с образом жизни предков.

Относительно лиц, учившихся в средних и высших учебных заведениях, приведем данные Всеобщей переписи населения 1897 г. (табл. 14). Подсчеты показывают, что в вузах к концу XIX в. прошло незаконченное или полное обучение всего несколько десятков сельских жителей Сибири, в средних учебных заведениях — 12,2 тыс. человек. Если же выделить «лиц сельского состояния» (в основном русских крестьян и казаков), то в их среде показатели оказываются еще на порядок меньшими. Конечно, значительная часть выходцев из деревни,

---

¹ РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 739, л. 8.

² Подсчитано по источникам: *Однодневная перепись начальных школ Российской империи*, произведенная 18 января 1911 г. Пг., 1916. Вып. 16. С. 22, 54, 56; *Отчет Медицинского департамента МВД за 1893—1895 гг.* СПб., 1898. Ч. 1. С. 126—277; *Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1910 г.* СПб., 1912. С. 66—67, 91—94. Рассчитано с учетом возрастной структуры населения, зафиксированной Всероссийской переписью населения 1897 г.

получив среднее и высшее образование, оседала в городах, но абсолютные показатели этого процесса тоже не были большими.

Таблица 14

**Количество сельских жителей Сибири, прошедших обучение
в средних и высших учебных заведениях к 1897 г.***

Тип учебных заведений	Все сословия			В т. ч. «лица сельского состояния»		
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего
<i>Средние:</i> специальные	1449	139	1588	391	39	430
военные	543	-	543	80	-	80
прочие	6654	3431	10085	773	589	1362
<i>Высшие:</i> специальные, технические	235	4	239	17	-	17
военные	12	-	12	-	-	-
университеты и прочие	389	18	407	48	6	54
Итого:	9282	3592	12876	1309	634	1943
	22,0	43,9	25,5	4,0	11,4	5,1
	34,3	13,6	24,0	6,3	3,0	4,7

* Подсчитано по источникам: *Первая* Всеобщая перепись... Т. 73. С. 32—35; Т. 74. С. 36—39; Т. 75. С. 34—37; Т. 78. С. 50—53; Т. 79. С. 44—47; Т. 81. С. 32—35. В верхних шести графах указаны абсолютные числа. В итоговой графе первая строка — абсолютное количество учившихся (окончивших курс и не окончивших); вторая строка — их доля среди грамотных жителей, %; третья — доля во всем населении данной категории на каждые 10 тыс. человек.

Следует отметить, что в казачьем населении количество лиц, получавших образование выше начального, выраженное в относительных величинах, было больше, чем среди крестьян. Особенностью казачества было также охотное обучение детей в учебных заведениях военного профиля (военных гимназиях и прогимназиях, юнкерских училищах и др.). Согласно отчету наказного атамана о состоянии Сибирского казачьего войска за 1898 г., в средних учебных заведениях на 10 тыс. душ войскового сословия обучалось 19 лиц мужского пола и 13 женского, в итоге — 16 человек.¹ Эти показатели в несколько раз превышают имеющиеся цифры по всей сельской местности Сибири у «лиц сельского состояния», но удовлетворительными их тоже признать невозможно. В начале XX в. положение в изучаемой сфере кардинально не изменилось.

Перейдем к вопросу о том, каковы были **результаты обучения грамоте** деревенского населения Сибири. В соответствии с темой монографии особый интерес представляет уровень и качество грамотности подрастающих поколений.

По данным демографической переписи 1897 г., среди подростков (лиц мужского пола 14—18 и женского пола 12—16 лет) в сельской местности Сибири грамотных, т. е. умеющих читать и писать, либо хотя бы читать, насчитывалось 14,3 %, в том числе у мужчин 22,7, а у женщин

¹ Подсчитано по: РГВИА, ф. 330, оп. 43, д. 1404, л. 23—24.

6,5 %. Названные показатели были выше, чем грамотность в сельском населении всех возрастов, в 1,5 раза, а среди лиц женского пола даже в 2,1 раза¹. Иначе говоря, на подростковый возраст, конкретнее — примерно на 14—16 лет, приходилось наибольшее число грамотных. К этим годам крестьянские дети уже выходили из школы и еще не успевали забыть полученные там навыки.

К моменту совершеннолетия, совпадавшему с освидетельствованием для призыва на военную службу, некоторая часть учившихся ранее парней уже успевала подзабыть грамоту. Однако же от года к году к призыву приходили все более грамотные мужские когорты. Во всей Сибири (без выделения сельской местности, дававшей львиную долю солдат) в 1876 г. среди 7039 новобранцев, принятых на службу, грамотных — умевших читать и писать или только читать, в том числе имевших право на сокращенный срок службы — было 11,5 %, в 1886 г. среди 7205 призванных — 17,1 %, а в 1896 г. среди 10 346 — 23,1 %. Доля грамотных среди новобранцев по Российской империи в целом составила в те же годы соответственно 20,9; 27,8 и 40,2 %, т. е. была значительно выше². К моменту начала Первой мировой войны грамотных призывников из сибирских губерний и областей приходило уже около половины, а по стране в целом — более 2/3³.

Конечно, если отдельно рассматривать сельскую местность, показатели грамотности призывников окажутся меньше. В Киренском окр. Иркутской губ. в период 1884—1893 гг. среди новобранцев из собственно крестьянской среды было в среднем 8,2 % грамотных (умевших читать и писать) и 10,3 % малограмотных (только читавших). Интересно, что среди женатых призывников, а их оказалось за 10 лет 898 из общего количества 3591 человека, удельный вес грамотных и полуграмотных был в 1,7 раза больше, чем среди холостых⁴. Объясняя этот факт, К. К. Кокоулин выдвинул резонное предположение: «Те лица, которые по сравнительной хозяйственной состоятельности могли жениться до призывного возраста, по той же причине могли больше и учиться»⁵. В Бийском уезде Томской губ. в 1898 г., по словам местного исправника, «из молодых людей, прибывающих к отбыванию воинской повинности, было до 90 % неграмотных»⁶. При наборе 1913 г. в армию из селений Томского уезда призывная комиссия установила: только 25,6 % новобранцев могло по праву называть себя грамотными, еще 18,3 % хотя и знали буквы, но не могли ни писать, ни даже связно читать.

---

¹ Подсчитано по источникам: *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904—1905. Т. 73. С. 8—9; Т. 74. С. 8—9; Т. 75. С. 8—9; Т. 78. С. 12—13; Т. 79. С. 12—13; Т. 81. С. 8—9.

² Подсчитано по источнику: *Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи*. СПб., 1898. Вып. 1. С. 294—303.

³ См.: *Богданов И. М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964. С. 52; *Соловьева Е. И., Зверева К. Е.* Образовательный уровень крестьянства Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в XVII — начале XX вв. Новосибирск, 1987. С. 87.

⁴ Подсчитано по источнику: *Кокоулин К. К.* Школы и грамотность... С. 61 (табл. 26).

⁵ Там же. С. 62.

⁶ *Штейнфельд В. П.* Бийский уезд Томской губ. Бийск, 1910. С. 15.

Совершенно неграмотными оказались 48,4 % (об остальных 7,7 % источник сведений не дает)¹.

Рассмотренные нами материалы показывают, что традиционная система образования, предполагавшая передачу знаний и формирование интеллектуальных способностей в процессе совместной деятельности и повседневного общения представителей разных поколений, даже будучи дополненной обучением детей грамоте в домашних и официальных школах, все же доминировала в сибирской деревне эпохи капитализма. По этой причине источники зачастую фиксировали засилье «досельных», «старопрежних» способов мышления и хозяйствования крестьян, «консерватизм, косность и слепую привязанность к приемам и обычаям, унаследованным от предков»². Организаторы переселенческого движения и колонизации восточных окраин констатировали, что малограмотность и излишний культурный традиционализм (незнание сибирских условий, неспособность быстро приспособлять хозяйство к потребностям места и времени, сильная приверженность приемам экономической деятельности, усвоенным в родительской семье на родине) чрезвычайно затрудняли процесс освоения переселенцами колонизируемых пространств и создания своего хозяйства на новых местах³.

Однако внимательные наблюдатели отмечали и другую сторону дела: «... при всей своей малограмотности и малокультурности сибирское крестьянство отнюдь не может быть подведено под понятие серой, инертной и беспомощной ... массы, косной как в своих личных хозяйственных делах, так и в делах общественных»⁴. В конце XIX — начале XX вв., обосновывая возможность введения земства на «малограмотных» окраинах, представители либеральной общественности среди высоких проявлений народной культуры сибиряков называли факты умелого отправления представителями волостей дел по общественному самоуправлению на уровне уездов, компетентную позицию «крестьянского элемента» в местных Комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г., агрономическую деятельность передовых крестьян в сельскохозяйственных обществах, их сотрудничество с прочими научными обществами, активные выступления в органах печати. А также, что немаловажно для темы нашего исследования, «энергичную и плодотворную» деятельность на поприще народного образования, в том числе в составе обществ попечения о начальном образовании⁵. Масштабы распространенности явлений такого рода не следует

---

¹ Собкевич А. И. К вопросу о физической крепости населения Сибири // Сиб. врач. 1916. 10 июля.

² Труды местных Комитетов... 1903. Т. 53. С. 155.

³ См.: Нагнибеда В. Я. Положение переселенцев и колонизационная практика в Сибкрае // Тр. Первого Сиб. краевого науч.-исслед. съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 159—160.

⁴ Труды местных Комитетов... 1903. Т. 54. С. 188.

⁵ См.: Вейсман Р. Л. Правовые запросы Сибири. СПб., 1909. С. 33—34; Сборник о земстве в Сибири. С. 130, 317; Солдатов В. В. Возможно ли земство в Сибири? // ВО. 1902. 11 дек.; О введении земских учреждений в губерниях и областях Восточной Сибири. Иркутск, 1913. С. 7.

преувеличивать, но само их наличие и тенденцию к росту их значимости оспаривать невозможно.

Полного культурного застоя в селениях вообще быть не могло, ведь традиция допускала известную вариативность. Через нее пробивала себе дорогу творческая активность отдельных сельчан, без чего был бы невозможен прогресс. Не проходило бесследно влияние школы в лучших ее образцах, сказывалось просветительное воздействие интеллигенции по внешкольным каналам, в том числе через складывающуюся систему книгоиздания и книгораспространения¹. Вообще эпоха капитализма характеризовалась значительным и более быстрым, чем раньше, общественным прогрессом, и в этом была велика роль крестьянства как класса непосредственных производителей и носителей высокоразвитой национальной культуры, передававшейся новым поколениям. Очевидно, что между уровнем грамотности и «культурностью» сельского населения в изучаемую эпоху постепенно устанавливается определенная взаимосвязь, хотя два этих феномена оставались относительно самостоятельными.

ПРОБЛЕМА ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Прежде всего, уточним основное понятие, используемое в данном и последующем параграфах монографии. «Девиантное поведение — это система поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали», — так звучит наиболее общее определение, данное академиком И. С. Коном². Социальные психологи вычленяют *три разновидности девиантного (отклоняющегося) поведения*: 1) аморальное — противоречащее нравственным нормам, но не противоправное; 2) делинквентное — противоправное, но проступки сравнительно незначительны; 3) криминальное — преступное, когда противоправные поступки серьезны и наказываются в уголовном порядке³. Как видно, при таком понимании отклоняющееся поведение расценивается как однозначно негативное антисоциальное явление.

Однако социальный и нравственный прогресс невозможен без «проблемного», отклоняющегося поведения какой-то части членов общества, опережающих в своем образе жизни основную массу людей и в перспективе ведущих за собой остальных. Поэтому *мы*

---

¹ См.: *Книга в России, 1861—1881*. М., 1991. Т. 3. С. 7—27, 69—86; *Волкова В. Н.* Сибирская книга второй половины XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. Новосибирск, 1989. С. 58—87; *Бердников Л. П.* Книготорговля в Сибири во второй половине XIX в. // Там же. С. 87—102; *Зверев В. А., Зверева К. Е.* Распространенность печатных изданий в селениях Сибири пореформенного периода (1861—1904 гг.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX вв.). Новосибирск, 1991. С. 118—139; *Они же.* Круг чтения крестьянства Сибири в период капитализма (80-е-гг. XIX в. — 1917 г.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX вв.). Новосибирск, 1990. С. 78—96; и др.

² *Кон И. С.* Психология ранней юности. М., 1989. С. 237.

³ Там же; *Краткий психологический словарь*. М., 1985. С. 224.

различаем две следующие основные категории девиантного поведения, реально распространенные в крестьянской среде второй половины XIX — начала XX вв.: 1) просоциальное поведение понимается как система инновационных поступков, отклоняющихся от общепринятой традиционной нормы, но не нарушающих права и интересы других членов общества и объективно способствующих социальному и моральному прогрессу; 2) антисоциальное поведение — аморальное, делинквентное и криминальное, противоречащее интересам конкретных людей, социальных групп и общества в целом и являющееся симптомом дезорганизации и деградации морали и общественных структур.

Социализация молодых поколений в традиционном обществе, ориентированная на формирование заданных «по старине» параметров личности и возрастной когорты, социальной группы редко давала сбои и в основном достигала своей цели. Однако это совсем не означает, что все люди, прошедшие «школу» традиционного воспитания и образования, обладали абсолютно одинаковыми интеллектуальными, эмоциональными, волевыми, физическими качествами и вели идентичный образ жизни. Во-первых, сказывались природные задатки людей и особенности их жизненного опыта, которые в принципе учитывались старшими при социализации, но, разнообразие которых было бесконечно и сила проявления иногда беспрецедентна. Во-вторых, традиционная «типовая» схема-цель социализации более или менее четко задавала только основные черты социализируемых, допуская варианты во всех «второстепенных» сторонах мировосприятия и поведения и мало учитывая «третьестепенные». В-третьих, стопроцентной реализации целей в любом случае не могло быть хотя бы ввиду их идеального характера: реальный процесс воспитания и образования осуществлялся в конкретной обстановке реальными людьми, и это сказывалось на результатах.

«Каждый молодец на свой образец», «Что ни город, то и норов, что ни деревня, то и обычай»¹, — такие поговорки отражали, в частности, существовавшие индивидуальные и групповые (региональные, сословные, конфессиональные и пр.) различия в культуре и образе жизни людей. Эти отличия не воспринимались общественным сознанием как нарушения образца, они были привычными. В то же время как отклонения от ожидаемой нормы воспринимались многими представителями старших поколений реальные или мнимые объективно неизбежные возрастные особенности поведения молодых людей.

В сибирских селениях, как и повсюду, пожилые люди сетовали на «испорченность» молодежи, «забывающей заветы предков». В приалтайских старообрядческих селениях некоторые старики даже не ели из одной посуды с молодыми людьми из собственной семьи,

---

¹ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 345, л. 18; *Пословицы и поговорки русского народа*: Из сборника В. И. Даля. М., 1987. С. 455.

считая их грешнее себя¹. Одной из причин «молочных» бунтов, прокатившихся на рубеже веков в районах недавно распространившегося машинного маслоделия на юге Сибири, исследователь С. П. Швецов считал «вражду и злобу», развившиеся в семьях, сдававших молоко на сепаратор. Обязанности молодых женщин изменились, несколько облегчились, и старухи-свекрови почувствовали себя ущемленными, а старики были сильно недовольны тем, что много времени девушки и молодухи проводят «праздно» в разговорах друг с другом, выстаивая очередь у «молоканки»². «Молодежь нынешняя далеко не така, они и в лес-то ходят на промысел и там ленятся, оттого так мало и добывают», — ворчал в разговоре с корреспондентом ВСОРГО крестьянин Ф. Беспалов из с. Витим Киренского уезда Иркутской губ., отражая взгляды своих пожилых сверстников³.

Неудовлетворенность стариков «молодяжником» зафиксирована во множестве источников, но сама по себе она еще не свидетельствует о каких-то реальных сбоях в системе социализации, имея скорее психологическое объяснение в рамках извечной возрастной оппозиции «отцов и детей». Гораздо значимее имеющиеся свидетельства о нарастании недовольства части крестьянской молодежи теми порядками, к которым их приобщали старшие. Вторая половина XIX — начало XX вв. — это время, когда традиционная культура и образ жизни российской деревни уже фактически изживали себя и не удовлетворяли всех потребностей нового, более динамичного времени. Из всех поколений крестьянства это быстрее всего и лучше всего чувствовала более грамотная и мобильная молодежь.

Видный сибирский этнограф Г. С. Виноградов констатировал в 1914 г.: «Усложнившиеся жизненные условия, близкое соприкосновение города с деревней, приток новых веяний — все это постепенно разрушало и продолжает разрушать былой патриархальный уклад, меняло и все еще продолжает менять духовную физиономию деревни»⁴. Под влиянием закреплявшего свое господство капитализма, связанных с ним процессов социальной подвижности, личностной эмансипации, приобщения к некоторым культурным ценностям «большого» мира часть сельской молодежи становилась в критическую позицию по отношению к устаревшим нормам. Об этом с удовлетворением говорили в конце XIX — начале XX вв. такие авторитетные знатоки крестьянской жизни, как М. В. Загоскин («... по-видимому, молодое поколение понемногу бросает более грубые привычки и суеверия»), К. Д. Логиновский («... молодежь часто скептически относится к мировоззрениям своих стариков, но зачастую этот скептицизм скорее наружный и показной, чем разумно обдуманной») и др.⁵ Означенный

---

¹ См.: *Вербицкий В. И.* Пятая сотня областных слов, употребляемых приалтайскими жителями // ТГВ. 1863. 5 июля; *Чудновский С. Л.* Очерки... № 10. С. 198.

² См.: *Швецов С. П.* «Молочные бунты» в Сибири и их причины // Рус. богатство. 1902. № 3. Отд. 2. С. 108—110.

³ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 674, л. 215.

⁴ *Виноградов Г. С.* Песни отживающего поколения // Сиб. архив. 1914. № 7/8. С. 357.

⁵ *Загоскин М. В.* Десять лет... С. 35; *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии... С. 3; *Городцов П. А.* Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // ЕТГМ. 1915. Вып. 26. С. 20.

процесс затронул даже наиболее консервативную старообрядческую среду. «Гнет уставщиков и отжившие формулы давно уже перестали удовлетворять молодежь, и она пыталась и пытается найти какие-то новые формы быта, не порывая резко с традициями, по которым живут их отцы», — писала в 1920-х гг. А. М. Попова, опираясь и на собственные наблюдения за «семейскими» Забайкалья, и на свидетельства предшественников¹.

Во всех сферах образа жизни молодых поколений сибирского крестьянства постепенно распространялись и накапливались **позитивные новации**. В сфере демографического поведения, например, это: стремление создать брак «по любви», а не только по экономическому расчету, и в оптимальном возрасте; выделиться вместе с супругом из того отцовского двора, где был силен произвол домохозяина, и создать собственную семью на основе равноправных отношений, все более частые обращения за необходимой помощью к акушеркам, фельдшерам и врачам. В социализирующей деятельности — стремление дать детям школьное образование, приобщиться к достижениям науки и передовой практики через чтение специальной литературы, посещение музея и выставок, опытных полей и ферм, участие в общественно-педагогическом движении своего времени и т. д.

Поскольку все это не укладывалось в прокрустово ложе вековых традиций деревенской среды, судьбы молодых «инноваторов» были зачастую непростыми, им приходилось преодолевать сопротивление окружающих, проявлявшееся поначалу в родительском «внушении», в насмешках соседей и знакомых. Иногда дело доходило до формальных репрессивных санкций «мира», религиозной общины, других институтов. А. М. Попова указывает: «Находились и до революции люди, желающие жить по-новому, однако им вследствие гонения со стороны подговоренного уставщиками общества приходилось или смиряться, или уходить из села. Уставщики отказывали протестанту в исполнении разных треб (похоронах, крещении детей и т. п.)»². Однако новое постепенно пробивало себе дорогу, будучи свидетельством наметившегося перехода от традиционного к современному типу демографического и социализирующего поведения.

Сказанное относится и ко всем другим сферам образа жизни. Патриархальной крестьянской реакцией на указанные и прочие инновации являлись те многочисленные запреты, которые влиятельные наставники старообрядчества накладывали на поведение своей паствы: избегать прикосновения к деньгам, сторониться торговли, не давать показаний во время переписей и обследований населения, не пользоваться любыми купленными на деньги товарами, не употреблять в пищу сахар, мясо, картофель («чертово яблоко») и т. д. Однако такие ограничения не могли быть действенными в течение долгого времени. Академик Н. Н.

---

¹ Попова А. М. Семейские... С. 27.

² Там же. С. 26.

Покровский показывает, как видные идеологи урало-сибирского старообрядчества были вынуждены под давлением общественных реалий снимать наиболее одиозные запреты: «разрешали» торговлю и купленные на рынке товары, после бурных дискуссий на Бийском церковном соборе 1912 г. приняли специальное постановление о допустимости употребления картофеля. Принятие этих и иных новшеств руководителями крупных согласий одобрилось далеко не всеми старообрядцами, на основе их неприятия складывались новые толки и согласия, продолжалась полемика¹.

Поскольку инновации и в реальной жизни, и в общественном мнении крестьянства были связаны с влиянием городов и крупных транспортных магистралей, а также с притоком в Сибирь «расейских» переселенцев, получила распространение еще одна форма патриархальной реакции: уход некоторых групп старообрядческого и даже официально-православного старожильческого населения с обжитых мест в более глухие малонаселенные местности «от греха подальше», «чтобы детей спасти от гибели»².

Прогрессивная реорганизация образа жизни крестьянства начиналась в очень неблагоприятной общественной обстановке. Она сочеталась с развитием антисоциальных форм девиантного поведения некоторой части населения.

Выделим **основные проявления антисоциального отклоняющегося поведения** молодых людей в сельской местности Сибири и дадим их краткую характеристику.

1. Аморальным проявлением в демографическом поведении можно назвать *распространение внебрачных половых отношений*.

Мы не относим сюда добрачные связи, которые довольно широко бытовали в сельской среде с давнего времени. Можно согласиться с И. Я. Неклепаевым, который объяснял распространение добрачных связей у молодых и довольно терпимое отношение к ним взрослых крестьян тем, что браки совершались больше по хозяйственным соображениям, и это «приучило молодежь свои сердечные стремления удовлетворять в добрачных отношениях, а на брак смотреть холодно и индифферентно, как на чуждое для себя дело и почти как на неизбежное зло — потерю воли с той и другой стороны»³. Поскольку половая любовь не могла реализоваться в любви супружеской, она зачастую находила выражение в постоянной привязанности вне семьи или в спорадических связях.

Для некоторой части семей становились возможными отношения, подобные тем, что вскрылись в ходе судебного разбирательства в семье Ломаевых из д. Марзагуль Покровской вол. Барнаульского уезда Томской губ. Дело велось в связи с заявлением Евдокии Ломаевой о

---

¹ См.: Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. 2-е изд. М., 1988. С. 34—36.

² См.: Куломзин А. Н. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. С. 100—101; *Материалы* по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде (округе). Барнаул, 1900. Вып. 3. С. 208; Овсянкин И. Колонизация и переселенческое дело // Алтай. С. 354; и др.

³ Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи... С. 143.

том, что ее дочь Агафью, 13 лет, изнасиловал крестьянский сын Василий Пшеничников с помощью Трифона и Милодоры Васильевых. Всем обвиняемым было 13—15 лет. Деревенский староста показал, что потерпевшая как на насильника указывала на своего отца и говорила, что мать ее принуждала к сожительству со своим любовником. Мать характеризовалась старостой как «развратная баба, живет в связи с Анисимом Евстратовым и, кроме этого, развратничает на стороне»¹.

Внебрачные связи в среде зажиточных крестьян приобретали специфическую для капитализма форму, когда на связь с хозяином вынуждалась наемная работница, батрачка². Поэтому парни, имевшие возможность выбирать невесту, старались избежать женитьбы на девушках, живших ранее в чужих дворах в «стряпках» и «няньках».

Распространилась в сибирских селениях и такая форма внебрачных связей, как проституция. По сведениям, собранным в 1876 г., число «гулящих» женщин в округах Томской губ. составляло до 4594 человек, причем губернатор считал эту цифру сильно заниженной³. В то же время Всеобщая перепись населения 1897 г. зарегистрировала в сельской местности Сибири и Дальнего Востока только 233 женщины и 2 мужчины, «самостоятельно» занимавшихся проституцией⁴. Несомненно, что достоверных количественных данных об этом явлении просто не могло существовать. С одной стороны, статистика была не способна охватить тайную проституцию, с другой стороны, в позорящие списки волостные власти в соответствии с инструкцией, но по существу ошибочно включали вполне добропорядочных женщин, живших с мужьями невенчанными в консенсуальном, официально не зарегистрированном браке.

В условиях строительства железной дороги, развития золотопромышленности, переселенческого движения, сохранения ссылки, долгосрочной казачьей службы и массовых мобилизаций в годы войны проституция стала сезонным или постоянным промыслом для многих женщин в больших торговых и пригородных селах, в населенных пунктах на крупных транспортных артериях, поблизости от приисков и т. д.⁵ Женщины становились жертвами промыслового сводничества, вынуждались на этот вид заработков крайней нищетой или невозможностью найти работу, особенно в неурожайные годы.

2. Вторым крупным проявлением «ненормального» поведения в демографической сфере стало при капитализме *ослабление внутрисемейных связей*.

¹ ГАТО, ф. 515, оп. 1, д. 3, л. 1—44.

² ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 28, д. 1434, л. 26; д. 2028, л. 1; оп. 29, д. 2070, л. 77; Патканов С. К. По Демьянке // Зап. ЗСОРГО. 1894. Кн. 16. Вып. 2/3. С. 55; и др.

³ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 426.

⁴ *Общий* свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. 300.

⁵ ГАТО, ф. 234, оп. 1, д. 201, л. 100—102; ГАЧО, ф. 1, оп. 2 врачевн. отд., д. 147, л. 163; *Заблоцкий*. Проституция в Сибири в прошлом // Сиб. мед. журнал. 1930. № 1. С. 44—49; *Материалы* для изучения ... Западной Сибири. 1892. Вып. 14. С. 80; и др.

Сразу оговоримся: в целом большинство крестьянских семейств, скрепленных общностью хозяйственной жизни, культурной традицией и взаимной симпатией членов, жило «в согласии», «советно». Однако по мере усиления частнособственнического начала в семье, системы внутрисемейной эксплуатации увеличивалось количество «несогласий», «смутки» между членами семей. Не ладили между собой, прежде всего, женщины, что являлось отражением наиболее приниженного, бесправного положения одних (невестки, снохи) и произвольной власти в сфере домашнего хозяйства других (хозяйки, «большухи»). По мнению самих крестьян, сказывались и различия в воспитании в тех домохозяйствах, из которых пришли в новую семью «молодухи»: «Они-де разных домов, не доморощены оне»¹. Но напряженность охватывала отношения и прочих членов семьи. Они ссорились «из-за заработков», «из-за нежелания сына кормить детей мачехи», «не поделив пособия», вследствие «постоянных споров из-за того, кто больше работает, кто других кормит и т. п.»². Ссоры членов семей отражали то кризисное состояние, которое создавалось в постепенно разоряющейся мелкобуржуазной семье. Сказывалось и пагубное влияние браков по принуждению родителей, каковых было немало.

Вследствие этого развились следующие взаимосвязанные виды девиантных поступков, приводивших к разрушению семей: 1) формальные или фактические разводы супругов; 2) экономически неоправданные семейные хозяйственные разделы; 3) грубость и непочитание старших членов семьи со стороны молодежи.

Количество узаконенных церковью разводов в сибирских селениях постепенно увеличивалось, но в абсолютном и относительном выражении все же оставалось очень малым по причине искусственного их затруднения законом. Крестьяне закон обходили, получали все большее распространение неузаконенные самовольные разводы супругов³. Источники и литература единодушно показывают значительную распространенность разделов крупных отцовских и братских домохозяйств, влекущих за собой, как правило, ухудшение благосостояния как разделившихся, так и молодых выделяющихся семей⁴. Что же касается «непокорства» молодежи, непочтительного отношения к родителям, доходившего иногда до избиения их, то и это грубое нарушение традиционных заповедей морали получает местами угрожающее распространение, о чем свидетельствуют и официальные отчеты клириков, и заметки наблюдателей-этнографов, и воспоминания чиновников⁵. В разных местах Западной

¹ Чудновский С. Л. Алтайская поземельная община. № 11. С. 186.

² Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. С. 5, 17, 26, 62, 79, 87, 95, 119, 163, 174, 177, 182, 216, 232, 247, 251, 254; Маслюков Н. О поездке по волостям Томской губ. // Этногр. обозрение. 1899. № 1/2. С. 401—402; и др.

³ Подробнее см.: Зверев В. А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма, Новосибирск, 1988. С. 23-26.

⁴ Подробнее см.: Зверев В. А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Новосибирск, 1991. С. 30—34.

⁵ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2121, л. 33; Загоскин М. В. Одна из сибирских общин... С. 47; Зинин Н. К. Воспоминания... С. 88—89; Швецова М. В. Из поездки в Риддерский край // Зап. ЗСОРО. 1898. Кн. 25. С. 14—15; и др.

Сибири конца XIX — начала XX вв. зафиксирована такая поговорка: «Маленькому сыну говоришь: “Не ушибись, не убейся, батюшка!”, а как вырастет: “Не убей батюшку!”»¹.

3. Может быть, наиболее ярким проявлением аморального поведения части молодых сельчан было *распространение пьянства*.

Традиционная мораль осуждала хроническое пьянство, хотя и не предписывала полной трезвости («Не грешно выпить, грешно пьянствовать», «Гулять гуляй, да только дело не забывай»)². И в целом трудовой образ жизни крестьянства не располагал к повседневному «гулянию». Наблюдатели нередко отмечали, что в сибирских деревнях «пьянства нет между крестьянами», однако при этом делали почти обязательные оговорки. Во-первых, повсеместными были «пировья» с обильными возлияниями во время таких семейных событий, как свадьба и похороны, реже — именины. Пили на сельских храмовых («съезжих», «гостиных») праздниках, в дни общенародных праздничных дат (Рождество, Крещение, Пасха, Масленица и др.), в дни памяти святых, особо чтимых в определенной местности, и т. д.³ Во-вторых, обильные гуляния полагалось устраивать хозяевам после помочей для всех участников работы. В-третьих, в обычай превратились коллективные выпивки домохозяев на общественных сходах: требовали от «полуведерка» до нескольких ведер спиртного с принимаемых в общество новоселов и лиц, избираемых на общественные должности, с просителей, обращавшихся к сходу с каким-нибудь делом⁴.

Во второй половине XIX — начале XX вв. «ритуальное» (праздничное, обрядовое и общественное) потребление спиртных напитков нередко становилось чрезмерным, приобретало уродливые черты. Всё больше сельских жителей не удовлетворялось им и начинало пьянствовать «без всякого удержу», без «уважительного» повода и в будние дни⁵. Сказывались политика властей, во имя пополнения бюджета фактически поощрявших пьянство путем поддержки частных, а затем насаждения казенных кабаков, общий рост недовольства жизнью в среде разоряющегося крестьянства, ослабление семейных связей, увеличение количества денег на руках у населения с развитием рынка и другие факторы.

Понятно, что пьянствующие родители не могли успешно заниматься воспитанием детей. Больше того, они сами приучали детей к вину с самых малых лет. «Нам не раз пришлось бывать свидетелями ужасных сцен, когда матери-крестьянки в целях успокоения детей

¹ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 299, л. 38. Варианты см.: Там же, д. 344, л. 3; *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... Вып. 15. С. 27.

² *Пузырев Н.* Помочи Тальменской вол. Барнаульского окр. Томской губ. // Этногр. обозрение. 1892. № 2/3. С. 237; *Герасимов Б. Г.* В долине Бухтармы. С. 83.

³ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2121, л. 33; ТФ ГАТюмО, ф. 335, оп. 1 (604), д. 11, л. 95; ГАТО, ф. 449, оп. 1, д. 18, л. 1—15; *Арефьев В. С.* Очерки захолустной жизни // Енисей. 1898. 10 мая; *Поникаровский Д. А.* Сельские общества Салаирской вол. // Зап. ЗСОРГО. 1882. Кн. 4. С. 23, 42; и др.

⁴ См.: *Чукмалдин Н. М.* Записки... С. 88—89; *Усов Ф. Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 273—274; *Корреспонденции* // ВО. 1902. 28 мая; и др.

⁵ МГГА, ф. 76, оп. 1, д. 1, л. 12—13; ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 29, д. 2070, л. 39; ф. 417, оп. 1, д. 512, л. 282; РГИА, ф. 1284, оп. 194, д. 70, л. 7; *Арефьев В. С.* Сибирские негативы // Сиб. вопросы. 1908. № 19/20. С. 60; *По Сибири* // Сиб. жизнь. 1908. 16 окт., 11 дек.; 1914. 3 апр.; и др.

вливают последним в рот водку в количестве, достигающем иногда до рюмки. <...> На крестинах обычное явление при угощении взрослых ... гостей потчевать также и крещенных младенцев, зачастую одинаковым с порцией взрослого количеством спиртного зелья», — свидетельствует А. А. Савельев, живший в начале XX в. в Приангарье¹. О том же писали исследователи быта старообрядцев Южного Алтая: «Пиво (крепкий самодельный напиток. — В. 3.) дают даже грудным детям, считая, что следует приучать к пиву с малых лет»².

В дальнейшем подрастающих детей угощали родители или гости, соседи при домашнем винокурении, во время свадеб, порой просто у кабака. «Иногда мальчик лет 10 уже разыгрывает на улице роль пьяного, и другие ребята с завистью смотрят на него, считая его действительно пьяным», — пишет Н. А. Костров о томских деревнях 1860—1870-х гг.³ А позже в сибирских селениях уже можно было встретить стайки 12—14-летних подростков, идущих в обнимку с гулянки после помочей по-настоящему пьяными, качаясь и распевая непристойные песни⁴.

Не удивительно поэтому, что среди «возросшей» молодежи появились хронические пьяницы даже в старообрядческих селениях Забайкалья, где прежде по традиции юноша впервые мог пригубить рюмку водки или вина только в день своей свадьбы, в принципе не имел права пить спиртное до 20 лет⁵. На Алтае в старообрядческой среде, несмотря на осуждение стариков, тоже считается теперь малоззорным устраивать гулянки с выпивкой, иногда общие с официально-православным людом, явиться в пьяном виде с руганью в компанию, так же, как и курить табак (что было для предков величайшим грехом)⁶.

Пьянство негативно сказывалось на благосостоянии крестьянского хозяйства, усиливало неурядицы и раздоры в семьях, ведущие к их распаду и ликвидации возможностей для эффективной социализации детей. Примером может служить ситуация, описанная в 1907 г. жительницей д. Шадриной Бийского уезда Томской губ. Пелагеей Шадриной в прошении крестьянскому начальнику: «Мой муж ... вел себя не окуртно и нетрезво, пропил почти все движимое имущество, и детей четверо всегда сидели голодом, и он об этом вовсе не заботился, а придет пьяным, угрожая убить али зарезать, и чуть было меня не зарезал, но я вырывалась и убежала. А детей он бросил с печи на пол. Я смотрю, что дети всегда голодом, и он пьянствует, я детей роздала по квартирам, а сама служу и кормлю детей. А он вовсе от них

¹ Савельев А. А. Народная медицина в Приангарском крае // Сиб. врач. 1915. 19 апр.

² Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 164.

³ Костров Н. А. Юридические обычаи... С. 79—80.

⁴ См.: *Корреспонденции* // Сибирь. 1886. 22 июня; *Обручев В. А.* В старой Сибири. С. 275; *Ткаченко М.* Краткий очерк торговли и промыслов по р. Нижней Тунгуске и некоторые черты быта населения // Изв. Иркут. отд. О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск, 1917. Т. 1. С. 72; и др.

⁵ См.: *Болонев Ф. Ф.* О некоторых способах охраны здоровья у семейских Забайкалья в XIX – начале XX вв. // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1989. Вып. 2. С. 20.

⁶ См.: *Новоселов А. Е.* У старообрядцев Алтая. Омск, 1913. С. 3, 9; *Чудновский С. Л.* Очерки... № 9. С. 212; *Он же.* Раскольники на Алтае. С. 47; *Шмурло Е.* Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе // Зап. ЗСОРО. 1898. Вып. 25. С. 61; и др.

отказался, и осталась только одна [пустая] изба». Муж-пьяница уже продал избу односельчанину, и Пелагея вынуждена просить чиновника отменить продажную сделку, чтобы окончательно «не оставить малолетних без приюта»¹.

Пьянство, разумеется, влекло за собой негативные проявления в сфере физического возобновления поколений: рождение неполноценных детей, повышенную смертность и травматизм населения, замедление роста продолжительности жизни и др. На вопрос анкеты, проведенной в августе-сентябре 1916 г. в селениях Енисейской губ.: «Как отразилось прекращение продажи крепких напитков на здоровье населения», 941 респондент из 1324, т. е. 71,1 %, ответил, что заболеваемость вообще сократилась, в том числе за счет улучшения питания; 758 респондентов (66,8 %) сообщило также, что уменьшилась даже инфекционная заболеваемость, не говоря уже о болезнях, прямо связанных с алкоголизмом².

Сразу следует оговориться, что заметное сокращение пьянства и связанных с ним негативных явлений в состоянии здоровья и нравственности населения после «сухого» закона 1914 г. была кратковременным явлением. Уже в 1915 и особенно в 1916—1917 гг. повсюду в России, и особенно на восточных окраинах, где особенно неэффективным оказался контроль, развернулись массовое самогонование и тайная продажа суррогатов водки. Эта и другие причины, связанные с мировой войной, привели к дальнейшей дезорганизации семейной и общинной жизни, ухудшению физического и морального состояния сельского населения³.

4. С пьянством теснейшим образом было связано растущее *хулиганство части молодежи*, перераставшее нередко в криминальное поведение.

«Год от году увеличивающееся пьянство убивает в народе всякую нравственность, благочестие, трудолюбие, совесть, правду и плодит всякие пороки — праздность, нищенство, воровство, грабежи, разврат. Число совершающихся в известном месте преступлений находится в тесной связи с числом существующих в этом месте питейных заведений», — констатировал в отчете за 1873 г. томский губернатор⁴. Кабак и группировавшаяся вокруг него публика во многих случаях нейтрализовали позитивное влияние на личность молодого крестьянина народной педагогики, огрубляли, деморализовали и криминировали личность.

Самыми распространенными проявлениями делинквентного поведения (хулиганства) сельской молодежи были ночные хождения по улицам в пьяном виде с пением непристойных песен и сквернословием, ссоры и драки, оскорбления «словами и действием» прохожих, вымогательство и отнятие денег на покупку вина, разбитие стекол, поломка изгородей,

¹ ГААК, ф. 178, оп. 1, д. 12, л. 7.

² Юрьев А. Я. Как отразилось запрещение продажи крепких напитков на жизни населения Енисейской губ. Красноярск, 1916. С. 24—26.

³ ГАИО, ф. 208, оп. 1, д. 74, л. 6; ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 6928, л. 120; РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2638, л. 29—30; д. 2766, л. 77, 88; ф. 797, оп. 1, II отд., 3 ст., д. 271, л. 3—8; и др.

⁴ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 34.

поджоги стогов сена и хлебных скирд, вымазывание дегтем ворот и оконных наличников¹. Пьяным разгулом, доходящим до поножовщины и использования кольев, отмечал зачастую «молодяжник» съезжие праздники. Источники фиксируют также распространение воровства: птицы, рыбы и зверя из чужой промысловой снасти, необмолоченного хлеба с полей и сена с лугов, лошадей со степи, хозяйственного инвентаря со двора, овощей из огорода, зерна из чуланов².

Наиболее грубыми нарушениями общественной морали и законов являлись групповые изнасилования, грабежи и разбойные нападения, убийства, сообщениями о которых пестрят сибирские газеты изучаемой эпохи³. Тобольский губернатор вынужден был в марте 1913 г. выступить с воззванием к крестьянам, в котором, в частности, говорилось: «Не проходит дня, чтобы не доходили до меня тягостные вести со всех концов нашей губернии: тут ограбили, там убили, там изувечили людей “по пьяному делу”. Недавно в один день в одном уезде убито и искалечено в пьяном виде несколько человек. Преступные виновники, протрезвившись и опомнившись, сами готовы нести повинную, но уже поздно — зло непоправимо. А сколько женских и сиротских мучений и слез от мужей, которые забыв страх Божий, бьют и калечат жен, губят семью, растрачивают детское достояние. Так жить нельзя!»⁴.

Среди лиц, совершивших серьезное преступление, постепенно становилось все больше молодых людей. По нашим подсчетам, в числе жителей Тобольской губ. (сельчан и горожан), осужденных в уголовном порядке, доля лиц в несовершеннолетнем возрасте до 21 года увеличилась с 7 % в 1897—1899 гг. до 17 % в 1906—1907 гг. и почти до 20 % в 1914 г. за счет соответствующего сокращения удельного веса осужденных в возрасте старше 31 года⁵.

Таково было положение не только в Сибири, но и в других регионах страны. В 1912—1914 гг. в связи с сильно «развившимся за последнее время в сельских местностях особым видом озорничества, известным под названием хулиганства, которое, в связи с наблюдающейся среди молодежи распущенностью, делает ... жизнь в деревне невозможной», было подготовлено новое законодательство «об усилении ответственности за хулиганство». Нами анализировались подготовительные к этому законодательству материалы по Иркутской губ., а также подготовительные материалы к законодательству об усилении борьбы с пьянством по Тобольской губ. Оба акта готовились почти одновременно, материалы рисуют сходную

¹ Там же, д. 3100, л. 149—150; ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 1137, л. 138; ИРЛИ, разр. V, к. 87, п. 1, № 7, л. 9; ТФ ГАТюМО, ф. 417, оп. 1, д. 514, л. 164—165; ЧОМ, ф. 9, оп. 1, д. 10, л. 7.

² ГААК, ф. 185, оп. 1, д. 8, л. 73; ИОЦДНИ, ф. 300, оп. 1, д. 489, л. 77—78; Григоровский Н. П. Очерки Нарымского края // Зап. ЗСОРГО. 1882. Кн. 4. С. 54—55; Костров Н. А. Юридические обычаи... С. 54, 83—85; и др.

³ См., например: *Атлет* в белом фартухе и причины его появления в Курганском окр. // ВО. 1884. 22 марта; *Хроника* // ВО. 1884. 7 июня; *Загоскин М. В.* Деревенские письма // ВО. 1889. 13 авг.; *Из подгородных деревень* // ВО. 1899. 15 янв.; 6 февр.; и др.

⁴ ТФ ГАТюМО, ф. 335, оп. 1, д. 11, л. 2.

⁵ Подсчитано по источникам: *Статистический обзор Тобольской губ.* за 1897 г. 1898. Прил. 6; ... за 1898 г. 1900. Прил. 6а; ... за 1899 г. 1900. Прил. 7а; ... за 1906 г. 1907. Прил. 5а; ... за 1907 г. 1908. Прил. 5а; ... за 1914 г. 1915. Табл. 14.

картину.

Крестьянский начальник 1-го участка Иркутского уезда отмечал: «Молодежь озорничала всегда, но то были понятные, необдуманные выходки, получавшие возмездие по первой жалобе родителям; такого же неудержимого, бесшабашного разгула и преступной распушенности, какая наблюдается в деревне в настоящее время, как положительно утверждают все старожилы, еще в недавнее, сравнительно, время не было»¹. Другие крестьянские начальники, заведующие переселенческими подрайонами, многие сельские сходы и волостные правления констатировали: «... старики и почтенные люди деревни говорят, что “молодняк совсем вышел из повиновения и творит, что ему угодно”»². Подводя итог всем высказанным мнениям, общее присутствие Иркутского губернского управления по крестьянскому отделению пришло к таким выводам:

1) «Появилось хулиганство молодежи в сельских местностях лет 10—15 назад. Уменьшения его не замечается».

2) «Хулиганство распространено главным образом среди молодежи в возрасте от 15 до 25 лет, хотя встречаются и хулиганы зрелых лет». Чаще всего предел «буйству» наступал в момент женитьбы, в зрелые же годы «хулиганство выражается главным образом в оскорблении должностных лиц крестьянского управления».

3) Общественный и родительский авторитет ослаб и даже «утратил свое значение» главным образом в «селениях крупных, лежащих по линии железной дороги, больших притрактовых и со значительным развитием торгово-промышленных предприятий», в пригородных местностях, вблизи приисков и каменноугольных копей. В глухих же местах, где были сильны черты патриархальной жизни, традиционный авторитет старших и послушание молодых в семье и обществе сохранились лучше.

4) Большинство респондентов отмечало: благосостояние семейств не оказывает влияния на поведение их молодых членов, но есть свидетельства и иного плана. Смоленское волостное правление, например, указывало: «Члены зажиточных семей больше принимают в нем (хулиганстве. — В. З.) участия, чем бедные люди. Это объясняется попустительством со стороны местных властей» В некоторых других случаях констатируется развитие хулиганства и на нижнем социальном полюсе: парни из «бесхозных» семей «примыкают к богатым, организуя шайки», научаются дурному на отхожих заработках³.

После запрещения торговли крепкими напитками в первый период мировой войны повсеместно в Сибири наблюдалось некоторое сокращение делинквентного и криминального поведения. Во второй половине 1914 г. в судебные учреждения Тобольской губ., например,

---

¹ ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 137, л. 12.

² Там же, л. 17.

³ Там же, л. 12, 19, 21, 28, 82–83, 119.

почти на треть по сравнению с первым полугодием сократилось поступление уголовных дел¹. Почти 9/10 респондентов акцизного управления Енисейской губ. отметили в анкете уменьшение хулиганства и «буйства», семейных раздоров и неурядиц, а также краж, грабежей, убийств и пожаров (ответы давали по разным видам отклоняющегося поведения от 1086 до 1499 респондентов из многих местностей)². К сожалению, улучшение ситуации оказалось временным, к 1916—1917 гг. антисоциальное поведение молодежи восстановило свой прежний размах и поступательно развитие.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АНТИСОЦИАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Первой и в большинстве случаев основной инстанцией, в рамках которой проходило регулирование отклоняющегося поведения подростков и молодежи, была родительская семья.

Старшие члены семьи имели в своем распоряжении огромный арсенал традиционных средств недопущения и пресечения аморального поведения. Прежде всего, это те же собственно воспитательные средства, что охарактеризованы в первом и втором параграфах данной главы. Их применение было ориентировано на сознательное и подсознательное усвоение подрастающими поколениями моральных норм. Если в ходе воспитания все же замечались небольшие проступки-отклонения, старшие «щуняли» младшим — делали вразумление, выговор, слегка бранили их. Хронических «неслухов» для начала «устраивали» наказанием, а затем и на самом деле наказывали, в том числе физически — ставили в угол, драли за уши и за волосы, колотили и таким образом «неволькой побуждали» слушаться старших.

В основном право физического воздействия по обычаю принадлежало отцу, другие члены семейства могли наказывать младших с его согласия. Беспрепятственно наказать можно было только несовершеннолетних и не обзаведшихся своей семьей. Выдавая дочь замуж, родители как бы передавали обязанность контроля за ее поведением и право наказания мужу и свекру. Так, в Забайкалье отец-казак, прощаясь с дочерью при зарученье, по традиции говорил жениху: «Поил, кормил и учил я про себя свое дитя; теперь пой и корми его ты. Держи свою жену в ежовых рукавицах и воли не давай»³.

Случаи «нерадения» молодых женщин к супружеским и семейным обязанностям, внебрачных связей дочерей и жен наказывались и пресекались, прежде всего, мужьями и свекрами, часто с помощью других «домашних», причем иногда очень жестоко. Так, в с.

¹ ТФ ГАТюмО, ф. 417, оп. 1, д. 522, л. 14.

² Юрьев А. Я. Как отразилось запрещение... С. 28—29. См. также: ТФ ГАТюмО, ф. 417, оп. 1, д. 512, л. 176; д. 519, л. 258—259; РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2703, л. 15; и др.

³ Логиновский К. Д. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья. Хабаровск, 1899. С. 87.

Кемском Енисейского окр. в 1869 г. «свекор и деверь Протасовых наказывали плетью свою невестку, распяв ее обнаженной на воротах, а собравшаяся толпа народа одобрительно глазела ... переговариваясь с собою, что-де не бегай из дому...»¹. Наказание жены за измену могло состоять и в том, что муж впрягал ее в телегу или сани, заставлял везти его и при этом стегал плетью. Или же привязывали провинившуюся за косы к оглобле и гнали лошадь вскачь².

Редко применялся в сибирских селениях такой способ наказания женщин за реальные или мнимые проступки, как изгнание их из мужниного дома. Ведь при этом двор терял драгоценную рабочую силу. Отцы обычно не склонны были принимать к себе обратно дочь, изгнанную мужем или ушедшую от него. В таких случаях родители делали попытки вернуть дочь в ее новую семью, восстановить тем самым общественное и семейное «благочиние». Если это не удавалось сделать, то иной раз молодая женщина была вынуждена полностью самостоятельно добывать средства к жизни³.

Физическое наказание домохозяином взрослого сына, даже не отделенного от отцовской семьи, по народным обычаям не допускалось, и волостные суды обычно считали такие факты самоуправством, в случае жалобы пострадавшего на отца последнего могли и к ответственности привлечь. Внебрачные связи молодых мужчин обычно осуждались в родительской семье, но суровых наказаний за этот грех для них не предусматривалось.

Как уже говорилось, матери обычно терпимее относились к слабостям и проступкам детей, больше жалели их, чаще склонны были скрывать и от родных, и от сельского сообщества даже достаточно серьезные случаи (помогали дочери, например, сделать аборт при внебрачной беременности). Матери и жены изо всех сил пытались помочь слишком пристрастившимся к вину мужчинам избавиться от «пагубы»: изготавливали лекарственные зелья для питья и потчевали ими, подвергали магическим обрядам «от запоя»⁴.

По традиционным крестьянским представлениям, родители занимались воспитанием детей и следили за их поведением не только «про свою замену», но и как бы по поручению мира, общества в целом. Когда не удавалось хорошо справиться с таким важным делом, родители чувствовали себя опозоренными, ощущали вину перед «обществом». Из последних сил старались обойтись собственными «средствами», но в особо трудных случаях отцы все же не находили другого выхода и признавали свое поражение: жаловались сельским, волостным властям на «непокорство» своих детей, с которыми «сладу не стало», требовали вмешательства.

---

¹ Бру-в Н. Истязание ребенка // Сибирь. 1884. 1 июля.

² См.: Сафьянова А. В. Внутренний строй... С. 96.

³ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 15; ГААК, ф. 182, оп. 1, д. 11, л. 59—62; ф. 184, оп. 1, д. 88, л. 1—6; д. 109, л. 65; ТФ ГАТюмО, ф. 156, оп. 28, д. 2004, л. 20—21; д. 2023, л. 73—74.

⁴ См.: Виноградов Г. С. Самоврачевание... С. 39; Гандельсман В. О. Способы народного врачевания в Идринской вол. Минусинского окр. // Отчет О-ва врачей Енис. губ. за 1890—1891 гг. Красноярск, 1891. С. 133; Логиновский К. Д. Материалы к этнографии... С. 41; Савельев А. А. Народная медицина... 19 апр.; и др.

Сельское сообщество постоянно следило за результатами социализации в любой семье и знало о всех основных издержках этого дела, поскольку жизнь каждого домохозяйства проходила на виду у соседей. В ходу была такая поговорка на сей счет: «Кроме села (или базара. — *В. З.*) никто не будет знать»¹.

Общественное мнение признавало приоритет родителей в регулировании отклоняющегося поведения подростков и несовершеннолетних молодых людей, правомерность наказаний: «Отец сына бьет — не на худо учит», «Кобыла жеребенка лягает, а до смерти никогда не улягнет» (т. е. когда наказывают родных детей — вреда от этого нет)². Такие проявления девиантного поведения в семьях, как добрачные и внебрачные связи, браки-«сожителства», рождение внебрачных детей, пристрастие к спиртному, в деревнях осуждались слабее или строже — в зависимости от категории населения, но среди соседей, односельчан к ним долгое время существовало несколько отстраненное и довольно терпимое отношение. В праздничные дни и после помочей выпивка для взрослых считалась даже как бы обязательной, если они не были слишком набожными или больными. Более суровым отношением к пьянству, а также к курению табака было только в ортодоксальной старообрядческой среде.

В человеке, преступившем норму обычного права и тем более — писанный государственный закон, крестьянское мировоззрение было склонно видеть, прежде всего, «несчастливого» — жертву неудачно сложившихся обстоятельств. В проступке видели обычно не проявление злой воли, а «несчастье», «беду», малый или большой «грех». Не столько в смысле нарушения нравственно-религиозных установлений, сколько в смысле случайности, которую можно было предотвратить³.

Усиление негативных проявлений в поведении молодежи общественное сознание крестьянства хорошо уловило, но всей глубины причин вскрыть было не в состоянии. Часто наблюдалась явная растерянность перед суровым «духом времени». Говорили, что отцы да матери детям «поволку стали давать» — ослабили контроль за поведением, что в семьях «строгостей нет, оттого и народ ослабел». С грустью вспоминали старые «досельные» времена: «При царе Лексее (Алексее Михайловиче. — *В. З.*) дети родителей слушались, народ был не праздной, не шатающшый» (Причунский край в Енисейском уезде); «Прежде лозами драли, и народ крепче был, а ныне что? Так и стегнуть его не смей, отца и мать мало почитают» (Алтайский горный окр.)⁴. Кроме «излишней» эмансипации молодежи, в качестве причин девиантного поведения называли также усиление власти денег, приток в селения «посторонних» людей из числа ссыльных, переселенцев, отходников.

¹ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 32, л. 49; *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор... С. 353.

² *Ивановский В.* Пословицы и поговорки... Вып. 15. С. 33.

³ См.: *Костров Н. А.* Юридические обычаи... С. 62; *Чудновский С. Л.* Очерки... № 9. С. 210.

⁴ *Чеканинский И.* Енисейские старины и исторические песни // Этногр. обозрение. 1915. № 1/2. С. 104; *Чудновский С. Л.* Алтайская поземельная община. № 11. С. 186.

В рамках сельского сообщества существовали как формальные, так и неформальные механизмы противодействия девиантному поведению молодых односельчан. Прежде всего, это **влиятельное общественное мнение** деревни, поддерживавшее «послухмяных» детей и ту часть молодежи (опору и надежду деревни), что жила «по закону», «по обычаю», все необходимые новации в хозяйственном и семейном быту согласовывая с родителями и обществом.

«Пересуды — атмосфера, которой дышала деревенская жизнь и раньше, и дышит ей теперь. Эти “пересуды” — тот пламень, в котором шлифуются “общественное мнение” деревни и создается репутация женщины. Они часто являются стимулом, предохраняющим деревенскую девушку от легкомысленных поступков», — писал в 1909 г. учитель А. Г. Эпов, наблюдая быт забайкальских крестьян¹. И замужним женщинам тоже немногим хотелось «примать худую славу». Такие старинные способы общественного осуждения «гулящих» девиц и женщин, как обмазывание дегтем или смолой ворот и наличников дома, публичное срывание шали с головы, в изучаемую эпоху продолжали применяться в сибирских селениях, но в целом теряли свое значение. Эти способы были дискредитированы хулиганствующими парнями, которых родители и мужья крестьянок зачастую привлекали к ответственности в волостном суде или на сходе за клевету и оскорбление личности².

Когда в семьях начинались «смутки» и возникала опасность брачного развода, ненужного семейного раздела, то родственники, соседи, хорошие знакомые обычно старались примирить ссорящихся, внушая им старые истины, освященные и религией, о святости семьи, браке как союзе навечно: «Что Бог связал, человеку не развязать»; «Взял худую жену, держи за хорошую»; «На что и клад, коль в семье лад»³. У алтайских кержаков, если жена убегала от мужа к родителям, то общественное мнение требовало ее возвращения, иначе отца могли «отлучить от чашки» — изгнать из церковной общины⁴. Духовные наставники тоже нередко вмешивались в дела развода или раздела, обычно по просьбе кого-нибудь из членов семьи подавали советы с целью примирения («увещевали»).

Сурово осуждались общественным мнением воровство, а также обман, когда речь шла об отношениях внутри крестьянского сообщества, особенно среди близких и членов различных трудовых сообществ (промысловых артелей, например). Автор описания хозяйственной жизни Верхотенского края в 1884 г. пересказал на страницах газеты легенду, популярную среди тамошних охотников: когда-то одного «обманщика постигла такая кара: он должен был

---

¹ ЧОМ, ф. 9, оп. 1, д. 10, л. 24—25.

² ГААК, ф. 216, оп. 1, д. 68, л. 53; ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 137, л. 86; ф. 143, оп. 1, д. 143, л. 10—12, 15—16; ГАТО, ф. 62, оп. 1, д. 113, л. 50—53; и др.

³ ИРЛИ, разр. V, к. 78, № 640, л. 12; Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Старый фольклор... С. 354; Ивановский В. Пословицы и поговорки... Вып. 15. С. 6; Попова А. М. Семейские... С. 22; и др.

⁴ См.: Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае. С. 49.

отказаться от всякого промысла, потому что ни ружье не попадало в цель, ни в плашках (вид звериной западни. — В. З.) не находил он после обмана добычи». «Обман, утайка считаются тяжким грехом, и я не слышал таких примеров», — резюмировал наблюдатель¹.

Что касается злостного пьянства и курения табака, то исследователь Ф. Ф. Болонев называет и характеризует следующие каналы борьбы общественного мнения забайкальских семейских с этим злом (они применялись и иными категориями сибирского крестьянства): фольклор, рациональные запреты, религиозно-нравственная назидательность, всеобщее осуждение опустившегося человека².

Кстати, общественное мнение крестьян-старожилов воспринимало как отклонения от «правильного» поведения многие особенности образа жизни переселенцев, не обязательно являвшиеся негативными. Численно преобладавшие и экономически доминировавшие старожилы подвергали новоселов насмешкам за «неправильную» организацию хозяйства, за грязь в избе и неряшливость домашнего обихода, за нелепые, с их точки зрения, одежду, пищу, язык и т. д.³ Такая «культурная рознь», а также разногласия по поводу землепользования нередко выливались в напряженные отношения двух крупнейших категорий сельского населения Сибири. Однако в целом механизм «осибирячивания» переселенцев был действенным. Как в силу объективной необходимости, так и просто стремясь избежать обидных насмешек, представители второго-третьего поколений новоселов успешно перенимали особенности культуры и образа жизни «чалдонов». Важную роль играли также смешанные браки. Сходные элементы имелись и в механизме обратного влияния переселенцев на старожилов.

Некоторые проявления девиантного поведения молодежи были настолько вызывающими, что требовали уже **вмешательства властных инстанций** сельского и волостного крестьянского самоуправления. Такое вмешательство происходило чаще всего не по инициативе «властей», а по устной жалобе или письменному заявлению кого-либо из общественников. Несмотря на традиционный запрет «выносить сор из избы», жены жаловались на мужа или его родных за побои и издевательства, мужа просили провести «следствие» и выдать им документ о «прелюбодейной жизни» жены для возбуждения бракоразводного дела. Старики заявляли на сыновей, отказывавшихся давать им приют и пропитание, взрослые дети — на сильно пьющего отца, проматывающего семейное достояние. Однообщественники жаловались на воровство, пьянство и хулиганство молодежи и т. д.

Некоторые из этих вопросов решались непосредственно сельскими старостами и

---

¹ Г. Экономический быт верхоленского крестьянина // ВО. 1884. 19 июля.

² См.: Болонев Ф. Ф. О некоторых способах... С. 19—21.

³ См.: Бородкина М. В. Деревня Иткара... С. 5—6; Осибирячивание переселенцев // ВО. 1884. 2 авг.; *Материалы для изучения ... Западной Сибири*. Вып. 17. С. 87—88; Турбин С. И. Сибирь: (Краткое землеописание). СПб., 1871. С. 48—49; и др.

волостными старшинами (у казаков — поселковыми и станичными атаманами) с помощью местных полицейских чинов — десятских и сотских, иногда с приглашением понятых и прочих лиц. Дело могло ограничиться строгим внушением, но практиковались и различные взыскания, даже единоличные решения о позорящем наказании виновных, что вообще-то являлось уже превышением власти.

В иных случаях должностные лица выносили жалобы и заявления на **решение мирской сходки**. Согласно указанию ряда источников, в пореформенный период местами сохранялось выделение в составе схода «фракции» пожилых и наиболее авторитетных домохозяев — «стариков», которые вместе с выборными начальниками осуществляли разбирательство на сходах мелких гражданских и уголовных дел¹. «Суд стариков» обычно старался примирить обидчиков и обиженных. Если же этого не удавалось сделать, то сход в большинстве случаев отправлял дело для формального окончательного решения в волостной суд, но иной раз принимал и собственные меры «воспитания» и наказания: штрафовал или «страмил» виновных (водили по улицам воров с украденным имуществом, распутных девиц в дурацком колпаке, пороли розгами и т. п.). Наиболее скорой и суровой на расправу (арест, публичная порка) была казачья сходка².

Женщины редко находили на сельском сходе управу на мужей — прелюбодеев, драчунов и пьяниц: «Жену же осмеют, а с мужа выпьют водки»³. Непокорство детей по жалобе родителей «старики» пресекали с большей строгостью. К чести сельских сходов в Сибири, они мало вмешивались в семейные разделы, не подвергали преследованию нередкие здесь невенчаные браки-сожителства, узы которых были часто не менее прочными, чем у законного брака. Такое сожителство по большей части было вынужденным (в него вступали преимущественно сироты, вдовы или бедняки) и, с точки зрения крестьян, не заключало в себе «ничего постыдного»⁴.

Хроническое пьянство стало в изучаемый период одним из главных объектов борьбы здоровых сил в сельских обществах. Под влиянием здравомыслящих и добропорядочных своих членов сельские сходы применяли следующие основные способы противодействия злу: сопротивление открытию питейных заведений и закрытие существующих, выступления против винной монополии государства. Хроника крестьянского движения в Сибири фиксирует приговоры сходов с отказом предоставить виноторговцам право открывать в селении винную торговлю, начиная с 1860-х гг. Обосновывались такие решения тем, что присутствие кабаков «вредно влияет на население и отнимает значительное количество

---

¹ См.: *Капустин С. Я.* Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губ. // Лит. сборник. СПб., 1885. С. 111; *Костров Н. А.* Юридические обычаи... С. 107—108; *Чудновский С. Л.* Очерки... № 7. С. 54; № 10. С. 200; и др.

² См.: *Фольклор казаков Сибири.* Улан-Удэ, 1969. С. 202.

³ *Загоскин М. В.* Ответы на программу... С. 17.

⁴ *Антропов Р. Л.* Крестьянские браки в Анциферовской вол. Енисейского уезда // ВО. 1902. 11 янв.

средств, необходимых в хозяйстве»¹. В связи с неурожаем в середине 1880-х гг. в волостях и селениях Барнаульского и Бийского округов Томской губ. такие приговоры стали носить массовый характер, отмечен даже факт разгрома кабака, открытого вопреки желанию крестьян².

Известны случаи, когда на сходе сельчане давали коллективный «зарок» вообще не пить водку в течение года, а потом продлевали его и проводили даже трезвые свадьбы (с. Крестовское Витимской вол. Киренского окр. Иркутской губ. в 1881—1882 гг., например)³. В то же время из многих газетных корреспонденции и мемуаров становится ясно: большинство попыток установить в селениях трезвый образ жизни было сорвано кабатчиками (часто это были разбогатевшие местные жители), подкупом, обманом и соблазном добивавшимися отмены приговоров-запретов или продолжавшими торговать вином без разрешения⁴. Так, Н. М. Чукмалдин рассказал о своей неудаче в 20-летней борьбе с кабаками в деревнях Кулаковой и Гусельниковой Тюменского окр. (на эту борьбу купец положил «всю энергию и материальные средства»): «На моей стороне было полное сочувствие всего женского населения обеих деревень; мне помогали делом и советом трезвые и хорошие крестьяне; мне явно не противодействовали даже пьяницы и мироеды, — но чуть только появлялся кабатчик с несколькими ведрами водки для схода и несколькими отдельными подачками мироедам, как все доброе настроение разрушалось и появлялись кабаки, разорители крестьян»⁵.

Выполнить решение о запрещении виноторговли в селениях было непросто еще из-за непризнания властями за сельскими обществами права самостоятельно решать такие вопросы. «Трезвенные» приговоры сходов особенно активно стали отменяться администрацией после введения в 1894 г. казенной монополии на водочную торговлю, активно пополнявшей бюджет России. Крестьяне выступали против такой монополии не только потому, что казна фактически насаждала пьянство, но и потому, что виноторговая сеть часто располагалась без учета интересов крестьян, а разлагающую деятельность тайных кабаков, развернутых деревенскими воротилами, было теперь трудно контролировать.

Мобилизация и отправка в армию нижних чинов запаса привела в первые месяцы мировой войны к массовому разгрому призывниками частных торговых и казенных винных лавок⁶. Реализуя срочно принятый «сухой» закон, власти стали теперь всячески инициировать деятельность сельских и волостных органов по пресечению самогонварения, явной и тайной

---

¹ *Крестьянское движение в Сибири, 1861—1907 гг.: Хроника и историография* / Горюшкин Л. М. и др. Новосибирск, 1985. С. 68, 161, 314—315.

² Там же. С. 157.

³ См.: *Корреспонденция* из с. Крестовского Витимской вол. // Сибирь. 1882. 21 февр.

⁴ См., например: *Загоскин М. В.* Десять лет... С. 12—13; *Корреспонденции* // Сибирь. 1885. 8 дек.

⁵ *Чукмалдин Н. М.* Записки... С. 143—146.

⁶ См.: *Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н.* Крестьянское движение в Сибири, 1914—1917 гг. Новосибирск, 1987. С. 58—61.

виноторговли. Однако деятельность эта не была эффективной по ряду причин: в связи с общим ослаблением авторитета и дееспособности властных структур в момент развития революционного кризиса, из-за коррупции в инстанциях, призванных проводить в жизнь «трезвенное» законодательство, а главным образом потому, что запрещение изготавливать и продавать крепкие спиртные напитки явилось изолированным актом, не подкрепленным комплексом мер по развитию экономики и культуры, демократическими преобразованиями политического и правового положения крестьянства.

В борьбе с противоправным поведением подростков и молодежи сельские сходы изучаемой эпохи тоже принимали посильное участие. Действенной мерой были вызовы родителей на общую сходку. Наказание могло быть суровым, но дело даже не в нем. Для большинства крестьян позорным был сам факт общественного осуждения. Г. Д. Гребенщиков так передает внушение одного из алтайских крестьян своему сыну: «А ты, Миколай ... зря без меня по вечеркам не шатайся. Мало что там может случиться: другие подерутся, либо пожар наделают, чтобы меня из-за тебя на сходку не тащили»¹. В связи с нарастанием хулиганства принимались меры по расширению штатов общественной полиции: увеличивали число сотских и десятских, дополнительно к ним выбирали караульчиков и ночных сторожей.

Со временем все чаще применялось право сельского схода исключать из общества «порочных членов» и передавать их властям для высылки. Анализ таких постановлений показывает, что обычно к выселению приговаривались люди зрелых лет: закон требовал, чтобы изгоняемый не менее трех раз до этого был замечен в неблагоприятных поступках и подвергнут за это исправительным наказаниям. И все же при высылке часто специально оговаривалось ее значение для профилактики девиантного поведения молодежи. Так, 11 июня 1906 г. Алтайское сельское общество одноименной волости Бийского уезда ходатайствовало о выселении из своей среды 11 крестьян в возрасте от 26 до 44 лет. Одному из них, Михею Лукьянову, инкриминировалось, в частности, что он, будучи человеком зажиточным, принимает краденое и, «пользуясь легкомыслием крестьянской молодежи, подстрекает ее на совершение мелких краж, наживая более 100 %». Таким образом, говорилось в приговоре, Лукьянов «окончательно развращает крестьянскую молодежь» и потому должен быть выслан. «За последнее время с. Алтайское вообще снискало себе широкую и вместе с тем дурную славу частыми кражами, буйствами, разбоями и убийствами, развелось много воров и мошенников, крестьянская молодежь предается бесшабашному пьянству и разврату», — под такими словами о своем селе могло бы подписаться в изучаемую эпоху немало сибирских крестьян и казаков².

---

¹ Гребенщиков Г. Д. Егоркина жизнь // Сиб. огни. 1984. № 12. С. 88.

² ГААК, ф. 185, оп. 1, д. 8, л. 73.

Отчаявшись, иногда сельские и волостные сходы принимали постановление об отмене местных съезжих праздников во избежание пьяного разгула и бесчинств. Натерпевшись от хулиганствующего «молодыжника», воспрещали также «всякие безобразные игрища и в особенности ночные разгулы»¹. В годы Первой мировой войны запреты стали еще радикальнее. «В тех селах, где сельскими старостами состоят честные, трезвые и здраво смотрящие на дело лица, прекращены на все время войны вечерки и вечерние прогулки молодежи по улицам», — читаем в отчете о состоянии Забайкальской епархии за 1915 г.² Аналогичная мера практиковалась и в других районах Сибири.

Сами крестьяне критически оценивали результативность усилий сельского и волостного общества в борьбе с противоправным поведением части молодых сельчан. На неудачах сказывалась, во-первых, слабая авторитетность терявших свое значение общинных сходов и принудительно избранных на свои должности «начальников». Наказанием «виновные бравируют, уничтожая тем самым страх и у своих товарищей», — отмечает в 1913 г. наблюдатель — один из крестьянских начальников Иркутской губ.³ Во-вторых, должностные лица часто проявляли пристрастность, выгораживая своих родственников или детей богатеев, отказывая в защите сиротам и батракам. Бывало, «замытым» по этой причине оставалось даже такое серьезное преступление, как групповое изнасилование, о котором волостные или станичные власти обязаны были немедленно донести администрации⁴. Крестьянин, поднявший на сходке вопрос об обуздании хулиганствующей «золотой молодежи», рисковал нажать себе врагов в лице не только виновных, но и их родителей — влиятельных общественников.

К **волостному суду** как институту, тоже участвующему в борьбе с антисоциальным поведением молодежи, у сибирских крестьян было двойственное отношение. Этот институт вводился в соответствии с «Общим положением о крестьянах», и сельчане оценили его преимущества по сравнению с чиновничьим судом и былыми разбирательствами у волостных голов и сельских старшин под контролем земских заседателей. Дела в волостном суде решались сравнительно быстро, с учетом сложившихся местных обычаев выборными членами волостного общества. «Будучи крестьянами, судьи, конечно, знают быт своего брата-крестьянина ... знают даже, из-за чего и какие бабы в деревне ссорятся и какой муж и за что бьет свою жену, какой крестьянин хорош и какой дурен — пьяница, лентяй, озорник, сутяга и клязник, какому свидетелю можно верить на слово и какому нельзя, кого нужно посечь и кого можно без разорения хозяйства проучить рублем, штрафом, кого арестом, чижовкой», —

---

¹ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3100, л. 150; *Зобнин Ф. К.* Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // ЖС. 1898. Вып. 2. С. 15—25; и др.

² РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2702, л. 8.

³ ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 137, л. 13.

⁴ См.: *Загоскин М. В.* Деревенские письма. 1889. 13 авг.; *Хроника* // ВО. 1884. 7 июня; и др.

справедливо пишет Н. А. Костров¹. С другой стороны, сельчане быстро разобрались и в пороках волостного суда. Произвол писарей и старшин, нередко диктовавших свою волю судьям, неопределенность правовой основы судебных решений, процветавшее кумовство и мздоимство отпугивали от волостного суда немало сельских жителей.

Тем не менее, многие получившие огласку нарушения общественного порядка и общественной нравственности разбирались волостными судами, причем сюда попадали иногда и преступления, по закону подлежащие не сословному крестьянскому, а коронному суду: грабежи, мошенничество, растления и изнасилования². В арсенале «воспитательных» и репрессивных мер волостного суда были внушения (предупреждения), денежные штрафы, кратковременные аресты с содержанием в каталажной камере при волостном правлении, назначение на общественные работы и розги (до полной отмены в 1905 г. телесных наказаний). Все эти меры применялись судами довольно активно.

Анализ документации волостных судов показывает, что основную массу рассмотренных дел – до 2/3 и более – составляли здесь не уголовные, а денежные и имущественные гражданские иски. Криминальные поступки, наиболее часто фигурирующие в книгах для записи решений волостных судов — оскорбления словом и действием, а затем кражи, пьянство и дурное поведение, драки и побои, разбитие окон. Немало было «семейных» дел о неповиновении родителям, о «нескромной жизни», «нерадении к труду» и т. д.³

Добрачные связи, а также половые отношения не состоящих в браке крестьян как таковые волостными судами не преследовались, если не афишировались самими любовниками и потому не могли служить «соблазном» для населения. Только изредка случалось, что сельский сход или волостной суд требовал от парня, надругавшегося над девушкой, жениться на ней или давать содержание забеременевшей, а позднее — ребенку; или слишком явно «гуляющей» девице приказывали выйти за кого-нибудь замуж. Чаще возбуждались дела о «развратной» жизни семейных крестьян. Суды поступали здесь в зависимости от степени доказанности вины, вредности вскрытых отношений для общественной нравственности. Наказания варьировались в широком диапазоне, но при этом просматривается гораздо более строгое отношение к проступкам жен, а не мужей. Открытая проституция и сводничество, создававшие «соблазны» и для молодых парней, и для почтенных глав семейств, наказывались общественными работами, розгами для своих односельчанок и высылкой из селения посторонних жительниц.

Очень сложными для судей бывали разбирательства в семейных ссорах. В принципе суды

---

¹ Костров Н. А. Юридические обычаи... С. 112—113.

² См.: Ван-Сесля. Пятилетие волостного суда // ВО. 1889. 3 дек.

³ Подсчитано по источникам: ГААК, ф. 182, от. 1, д. 54, 55; ГАИО, ф. 143, оп. 1, д. 143, 145; ГАКК, ф. 244, оп. 1, д. 723; ф. 630, оп. 1, д. 54; ГАТО, ф. 62, оп. 1, д. 113; ГАЧО, ф. 294, оп. 1, д. 15; Акципетров П. Народные проступки // Алтай. С. 185–188; Волостной суд // Сибирь. 1886. 9 нояб.

всячески старались разрешить их примирением сторон. При запутанных обстоятельствах иногда оставляли взаимные претензии сторон без разрешения или наказывали сразу всех. В случае очевидных частых сильных избиений жены виновные муж, свекор или свекровка наказывались, но не очень строго, с них также брали подписки в том, что побои прекратятся. Часто суды считали нужным сделать специальное внушение «жене, чтобы она вела жизнь добропорядочную и к мужу своему была бы покорна, как требует того супружеская обязанность, а мужу, чтобы он имел с женою своею супружеский союз»; чтобы муж «по возможности жил с истицею в мире и согласии, и к этому, а также к почтению научал детей своих»¹.

Если жена или муж, а тем более сразу оба супруга категорически настаивали на нежелании жить вместе, то из опасения, «не вышло бы какого ни на есть греха» суды вынуждены бывали сделать так: проводился раздел имущества и супруги получали возможность проживать раздельно. Особо в таких случаях оговаривались условия пропитания и воспитания совместных детей. В качестве примера приведем выдержку из приговора Уриковского волостного суда Иркутского уезда от 8 июля 1902 г. по жалобе жительницы с. Лыловского Мартемьяны Ишимцевой на мужа: «Имея в виду, что оба из супругов заявили, что продолжать совместную жизнь они не согласны, между тем, принимая во внимание, что они имеют пять малолетних детей, которые требуют воспитания и содержания, суд постановил: обязать крестьянина Сергея Ишимцева ... не стеснять своей жены и предоставить ей свободное проживание, просительница же впредь до совершеннолетия детей должна проживать в доме и пользоваться коровой, кроме этого, Сергей Ишимцев должен выдавать ей на воспитание по три рубля в месяц, если же Ишимцев пожелает жить в своем доме с женою, то должен иметь особое содержание и жены своей более ни в чем не стеснять, под опасением взыскания...»².

По мере развития элементов дезорганизации семейной жизни все больше глав домохозяйств приносило жалобы волостному суду на «непочтение», даже на побои со стороны выросших детей, а те, в свою очередь, жаловались на родительские обиды и притеснения. Вес одних и других жалоб в глазах судей-крестьян был совсем разный. В отличие от претензий молодежи обращения родителей, особенно матери, обычно встречали полное доверие: «Раз родители жалуются, значит, дети неправы», «Мать из-за нас болезнь принимает, смертность, от этого и в пословице говорится про мать: “Чужой век понеси, а свой положи”...»³. Оскорбление родителей словом или действием наказывалось сурово: арестом на 7 суток или розгами — до 20 ударов. Еще виновного обязывали просить прощения у

---

¹ ГАИО, ф. 143, оп. 1, д. 145, л. 50–51; *Костров Н. А.* Юридические обычаи... С. 26–27.

² ГАИО, ф. 143, оп. 1, д. 145, л. 50–51.

³ РГИА, ф. 1344, оп. 159, д. 3565, л. 3–4, 10; *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи... С. 176.

обиженных и впредь относиться к матери или отцу «с должным почтением»¹.

Местные обычаи признавали за отцом право прибавить к наказанию волостного суда еще и свое (например, дополнительные удары розгами). Дополнительная отцовская порка случалась при осуждении молодых людей не только за неповиновение родителям, но и за другие проступки и преступления. «На то отцовская воля есть, и никто перечить ей не должен», — так считали крестьяне². Безусловно, удовлетворялись участвовавшие судебные иски родителей к детям о предоставлении на старости лет питания, денег, одежды, крыши над головой. Предписывалось отца и мать содержать, «не нанося обиды, и по смерти предать земле по христианскому обряду»³.

Пьянство тоже наказывалось волостным судом, но не столько само по себе (его считали скорее несчастием, баловством и лишь в хроническом виде — пороком и болезнью), сколько как причина и отягчающее вину обстоятельство при различных других проступках и криминалах. Характерна формулировка в приговоре Кударинского волостного суда Забайкальской обл. от 13 сентября 1887 г. по делу Егора Хамуева: «... за нанесение оскорблений на словах купцу Альперину, а также за злообычное пьянство ... подвергнуть наказанию розгами двадцатью ударами...»⁴. Крайним способом борьбы с «частовременным» пьянством и сопутствующим ему девиантным поведением, который применялся волостными судами, в частности, у староверов Забайкалья, было выставление виновного у позорного столба на один-три дня для всеобщего осмеяния и поругания⁵.

При разборе дел о хулиганстве, воровстве, мошенничестве суд иногда подвергал наказанию не только молодых виновников, но также их родителей, если они допускали «понаровку» дурному поведению отпрысков или «подучивали» их к преступлению. Когда серьезный проступок совершал несовершеннолетний, то могли наказать одного лишь главу домохозяйства: он отвечал за всех младших, неотделенных членов двора. Эта ответственность проявлялась и в другом: домохозяева защищали в волостных судах честь и достоинство своих «домашних», чаще всего жен и дочерей. Оскорбивший «малолетку» иногда был обязан по приговору испрашивать прощения у ее отца или другого старшего родственника.

Многие волостные суды проявляли явную озабоченность распространением антисоциального поведения. Они старались ужесточить наказания, «принимая во внимание, что молодежь не имеют за собой никакого удержа, и хулиганство их раз от раза принимает более широкие размеры»⁶. Еще и еще раз добавляли к приговорам назидательные

---

¹ ГАЧО, ф. 294, оп. 1, д. 15, л. 15–16; Чудновский С. Л. Очерки... № 7. С. 57–58; Загоскин М. В. Ответы на программу... С. 125; и др.

² Костров Н. А. Юридические обычаи... С. 116—117; Хроника // ВО. 1884. 2 февр.

³ ГАИО, ф. 143, оп. 1, д. 145, л. 54–55.

⁴ ГАЧО, ф. 294, оп. 1, д. 15, л. 18.

⁵ См.: Болонев Ф. Ф. О некоторых способах... С. 21.

⁶ ГАКК, ф. 630, оп. 1, д. 4, л. 32.

формулировки-внушения нарушителям, «чтобы они на будущее время подобного рода проступков не имели права производить»¹.

Со временем в сибирских деревнях росло количество серьезных преступлений, подсудных не волостному, а коронному уголовному суду — мировому, окружному. Здесь возбуждались дела о крупных кражах, грубых нарушениях благочиния и благоустройства, о преступлениях против порядка управления, веры и церковных установлении. Здесь рассматривались случаи преждевременного рождения детей и выкидышей от побоев мужей, о ранах и увечьях, убийствах. Сюда же восходила часть дел о злоупотреблении родительской властью и о преступлениях детей против родителей, супругов против брачного союза и др. И представители администрации, и обследовавшие сельский быт наблюдатели, и сами крестьяне единодушно отмечают «крайне скептическое», «недоверчивое» отношение крестьянства Сибири к чиновничьему следствию и суду, стремление по возможности избегать его «неправедного» и «корыстного» вмешательства даже в серьезных случаях².

Доверие своим крестьянским (волостным) судам было немногим выше, ведь и данная инстанция слишком часто доказывала свою неэффективность и пристрастность. В таких условиях сельчане вынуждены были или предпочитали действовать неправовыми методами и устраивали самосуд. Особенно часто самосуду подвергали конокрадов из числа посторонних лиц, пойманных с поличным. Установилась даже своеобразная традиция: конокрадов жестоко избивали на месте преступления или, приведя в селение на сходку, случалось даже — тут же убивали или закапывали в землю живыми³. Самочинная расправа следовала иногда и за другими видами злостных краж, при борьбе с притондержательством и т. д.

В целом большинство крестьян было озабочено наметившимися в конце XIX — начале XX вв. элементами дезорганизации общинной и семейной жизни, серьезными трудностями в воспитании детей, распространением девиантного поведения подростков и молодежи. Поскольку применявшиеся меры профилактики и борьбы с аморальными и противоправными проявлениями в деревнях не приносили желаемого успеха, активизировалось обсуждение вопроса о **необходимости дополнительных и даже чрезвычайных мероприятий**.

В селениях было немало сторонников установления режима «сильной руки», которая навела бы порядок между «испорченными» людьми. Иногда черты такого режима видели в прошедших дореформенных порядках. Приведем характерное для таких людей мнение, витиевато высказанное в 1885 г. жителем волостного села Теплодубровка Ишимского окр. Тобольской губ. И. С. Родионовым в его письме редакции «Московских ведомостей»: «Очень

---

¹ Чудновский С. Л. Очерки... № 10. С. 204.

² ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 260; МКМ, оп. 1а, д. 52, л. 14–15; Чудновский С. Л. Очерки... № 10. С. 215; и др.

³ ГАТО, ф. 3, оп. 74, д. 5811, л. 385; НГПИ, д. 5, л. 92–93; *Материалы для изучения ... Западной Сибири*. 1889. Вып. 3. С. 365; *Хроника сибирской жизни* // ВО. 1888. 11 дек.; и др.

хорошо бы было и, как видно, народ ... того только и дожидается — как прежде сего за их (нарушителей общественного порядка. — В. З.) грубость, упорство и своеобразие почти постоянно садили под арест и секли розгами по постановлениям установленных властей и без всяких дальнейших процессий, тогда, само собой разумеется, этот заgrубелый безнравственный народ сразу понимал (и ныне понял бы), в чем суть: всячески, дескать, надобно повиноваться старосте и старшине, не говоря уже о высших властях...»¹.

На иных позициях находились те сельские жители, которые свои надежды связывали с улучшением экономического и правового положения крестьянства, с развитием национальной и региональной культуры. Упомянутый нами крестьянин Минусинского окр. Енисейской губ. Ф. Ф. Девятов в одном из своих писем в газету от имени земляков высказывает пожелание, «чтобы народное образование в Сибири развивалось в высоту и глубину, чтобы росли не только средние заведения с университетом во главе, но чтобы множились и низшие школы — фундамент широкого народного образования. Если университет даст нам справедливого судью ... дальновидного прокурора ... красноречивого защитника ... расторопного и старательного судебного следователя ... то народное сельское училище предупредит и не допустит совершения многих преступлений, так как большая часть преступлений суть прямые следствия народного невежества»². Представители крестьян в Мариинском уездном Комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Томская губ.) «упорно поддерживали» предложения о всеобщем школьном образовании детей в возрасте 8—12 лет. «Это распоряжение обязательной отдачи детей в школу, по мнению членов-крестьян, не только принудило бы всех обучать своих детей, но и направило бы крестьянскую молодежь на добрый путь и не допустило бы той испорченности и распущенности, которые ныне существуют между крестьянскими подростками», — говорится в документах комитета³.

Многие сельчане считали: отвлечение молодых людей от хулиганства и пьянства невозможно без развития сети культурно-просветительных учреждений, распространения разумных развлечений. Отвечая в 1916 г. на один из вопросов анкеты Енисейского акцизного управления, 653 респондента из разных мест губернии заявили о желании населения иметь общественную библиотеку и 357 — кинематограф, 282 — построить народный дом; в 278 анкетах высказано стремление устраивать в селениях народные спектакли, в 255 — обучать детей музыке и пению. Кроме указанных мер «большую пользу в упорядочении крестьянской жизни и отвлечении от безобразий деревенской жизни», по мнению респондентов, могло бы принести создание новых школ и ремесленных училищ, покупка «волшебных» фонарей,

---

¹ ОР РГБ, к. 542, п. 86, № 36, л. 2.

² Цит. по: *Хроника* // ВО. 1887. 16 янв.

³ *Труды местных Комитетов...* Т. 56. С. 274—275.

учреждение потребительских лавок, кредитных обществ и т. п.¹

Диапазон предлагаемых мер, как видим, был довольно широк. Во время обсуждения законопроектов о борьбе с хулиганством и пьянством в 1912—1914 гг. некоторые сельские сходы и волостные правления Тобольской и Иркутской губерний не видели необходимости в каких-либо преобразованиях: «В нашем обществе пьянства и хулиганства нет...», «Пьянства у нас сильного не предвидится, и остановить совсем не пить трудно...»². Другие же, и таковых было гораздо больше, считали необходимыми и возможными одно или сразу несколько из следующих мероприятий: 1) прекращение ссылки в Сибирь; 2) усиление репрессивного законодательства по отношению к самогоноварению, злостному пьянству и хулиганству; 3) дальнейшее увеличение штатов общественной полиции, введение «освобожденной» должности полицейских стражников в крупных селениях; 4) упорядочение торговли спиртными напитками (с августа 1914 г. поддерживается «сухой» закон); 5) организация разумных развлечений, «которые служили бы к облагорожению нравов» населения; 6) учреждение обществ трезвости, организация церковных проповедей, лекций о вреде пьянства; 7) улучшение образования и воспитания юношества усилиями семьи, сельского общества и официальной школы³.

Последнее из перечисленных предложений встречается довольно часто и формулируется, например, жителями Ишимского уезда Тобольской губ. следующим образом: «... признаем желательными мерами: главным образом внушение старшими членами и главами семьи — молодым, чтобы они старались или совсем не пить вино, или выпивать, но в редких уважительных случаях и в умеренном количестве» (Меньшиковское сельское общество Армизонской вол.); «... давать строгие внушения всем сельским сходом отцам пьянствующей молодежи, и которые чтобы принимали меры воспрепятствовать пьянствовать своим сыновьям; а в противном случае призывать на сельский сход и самую молодежь для обличения в таких порочных поступках, но одному сельскому старосте принимать меры против пьянства молодежи невозможно ввиду того, что молодежь питает большую злобу на старосту...» (Снегиревское общество той же волости); «Воздерживать своих детей и молодежь от пьянства и неприличных действий, обучать таковых к высшим наукам и содержать, как подобает, в духе православной веры» (жители д. Баировой Кутырлинской) вол.)⁴.

Анализ ситуации в годы Первой мировой войны показывает, что проблема аморального, делинквентного и криминального поведения части подростков и молодежи так и не была решена в сельской местности Сибири. Более того, она продолжала обостряться. Это можно

---

¹ Подсчитано по источнику: *Юрьев А. Я.* Как отразилось запрещение... С. 40—45.

² ТФ ГАТюМО, ф. 335, оп. 1 (604), д. 11, л. 54, 59, 202, 212, 217 и др.

³ Там же, д. 11; ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 137.

⁴ ТФ ГАТюМО, ф. 335, оп. 1 (604), д. 11, л. 25, 59, 62, 122, 179, 188 и др.

считать объективным свидетельством существования серьезных «сбоев» в деле социализации, часто сводивших на нет огромные усилия крестьянства по трудовому, нравственно-этическому, эстетическому воспитанию, семейно-общинному и школьному образованию подрастающих поколений сельских тружеников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большая группа российских историков совместно с экономистами, демографами, этнологами, представителями других общественных наук занимается сейчас комплексным изучением исторического опыта освоения восточных окраин нашей страны. Развернувшаяся широкомасштабная работа неизбежно сопровождается уточнением и развитием первоначально выработанной программы. Опыт нашего исследования, результаты которого представлены в данной монографии, показывает, что намеченный в программе предмет изучения — «факторы, тенденции и этапы формирования, развития и использования социального потенциала Сибири»¹ — может быть представлен полнее, благодаря включению в него также **способов воспроизводства** экономического, демографического, общественно-политического и духовного (культурного) потенциалов на всех исторических этапах.

Для того, чтобы глубоко осмыслить эти способы, необходимо дополнить анализ развития общества как естественноисторического, независимого от воли и сознания конкретных людей процессом рассмотрением исторического прогресса как **проявления и результата жизненной активности людей**². В работах, выполненных в рамках такого подхода, на первый план выйдет изучение технологического содержания и общественной формы хозяйственной практики (именно она является важнейшим способом воспроизводства использования экономического потенциала региона), социальной активности (она приводит к развитию общественно-политического потенциала), познавательной и социализирующей активности как одного из способов формирования и использования культурного потенциала, а также демографического поведения, в результате которого возобновляется и изменяется социально-демографический потенциал. Иначе говоря, должно активизироваться изучение различных сторон *образа жизни людей* — отдельных личностей, малых и больших социальных групп, общества в целом.

Уже имеющиеся в историографии исследования показывают, что во второй половине XIX — начале XX вв. русское крестьянство Сибири вело весьма многогранный образ жизни. Можно говорить о его «полноте» в том смысле, что в нем реально были представлены и в достаточной степени сбалансированы все теоретические мыслимые формы жизненной активности; при этом важное место принадлежало демографическому поведению и социализирующей деятельности. Думается, что это один из тех позитивных принципов образа жизни, которые в условиях последующего переустройства жизненного уклада деревни были в

---

¹ *Целевая* научно-исследовательская программа «Исторический опыт освоения Сибири»: Проект /Алексеев В. В. и др. Новосибирск, 1986. С. 13.

² О принципиальной взаимосвязи и различиях естественноисторического (объективно-системного, формационного) и деятельностного (субъективно-деятельностного) подходов к изучению исторического процесса см.: *Келле В. Ж., Ковальзон М.*

значительной степени утрачены и должны быть теперь восстановлены на качественно иной основе.

Представленные в монографии материалы показывают, что существовала тесная *взаимосвязь между объективными условиями, в которых протекала жизненная активность крестьянства, и самим образом жизни*. Условия (факторы) жизни — природные и географические, социальные, культурологические и информационные — более или менее адекватно отражались в индивидуальном, групповом и общественном сознании крестьянства, т. е. определяли основные параметры его мировосприятия. На основе менталитета формировалась культура жизни — создавались или воспроизводились программы поведения, отыскивались средства их реализации. Программы осуществлялись в повседневном поведении (образе жизни), либо пересматривались с учетом изменения обстановки. При этом нужно учесть, что в своем образе жизни субъект, обладающий сознанием, всегда был относительно автономен в большей или меньшей степени от внешних факторов своего поведения; воздействие последних в большинстве случаев опосредовалось ментальностью и культурой субъекта. Очерченный здесь механизм действовал и в той сфере образа жизни крестьянства, в рамках которой осуществлялось воспроизводство населения — физическое и социокультурное возобновление поколений сельских жителей. Существовала и обратная связь условий и образа жизни. Так, в процессе воспроизводства населения крестьянство формировало социально-демографическую и культурно-информационную среду, оказывало на нее сохраняющее, реформирующее и транслирующее воздействие.

Можно констатировать, что в русской деревне Сибири второй половины XIX — начала XX вв. **господствовал традиционный тип образа жизни** людей в целом, воспроизводства населения в частности, сформировавшийся в предшествующую историческую эпоху. Демографическое и социализирующее поведение в основном осуществлялось по устойчивым образцам, сложившимся у предков и передававшимся потомкам вне критического осмысления этих образцов. При традиционной модели поведения отдельный крестьянин, различные сельские сообщества были субъектами демографических и социокультурных процессов лишь в малой степени. Можно с оговорками, без абсолютизации согласиться с историком Б. Н. Мироновым, писавшим о русском крестьянине изучаемой эпохи, что тот «являлся всего лишь пассивным исполнителем “воли” социально-экономических (а также других социальных, культурных, природных. — В. З.) законов, вследствие чего воспроизводство крестьянства было стихийным процессом»¹.

Наиболее яркими традиционными проявлениями в демографическом поведении

Я. Теория и история. М., 1981. С. 60–62, 284–286.

¹ *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX вв. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 100.

крестьянства были: преимущественное право родителей на выбор брачных партнеров для «возросших» детей, очень высокий уровень брачности населения, рождение отпрысков исключительно в законном браке и третирующие внебрачных детей, отсутствие искусственного регулирования рождаемости, ориентация на сохранение жизни и здоровья двух-трех детей до их совершеннолетия для «замены» отца с матерью «на хозяйстве» и обеспечения родителей в старости, психофизическое развитие молодого поколения через первоначальный физический уход за младенцем, игру, повседневное участие в трудовой деятельности. В области социализирующего поведения традиционным являлся его «внеинституционный» характер: социализация молодежи осуществлялась преимущественно в формах самой повседневной жизни — деятельности и общения в семье и сельском сообществе. Важная традиционная черта — нерасчлененность процессов образования, воспитания, профилактики девиантного поведения и регулирования его слабых форм.

В той степени, в какой традиционная модель «воспроизводственного» поведения соответствовала внешним условиям жизни, это поведение можно считать эффективным. Оно обеспечивало необходимый для сельской местности колонизируемой аграрной окраины высокий уровень естественного прироста населения, благоприятный и перспективный с экономической и демографической точек зрения половозрастной состав жителей. Кроме того, обеспечивалось успешное приобщение молодых к тем знаниям, практическим умениям и навыкам, что были веками накоплены крестьянством. Формировались поколения, вступающие в самостоятельную жизнь с удовлетворительным, в целом, состоянием физического развития, телесного и психического здоровья, развитые в эмоциональном и волевом отношениях. Перенимались большинством молодых людей такие позитивные качества предков — старожилов Сибири, как способность к длительному упорному труду в неблагоприятных природно-климатических условиях, самостоятельность и инициативность, внутреннее достоинство, этническая и религиозная терпимость, восприимчивость к полезным нововведениям в хозяйстве и т. д. С большими потерями, но в целом успешно осуществлялось переселение крестьян из Европейской России за Урал, а затем «осибирячивание» новоселов — процесс, в котором сочетались межпоколенная и межтерриториальная трансляция ментальных, культурных и поведенческих образцов. Многие элементы традиционной системы доказали свою жизнеспособность в условиях капиталистической эпохи, могли бы сохраниться в трансформированном виде и в последующие времена, еще долго выполнять свою «воспроизводственную» и стабилизирующую роль.

В целом же в обстановке гораздо более динамичного, чем при феодализме, развития общества традиция как основной механизм воспроизводства населения становилась все менее эффективной и изживала себя. Устаревало и содержание многих культурных — брачных и

семейных, санитарно-гигиенических и народно-медицинских, педагогических, этических и обычно-правовых норм. Новая непривычная информация и необычные образцы поведения приходили из городов, с линий крупных транспортных магистралей, из прочих мест активизирующихся контактов крестьянства с представителями иной социальной среды. Усложнение задач социализации потребовало создания и распространения специальных институтов для образования и воспитания детей, в первую очередь – начальных общеобразовательных школ. Осознание ценности отдельной человеческой жизни способствовало усиленному развитию и сети медицинских учреждений в сельской местности.

В период 1861 — середины 1890-х гг. складывались предпосылки радикального преобразования менталитета, культуры и образа жизни крестьянства Сибири. В конце XIX — начале XX вв. наряду с этим появились **первые признаки модернизации** — перехода от традиционного к современному, или «рациональному» типу образа жизни и воспроизводства населения. В сфере демографического поведения к таким признакам можно отнести стремление вступать в брак не по произволу родителей, а по любви и в оптимальном возрасте, выделиться вместе с супругом из патриархического двора, где был силен произвол домохозяина, и создать собственную семью на эгалитарной основе; попытки регулировать рождаемость; обращение за необходимой помощью к врачам, фельдшерам и акушерам. В социализирующей деятельности — стремление получить самим и дать детям школьное образование, у грамотных — расширить круг чтения, приобщиться к достижениям науки и передовой практики посредством специальной литературы, участия в сельскохозяйственных выставках и по другим нетрадиционным каналам.

Непосредственно в зону инновационного поведения в дооктябрьский период было втянуто сравнительно небольшое количество сельских жителей, причем преимущественно молодежь, лучше осознававшая и смелее принимавшая вызов времени. Но влияние позитивного примера росло и в ряде случаев становилось преобладающим (например, при открытии в селениях по инициативе или при поддержке сельских обществ школ, внешкольных просветительных и медицинских учреждений).

Молодым «инноваторам» зачастую приходилось преодолевать сопротивление довольно косной общественной среды. Половинчатость и непоследовательность проводившихся властями буржуазных реформ, сохранение патриархальных и феодальных пережитков во всех сферах жизни села и колониальное положение восточных окраин, крайнее обострение в начале XX в. политической ситуации в стране не дали в дооктябрьский период осуществиться и даже как следует развернуться прогрессивному переходу. Складывалась атмосфера «загнивания» семейной и общинной жизни, что проявлялось ярче всего в развитии антисоциальных форм девиантного поведения молодежи и подростков, особенно пьянства и

связанного с ним хулиганства, нередко перераставшего в криминальное поведение.

Профилактика и регулирование антисоциального отклоняющегося поведения были заботой, прежде всего, тех же ячеек, что традиционно несли на себе тяжесть физического воспроизводства населения и его социализации. Это родительская семья и сельское общество, другие малые контактные группы — половозрастные, родственные, соседские и хозяйственные, пользовавшиеся богатым арсеналом средств народной педагогики и народной соционормативной культуры. Лишь в случае бессилия семьи и «общества» дела о хроническом аморальном и делинквентном поведении передавались в волостной или станичный суд, а о крупных преступлениях — в коронный суд.

Поведение традиционного типа лучше всего сохранялось в изучаемую эпоху в относительно изолированных, удаленных от городов, железной дороги и крупных трактов, горнорудных разработок «забочных» местностях, которых было много в Сибири. Наилучшая сохранность «досельных» традиций с их специфической религиозной окраской была характерна также для старообрядческой среды. Инновационное поведение в наибольшей степени на рубеже веков распространяется в базовом для капитализма регионе — в пригородных местностях и зоне влияния Транссибирской железной дороги, в местах наиболее интенсивного притока переселенцев из Европейской России на юго-западе Сибири.

В годы Первой мировой войны относительно нормальное эволюционное течение демографических и социокультурных процессов было нарушено в результате призыва на службу более половины мужчин зрелого возраста — женихов, мужей и отцов. Сказались также общая дестабилизация внутриволостной ситуации, падение авторитета всех институтов власти, в том числе крестьянских органов самоуправления. Элементы дезорганизации стали местами приобретать гипертрофированное выражение. Начала складываться опасность того, что ушедший в прошлое «лад» старой крестьянской традиционной жизни не сможет успешно дополниться или преобразоваться в соответствии с потребностями времени в новую слаженность, что победит «разлад» и произойдет разрыв преемственности поколений крестьянства и казачества.

Анализ ситуации показывает, что к моменту революционных потрясений 1917 г. проблема антисоциального поведения части молодежи так и не была снята в селениях Сибири. Это стало тревожным свидетельством кризисного состояния изучаемой сферы образа жизни крестьянства. Традиционный порядок воспитания и образования в новых условиях уже не мог быть столь же эффективным, как во времена феодализма, а адекватную изменившимся внешним условиям и внутренним установкам молодых людей систему социализации общество не смогло или не успело выработать и утвердить в жизни.

«Сегодняшний день не без завтрашнего», — мудро говорили сибирские крестьяне¹. Проблемы, сложившиеся в образе жизни деревни дооктябрьского периода, перешли в наследство последующей исторической эпохе. Как, впрочем, и бесценный жизненный опыт множества поколений наших предков, который и сегодня нуждается в углубленном осмыслении и каждодневном использовании. И мы, задумавшись о судьбе своего общества, скажем вслед за бабушками и дедами: сегодняшний день не без завтрашнего. Но добавим: и не без вчерашнего тоже.

---

¹ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 344, л. 5.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГО	—	Архив Русского Географического общества
АИЭ	—	Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, научный архив
ВО	—	«Восточное обозрение», газета
вол.	—	Волость
ВСОРГО	—	Восточно-Сибирский отдел РГО
ГААК	—	Государственный архив Алтайского края
ГАИО	—	Государственный архив Иркутской области
ГАКК	—	Государственный архив Красноярского края
ГАНО	—	Государственный архив Новосибирской области
ГАТО	—	Государственный архив Томской области
ГАЧО	—	Государственный архив Читинской области
губ.	—	Губерния
ЕТГМ	—	«Ежегодник Тобольского губернского музея»
ЖС	—	«Живая старина», журнал
ЗСОРО	—	Западно-Сибирский отдел РГО
ИИ	—	Институт истории Сибирского отделения РАН, сектор истории культурного строительства, коллекция воспоминаний
ИОЦДНИ	—	Иркутский областной центр документации новейшей истории
ИРЛИ	—	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, рукописный отдел
КККМ	—	Красноярский краевой краеведческий музей, отдел письменных источников
МГГА	—	Минусинский городской государственный архив
МКМ	—	Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова, научный архив
НГПИ	—	Новосибирский государственный педагогический институт, кафедра отечественной истории, коллекция материалов по истории Сибири
ОЛЕАЭ	—	Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ОПИ ГИМ	—	Государственный Исторический музей, отдел письменных источников

ОР РГБ	—	Российская государственная библиотека, отдел рукописей
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	—	Российский государственный исторический архив
РГО	—	Русское географическое общество
РЭМ	—	Российский этнографический музей, отдел рукописей
СГ	—	«Сибирская газета»
СЖС	—	«Сибирская живая старина», периодический сборник
СОРГО	—	Сибирский отдел РГО
СЭ	—	«Советская этнография», журнал
ТГВ	—	«Томские губернские ведомости», газета
ТФ ГАТюмО	—	Государственный архив Тюменской области, Тобольский филиал
ЧОМ	—	Читинский областной краеведческий музей, научный архив